

Н. Бельтовъ.

КЪ ВОПРОСУ

О РАЗВИТІИ

МОНИСТИЧЕСКАГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ

Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп.

Audiatur et altera pars.

Получивши эту книгу в.в. за
будет уплачено в.в. и в.в. и в.в.
стоимость — 15 рублей.

Пол. секр. К. В. В. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

1187
5443
СТУДЕНТСКАЯ
ИНЖЕНЕР. БИБЛИОТ.
ПОЛ. В. В. В. В.

2004

253

1875

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Глава I. Французскій матеріалізм XVIII вѣка.	1— 12
Глава II. Французскіе историки времени реставраціи.	13— 29
Глава III. Утописты.	30— 67
Глава IV. Идеалистическая нѣмецкая философія.	68—116
Глава V. Современный матеріалізм.	117—243
Заключеніе.	244—279
Приложеніе. Еще разъ г. Михайловскій, еще разъ «триада».	280—288

или другой организаціей человѣческаго или вообще животнаго *тѣла*. Всѣ тѣ философы, въ глазахъ которыхъ первичнымъ факторомъ является *матерія*, принадлежатъ къ лагерю *материалистовъ*; всѣ же тѣ, которые считаютъ такимъ факторомъ *духъ* — *идеалисты*. Вотъ все, что можно сказать о материализмѣ вообще, о «материализмѣ въ обще-философскомъ смыслѣ», такъ какъ время возводило на его основаніи самыя разнообразныя надстройки, которыя придавали материализму одной эпохи совершенно иной видъ сравнительно съ материализмомъ — другой.

Материализмъ и идеализмъ исчерпываютъ важнѣйшія направленія философской мысли. Правда, рядомъ съ ними почти всегда существовали тѣ или другія *дуалистическія* системы, признававшія *духъ* и *матерію* за отдѣльныя самостоятельныя *субстанции*. *Дуализмъ* никогда не могъ отвѣтить удовлетворительно на пеззобѣжный вопросъ о томъ, какииъ образомъ эти двѣ отдѣльныя субстанции, не имѣющія между собою ничего общаго, могутъ вліять одна на другую. Поэтому наиболѣе послѣдовательные и наиболѣе глубокіе мыслители всегда склонялись къ *монизму*, т. е. къ объясненію явленій съ помощью *какого-нибудь одного основнаго принципа* (*уѣнос* — по гречески значитъ единый). Всякій послѣдовательный *идеалистъ* есть *монистъ* въ такой же степени, какъ и всякій послѣдовательный *материалистъ*. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы, на примѣръ, между Берклеемъ и Гольбахомъ. Одинъ былъ послѣдовательнымъ *идеалистомъ*, другой не менѣе послѣдовательнымъ *материалистомъ*, но и тотъ, и другой одинаково были *монистами*; и тотъ, и другой одинаково хорошо понимали несостоятельность *дуалистическаго*, до сихъ поръ едва-ли не наиболѣе распространеннаго, *міросозеринія*.

Въ первой половинѣ нашего столѣтія въ философій господствовала *идеалистическій монизмъ*; во второй половинѣ его въ *науку*, — съ которой тѣмъ временемъ совершенно слизась *философія*, — восторжествовала *материалистическій монизмъ*, далеко, впрочемъ, не всегда послѣдовательный и откровенный.

Намъ нѣтъ надобности излагать здѣсь всю исторію мате-

риализма. Для нашей цѣли достаточно будетъ рассмотретьъ его развитіе, начиная со второй половины прошлаго вѣка. Да и здѣсь намъ важно будетъ имѣть въ виду преимущественно одно,—правда, самое главное—его направленіе, т.-е. матеріализмъ Гольбаха, Гельвеція и ихъ единомышленниковъ.

Матеріалисты этого направленія вели горячую полемику съ официальными мыслителями того времени, которые, ссылаясь на едва-ли хорошо понятаго ими Декарта, утверждали, что у человѣка существуютъ извѣстныя *прирожденные*, т.-е. являющіяся независимо отъ опыта, *идеи*. Оспаривая этотъ взглядъ, французскіе матеріалисты, собственно говоря, только излагали ученіе Локка, который уже въ концѣ XVII вѣка доказывалъ, что *врожденные идеи не существуютъ* (No innate principles). Но, излагая его ученіе, французскіе матеріалисты придали ему болѣе послѣдовательный видъ, ставя точки надъ такими *і*, которыхъ Локкъ не хотѣлъ касаться въ качествѣ благовоспитаннаго англійскаго либерала. Французскіе матеріалисты были безстрашными, послѣдовательными до конца *сенсуалистами*, т.-е. они разсматривали всѣ психическія функціи человѣка какъ *видоизмѣненія ощущеній*. Безполезно проверять здѣсь, насколько въ томъ или другомъ случаѣ доводы ихъ удовлетворительны съ точки зрѣнія нынѣшней науки. Само собою понятно, что французскіе матеріалисты не знали многого изъ того, что извѣстно теперь каждому школьнику: достаточно напомнить химическіе и физическіе взгляды Гольбаха, который былъ, однако, хорошо знакомъ съ естествознаніемъ *своего* времени. Но у французскихъ матеріалистовъ была та неоспоримая и незамѣнимая заслуга, что они мыслили послѣдовательно съ точки зрѣнія *современной имъ науки*, а это все, чего можно и должно требовать отъ мыслителей. Неудивительно то, что наука нашего времени ушла дальше французскихъ матеріалистовъ прошлаго вѣка; но важно то, что *противники* этихъ философовъ были отсталыми людьми уже по отношенію къ тогдашней наукѣ. Правда, историки философій обыкновенно противопоставляютъ взглядамъ французскихъ матеріалистовъ взглядъ Канта, котораго, разумѣется, странно было бы упрекать въ

недостаткъ знаній. Но это противопоставленіе совѣмъ неосновательно и не трудно было бы показать, что и Кантъ, и французскіе матеріалисты стояли, въ сущности, на одной точкѣ зрѣнія, но пользовались ею различно и потому приходили къ различнымъ выводамъ, сообразно съ различіями въ свойствахъ тѣхъ общественныхъ отношеній, подъ вліяніемъ которыхъ они жили и мыслили. Мы знаемъ, что это мнѣніе найдутъ парадоксальнымъ люди, привыкшіе вѣрить на слово историкамъ философіи. Мы не имѣемъ возможности подтверждать его здѣсь обстоятельными доводами, но не отказываемся сдѣлать это, если этого захотятъ наши противники.

Какъ бы то ни было, но всемъ извѣстно, что французскіе матеріалисты разсматривали всю психическую дѣятельность человѣка, какъ видоизмѣненіе *ощущеній* (*sensations transformées*). Разсматривать психическую дѣятельность съ этой точки зрѣнія значитъ считать все представленія, все понятія и чувства человѣка результатомъ *воздѣйствія на него окружающей среды*. Французскіе матеріалисты такъ и смотрѣли на этотъ вопросъ. Они безпрестанно, очень горячо и совершенно категорически заявляли, что человѣкъ со всеми своими взглядами и чувствами есть то, что дѣлаетъ изъ него окружающая его среда, т.-е., во-первыхъ—*природа*, а во-вторыхъ—*общество*. «L'homme est tout éducation» («человѣкъ цѣликомъ зависитъ отъ воспитанія») — твердитъ Гельвецій, понимая подъ словомъ воспитаніе всю совокупность общественнаго вліянія. Этотъ взглядъ на человѣка, какъ на плодъ окружающей среды, былъ главной теоретической основой *новаторскихъ требованій* французскихъ матеріалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ до такой степени зависитъ отъ окружающей его среды, если онъ обязанъ ей *всеми* своими свойствами, то онъ обязанъ ей, между прочимъ, и своими недостатками; слѣдовательно, если вы хотите бороться съ его недостатками, вы должны надлежащимъ образомъ видоизмѣнить окружающую его среду, и притомъ именно *общественную* среду, потому что природа не дѣлаетъ человѣка ни злымъ, ни добрымъ. Поставьте людей въ разумныя общественныя отношенія, т.-е. въ такія условія, при которыхъ инстинктъ самосохраненія каждаго

изъ нихъ перестанетъ толкать его на борьбу съ остальными; согласите интересъ отдѣльнаго человѣка съ интересами всего общества, и добродѣтель (*vertu*) явится сама собою, какъ самъ собою падаетъ на землю камень, лишенный опоры. Добродѣтель надо не *проповѣдывать*, а *подготавливать* разумнымъ устройствомъ общественныхъ отношеній. Съ легкой руки консерваторовъ и реакціонеровъ прошлаго вѣка мораль французскихъ матеріалистовъ до сихъ поръ считаютъ *эгоистическою* моралью. Сами они гораздо вѣрнѣе опредѣляли ее, говоря, что она всецѣло переходитъ у нихъ въ *политику*.

Ученіе о томъ, что духовный міръ человѣка представляетъ собою плодъ окружающей среды, нерѣдко приводило французскихъ матеріалистовъ къ выводамъ, неожиданнымъ для нихъ самихъ. Такъ, напримѣръ, они говорили иногда, что взгляды человѣка не имѣютъ ровно никакого вліянія на его поведеніе, и что, поэтому, распространеніе тѣхъ или другихъ идей въ обществѣ не можетъ ни на волосъ измѣнить его дальнѣйшую историческую судьбу. Ниже мы покажемъ, въ чемъ заключалась ошибочность такого мнѣнія, теперь же обратимъ вниманіе на другую сторону возрѣній французскихъ матеріалистовъ.

Если идеи *человѣка* опредѣляются окружающей его средой, то идеи *человѣчества*, въ ихъ историческомъ развитіи, опредѣляются развитіемъ общественной среды, *исторіей общественныхъ отношеній*. Слѣдовательно, если бы мы думали нарисовать картину «прогресса *человѣческаго разума*», и если бы мы не ограничились при этомъ вопросомъ—*какъ?* (*какъ именно совершалось историческое движеніе разума?*) а поставили себѣ совершенно естественный вопросъ—*почему?* (*почему же совершалось оно именно такъ, а не иначе?*), то мы должны были бы начать съ исторіи среды, съ исторіи развитія общественныхъ отношеній. Центръ тяжести изслѣдованія перенесся бы, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, въ сторону изслѣдованія законовъ общественнаго развитія. Французскіе матеріалисты вплотную подошли къ этой задачѣ, но не сумѣли не только разрѣшить ее, а даже правильно ее поставить.

Когда у нихъ заходила рѣчь объ историческомъ развитіи

человѣчества, они забывали свой сенсуалистическій взглядъ на «человѣка» вообще и, подобно всѣмъ «просвѣтителямъ» того времени, твердили, что *миръ* (т.-е. общественныя отношенія людей) *управляется мнѣнiями* (*c'est l'opinion qui gouverne le monde*)¹⁾. Въ этомъ заключается коренное противорѣчiе, которымъ страдалъ материализмъ XVIII-го вѣка, и которое, въ сужденiяхъ его сторонниковъ, распадалось на цѣлый рядъ второстепенныхъ производныхъ противорѣчiй, подобно тому, какъ банковый билетъ размѣнивается на мелкую монету.

Положенiе. Человѣкъ, со всѣми своими мнѣнiями, есть плодъ среды и преимущественно общественной среды. Это неизбѣжный выводъ изъ основного положенiя Локка: *no innate principles, нѣтъ врожденныхъ идей.*

Противоположенiе. Среда, со всѣми своими свойствами, есть плодъ мнѣнiй. Это неизбѣжный выводъ изъ основного положенiя исторической философи французскихъ материалистовъ: *c'est l'opinion qui gouverne le monde.*

Изъ этого коренного противорѣчiя вытекали, на примѣръ, слѣдующiя производныя противорѣчiя.

Положенiе. Человѣкъ считаетъ хорошими тѣ общественныя отношенiя, которыя для него полезны; онъ считаетъ дурными тѣ отношенiя, которыя для него вредны. *Мнѣнiя людей определяются ихъ интересами:* «*L'opinion chez un peuple est toujours déterminée par un intérêt dominant*» — говоритъ Скаръ («мнѣнiе даннаго народа всегда опредѣляется господствующимъ въ его средѣ интересомъ»²⁾). Это даже не выводъ изъ ученiя Локка; это простое повторенiе его словъ: «*No innate practical principles... Virtue generally approv'd: not because innate, but because profitable... Good and Evil... are nothing but Pleasure*

¹⁾ Я называю мнѣнiемъ результатъ массы распространенныхъ въ наци истинъ и заблужденiй; результатъ, обуславливающий собою ея сужденiя, ея уваженiе или презрѣнiе, ея любовь или ненависть, ея склонности и привычки, ея недостатки и достоинства, словомъ — ея нравы. Это-то мнѣнiе править миромъ». Suard, «Mélange de Littérature», Paris, An. XII, t. III, p. 400.

²⁾ Suard, t. III, p. 401.

or Pain, or that which occasions or procures Pleasure or Pain to us» («Нѣтъ врожденныхъ нравственныхъ идей... Добродѣтель одобряется людьми не потому, что она врождена имъ, а потому, что она имъ выгодна. Добро и зло... суть не что иное, какъ удовольствіе или страданіе или то, что причивяетъ намъ удовольствіе или страданіе») ¹⁾.

Противоположеніе. Данные отношенія кажутся людямъ полезными или вредными въ зависимости отъ общей системы мнѣній этихъ людей. По словамъ того же Сьюара, всенкій народъ «ne veut, n'aime, n'approuve, que ce qu'il croit être utile» («всякій народъ любитъ, поддерживаеъ и оправдываетъ лишь то, что считаетъ полезнымъ»). Слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ все опять сводится къ мнѣніямъ, которыя управляютъ міромъ.

Положеніе. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что религіозная мораль, напимѣръ, заповѣдь о любви къ ближнему, хотя отчасти содѣйствовала нравственному улучшенію людей. Такого рода заповѣди, какъ и вообще идеи, совершенно безсильны надъ людьми. Все дѣло въ общественной средѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ ²⁾.

Противоположеніе. Историческій опытъ показываетъ намъ, «que les opinions sacrées furent la source véritable des maux du genre humain», и это совершенно понятно, потому что если

¹⁾ Essay concerning human understanding, В. I, ch. 3; В. II, ch. 20, 21, 28.

²⁾ Это положеніе не разъ повторяется въ «*Système de la Nature*» Гольбаха. Его же выражаетъ Гельвецій, говоря: «допустимъ, что я распространялъ самое неаѣное мнѣніе, изъ котораго вытекаютъ самые отвратительные выводы; если я ничего не измѣнилъ въ законахъ, я ничего не измѣню и въ правахъ». «*De l'Homme*», Section III, ch. IV. Его же не разъ высказываетъ въ своей «*correspondance littéraire*» Гриммъ, долго жившій въ средѣ французскихъ матеріалистовъ, и Вольтеръ, воснавшій съ матеріалистами. Въ своемъ «*Philosophe ignorant*», какъ и во множествѣ другихъ сочиненій, «*фериейскій патриархъ*» доказывалъ, что еще ни одинъ философъ никогда не повліялъ на поведеніе своихъ ближнихъ, такъ какъ они руководствуются въ своихъ поступкахъ обычаями, а не метафизикой.

мнѣнія вообще управляютъ міромъ, то ошибочныя мнѣнія управляютъ имъ, какъ кровожадные тираны.

Легко было бы удлинить списокъ подобныхъ противорѣчій французскихъ матеріалистовъ, унаслѣдованныхъ отъ нихъ многими современными намъ «матеріалистами въ обще-философскомъ смыслѣ». Но это было бы излишне. Приглядимся лучше къ общему характеру этихъ противорѣчій.

Есть противорѣчія и противорѣчія. Когда г. В. В. противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу въ своихъ «*Судьбахъ капитализма*» или въ первомъ томѣ «*Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи*», то его логическіе грѣхи могутъ имѣть значеніе развѣ лишь какъ «человѣческой документъ»; будущій историкъ русской литературы, указавъ эти противорѣчія, долженъ будетъ заняться чрезвычайно интереснымъ въ смыслѣ общественной психологіи вопросомъ о томъ, почему они, при всей своей несомнѣнности и очевидности, оставались незамѣтны для многихъ и многихъ читателей г. В. В. Въ непосредственномъ смыслѣ противорѣчія этого писателя бесплодны, какъ извѣстная скоковина. Есть другого рода противорѣчія. Столь же несомнѣнныя, какъ и противорѣчія г. В. В., они отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что не усмиряютъ человѣческую мысль, не задерживаютъ ея развитія, а толкаютъ ее дальше и толкаютъ иногда такъ сильно, что по своимъ послѣдствіямъ оказываются плодотворителемъ самыхъ стройныхъ теорій. О такихъ противорѣчіяхъ можно сказать словами *Гегеля*: *Der Widerspruch ist das Fortleitende* (противорѣчіе ведетъ впередъ). Именно къ числу принадлежатъ противорѣчія французскаго матеріалиста XVIII-го столѣтія.

Остановимся на коренномъ ихъ противорѣчій. *Мыслия людей опредѣляются средою; среда опредѣляется мыслиями*. О немъ приходится сказать, какъ Кантъ говорилъ о своихъ «антиноміяхъ»: *положеніе* столь же справедливо, какъ и *противоположеніе*. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мнѣнія людей опредѣляются окружающей ихъ общественной средой. Такъ же несомнѣнно и то, что ни одинъ народъ не помирится съ такимъ общественнымъ порядкомъ, который про-

тиворѣчить всѣмъ его взглядамъ: онъ возстанетъ противъ такого порядка, онъ перестроитъ его по своему. Стало быть, правда и то, что мѣнія управляютъ міромъ. Но какимъ же образомъ два положенія, вѣрныя сами по себѣ, могутъ противорѣчить другъ другу? Дѣло объясняется очень просто. Они противорѣчатъ другъ другу лишь потому, что мы разсматриваемъ ихъ съ неправильной точки зрѣнія: съ такой точки зрѣнія кажется, и непременно должно казаться, что если вѣрно положеніе, то ошибочно противоположеніе, и наоборотъ. Но разъ вы найдете правильную точку зрѣнія, противорѣчіе исчезнетъ, и каждое изъ смущавшихъ васъ положеній приметъ новый видъ: окажется, что оно допознаетъ, точнѣе *обуславливаетъ* собою другое положеніе, а вовсе не исключаетъ его; что если бы не вѣрно было это положеніе, то не вѣрно было бы и *другое* положеніе, казавшееся вамъ прежде его антагонистомъ. Какъ же найти такую правильную точку зрѣнія?

Возьмемъ примѣръ. Часто говорили, особенно въ XVIII вѣкѣ, что государственное устройство всякаго даннаго народа обуславливается нравами этого народа. И это совершенно справедливо. Когда исчезли старыя республиканскія нравы римлянъ, республика уступила мѣсто монархіи. Но, съ другой стороны, не менѣе часто утверждали, что нравы даннаго народа обуславливаются его государственнымъ устройствомъ. Это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, откуда у римлянъ, напримѣръ, временъ Геліогобала явились бы республиканскія нравы? Не ясно-ли до очевидности, что нравы римлянъ временъ имперіи должны были представлять собою нѣчто совершенно противоположное старымъ республиканскимъ нравамъ. А если ясно, то мы приходимъ къ тому общему выводу, что государственное устройство обуславливается нравами, нравы—государственнымъ устройствомъ. Но, вѣдь, это противорѣчивый выводъ. Вѣроятно, мы пришли къ нему вслѣдствіе ошибочности того или другого изъ нашихъ положеній. Какого же именно? Ломайте себѣ голову, сколько хотите, вы не откроете неправильности ни въ томъ, ни въ другомъ: они оба совершенно безупречны, такъ какъ, дѣйствительно, нравы каждаго даннаго на-

рода вліяють на его государственное устройство, и въ этомъ смыслѣ являются его *причиною*, а съ другой стороны они обуславливаются государственнымъ устройствомъ, и въ этомъ смыслѣ оказываются его *слѣдствіемъ*. Гдѣ же выходъ? Обыкновенно въ такого рода вопросахъ люди довольствуются открытіемъ *взаимодѣйствія*: права вліяють на конституцію, конституція на права—все становится ясно какъ божій день, и люди, не удовлетворяющіеся подобной ясностью, обнаруживаютъ достойную всякаго порицанія склонность къ *односторонности*. Такъ разсуждаетъ у насъ въ настоящее время почти вся наша интеллигенція—она смотритъ на общественную жизнь съ точки зрѣнія *взаимодѣйствія*: каждая сторона жизни вліяетъ на всѣ остальные и, въ свою очередь, испытываютъ вліяніе всѣхъ остальныхъ. Только такой взглядъ и достойнъ мыслящаго «соціолога», а кто, подобно марксистамъ, допытывается какихъ-то болѣе глубокихъ причинъ общественнаго развитія, тотъ просто не видитъ, до какой степени сложна общественная жизнь. Французскіе просвѣтители тоже склонялись къ этой точкѣ зрѣнія, когда оцущали потребность привести въ порядокъ свои взгляды на общественную жизнь, разрѣшить одолѣвавшія ихъ противорѣчія. Самые систематическіе умы между ними (мы не говоримъ здѣсь о Руссо, у котораго вообще мало общаго съ просвѣтителями) не шли дальше. Такъ, наприимѣръ, такой точки зрѣнія взаимодѣйствія держится Монтескье въ своихъ знаменитыхъ сочиненіяхъ: «Grandeur et Décadence des Romains» и «De l'Esprit des lois»¹⁾. Это, конечно, справедливая точка зрѣнія. *Взаимодѣйствіе безусловно существуетъ между всеми сто-*

¹⁾ Гольбахъ, въ своей «Politique naturelle», стоитъ на точкѣ зрѣнія взаимодѣйствія между правами и государственнымъ устройствомъ. Но такъ какъ ему приходится тамъ имѣть дѣло съ практическими вопросами, то эта точка зрѣнія заводитъ его въ закодированный кругъ: чтобы улучшить права, надо усовершенствовать государственное устройство, и чтобы улучшить государственное устройство, надо улучшить права. Гольбахъ выводитъ изъ этого круга воображаемый, желанный всеми просвѣтителями bon prince, который, являясь какъ *deus ex machina*, разрѣшаетъ противорѣчія, улучшая и права, и государственное устройство.

ронами общественной жизни. Къ сожалѣнiю, эта справедливая точка зрѣнiя объясняетъ очень и очень немногое по той простой причинѣ, что она не даетъ никакихъ указанiй на счетъ происхожденiя *взаимодѣйствующихъ силъ*. Если государственное устройство само предполагаетъ тѣ нравы, на которые оно влѣтъ, то очевидно, что не ему обязаны они своимъ первымъ происхожденiемъ. То же надо сказать и о нравахъ: если они уже предполагаютъ то государственное устройство, на которое они взиютъ, то ясно, что не они его создали. Чтобы раздѣлаться съ этой путаницей, мы должны найти тотъ историческiй факторъ, который произвелъ и нравы даннаго народа, и его государственное устройство, а тѣмъ *создалъ и самую возможность ихъ взаимодѣйствiя*. Если мы найдемъ такой факторъ, мы откроемъ искомую правильную точку зрѣнiя, и тогда мы безъ всякаго труда разрешимъ смущающее насъ противорѣчiе.

Въ примѣненiи къ коренному противорѣчiю французскаго материализма это означаетъ вотъ что: очень ошибались французскiе материалисты, когда, противорѣча своему обычному взгляду на исторiю, они говорили, что идеи не значатъ *ничего*, такъ какъ среда значитъ *все*. Не менѣе ошибоченъ и этотъ обычный взглядъ ихъ на исторiю (*c'est l'opinion qui gouverne le monde*), объявляющiй мнѣнiя главной, основной причиной существованiя всякой данной общественной среды. Между мнѣнiями и средой существуетъ несомнѣнное взаимодѣйствiе. Но научное изслѣдованiе не можетъ остановиться на признанiи этого взаимодѣйствiя, такъ какъ взаимодѣйствiе далеко не объясняетъ намъ общественныхъ явленiй. Чтобы понять исторiю человечества, т.-е. въ данномъ случаѣ исторiю его мнѣнiй съ одной стороны и исторiю тѣхъ общественныхъ отношенiй, черезъ которыя оно прошло въ своемъ развитiи,—съ другой, надо возвыситься надъ точкой зрѣнiя взаимодѣйствiя, надо открыть, если это возможно, тотъ факторъ, который опредѣляетъ собою и развитiе *общественной среды*, и развитiе *мнѣнiй*. Задача общественной науки XIX вѣка заключалась именно въ открытiи этого фактора.

Миръ управляется мнѣніями. Но, вѣдь, мнѣнія не остаются неизмѣнными. Чѣмъ обуславливаются ихъ измѣненія? «Распространеніемъ просвѣщенія», отвѣчалъ еще въ XVII вѣкѣ *Ламонтъ-Дэ-Вэйс*. Это самое отвлеченное и самое поверхностное выраженіе мысли о господствѣ мнѣній надъ миромъ. Просвѣтителн XVIII вѣка крѣпко за него держались, дополняя его иногда меланхолическими разсужденіями о томъ, что судьба просвѣщенія, къ сожалѣнію, вообще мало надежна. Но у наиболѣе талантливыхъ изъ нихъ уже замѣтно сознаніе неудовлетворительности такого взгляда. Гельвецій замѣчаетъ, что развитіе званій подчиняется извѣстнымъ законамъ и что, слѣдовательно, существуютъ какія-то скрытыя, неизвѣстныя причины, отъ которыхъ оно зависитъ. Онъ дѣлаетъ въ высшей степени интересную, до сихъ поръ неоцѣненную по достоинству попытку объяснить общественное и умственное развитіе человѣчества матеріальными его нуждами. Эта попытка окончилась, да по многимъ причинамъ и не могла не окончиться, неудачей. Но она осталась какъ бы завѣщаніемъ для тѣхъ мыслителей слѣдующаго вѣка, которые захотѣли-бы продолжить дѣло французскихъ матеріалистовъ.

ГЛАВА II.

Французскіе историки временъ реставраціи.

«Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ, которые можно сдѣлать на основаніи изученія исторіи, это тотъ, что правительство есть самая дѣйствительная причина характера народа; что достоинства и недостатки націй, ихъ энергія или ихъ слабость, ихъ таланты, ихъ просвѣщеніе или ихъ невежество, почти никогда не бываютъ слѣдствіемъ климата или свойствъ данной расы; что природа даетъ *все вѣдь*, а правительства сохраняютъ или уничтожаютъ въ подчиненныхъ имъ людяхъ качества, которыя составляютъ первоначально общее достояніе человѣческаго рода». Въ Италіи не произошло измѣненій ни въ климатѣ, ни въ расѣ (приливъ варваровъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы измѣнить ея свойства): «и природа была та же для итальянцевъ всѣхъ временъ; измѣнились только правительства и эти перемѣны всегда предшествовали измѣненіямъ національнаго характера, или сопровождали ихъ».

Такъ оспаривалъ *Сисмонди* ученіе, ставящее историческую судьбу народовъ въ исключительную зависимость отъ географической среды¹⁾. Его возраженія не лишены основательности. Дѣйствительно, *географія* далеко не все объясняетъ въ исторіи, именно потому, что эта послѣдняя есть *исторія*, т.-е. потому что, по выраженію *Сисмонди*, правительства измѣняются, несмотря на то, что географическая среда остается неизмѣ-

¹⁾ «Histoire des Républiques italiennes du moyen âge». Nouvelle édition, t. I, Paris, Introduction, pp. V—VI.

ной. Но это мимоходом; насъ интересуетъ здѣсь совсѣмъ другою вопросомъ.

Читатель замѣтилъ уже, вѣроятно, что, сопоставляя неизмѣнность географической среды съ измѣнчивостью историческихъ судебъ народа, Сисмонди приурочиваетъ эти судьбы къ одному основному фактору: «*правительству*», т.-е. къ *политическому строю данной страны*. Характеръ народа всецѣло опредѣляется характеромъ правительства. Правда, категорически высказавъ это положеніе, Сисмонди тотчасъ же и весьма существенно смягчаетъ его: политическія перемены, говоритъ онъ, предшествовали измѣненіямъ національнаго характера, или *сопро-вождали ихъ*. Тутъ уже выходитъ, что характеръ правительства опредѣляется характеромъ народа. Но въ этомъ случаѣ историческая философія Сисмонди сталкивается съ знакомымъ уже намъ противорѣчіемъ, смущавшимъ французскихъ просвѣтителей: нравы даннаго народа зависятъ отъ его политическаго устройства; политическое устройство зависитъ отъ нравовъ. Сисмонди такъ же мало былъ способенъ разрѣшить это противорѣчіе, какъ и просвѣтители: онъ принужденъ былъ поочередно класть въ основу своихъ разсужденій то одинъ, то другой членъ этой антиноміи. Но какъ бы то ни было, разъ остановившись на одномъ изъ нихъ, именно на томъ, который гласитъ, что характеръ народа зависитъ отъ его правительства, онъ придавалъ понятію правительство преувеличенно широкое значеніе: оно охватывало у него *рѣшительно все свойства данной соціальной среды, все особенности давнихъ общественныхъ отношеній*. Точнѣе будетъ сказать, что у него рѣшительно все свойства данной соціальной среды являются дѣломъ «*правительства*», результатомъ политическаго устройства. Это точка зрѣнія XVIII-го вѣка. Когда французскіе матеріалисты хотѣли кратко и сильно выразить свое убѣжденіе относительно всемогущаго вліянія окружающей среды на человѣка, они говорили: *c'est la législation qui fait tout* (все зависитъ отъ законодательства). А когда у нихъ заходила рѣчь о законодательствѣ, они имѣли въ виду исключительно *политическое законодательство, государственныя строю*. Между сочиненіями знаменитаго Ж.

Б. Вико есть маленькая статейка, озаглавленная: «Опытъ системы юриспруденціи, въ которой гражданское право римлянъ объясняется ихъ политическими революціями»¹⁾. Хотя этотъ «опытъ» написанъ былъ въ самомъ началѣ XVIII-го столѣтія, но выраженный въ немъ взглядъ на отношеніе гражданского права къ государственному господствовалъ до французской реставраціи; просвѣтители все сводили къ «политикѣ».

Но политическая дѣятельность «законодателя» есть во всякомъ случаѣ дѣятельность *сознательная*, хотя, разумѣется, и не всегда цѣлесообразная. Сознательная дѣятельность человека не всегда цѣлесообразная. Сознательная дѣятельность человека зависитъ отъ его «*мнѣній*». Такимъ образомъ, французскіе просвѣтители незамѣтно для себя возвращались къ мысли о *всемогуществѣ мнѣній* даже въ томъ случаѣ, когда хотѣли ярко выразить мысль о *всемогуществѣ среды*.

Сисмонди стоитъ еще на точкѣ зрѣнія XVIII-го вѣка²⁾. Богѣе молодые французскіе историки держатся уже другихъ взглядовъ.

Ходъ и исходъ французской революціи съ ея сюрризами, ставившими въ тупикъ самыхъ «просвѣщенныхъ» мыслителей, явились до послѣдней степени нагляднымъ опроверженіемъ мысли о *всемогуществѣ мнѣній*. Тогда многіе совсѣмъ разочаровались

¹⁾ Мы переводимъ названіе статейки съ французскаго и слѣдимъ замѣтить при этомъ, что сама статейка известна намъ лишь по нѣкоторымъ французскимъ извлеченіямъ изъ нея. Мы не могли достать ея итальянскаго подлинника, такъ какъ она, насколько мы знаемъ, была напечатана лишь въ одномъ изданіи соч. Вико (1818 г.); ей уже нѣтъ въ шеститомномъ миланскомъ изданіи 1835 г. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ важно не то, какъ исполнилъ Вико свою задачу, а то, какую именно задачу онъ себѣ ставилъ.

Предупредимъ здѣсь кстати одинъ упрекъ, который намъ поторопятся, вѣроятно, сдѣлать догадливые критики: «мы безразлично употребляете выраженіе: «просвѣтители» и «матеріалисты», смажуть намъ, а между тѣмъ, далеко не всѣ «просвѣтители» были матеріалистами; многіе изъ нихъ, наприимѣръ, хоть Вольтеръ, горячо вставали противъ матеріалистовъ». Это такъ; но съ другой стороны, еще Гегель показавъ, что востановленіе противъ матеріализма просвѣтители сами были лишь *несомнѣтельными матеріалистами*.

²⁾ Онъ началъ работать надъ исторіей итальянскихъ республикъ еще въ 1796 году.

въ силѣ «разума», а другіе, не поддавшіеся разочарованію, стали тѣмъ болѣе склоняться къ принятію мысли о всемогуществѣ *среды* и изученію ея развитія. Но и на среду стали смотрѣть во время реставраціи съ новой точки зрѣнія. Великія историческія событія такъ насмѣялись и надъ «законодателями», и надъ политическими конституціями, что теперь уже странно казалось приурочивать къ этимъ послѣднимъ, какъ къ основному фактору, всѣ свойства данной общественной среды; теперь политическія конституціи стали разсматривать какъ нѣчто производное, какъ *слѣдствіе*, а не какъ *причину*.

«Большая часть писателей, ученыхъ, историковъ или публицистовъ, — говоритъ Гизо въ своихъ «Essais sur l'histoire de France»¹⁾, — старалась объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизаціи политическими учрежденіями этого общества. Было бы благоразумнѣе начинать съ изученія самого общества для того, чтобы узнать и понять его политическія учрежденія. Прежде чѣмъ стать причиной, учрежденія являются слѣдствіемъ; общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы о состояніи народа судить по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно быть, каково могло быть его правительство... Общество, его составъ, образъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ ихъ соціальнаго положенія, отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ, *гражданскій бытъ людей* (l'état des personnes), — такъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ жили народы, и публициста, желающаго знать, какъ они управлялись»²⁾.

Это взглядъ — прямо противоположный взгляду Вико. У того исторія гражданскаго права объясняется политическими революціями, у Гизо политическій строй объясняется гражданскимъ бытомъ, т.-е. гражданскимъ правомъ. Но французскій историкъ идетъ еще дальше въ анализѣ «общественнаго состава». По

¹⁾ Первое изданіе ихъ вышло въ 1821 году.

²⁾ «Essais», dixième édition, Paris, 1860, pp. 73—74.

его словамъ, у всѣхъ народовъ, явившихся на историческую сцену послѣ паденія западной Римской имперіи, «гражданскій бытъ» людей находился въ тѣсной связи съ *поземельными отношеніями* (état des terres), а потому изученіе ихъ поземельныхъ отношеній должно предшествовать изученію ихъ гражданскаго быта: «чтобы понять политическія учрежденія, надо изучить различные слои, существующіе въ обществѣ, и ихъ взаимныя отношенія. Чтобы понять эти различные общественные слои, надо знать природу поземельныхъ отношеній» ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія Гизо и изучаетъ исторію Франціи первыхъ двухъ династій. Она является у него исторіей борьбы различныхъ слоевъ тогдашняго общества. Въ своей исторіи англійской революціи онъ дѣлаетъ новый шагъ впередъ, изображая это событіе, какъ борьбу буржуазіи противъ аристократіи, и молчаливо признавая такимъ образомъ, что для объясненія политической жизни данной страны, надо изучить не только ея поземельныя отношенія, но и всѣ ея имущественныя отношенія вообще ²⁾.

¹⁾ Ibid. p. 75—76.

²⁾ Борьба религиозныхъ и политическихъ партій Англій XVII вѣка «прикрывала собой социальный вопросъ, борьбу различныхъ классовъ за власть и вліяніе. Правда, въ Англій эти классы были не такъ рѣзко разграничены и не такъ враждебны другъ другу, какъ въ прочихъ странахъ. Народъ не забылъ, что сильные бароны боролись не только за свою собственную, но и за народную свободу. Сельскіе дворяне и городскіе буржуа въ продолженіе трехъ столѣтій вѣстѣ засѣдали въ парламентѣ именовъ англійскихъ общинъ. Но въ теченіе послѣдняго вѣка произошли большія измѣненія относительной силы различныхъ классовъ общества, не сопровождавшіяся соответственными измѣненіями въ политическомъ устройствѣ... Буржуазія, сельское дворянство, фермеры и мелкіе землевладѣльцы, очень многочисленныя въ тогдашнихъ деревняхъ, не имѣли на ходъ общественныхъ дѣлъ того вліянія, которое соответствовало бы важности ихъ общественной роли. Они выросли, но не возвысились. Отсюда въ этомъ слобѣ, равно какъ и въ другихъ слобѣхъ, лежавшихъ ниже его, явился могущественный духъ самолюбія, готовый схватиться за первый встрѣчный поводъ для своего бурнаго проявленія». Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre, Berlin, 1850, pp. 9—10.

Ср. у того же автора всѣ шесть томовъ, относящихся къ исторіи пер-

Такой взгляд на политическую историю Европы далеко не был тогда исключительной принадлежностью Гизо. Его разделяли многие другие историки, из которых мы укажем на *Огюстена Тьерри* и *Мишле*.

Въ своихъ «*Vues des révolutions d'Angleterre*» *Ог. Тьерри* изображаетъ историю английскихъ революцій какъ борьбу буржуазіи съ аристократіей. «*Всякій тотъ, чьи предки принадлежали къ числу завоевателей Англии, — говоритъ онъ о первой революціи, — покидалъ свой замокъ и ѣхалъ въ королевскій лагерь, гдѣ и занималъ положеніе, соответствующее его званію. Жители городовъ толпами шли въ противоположный лагерь. Тогда можно было сказать, что арміи собирались — одна во имя праздности и власти, другая во имя труда и свободы. Всѣ праздновающіеся, каково бы ни было ихъ происхожденіе, всѣ тѣ, которые несли въ жизни лишь достоящихся безъ труда наслажденій, становились подъ королевскія знамена, защищая интересы, подобные ихъ собственнымъ интересамъ; и наоборотъ, тѣ изъ потомковъ прежнихъ завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединялись къ партіи общинъ»¹⁾.*

Религіозное движеніе того времени было, по мнѣнію Тьерри, лишь отраженіемъ положительныхъ житейскихъ интересовъ. «*Съ обѣихъ сторонъ война велась за положительные интересы. Все остальное было внѣшностью или предлогомъ. Люди, отстаивавшіе дѣло подданныхъ, были по большей части пресвитеріанами, т. е. они не хотѣли никакого подчиненія даже въ религіи. Тѣ, которые примыкали къ противной партіи, принадлежали къ англиканскому или католическому исповѣданію; это потому, что даже въ религіозной области они стремились къ власти и къ обложенію людей налогами».* Тьерри цитируетъ при этомъ слѣдующія слова Фокса изъ его «*History of the reign*

вой английской революціи, и очерки жизни различныхъ общественныхъ дѣятелей того времени. Гизо рѣдко покидаетъ тамъ точку зрѣнія борьбы классовъ.

¹⁾ Dix ans d'Etudes historiques, шестой томъ полного собранія соч. Тьерри, изданіе десятое, стр. 66.

of James the Second»: «на всѣхъ религіозныхъ мнѣніяхъ вѣги смотрѣли глазами политиковъ. Даже ненависть ихъ къ папизму вызывалась не столько суевѣріями или такъ называемымъ идолопоклонствомъ этой непопулярной секты, сколько ея стремленіями установить абсолютную власть въ государствѣ».

По мнѣнію Мишье, «общественное движеніе опредѣляется господствующими интересами. Посреди различныхъ препятствій, это движеніе стремится къ своей цѣли, останавливается, разь она достигнута, и уступаетъ мѣсто другому движенію, которое сначала незамѣтно и обнаруживается только тогда, когда становится преобладающимъ. Таковъ былъ ходъ развитія феодализма. Феодализмъ существовалъ въ нуждахъ людей, еще не существующихъ фактически, — первая эпоха; во вторую эпоху онъ существовалъ фактически, постепенно переставая соответствовать нуждамъ, отчего прекратилось, наконецъ, и фактическое существованіе. Еще ни одна революція не совершалась другимъ путемъ»¹⁾.

Въ своей исторіи французской революціи Мишье смотритъ на событія именно съ точки зрѣнія «нуждъ» различныхъ общественныхъ классовъ. Борьба этихъ классовъ составляетъ у него главную пружину политическихъ событій. Разумѣется, такой взглядъ не могъ быть по вкусу эклектикамъ даже въ то доброе старое время, когда ихъ головы работали много больше, чѣмъ работаютъ теперь. Эклектики упрекали сторонниковъ новыхъ историческихъ теорій въ *фатализмъ*, въ пристрастіи къ *системѣ* (*esprit de système*). Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, эклектики вовсе не замѣчали дѣйствительно слабыхъ сторонъ новыхъ теорій, но зато съ тѣмъ большей энергіей нападали на ихъ безспорно сильныя стороны. Впрочемъ, это старо, какъ мѣръ, и потому мало интересно. Гораздо интереснѣе то обстоятельство, что эти новые взгляды защищала *сенъ-симонистъ Базаръ*, одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей тогдашняго социализма.

¹⁾ De la Féodalité, des Institutions de St.-Louis et de l'influence de la législation de ce prince, Paris, 1822, pp. 76—77.

Базаръ не считалъ безупречной книгу Минье о французской революціи. Ея недостаткомъ было въ его глазахъ, между прочимъ, то, что она изображаетъ описываемое событіе какъ отдѣльный фактъ, стоящій безъ всякой связи съ «той длинной цѣпью усилій, которая, свергнувъ старый общественный порядокъ, должна была облегчить установленіе новаго строя». Но въ книгѣ есть и несомнѣнные достоинства. «Авторъ задался цѣлью характеризовать тѣ партіи, которыя одна послѣ другой направляютъ революцію, обнаружить связь этихъ партій съ различными общественными классами, показать, какая именно цѣль событій ставитъ ихъ одну за другой во главѣ движенія, и какъ, наконецъ, онѣ исчезаютъ». Тотъ самый «духъ системы и фатализма», который эклектики ставили въ упрекъ историкамъ новаго направленія, выгодно отличаетъ, по мнѣнію Базара, работы Гизо и Минье отъ произведеній «историковъ-литераторовъ (т. е. историковъ, заботящихся лишь о красотѣ «стиля»), которыя, при всей своей многочисленности, ни на шагъ не подвинули впередъ историческую науку со времени XVIII вѣка»¹⁾.

Если бы Огюстена Тьерри, Гизо или Минье спросили—правды ли даннаго народа создаютъ его государственное устройство, или же, наоборотъ, его государственное устройство создаетъ его нравы, каждый изъ нихъ отвѣтилъ бы, что какъ ни велико и какъ ни безспорно взаимодѣйствіе между нравами народа и его государственнымъ устройствомъ, но въ послѣднемъ счетѣ и тѣ, и другое обязаны своимъ существованіемъ третьему, глубже лежащему фактору: *гражданскому быту людей, ихъ имущественнымъ отношеніямъ*. Такимъ образомъ, противорѣчіе, въ которомъ путались философы XVIII-го вѣка, было бы разрѣшено, и всякій безпристрастный человѣкъ призналъ бы, что Базаръ правъ, что наука дѣйствительно сдѣлала шагъ впередъ въ лицѣ представителей новыхъ историческихъ взглядовъ.

Но мы уже знаемъ, что помянутое противорѣчіе есть лишь частный случай кореннаго противорѣчія общественныхъ взгля-

¹⁾ Considérations sur l'histoire, въ IV ч. «Producteur» а.

довъ XVIII вѣка: 1) человекъ со всеми своими мыслями и чувствами есть плодъ среды; 2) среда есть созданіе человека, плодъ его «мысли». Можно-ли сказать, что новые историческіе взгляды разрѣшили это коренное противорѣчіе французскаго матеріализма? Посмотримъ, какъ объясняли себѣ французскіе историки премень реставраціи происхожденіе того гражданскаго быта, тѣхъ имущественныхъ отношеній, внимательное изученіе которыхъ одно только могло, по ихъ мнѣнію, дать ключъ къ пониманію историческихъ событій.

Имущественныя отношенія людей принадлежатъ къ области ихъ *правовыхъ* отношеній; собственность есть прежде всего правовой институтъ. Сказать, что ключъ къ пониманію историческихъ явленій надо искать въ имущественныхъ отношеніяхъ людей, значитъ сказать, что этотъ ключъ лежитъ въ учрежденіяхъ права. Но откуда же берутся эти учрежденія? Гизо совершенно справедливо говорить, что политическія конституціи были *слѣдствіемъ* прежде, чѣмъ стать причиной, что общество прежде создало ихъ, а потомъ уже стало видоизмѣняться подъ ихъ вліяніемъ. Но развѣ нельзя сказать то же самое и по адресу имущественныхъ отношеній? Развѣ они не были, въ свою очередь, *слѣдствіемъ* прежде, чѣмъ стать причиной? Развѣ общество не должно было создать ихъ прежде, чѣмъ испытать на себѣ ихъ рѣшительное вліяніе? На эти вполне резонные вопросы Гизо отвѣчаетъ въ высшей степени неудовлетворительно.

У народовъ, явившихся на историческую сцену послѣ паденія западной Римской имперіи, гражданскій бытъ стоитъ въ тѣсной причинной связи съ землевладѣніемъ¹⁾; отношеніе человека къ землѣ опредѣляло его общественное положеніе. Въ те-

¹⁾ Стало быть, *только* у первѣйшихъ народовъ? Это ограниченіе тѣмъ болѣе странно, что уже греческіе и римскіе писатели видѣли тѣсную связь гражданскаго и политическаго быта своихъ странъ съ поземельными отношеніями. Впрочемъ, это странное ограниченіе не помѣшало Гизо поставить паденіе Римской имперіи въ связь съ ея государственнымъ хозяйствомъ. См. его первый «Опытъ»: «Du régime municipal dans l'empire romain au V siècle de l'ère chrétienne».

ченіе всей эпохи феодализма всѣ общественныя учрежденія обусловливались въ послѣднемъ счетѣ поземельными отношеніями. Что же касается этихъ отношеній, то они, по словамъ того же Гизо, «первоначально, въ первое время послѣ нашествія варваровъ», опредѣлялись общественнымъ положеніемъ землевладѣльцевъ: «земля получала тотъ или другой характеръ смотря потому, въ какой степени былъ силенъ землевладѣлецъ»¹⁾. Но чѣмъ же опредѣлялось въ такомъ случаѣ общественное положеніе землевладѣльцевъ? Чѣмъ опредѣлялась «первоначально въ первое время послѣ нашествія варваровъ», бѣльшая или меньшая степень свободы, бѣльшая или меньшая степень могущества землевладѣльцевъ? Прежними политическими отношеніями въ средѣ варваровъ-завоевателей? Но, вѣдь, Гизо уже сказалъ вамъ, что политическія отношенія—слѣдствіе, а не причина. Чтобы понять политическій бытъ варваровъ въ эпоху, предшествовавшую паденію Римской имперіи, мы должны были бы, согласно совѣту нашего автора, изучить ихъ гражданскій бытъ, ихъ соціальныя строи, отношенія различныхъ классовъ въ ихъ средѣ и проч., а такое изученіе опять привело бы насъ къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣляются имущественныя отношенія людей, чѣмъ создаются существующія въ данномъ обществѣ формы собственности. И понятно, что мы ничего не выиграли бы, если бы, для объясненія положенія различныхъ общественныхъ классовъ, мы стали ссылаться на относительныя степени ихъ свободы и могущества. Это было бы не отвѣтъ, это было бы повтореніе вопроса въ новомъ видѣ, съ нѣкоторыми новыми подробностями.

Вопросъ о происхожденіи имущественныхъ отношеній едва ли даже возникалъ въ головѣ Гизо въ видѣ строго и точно поставленнаго научнаго вопроса. Мы видѣли, что не считаться съ нимъ ему было совершенно невозможно, но уже запутанность тѣхъ отвѣтовъ, которые онъ давалъ на него, свидѣтельствуютъ

¹⁾ Т.-е.—владѣніе землею имѣло тотъ или другой *правовой* характеръ, иначе сказать,—обладаніе ею было связано съ бѣльшей или мевьшей степенью зависимости, смотря по силѣ и свободѣ землевладѣльца. I. с. р. 75.

о неясности его формулировки. Въ послѣднемъ анализѣ развитіе формъ собственности объяснялось у Гизо до крайности туманными ссылками на *человѣческую природу*. Неудивительно, что этотъ чловѣкъ, котораго эклектики обвиняли въ излишней систематичности воззрѣній, самъ оказался порядочнымъ эклектикомъ, на примѣръ, въ своихъ сочиненіяхъ объ исторіи цивилизаціи.

Ог. Тьерри, разсматривавшій борьбу религіозныхъ сектъ и политическихъ партій съ точки зрѣнія «положительныхъ интересовъ» различныхъ общественныхъ классовъ и страстно сочувствовавшій борьбѣ третьяго сословія противъ аристократіи, объяснял происхожденіе этихъ классовъ и сословіи *завоеваніемъ*. «Tout cela date d'une conquête; il y a une conquête la dessous» (все это пошло со времени завоеванія; подо всѣмъ этимъ лежитъ завоеваніе),—говоритъ онъ о классовыхъ и сословныхъ отношеніяхъ у новѣйшихъ народовъ, о которыхъ у него исключительно идетъ рѣчь. Эту мысль онъ безъ устали развиваетъ на разные лады какъ въ публицистическихъ статьяхъ, такъ и въ позднѣйшихъ ученыхъ своихъ сочиненіяхъ. Но, уже не говоря о томъ, что «завоеваніе» — политическій международный актъ—возвращало Тьерри къ точкѣ зрѣнія XVIII вѣка, который объяснял всю общественную жизнь дѣятельностью законодателя, т.-е. политической власти, всякій фактъ завоеванія неизбѣжно возбуждаетъ вопросъ: почему же социальныя послѣдствія его были именно тѣ, а не иныя? Прежде нашествія германскихъ варваровъ Галлія уже пережила римское завоеваніе. Социальныя послѣдствія *этого* завоеванія были очень отличны отъ тѣхъ, которыя были вызваны завоеваніемъ *германскими*. Социальныя послѣдствія завоеванія Китая монголами очень мало похожи на социальныя послѣдствія завоеванія Англіи норманнами. Откуда берутся подобныя различія? Сказать, что они опредѣляются различіями въ социальномъ строѣ различныхъ народовъ, сталкивающихся между собою въ различныя времена, — значитъ не сказать ничего, потому что остается неизвѣстнымъ, чѣмъ же опредѣляется этотъ социальный строй. Ссылаться по поводу этого вопроса на какія-нибудь прежнія завоеванія, — значитъ вертѣться въ заколдованномъ кругу.

Сколько ни перечислите завоеваній, вы все-таки придете въ концѣ концовъ къ тому неизбѣжному заключенію, что въ общественной жизни народовъ есть какой-то *x*, какой-то неизвѣстный факторъ, который не только не обуславливается завоеваніемъ, но который, напротивъ, *обуславливаетъ собою послѣдствія* завоеваній и даже часто, а можетъ быть и всегда, и *самымъ завоеваніемъ*, являясь коренной причиной международныхъ столкновеній. Тьерри въ своей «Исторіи завоеванія Англіи норманнами» самъ указываетъ, на основаніи старыхъ памятниковъ, тѣ побужденія, которыя руководили англо-саксами въ ихъ отчаянной борьбѣ за свою независимость. «Мы должны бороться,—говоритъ одинъ изъ ихъ герцоговъ,—какова бы ни была опасность, потому что тутъ дѣло идетъ не о признаніи новаго господина... а совсѣмъ о другомъ. Предводитель норманновъ роздалъ уже наши земли своимъ рыцарямъ и всѣмъ людямъ, которые по большей части уже и признали себя за это его вассалами. Они захотятъ воспользоваться этими пожалованіями, если норманнскій герцогъ станетъ нашимъ королемъ, а онъ вынужденъ будетъ отдать въ ихъ власть наши земли, нашихъ женъ, нашихъ дочерей: все это имъ обѣщано уже заранѣе. Они хотятъ разорить не только насъ, но и нашихъ потомковъ, они хотятъ отнять у насъ землю нашихъ предковъ» и т. д. Съ своей стороны, Вильгельмъ Завоеватель говоритъ своимъ спутникамъ: «Сражайтесь храбро, убивайте всѣхъ; если мы побѣдимъ, мы всѣ разбогатѣемъ. То, что приобрѣту я, приобретете вы всѣ, что завуюю я, завуете вы; если у меня будетъ земля, будутъ земли и у васъ». ¹⁾ Тутъ какъ нельзя болѣе ясно, что завоеваніе не было само себѣ цѣлью, что «подъ нимъ» лежали извѣстные «положительные», т.-е. *экономическіе интересы*. Спрашивается, что же придавало этимъ интересамъ тотъ видъ, который они тогда имѣли? Отчего и туземцы, и завоеватели склонялись именно къ феодалному, а не къ какому-нибудь другому землевладѣнію? «Завоеваніе» ничего не объясняетъ въ этомъ случаѣ.

¹⁾ Histoire de la Conquête и т. д. Paris, t. I, pp. 295 et 300.

Въ «Histoire du Tiers Etat» того же Тьерри и во всѣхъ его очеркахъ по исторіи внутреннихъ отношеній Франціи и Англіи мы имѣемъ уже довольно полную картину историческаго движенія буржуазіи. Достаточно ознакомиться хотя бы съ этой картиной, чтобы видѣть, до какой степени неудовлетворителенъ взглядъ, приурочивающій къ завоеванію происхождение и развитіе давняго социальнаго строя: видѣть, это развитіе шло совершенно въ разрѣзъ съ интересами и желаніями феодальной аристократіи, т.-е. потомковъ завоевателей.

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что самъ Ог. Тьерри позаботился о томъ, чтобы своими историческими изслѣдованіями опровергнуть свой собственный взглядъ на историческую роль завоеваній¹⁾.

У Минье—та же путаница. Онъ много говоритъ о вліяніи землевладѣнія на политическія формы. Но отчего записать, почему развиваются формы землевладѣнія въ ту или другую сторону, этого Минье не знаетъ. Въ послѣднемъ счетѣ и у него формы землевладѣнія приурочиваются къ *завоеванію*²⁾. Онъ чувствуетъ, что и въ исторіи международныхъ столкновеній мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченными понятіями: «завоеватели», «завоеванные», а съ людьми, обладающими живою плотью, имѣющими опредѣленные права и общественныя отношенія, но и здѣсь его анализъ идетъ не далеко. «Когда два народа, живя на одной почвѣ, смѣшиваются другъ съ другомъ,—говоритъ онъ,—они утрачиваютъ свои слабыя стороны

¹⁾ Интересно, что уже сенъ-симонисты видѣли *эту* слабую сторону историческихъ взглядовъ Тьерри. Такъ, Базаръ въ цитированной выше статьѣ замѣчаетъ, что завоеваніе въ дѣйствительности оказало на развитіе европейскаго общества гораздо меньше вліянія, чѣмъ думаетъ Тьерри. «Вѣрный, понимающій законы развитія человечества, видитъ, что роль завоеванія совершенно подчиненная». Но въ этомъ случаѣ Тьерри ближе къ взглядамъ своего бывшаго учителя Сенъ-Симона, чѣмъ Базаръ: у Сенъ-Симона исторія Западной Европы съ XV столѣтія разсматривается съ точки зрѣнія развитія экономическихъ отношеній, а средневѣковый общественный строй объясняется просто какъ продуктъ завоеванія.

²⁾ См. De la Féodalité, p. 50.

и сообщаютъ свои взаимныя стороны одинъ другому»¹⁾). Это не глубоко, да и не совсѣмъ ясно.

Поставленный лицомъ къ лицу съ вопросомъ о происхожденіи нравственныхъ отношеній, важная изъ названныхъ французскихъ историковъ, времени реставраціи наизящное понимаетъ бы, подобно Бизю, вырывается изъ затрудненій съ помощью болѣе или менѣе остроумныхъ ссылкъ на «человѣческую природу».

Высказать на «человѣческую природу», какъ на высшую инстанцію, изъ которой рѣшается всѣ «важные дѣла» изъ области права, морали, политики, экономіи, было привычкой умствителенъ писателей XIX вѣка отъ просвѣтителей прошлаго столѣтія.

Если человѣкъ, при своемъ появленіи на свѣтъ, не приноситъ съ собою готоваго записки врожденныхъ «нравственныхъ идей»: если добродѣтель уважается не потому, что она врождена людямъ, а потому, что она полезна, какъ это утверждалъ Локкъ; если принципъ общественной пользы есть высшій законъ, какъ говоритъ Гельвецій; если человѣкъ есть мѣрило вещей всюду, гдѣ рѣчь идетъ о взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, то совершенно естественно умозаключить, что природа человека и есть та точка зрѣнія, съ которой мы должны судить о полезности или вредѣ, о разумности или безразумности данныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія и обсуждали просвѣтители XVIII столѣтія какъ существовавшій тогда общественный строй, такъ и тѣ реформы, которыя были для нихъ желательны. Человѣческая природа являлась у нихъ главнѣйшимъ доводомъ въ спорахъ съ ихъ противниками. До какой степени было велико въ ихъ глазахъ значеніе этого довода, прекрасно показываютъ, напр., слѣдующее разсужденіе Кондорсе: «идеи справедливости и права складываются непремѣнно одинаковымъ образомъ у всѣхъ существъ, одаренныхъ способностью ощущать и приобретать идеи. Поэтому онѣ будутъ одинаковы». Правда, бываетъ, что люди ихъ высказываютъ (*les aigissent*). «Но великій правильно разсуждающій человѣкъ такъ же неиз-

¹⁾ См. De la Féodalité, p. 212.

блжно придетъ къ извѣстнымъ идеямъ въ морали, какъ и въ математикѣ. Эти идеи представляютъ собою необходимый выводъ изъ той неоспоримой истины, что люди суть существа ощущающія и мыслящія». Въ дѣйствительности общественные взгляды французскихъ просвѣтителей не выводились, разумѣется, изъ этой, болѣе чѣмъ тощей истины, а подсказывались имъ окружающей ихъ средой: «Человѣкъ», котораго они имѣли въ виду, отличался не только способностью къ ощущенію и мышленію: его «природа» требовала очень опредѣленнаго буржуазнаго порядка (сочиненія Гольбаха заключаютъ въ себѣ какъ разъ тѣ требованія, которыя впоследствии были осуществлены Учредительнымъ Собраніемъ), она предписывала свободу торговли, невмѣшательство государства въ имущественныя отношенія гражданъ (*laissez faire; laissez passer!*)¹) и проч. и проч. Просвѣтители смотрѣли на человѣческую природу черезъ призму данныхъ общественныхъ нуждъ и отношеній. Но они не подозрѣвали, что исторія поставила передъ ихъ глазами какую-нибудь призму; они воображали, что ихъ устами говоритъ сама «природа человѣка», понятая и оцѣненная, наконецъ, просвѣщенными представителями человѣчества.

Не все писатели XVIII вѣка имѣли одинаковое понятіе о человѣческой природѣ. Подчасъ они очень сильно расходились между собою на этотъ счетъ. Но все они одинаково были убѣждены, что только правильный взглядъ на эту природу можетъ дать ключъ къ объясненію общественныхъ явленій.

Выше мы сказали, что многіе изъ французскихъ просвѣтителей замѣчали уже извѣстную законосообразность въ развитіи человѣческаго разума. На мысль объ этой законосообразности ихъ наводила прежде всего исторія литературы: «какой

¹) Правда, не всегда. Иногда во имя той же природы философы со-вѣтовали «законодателю сглаживать имущественныя неравенства!» Это одно изъ многочисленныхъ противорѣчій французскихъ просвѣтителей. Но намъ здѣсь нѣтъ до него дѣла. Намъ важно лишь то, что отвлеченная «природа человека» въ каждомъ данномъ случаѣ являлась доводомъ въ пользу совершенно конкретныхъ стремленій тѣхъ или другихъ слоевъ общества и при томъ исключительно буржуазнаго общества.

народъ, спрашивали они, не былъ прежде поэтомъ, а потомъ уже мыслителемъ?»¹⁾ Чѣмъ же объясняется такая послѣдовательность? Общественными нуждами, которыми опредѣляется даже развитіе языка, отвѣчали просвѣтители: «искусство говорить, какъ и всѣ искусства, есть плодъ общественныхъ нуждъ и интересовъ», доказывалъ аббатъ Арно въ рѣчи, только что упомянутой нами въ примѣчаніи. Общественныя нужды измѣняются, а потому измѣняется и ходъ развитія «искусствъ». Но чѣмъ же опредѣляются общественныя нужды? Общественныя нужды, нужды людей, составляющихъ общество, опредѣляются природою человѣка. Слѣдовательно, въ этой природѣ надо искать и объясненія того, а не иного хода умственного развитія.

Чтобы играть роль верховнаго мѣрила, человѣческая природа естественно должна была считаться разъ навсегда данной, неизмѣнной. Просвѣтители дѣйствительно считали ее такою, какъ это могъ видѣть читатель изъ вышеприведенныхъ словъ Кондорса. Но, если человѣческая природа неизмѣнна, то какъ-же можно объяснить ея ходъ умственного или общественного развитія человѣчества? Что такое процессъ всякаго развитія? Рядъ измѣненій. Можно ли эти измѣненія объяснять съ помощью чего то неизмѣннаго, разъ навсегда даннаго? Оттого-ли мѣняется переменная величина, что постоянная остается неизмѣнной? Просвѣтители сознавали, что — *нѣтъ*, и, чтобы выйти изъ затрудненія, указывали, что сама *постоянная* величина оказывается, въ извѣстныхъ предѣлахъ, измѣнчивой. Человѣкъ переживаетъ различные возрасты: дѣтство, юность, зрѣлое состояніе и проч. Въ эти различные возрасты нужды его неодинаковы: «Въ дѣтствѣ человѣкъ живетъ лишь чувствами, воображеніемъ и памятью; онъ ищетъ одной забавы, нуждается лишь въ пѣсняхъ и сказкахъ. Потомъ наступаетъ возрастъ страстей; душа требуетъ потрясеній и волненій. Потомъ развивается мыслительная способность, развивается разумъ, кото-

¹⁾ Гриммъ, *Correspondance Littéraire* за августъ 1774 г. Ставя этотъ вопросъ, Гриммъ только повторяетъ мысль аббата Арно, которую этотъ послѣдній развивалъ въ рѣчи, произнесенной имъ во Французской Академіи.

рый, въ свою очередь, требуетъ упражненія, дѣятельность котораго распространяется на все, что способно затронуть любознательность».

Такъ развивается отдѣльный человѣкъ; эти переходы обуславливаются его природой; и именно потому, что они въ его природѣ, они замѣчаются и въ духовномъ развитіи *всего человечества*; ими, такими переходами, объясняется то, что народы начинаютъ эпосомъ, а кончаютъ философіей¹⁾.

Легко видѣть, что подобнаго рода «объясненія», не объясняя ровно ничего, лишь придавали извѣстную картинность описанію хода умственного развитія человечества (сравненіе всегда ярче отгѣняетъ свойства описываемаго предмета). Легко видѣть также, что, давая подобныя объясненія, мыслители XVIII вѣка пращались въ уже знакомомъ намъ заколдованномъ кругу: среда создаетъ человѣка; человѣкъ создаетъ среду. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны выходитъ, что умственное развитіе человечества, т.-е., другими словами, развитіе человеческой природы, объясняется общественными нуждами, а съ другой—выходитъ, что развитіе общественныхъ нуждъ объясняется развитіемъ человеческой природы.

Это противорѣчіе не было устраниено, какъ мы видимъ, и французскими историками времени реставраціи: оно лишь приняло у нихъ новый видъ.

¹⁾ Snard, loc. cit., t. 3, p. 383.

ГЛАВА III.

УТОПИСТЫ.

Если человеческая природа неизмѣнна, и если, зная ея основныя свойства, можно выводить изъ нихъ математически достовѣрныя положенія въ области морали и общественной науки, то можно придумать такой общественный строй, который, вполне соответствуя требованіямъ человеческой природы, именно поэтому будетъ *идеальнымъ общественнымъ строемъ*. Уже материалисты XVIII вѣка охотно пускаются въ изслѣдованія на тему о *совершенномъ законодательствѣ* (*législation parfaite*). Эти изслѣдованія представляютъ собою *утопическій элементъ* въ литературѣ просвѣщенія ¹⁾).

Утописты первой половины XIX столѣтія всей душой отдаются такимъ изслѣдованіямъ.

Утописты этой эпохи всецѣло держатся антропологическихъ взглядовъ французскихъ материалистовъ. Точно такъ же, какъ материалисты, они считаютъ человѣка плодомъ окружающей

¹⁾ У Гельвеція, въ его книгѣ «De L'Homme», есть подробный проектъ подобнаго «совершеннаго законодательства». Было бы въ высшей степени интересно и поучительно сравнить эту утопію съ утопіями первой половины XIX-го вѣка. Но, къ сожалѣнію, и историки социализма, и историки философіи до сихъ поръ были чужды всякой мысли о подобномъ сопоставленіи. Что касается спеціально историковъ философіи, то они, къ слову сказать, до сихъ поръ третируютъ Гельвеція самымъ невозвѣстнымъ образомъ. Даже спокойный и умѣренный Данге не находить для него другой характеристики, кромѣ «поверхностный Гельвецій». Абсолютный идеалистъ Гегель отнесся справедливѣе всѣхъ къ абсолютному материалисту Гельвецію.

его общественной среды ¹⁾ и точно такъ же, какъ матеріалисты, они попадають въ заколдованный кругъ, объясняя измѣчивыя свойства среды неизмѣнными свойствами *человѣческой природы*.

Всѣ многочисленныя утопіи первой половины нашего вѣка представляютъ собой не что иное, какъ попытки придумать совершенное законодательство, принимая *человѣческую природу* за верховное мѣрило. Такъ, Фурье беретъ за точку отправленія анализъ человѣческихъ *страстей*; такъ, Р. Оуэнъ въ своемъ «Outline of the rational system of society» исходитъ изъ «*основныхъ принциповъ науки о челоѣческой природѣ*» («First Principles of Human Nature»), и утверждаетъ, что «раціональное правительство» должно прежде всего «опредѣлить челоѣческую природу» («ascertain what Human Nature is»); такъ, *смысл-символисты* заявляютъ, что ихъ философія основывается на новомъ понятіи о челоѣческой природѣ (*sur une nouvelle conception de la nature humaine*) ²⁾. Такъ, фурьеристы считаютъ, что придумавшая ихъ учительская общественная организація представляетъ собой рядъ неоспоримыхъ выводовъ изъ неизмѣнныхъ законовъ челоѣческой природы ³⁾.

Разумѣется, взглядъ на челоѣческую природу, какъ на верховное мѣрило, не мѣшалъ различнымъ соціалистическимъ шко-

¹⁾ «Да, челоѣкъ есть то, что дѣлаетъ изъ него всемогущее общество или всемогущее воспитаніе, принимая это слово въ самомъ широкомъ его смыслѣ, т.-е. понимая подъ нимъ не только школьное или книжное воспитаніе, но воспитаніе, даваемое намъ людьми и вещами, событиями и обстоятельствами, воспитаніе, вліяніе котораго на насъ начинается съ колыбели и не прекращается ни на минуту». Каба. Voyage en Iscarie, вид. 1848 г., стр. 402.

²⁾ См. Le Producteur, t. I, Paris 1825. Introduction.

³⁾ Mon but est de donner une *Exposition Élémentaire*, claire et facilement intelligible, de l'organisation sociale, déduite par Fourier des lois de la nature humaine». V. Considérant, Destinée sociale, t. I. 3-me édition, Déclaration.—«Il serait temps enfin de s'accorder sur ce point: est-il à propos, avant de faire des lois, de s'enquérir de la véritable nature de l'homme, afin d'harmoniser la loi, qui est par elle-même modifiable avec la nature, qui est immuable et souveraine?» Notions élémentaires de la science sociale de Fourier, par l'auteur de la Défense du Fourierisme (Henri Gosses). Paris. 1844. p. 35.

ламъ очень сильно расходиться между собой въ опредѣленіи свойствъ этой природы. Напримѣръ, по мнѣнію сенъ-симонистовъ, «планы Оуэна до такой степени противорѣчатъ склонностямъ человѣческой природы, что тотъ родъ популярности, которымъ они, повидимому, пользуются въ настоящее время (писано въ 1825 г.), кажется на первый взглядъ вещью необъяснимой»¹⁾. Въ полемической брошюрѣ Фурье «Piéges et charlatanisme des deux sectes Saint-Simon et Owen, qui promettent l'association et le progrès», можно найти не мало рѣзкихъ указаній на то, что и сенъ-симонистское ученіе противорѣчитъ всѣмъ склонностямъ человѣческой природы. Теперь, какъ и во время Кондорсе, оказывалось, что сойтись въ опредѣленіи человѣческой природы много труднѣе, чѣмъ опредѣлить ту или другую геометрическую фигуру.

Поскольку утописты XIX-го вѣка держались точни зрѣнія *человѣческой природы*, постольку они лишь повторили ошибки мыслителей прошлаго вѣка, грѣхъ, которымъ грѣшила, впрочемъ, вся современная имъ общественная наука²⁾. Но у нихъ замѣтно сильное стремленіе вырваться изъ тѣсныхъ предѣловъ отвлеченнаго понятія и опереться на конкретную почву. Замѣчательнѣе другихъ въ этомъ отношеніи работы *Сенъ-Симона*.

¹⁾ Producteur, t. I, p. 139.

²⁾ Мы уже показали это по отношенію къ историкамъ временъ реставраціи. Очень легко было-бы показать это и по отношенію къ экономистамъ. Защищая буржуазный общественный порядокъ противъ реакціонеровъ и социалистовъ, экономисты защищали его именно какъ порядокъ, наиболѣе соответствующій *человѣческой природѣ*. Усилія найти отвлеченный «законъ народонаселенія» — выходили-ли они изъ социалистическаго или буржуазнаго лагеря, тѣсно связаны были со взглядомъ на «человѣческую природу», какъ на основное понятіе общественной науки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить относящееся сюда ученіе Мальтуса съ одной стороны и ученіе Годвина или автора примѣчаній къ Д. С. Миллю — съ другой. И Мальтусъ, и его противники одинаково ищутъ единого, такъ сказать, абсолютнаго закона народонаселенія. Современная намъ политическая экономія смотритъ иначе: она знаетъ, что каждая фраза общественнаго развитія имѣетъ свой особый законъ народонаселенія. Но объ этомъ ниже.

Между тѣмъ какъ французскіе просвѣтители чаще всего смотрѣли на исторію человѣчества, какъ на рядъ болѣе или менѣе счастливо сложившихся случайностей¹⁾, Сень-Симонъ ищетъ въ исторіи прежде всего *законосообразности*. Наука о человѣческомъ обществѣ можетъ и должна стать столь же строгой наукой, какъ и естествознаніе. Мы должны изучить факты прошлой жизни человѣчества для того, чтобы открыть въ нихъ законы его *прогресса*. *Будущее* способенъ предвидѣть только тотъ, кто понялъ *прошедшее*. Ставя такимъ образомъ задачу общественной науки, Сень-Симонъ обратился въ особенности къ изученію исторіи западной Европы со времени паденія Римской имперіи. Насколько новы и широки были его взгляды, видно изъ того, что его ученикъ О. Тьерри могъ совершить чуть не цѣлый переворотъ въ разработкѣ французской исторіи. Сень-Симонъ держался того мнѣнія, что и Гизо заимствовалъ у него свои воззрѣнія. Оставляя нерѣшеннымъ этотъ вопросъ о теоретической собственности, мы замѣтимъ, что Сень-Симонъ умѣлъ дальше прослѣдить пружины внутренняго развитія европейскихъ обществъ, чѣмъ современные ему *историки-специалисты*. Такъ, если и Тьерри, и Мишле, и Гизо указывали на имущественныя отношенія, какъ на основу всего общественнаго строя, Сень-Симонъ, чрезвычайно ярко и впервые освѣтившій исторію этихъ отношеній въ новой Европѣ, пошелъ дальше, спросивъ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ упрекъ, который Гельвецій дѣлаетъ Монтескье: «въ своей книгѣ о причинахъ величія и паденія Рима Монтескье недостаточно оцѣнилъ значеніе счастливыхъ случайностей въ исторіи этого государства. Онъ впалъ въ ошибку, слишкомъ свойственную мыслителямъ, которые хотятъ объяснить все, и въ ошибку кабинетныхъ ученыхъ, которые, забывая природу людей, приписываютъ народнымъ представителямъ невозможныя политическія виды и единообразныя привычки. А между тѣмъ, часто одинъ человѣкъ руководитъ по своему усмотрѣнію этими важными собраніями, которыя называются *senatami*. «Pensées et Réflexions» CXI, въ III томѣ *Oeuvres Complètes de Helvétius*, Paris. MDCCCXVIII. Не напоминаетъ-ли это вамъ, читатель, модной теперь въ Россіи теоріи «героевъ и толпы»? Подождите: дальнѣйшее изложеніе не разъ еще покажетъ, какъ мало оригинальнаго въ русской «соціологіи».

себя: отчего же именно эти, а не какія-либо другія отношенія играютъ столь важную роль? Отвѣта надо искать, по его мнѣнію, въ *нуждахъ промышленнаго развитія*: «до XV-го столѣтія свѣтская власть находилась въ рукахъ дворянства, и это было полезно, потому что дворяне были тогда самыми способными промышленниками. Они руководили земледѣльческими работами, а земледѣльческія работы были тогда единственнымъ родомъ важныхъ промышленныхъ занятій»¹⁾. На вопросъ, почему же нужды промышленности имѣютъ такое рѣшающее значеніе въ исторіи человѣчества, Сень-Симонъ отвѣчалъ: потому, что производство есть цѣль всякаго общественнаго союза (*le but de l'organisation sociale, c'est la production*). Онъ придавалъ такое значеніе производству, что отождествлялъ *полезное* съ производительнымъ (*l'utile—c'est la production*) и категорически заявлялъ, что *la politique... c'est la science de la production*.

Казалось бы, что логическое развитіе такихъ взглядовъ должно было привести Сень-Симона къ тому выводу, что законы производства и суть тѣ законы, которыми опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ развитіе общества, и изученіе которыхъ должно составлять задачу мыслителя, старающагося предвидѣть будущее. Мѣстами онъ какъ будто приближается къ этой мысли, но только мѣстами, и только приближается.

Для производства необходимы орудія труда. Эти орудія не даются природою въ готовомъ видѣ, они изобрѣтаются человекомъ. Изобрѣтеніе и даже простое употребленіе даннаго орудія предполагаетъ въ производителѣ извѣстную степень умственнаго развитія. Развитіе «промышленности» представляется поэтому безусловнымъ результатомъ умственнаго развитія человѣчества. Кажется, что мнѣнія, «просвѣщеніе» (*lumières*) и здѣсь безраздѣльно правятъ міромъ. И чѣмъ болѣе выясняется важная роль промышленности, тѣмъ болѣе подтверждается, по видимому, этотъ взглядъ философовъ XVIII вѣка. Сень-Симонъ

¹⁾ *Opinions littéraires, philosophiques et industrielles*. Paris, 1825, p. 144—145, сравни также *Catéchisme politique des industriels*.

держится его еще рѣшительнѣе, чѣмъ французскіе просвѣтители, такъ какъ, считая поконченнымъ вопросъ о происхожденіи идей изъ ощущеній, онъ имѣетъ меньше поводовъ задумываться о вліяніи среды на человѣка. Развитіе знаній является у него очевиднымъ факторомъ историческаго движенія ¹⁾. Онъ старается открыть законы этого развитія; такъ, онъ устанавливаетъ тотъ самый законъ трехъ фазисовъ: *теологическаго, метафизическаго и позитивнаго*, который впоследствии Огюсть Контъ съ большимъ успѣхомъ выдалъ за свое собственное «открытіе» ²⁾. Но и эти законы объясняются у него въ концѣ концовъ *свойствами человеческой природы*. «Общество состоитъ

¹⁾ Сень-Симонъ доводитъ идеалистическій взглядъ на исторію до послѣдней крайности. У него не только *идеи* («принципы») являются послѣдней основой *общественныхъ отношеній*, но между идеями главная роль отводится «научнымъ идеямъ», «научной системѣ міра», изъ которыхъ вытекаютъ религіозныя идеи, въ свою очередь, обуславливающія собою *практическія понятія людей*. Это *интеллектуализмъ*, господствующій въ то же самое время и въ средѣ вѣмецкихъ философовъ, но принимающий у нихъ совсѣмъ другой видъ.

²⁾ Люттро сильно возсталъ противъ Гюббара, когда тотъ указалъ на это... замѣщаніе. Онъ приписывалъ Сень-Симону лишь «законъ двухъ фазисовъ»: теологическаго и научнаго. Флинтъ, приведя это мнѣніе Люттра, замѣчаетъ: «онъ правъ, говоря, что законъ трехъ фазисовъ не упоминается ни въ одномъ изъ сочиненій Сень-Симона» (*Philosophy of History in France and Germany, Edinburgh and London, MDCCCLXXIV, p. 158*). Мы противопоставимъ этому замѣчанію слѣдующую выписку изъ Сень-Симона: «какой астрономъ, физикъ, химикъ или физиологъ не знаетъ, что въ каждой отрасли науки человеческій умъ, прежде чѣмъ перейти отъ чисто теологическихъ идей къ позитивнымъ, долго держится метафизики? Не создается-ли у каждаго, кто занимался исторіей науки, твердаго убѣжденія въ томъ, что это промежуточное состояніе полезно и безусловно необходимо для перехода?» (*Du système industriel, Paris, MDCCCXXI, préface, pp. vj—vj*). Законъ трехъ фазисовъ имѣлъ такую важность въ глазахъ Сень-Симона, что онъ готовъ былъ объяснить имъ чисто политическія явленія, напр., господство «легистовъ и метафизиковъ» во время французской революціи. Флинту было бы нетрудно «открыть» это, прочитавши внимательно сочиненія Сень-Симона. Но, къ сожалѣнію, гораздо легче *написать ученую исторію* человеческой мысли, чѣмъ изучить дѣйствительный ходъ ея развитія.

из индивидуумов, — говорит онъ; поэтому развитіе общественнаго разума можетъ быть лишь воспроизведеніемъ развитія индивидуальнаго разума въ большемъ масштабѣ». Отираваясь отъ этого основнаго положенія, онъ считаетъ свои «законы» общественнаго развитія окончательно выясненными и доказанными всякій разъ, когда ему удастся найти въ подтвержденіе ихъ удачную аналогію въ развитіи индивидуума. Онъ утверждаетъ, наприимѣръ, что роль власти въ общественной жизни сведется со временемъ къ нулю¹⁾. Постепенное, но за то постоянное уменьшеніе этой роли есть одинъ изъ законовъ развитія человечества. Какъ же доказывается этотъ законъ? Главный доводъ въ его пользу есть ссылка на индивидуальное развитіе людей: въ нижней школѣ ребенокъ обязанъ безусловно слушаться старшихъ; въ средней и высшей элементъ послушанія постепенно отходитъ на задній планъ, чтобы окончательно уступить мѣсто самостоятельному дѣйствію въ зрѣломъ возрастѣ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на исторію «власти», всякій согласится теперь, что здѣсь, какъ и вездѣ, сравненіе не доказательство. Эмбриологическое развитіе всякаго даннаго недѣлимаго (онтогенезисъ) представляетъ много аналогіи съ исторіей того вида, въ которому принадлежитъ это недѣлимое. Онтогенезисъ даетъ много важныхъ указаній относительно филогенезиса. Но что сказали бы мы теперь о біологѣ, который вздумалъ бы утверждать, что въ онтогенезисѣ надо искать послѣдняго объясненія филогенезиса? Современная біологія поступаетъ какъ разъ наоборотъ: она объясняетъ эмбриологическую исторію недѣлимаго исторіей вида.

Апелляція къ человѣческой природѣ придавала совершенно своеобразный видъ всѣмъ «законамъ» общественнаго развитія, формулированнымъ какъ самими Севъ-Спинозомъ, такъ и его учениками.

Она заводила ихъ въ заколдованный кругъ. *Исторія человечества объясняется его природой*. Но откуда же узнаемъ мы

¹⁾ Эту мысль заимствовалъ у него впоследствии и искажилъ Прудонъ, построившій на ней свою теорію анархіи.

природу человѣка? *Изъ исторіи.* Ясно, что, вращаясь въ этомъ кругу, нельзя понять ни природы человѣка, ни его исторіи, а можно дѣлать лишь тѣ или другія отдѣльныя, болѣе или менѣе глубокія замѣчанія относительно той или другой области общественныхъ явленій. Сень-Симонъ сдѣлалъ нѣсколько тонкихъ, иногда по истинѣ гениальныхъ замѣчаній, но его главная цѣль—найти для «политики» твердую научную основу—осталась недостигнутой.

«Верховный законъ прогресса человѣческаго разума,—говорить Сень-Симонъ,—подчиняетъ себя все, надо всѣмъ господствовать; люди для него только орудія... И хотя эта сила (т.-е. этотъ законъ) исходитъ отъ насъ (*dérive de nous*), мы столь же мало можемъ избавиться отъ ея вліянія или подчинить ее себѣ, какъ измѣнить по своему произволу дѣйствіе силы, заставляющей землю вращаться вокругъ солнца. Мы только и можемъ, что сознательно подчиняться этому закону (нашему истинному провидѣнію), отдавая себѣ отчетъ въ тотъ движеніи, которое онъ намъ предписываетъ, вмѣсто того, чтобы подчиняться ему слѣпо. Замѣтимъ мимоходомъ, что именно въ этомъ и будетъ заключаться шагъ впередъ, который суждено совершить философскому сознанію нашего вѣка»¹⁾.

Итакъ, человѣчество совершенно подчинено закону своего собственнаго умственнаго развитія, оно не могло бы избѣжать его вліянія даже въ томъ случаѣ, если бы оно того пожелало. Разсмотримъ внимательнѣе это положеніе и, для наглядности, возьмемъ законъ трехъ фазисовъ. Человѣчество шло отъ теологическаго мышленія къ метафизическому, отъ метафизическаго къ позитивному. Этотъ законъ дѣйствовалъ съ силою механическихъ законовъ. Очень можетъ быть, что это и такъ, но спрашивается, какъ понимать ту мысль, что человѣчество *даже при желаніи* не могло бы измѣнить дѣйствія этого закона? Значитъ-ли это, что оно не могло бы избѣжать метафизики даже въ томъ случаѣ, если бы оно сознало преимущества позитивнаго

¹⁾ *L'organisateur*, стр. 119, 4-го тома соч. Сень-Симона, составляющаго XX томъ полнаго собранія сочиненій Сень-Симона и Анфантена.

мышления еще въ концѣ теологическаго періода? Очевидно—нѣтъ; а если нѣтъ, то не менѣе очевидно, что есть кака-то неясность въ самомъ взглядѣ Сень-Симона на законосообразность умственнаго развитія. Въ чемъ заключается эта неясность? Откуда она происходитъ?

Заключается она въ *словахъ противопоставленія закона желанію и желанію его дѣйствію*. Разъ случилось у человѣчества подобное желаніе,—оно само составляетъ фактъ изъ исторіи его умственнаго развитія, и законъ долженъ охватить этотъ фактъ, а не приходить съ нимъ въ столкновение. Пока мы допускаемъ возможность такого столкновенія, мы еще не уяснили *себѣ* самого понятія о законѣ и мы непременно попадемъ въ одну изъ двухъ крайностей: или поставимъ точку зрѣнія законосообразности и ставимъ на точку зрѣнія *желательнаго*, или совершенно упустимъ желательное, и рѣше сазать, *желаемое* людьми данной эпохи изъ нашего поля зрѣнія и тѣмъ придадимъ какому какому-то историческій отгѣнокъ, превратимъ его въ какой-то фатуль. Именно такимъ фатуломъ является «законъ» у Сень-Симона и вообще у утопистовъ, поскольку они говорятъ о законосообразности. Замѣтимъ кстати, что когда русскіе «субъективныя соціологи» оспариваютъ на зачету «личности», «жизаель» и прочія хорошия вещи, они воюютъ именно *съ утопическимъ, вѣрнымъ, неполнымъ и потому несостоятельнымъ ученіемъ о «естественномъ ходѣ вещей»*. Наши соціологи даже какъ будто и не слышали, въ чемъ заключается *современное научное понятіе о законосообразности общественно-историческаго процесса*.

Откуда вьзлась утопическая неясность въ понятіи о законосообразности? Она произошла изъ уже указаннаго нами кореннаго недостатка того взгляда на развитіе человѣчества, котораго держались утописты, да, какъ мы уже знаемъ, и не они одни. *Исторія* человѣчества объяснялась природою человѣка. Разъ дана *эта природа*, даны и законы историческаго развитія, дана, какъ сказали бы Гегель, *an sich* уже вся исторія. Человѣкъ такъ же мало можетъ вмѣшиваться въ ходъ своего

развитія, какъ мало можетъ онъ перестать быть человѣкомъ. Законъ развитія является въ видѣ провидѣнія.

Это историческій фатализмъ, являющійся въ результатѣ ученія, которое считало успѣхи знанія, — слѣдовательно, сознательную дѣятельность человѣка, — основной пружиной историческаго движенія.

Но пойдемъ дальше.

Если ключъ къ пониманію исторіи дается изученіемъ природы человѣка, то мнѣ важно не столько фактическое изученіе исторіи, сколько правильное пониманіе именно этой природы. Разъ я усвоилъ вѣрный взглядъ на нее, я теряю почти всякій интересъ къ общественной жизни, *какъ она есть*, и сосредоточиваю все свое вниманіе на общественной жизни, *какъ она должна быть сообразно природѣ человека.* Фатализмъ въ исторіи нисколько не мѣшаетъ утопическому отношенію къ дѣйствительности на практикѣ. Напротивъ, онъ содѣйствуетъ ему, обрывая нить научнаго изслѣдованія. *Фатализмъ вообще нередко идетъ рука объ руку съ самымъ крайнимъ субъективизмомъ.* Фатализмъ силенъ и рядомъ объявляетъ неотвратимымъ закономъ исторіи свое собственное субъективное настроеніе. Именно о фаталистахъ можно сказать словами Гёте:

Was sie den Geist der Geschichte nennen,
Ist nur der Herren-eigner Geist.

Сенъ-симонисты утверждали, что та доля общественнаго продукта, которая достается эксплуататорамъ чужого труда, постепенно уменьшается. Такое уменьшеніе являлось въ ихъ глазахъ важнѣйшимъ закономъ экономическаго развитія человѣчества. Въ доказательство они ссылались на постепенное пониженіе уровня *процента* и поземельной ренты. Еслибы они держались въ этомъ случаѣ пріемовъ строго-научнаго изслѣдованія, они должны были бы найти экономическія причины указываемаго ими явленія, и для этого имъ нужно было бы внимательно изучить производство, воспроизведеніе и распределеніе продуктовъ. Сдѣлай они это, они увидѣли бы, можетъ быть, что пониженіе уровня процента или даже поземельной ренты,

если оно действительно займет место, вовсе еще не доказывает уменьшения доли собственников. Тогда их эконимический «закон» получил бы, конечно, совершенно другую формулировку. Но это было не то того. Уверенность во всемогущести гниющих законов, вытекающих из природы человека, направляет работу их мысли совершенно в другую сторону. Теории, до сих пор преобладавшая в истории, видеть только усиление в будущем, говорили они; постоянное уменьшение доли эксплуататоров необходимо закончится полным ее исчезновением, т. е. исчезновением самого класса эксплуататоров. Предвидя это, мы теперь же должны придумать новые формы общественного устройства, в которых уже совсем не будет места эксплуататорам. На основании других свойств человеческой природы видно, что эти формы должны быть таковы и таковы. План общественного переустройства изготовляется очень скоро; чрезвычайно важная научная мысль о многообразности общественных явлений разрабатывается парой утонченных рецензентов...

Подобные рецепты считались тогдашними утонченными силой важной задачей мыслителя. То или другое положение политической экономии само по себе не важно. Оно приобретает значение лишь в виду тех практических выводов, которые из него вытекают. Ж. Б. Сэ спорит с Рикардо о том, чья определяется *жизненная стоимость* товаров. Очень может быть, что это — важный вопрос с точки зрения специалистов. Но еще важнее знать, чья *должна* определяться стоимость, а об этом специалисты, к сожалению, и не думают. Подумаем мы за специалистов. Человеческая природа видимо говорит нам то и то. Раз мы начинаем прислушиваться к ее голосу, мы с удивлением видим, что важный в глазах специалистов спор, в сущности, не очень важен. Можно согласиться с Сэем, потому что из его положений вытекают выводы, вполне согласные с требованиями человеческой природы. Можно согласиться и с Рикардо, потому что в его взгляды, будучи правильно истолкованы и дополнены, могут только подтверждать эти требования. Так,

утопическая мысль безцеремонно вытискивается въ тѣ научныя пренія, значеніе которыхъ остается для нея темнымъ. Такъ, образованные и богато одаренные отъ природы люди, напри- мѣръ *Анфантенъ*, рѣшали спорные вопросы тогдашней поли- тической экономіи.

Анфантенъ написалъ не мало политико-экономическихъ изслѣ- дованій, которыхъ нельзя считать серьезнымъ вкладомъ въ науку, но которыхъ нельзя и игнорировать, какъ это дѣлають до сихъ поръ историки политической экономіи и социализма. Работы *Анфантена* имѣють свое значеніе, какъ интересный фа- зисъ въ исторіи развитія социалистической мысли. Но каково отношеніе его къ спорамъ экономистовъ, достаточно показы- ваетъ слѣдующій примѣръ.

Извѣстно, что *Мальтусъ* настойчиво и, къ слову сказать, очень неудачно оспаривалъ теорію ренты *Рикардо*. *Анфантенъ* думаетъ, что истина собственно на сторонѣ перваго, а не вто- рого. Но онъ не оспариваетъ и теоріи *Рикардо*, онъ не счи- таетъ этого нужнымъ. По его мнѣнію, «всея разсужденія о при- родѣ ренты и о дѣйствительномъ относительномъ повышеніи или пониженіи части, отнимаемой собственникомъ у работника, должны были бы свестись къ одному вопросу: какова природа тѣхъ отношеній, которыя должны въ интересахъ общества су- ществовать между удѣлившимся отъ дѣль производителемъ (такъ называетъ *Анфантенъ* землевладѣльцевъ) и производителемъ активнымъ (т.-е. фермеромъ)? Когда эти отношенія станутъ извѣстны, достаточно будетъ выяснитъ тѣ средства, которыя приведутъ къ установленію такихъ отношеній; при этомъ надо будетъ принять въ соображеніе и современное состояніе обще- ства, но, тѣмъ не менѣе, всякій другой вопросъ (т.-е. помимо вопроса, поставленнаго выше,) былъ бы второстепеннымъ и только мѣшалъ бы тѣмъ комбинаціямъ, которыя должны со- дѣйствовать употребленію въ дѣло названныхъ средствъ»¹⁾.

Главнѣйшая задача политической экономіи, которую *Анфан-*

¹⁾ Въ статьѣ «*Considérations sur la baisse progressive du loyer des objets mobiliers et immobiliers*», *Producteur*, t. I, p. 564.

тенъ предпочиталъ бы называть «*философской исторіей промышленности*», заключается въ указаніи какъ взаимныхъ отношеній различныхъ слоевъ производителей, такъ и отношеній всего класса производителей къ другимъ общественнымъ классамъ. Эти указанія должны основываться на изученіи историческаго развитія промышленнаго класса, при чемъ въ основѣ такого изученія должно лежать «новое понятіе о человѣческомъ родѣ», т.-е., другими словами, о природѣ человѣка¹⁾.

У Мальтуса оспариваніе теоріи ренты Рикардо тѣсно вязалось съ оспариваніемъ очень извѣстной, какъ у насъ говорятъ теперь,—трудовой теоріи стоимости. Мало вникая въ сущность спора, Анфантенъ торопится разрѣшить его утопическимъ дополненіемъ (какъ у насъ говорятъ теперь, *поправкой*) къ ученію о рентѣ Рикардо: «Если мы хорошо понимаемъ эту теорію,—говоритъ онъ,—то слѣдовало бы, кажется, прибавить къ ней, что... работники платятъ (т.-е. платятъ въ видѣ ренты) нѣкоторымъ людямъ за отдыхъ, которому тѣ предаются, и за право пользоваться средствами производства».

Подъ работниками Анфантенъ понимаетъ здѣсь также, и даже преимущественно, фермеровъ-предпринимателей. То, что онъ говоритъ объ ихъ отношеніи къ землевладѣльцамъ, совершенно вѣрно. Но все сводится въ его «поправкѣ» лишь къ болѣе рѣзкому выраженію явленія, прекрасно извѣстнаго и Рикардо. Къ тому же, рѣзкое выраженіе это (А. Смитъ выражается подчасъ еще рѣзче) не только не рѣшаетъ вопроса ни о стоимости, ни о рентѣ, а совершенно устраняетъ его изъ поля зрѣнія Анфантена. Но для него эти вопросы и не существовали; его интересовало исключительно будущее общественное устройство; ему важно было убѣдить читателя въ томъ, что *не должна* существовать частная собственность на средства производства. Анфантенъ прямо говоритъ, что если бы не такого рода практическіе вопросы, то всѣ ученые споры о стоимости были бы простымъ препирательствомъ о словахъ. Это,

¹⁾ См. въ особенности статью «*Considérations sur les progrès de l'économie politique*», Producteur, t. IV.

такъ сказать, *субъективный методъ* въ политической экономіи.

Утописты нигдѣ прямо не рекомендовали этого «метода». Но что они были очень склонны къ нему, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что Анфантенъ упрекалъ Мальтуса (!) въ излишней *объективности*. Объективность была, будто бы, главнымъ недостаткомъ этого писателя. Кто знакомъ съ сочиненіями Мальтуса, тотъ знаетъ, что именно *объективности-то* (свойственной, [напр., Рикардо] и былъ всегда чуждъ авторъ «Опыта о законѣ народонаселенія»). Мы не знаемъ, читалъ-ли Анфантенъ самого Мальтуса (все заставляетъ думать, что, напримѣръ, взгляды Рикардо были извѣстны ему лишь по тѣмъ выпискамъ, которыя дѣлали изъ него французскіе экономисты), но если бы и читалъ, то едва-ли онъ осмѣилъ бы ихъ по ихъ истинному достоинству, едва-ли онъ сумѣлъ бы показать, что дѣйствительность противорѣчитъ Мальтусу. Занятый соображеніями относительно того, что должно было быть, Анфантенъ не имѣлъ ни времени, ни охоты внимательно вдуматься въ то, что есть. «Вы правы,—готовъ онъ былъ сказать первому встрѣчному сивофанту,—въ современной общественной жизни дѣло происходитъ какъ разъ такъ, какъ вы его описываете; но вы черезчуръ *объективны*; взгляните на вопросъ съ гуманной точки зрѣнія, и вы увидите, что наша общественная жизнь должна быть перестроена заново».

Утопическій диллетантизмъ вынужденъ дѣлать теоретическія уступки всякому болѣе или менѣе ученому защитнику буржуазнаго порядка. Чтобы загладить возникающее у него сознаніе своего безсмія, утопистъ утѣшаетъ себя, упрекая своихъ противниковъ въ объективности: положимъ, дескать, вы учите меня, но за то я добрее.

Утопистъ не опровергаетъ ученыхъ защитниковъ буржуазіи; онъ лишь дѣлаетъ къ ихъ теоріямъ «примѣчанія» и «поправки».

Подобное же, совершенно утопическое отношеніе къ общественной наукѣ бросается внимательному читателю въ глаза на каждой страницѣ сочиненій «субъективныхъ» социологовъ.

Намъ еще много придется говорить о немъ. Приведемъ пока два яркихъ примѣра.

Въ 1871 году вышла диссертация покойнаго Н. Зибера: «Теорія цѣнности и капитала Рикардо въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями». Въ предисловіи авторъ благосклонно, но только мимоходомъ, говоритъ о статьѣ г. Ю. Жуковскаго: «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» (статья эта появилась еще въ «Современникѣ» 1864 года). По поводу этого мимоходнаго отзыва г. Михайловскій замѣчаетъ: «Мнѣ пріятно вспомнить, что въ статьѣ «О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго» я отдалъ большую справедливость заслугамъ нашего экономиста. Я указалъ именно, что г. Жуковскій давно уже высказалъ мысль о необходимости возвращенія къ источникамъ политической экономіи, въ которыхъ имѣются все данныя для правильнаго рѣшенія основныхъ вопросовъ науки, данныя, совершенно извращенныя современною школьною политическою экономіей. Но я тогда же указалъ, что честь права «перваго занятія» этой идеи, оказавшейся послѣ столь плодотворной въ сильныхъ рукахъ Карла Маркса, принадлежитъ въ русской литературѣ не г. Жуковскому, а другому писателю, автору статей «Экономическая дѣятельность и законодательство» («Современникъ» 1859 г.), «Капиталь и трудъ» (1860), примѣчаній къ Миллю и проч. Кроме старшинства по времени, разница между этимъ писателемъ и г. Жуковскимъ можетъ выразиться нагляднымъ образомъ такъ. Если, напримѣръ, г. Жуковскій обстоятельно и строго-научно, даже нѣсколько педантически доказываетъ, что трудъ есть мѣра цѣнности, и что всякая цѣнность производится трудомъ, то авторъ упомянутыхъ статей, не упуская изъ виду теоретической стороны дѣла, называетъ преимущественно на логическій практическій выводъ изъ нея: будучи производима и измѣряема трудомъ, всякая цѣнность должна принадлежать труду»¹⁾).

¹⁾ Сочиненія Н. К. Михайловскаго, томъ II, изд. 2. С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 239—240.

Не нужно быть большимъ знатокомъ политической экономіи, чтобы знать, что «авторъ примѣчаній къ Миллю» совсѣмъ не понялъ той теоріи стоимости, которая впоследствии получила такое блестящее развитіе «въ сильныхъ рукахъ Маркса». И всякій, знающій исторію социализма, человекъ понимаетъ, почему этотъ авторъ, вопреки увѣренію г. Михайловскаго, именно «упустилъ изъ виду теоретическую сторону дѣла» и увлекся соображеніями о томъ, по какой нормѣ *должны* обмѣниваться продукты въ благоустроенномъ обществѣ. Авторъ примѣчаній къ Миллю смотрѣлъ на экономическіе вопросы съ точки зрѣнія *утописта*. Это было совершенно естественно въ его время. Но очень странно, что г. Михайловскій не сумѣлъ разстаться съ этой точкой зрѣнія въ семидесятыхъ годахъ (да не разстался и теперь, иначе онъ поправилъ бы свою ошибку въ новомъ изданіи своихъ сочиненій), когда легко усвоить, даже изъ популярныхъ сочиненій, болѣе правильный взглядъ на вещи. Г. Михайловскій не понялъ того, что говорилъ о стоимости «авторъ примѣчаній къ Миллю». Это произошло потому, что и онъ «упустилъ изъ виду теоретическую сторону дѣла», увлекшись «*логическимъ практическимъ выводомъ изъ нея, т.-е. соображеніемъ о томъ, что «всякая цѣнность должна принадлежать труду».* Мы уже знаемъ, что увлеченіе практическими выводами всегда вредно отзывалось на теоретическихъ разсужденіяхъ утопистовъ. А насколько старъ «выводъ», сбившій съ толку г. Михайловскаго, показываетъ то обстоятельство, что его дѣлали изъ теоріи стоимости Рикардо еще *англійскіе утописты двадцатыхъ годовъ*. Но, въ качествѣ утописта, г. Михайловскій не интересуется даже исторіей утопій.

Другой примѣръ. Г-нъ В. В., въ 1882 г., такъ объяснял появленіе своей книги «Судьбы капитализма въ Россіи»:

«Предлагаемый сборникъ составленъ изъ статей, печатавшихся въ разныхъ журналахъ. Выпуская ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, мы придали имъ лишь внѣшнее единство, нѣсколько иначе расположили матеріалъ, выкинули повторенія (далеко не всѣ; ихъ очень много осталось въ книгѣ г. В. В.). Содержаніе ихъ осталось прежнее; новыхъ фактовъ и аргументовъ приве-

дено немного; и если, тѣмъ не менѣе, мы рѣшаемся вторично предлагать свои работы вниманію читателя, то дѣлаемъ это съ единственною цѣлью—одновременностью нападенія всѣмъ арсеналомъ на его міросозерцаніе заставить интеллигенцію обратить вниманіе на подвѣтый вопросъ (картина: г. В. В. «всплывъ арсеналомъ» нападаетъ на міросозерцаніе читателя, и уstraшенная интеллигенція сдается на капитуляцію, обращаетъ вниманіе и проч.), вызвать нашихъ ученыхъ и присяжныхъ публицистовъ капитализма и народничества на изученіе закона экономического развитія Россіи—основу всѣхъ остальныхъ проявленій жизни страны. Безъ знанія этого закона невозможна систематическая и успѣшная общественная дѣятельность, а господствующія у насъ представленія о ближайшемъ будущемъ Россіи врядъ-ли могутъ быть названы закономъ (*представленія.... могутъ быть названы закономъ?!*) и врядъ-ли способны дать практическому міросозерцанію прочную основу» (Предисловіе, стр. 1).

Въ 1893 г. тотъ же г. В. В., успѣвшій уже сдѣлаться «присяжнымъ», хотя, увы! все еще не «ученымъ» публицистомъ народничества, оказывается уже далекъ отъ мысли о томъ, что законъ экономического развитія составляетъ «основу всѣхъ остальныхъ проявленій жизни страны». Теперь онъ «всѣмъ арсеналомъ» нападаетъ на «міросозерцаніе» людей, имѣющихъ такое «воззрѣніе», теперь онъ думаетъ, что изъ этого «воззрѣнія историческій процессъ, вмѣсто производнаго—человѣка, обращается въ силу производящую, а человѣкъ въ его послушное орудіе»¹⁾; теперь онъ считаетъ социальныя отношенія «производнымъ духовнаго міра человѣка»²⁾ и чрезвычайно подозрительно относится къ ученію о законосообразности общественныхъ явленій, противопоставляя ему «научную философію исторіи профессора исторіи Н. И. Карѣева» (разумѣйте, языци, и покоряйтесь, яко съ нами самъ г. профессоръ!).³⁾ Какой, съ Божьей помощью, поворотъ! Что

¹⁾ Наши направленія. С.-Петербургъ 1893, стр. 138.

²⁾ Л. сіѣ. стр. 9, 13, 140 и многія другія.

³⁾ Тамъ же, стр. 143 и слѣд.

его вызвало? А вотъ что. Въ 1882 году г. В. В. искалъ «закона экономическаго развитія Россіи», воображая, что этотъ законъ будетъ лишь научнымъ выраженіемъ его собственныхъ, г. В. В., «идеаловъ». Онъ былъ даже уиѣренъ, что нашелъ такой «законъ», именно «законъ» мертворожденности русскаго капитализма. Но послѣ этого онъ не даромъ прожилъ цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ. Онъ долженъ былъ, хотя и не вслухъ, сознаться, что мертворожденный капитализмъ все болѣе и болѣе развивается. Вышло такъ, что развитіе капитализма стало едва-ли не самымъ неоспоримымъ «закономъ экономическаго развитія Россіи». И вотъ, г. В. В. поторопился выворотить наизнанку свою «философію исторіи»: онъ, искавшій «закона», сталъ говорить, что подобное исканіе есть совершенно праздное препровожденіе времени. Русскій утопистъ не прочь опереться на «законъ»; но онъ тотчасъ-же отрекается отъ него, какъ Петръ отъ Іисуса, если только «законъ» идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ «идеаломъ», подкрѣплять который ему надлежитъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Впрочемъ, г. В. В. и теперь не навсегда поссорился съ «закономъ». «Естественное стремленіе къ систематизаціи воззрѣній должно бы привести русскую интеллигенцію къ построенію самостоятельной схемы эволюціи экономическихъ отношеній, соответствующей потребностямъ и условіямъ развитія нашей страны; и такая работа, безъ сомнѣнія, будетъ сдѣлана въ самомъ недалекомъ будущемъ» («Наши направленія», стр. 114) «Строя» свою «самостоятельную схему», русская интеллигенція, очевидно, будетъ предаваться тому же занятію, какому предавался г. В. В. въ «Судьбахъ капитализма», ища «закона». Когда схема будетъ найдена,—а г. В. В. божится, что ее найдутъ въ самомъ недалекомъ будущемъ,—нашъ авторъ столь же торжественно помирится съ законосообразностью, какъ помирился евангельскій отецъ со своимъ блуднымъ сыномъ. Забавники!

Само собой разумѣется, что даже въ то время, когда г. В. В. все еще искалъ «закона», онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какой смыслъ можетъ имѣть это слово въ при-

мѣненіи къ общественнымъ явленіямъ. Онъ смотрѣлъ на «законъ», какъ смотрѣли на него еще утописты двадцатыхъ годовъ. Только этимъ и можно объяснить то, что онъ надѣялся открыть законъ развитія *одной страны*—Россіи. Но зачѣмъ онъ приписываетъ свои прѣмы мысли русскимъ марксистамъ? Онъ ошибается, если думаетъ, что они въ своемъ понятіи о законосообразности общественныхъ явленій не пошли дальше утопистовъ? А что онъ думаетъ это, показываютъ всѣ его возраженія противъ нихъ. Да и не онъ одинъ такъ думаетъ; думаетъ такъ самъ «профессоръ исторіи» г. Карѣевъ; думаютъ такъ всѣ противники «марксизма». Они сначала припишутъ марксистамъ утопическій взглядъ на законосообразность общественныхъ явленій, а потомъ побиваютъ этотъ взглядъ съ болѣе или менѣе сомнительнымъ успѣхомъ. Настоящая борьба съ вѣтряными мельницами!

Кстати, объ ученомъ «профессорѣ исторіи». Вотъ въ какихъ выраженіяхъ рекомендуетъ онъ субъективную точку зрѣнія на историческое развитіе человѣчества: «Если въ философіи исторіи мы интересуемся вопросомъ о прогрессѣ, то этимъ самымъ дается выборъ существеннаго содержанія науки, ея фактовъ и ихъ группировки. Но факты не могутъ быть ни выдуманы, ни поставлены въ придуманныя отношенія (стало быть, ни въ выборѣ, ни въ группировкѣ не должно быть ничего произвольнаго? Стало быть, группировка должна вполне соответствовать объективной дѣйствительности? Да! Слушайте!), и изображеніе хода исторіи съ извѣстной точки зрѣнія останется объективнымъ въ смыслѣ вѣрности изображенія. Тутъ яляется на сцену субъективизмъ иного рода: творческой синтезъ можетъ создать цѣлый идеальный міръ-порядокъ, міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго, съ которымъ будетъ сравниваться дѣйствительная исторія, т.-е. объективное изображеніе ея хода, сгруппированное извѣстнымъ образомъ съ точки зрѣнія существенныхъ переменъ въ жизни человѣчества. На основѣ этого сравненія возникаетъ оцѣнка историческаго процесса, которая, однако, также не должна быть произвольна. Нужно доказать, что сгруппированные факты, какъ

они намъ даны, дѣйствительно имѣютъ то значеніе, которое мы имъ приписываемъ, ставши на извѣстную точку зрѣнія, принявши извѣстный критерій для ихъ оцѣнки».

У Щедрина «маститый московскій историкъ», хвалясь своей объективностью, говоритъ: мнѣ все равно, Ярославъ Изяслава побилъ, или Изяславъ Ярослава. Г. Карѣвъ, создавшій себѣ «цѣлый идеальный міръ нормъ, міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго», чуждъ такого рода объективности. Онъ сочувствуетъ, положимъ, Ярославу, и хотя онъ не позволитъ себѣ изобразить его пораженіе въ видѣ его побѣды («факты не могутъ быть выдуманы»), но онъ оставляетъ за собой драгоценное право пролить слезу-другую по поводу печальной участи Ярослава, не можетъ удержаться отъ проклятія по адресу его побѣдителя, Изяслава. Трудно возразить что-нибудь противъ *такого* «субъективизма». Но напрасно г. Карѣвъ изображаетъ его въ такомъ обезцвѣченномъ и потому обезвреженномъ видѣ. Изображать его такъ, значитъ не понимать его истинной природы, топить ее въ водѣ сентиментальной фразеологии. Въ дѣйствительности, отличительная черта «субъективныхъ» мыслителей заключается въ томъ, что «міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго» стоитъ у нихъ внѣ всякой связи съ объективнымъ ходомъ историческаго развитія: здѣсь—«должное», тамъ—«дѣйствительное», и эти двѣ области отдѣлены одна отъ другой цѣлой пропастью, той пропастью, которая отдѣляетъ у дуалистовъ міръ матеріальный отъ міра духовнаго. Задача общественной науки XIX столѣтія заключалась, между прочимъ, въ томъ, чтобы построить мостъ черезъ эту, повидимому, бездонную пропасть. Пока мы не построимъ этого моста, до тѣхъ поръ мы по необходимости будемъ закрывать глаза на *дѣйствительное*, сосредоточивъ все свое вниманіе на «должномъ» (какъ это дѣлали, напримѣръ, сень-симонисты), отъ чего, разумѣется, лишь замедлится осуществленіе этого «должнаго», такъ какъ затруднится приобрѣтеніе правильнаго взгляда на него.

Мы уже знаемъ, что историки временъ реставраціи, въ противоположность просвѣтителямъ XVIII-го столѣтія, разсматривали

политическія учрежденія всякой данной страны, какъ результатъ ея гражданскаго быта. Этотъ новый взглядъ до такой степени распространился и усилился въ то время, что доходилъ, въ примѣненіи къ практическимъ вопросамъ, до странныхъ, теперь уже почти невообразимыхъ намъ крайностей. Такъ, Ж. Б. Сэй утверждалъ, что политическіе вопросы не должны интересовать экономиста, потому что народное хозяйство можетъ одинаково хорошо развиваться даже при діаметрально-противоположныхъ политическихъ порядкахъ. Эту мысль Сэй съ похвалою отмѣчаетъ Сень-Симонъ, влагая въ нее, правда, нѣсколько болѣе глубокое содержаніе. За весьма немногими исключеніями, все утописты XIX-го вѣка раздѣляютъ такой взглядъ на «политику».

Теоретически этотъ взглядъ ошибоченъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, державшіеся его люди забывали, что въ общественной жизни, какъ и всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, а не съ отдѣльнымъ явленіемъ, слѣдствіе, въ свою очередь, становится причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ, короче, они покидали здѣсь очень некстати ту самую точку зрѣнія *взаимодѣйствій*, которою въ другихъ случаяхъ, — и то же некстати, ограничивался ихъ анализъ. Во-вторыхъ, если *политическія* отношенія являются слѣдствіемъ *соціальныхъ*, то непонятно, какимъ образомъ до крайности различныя слѣдствія (политическія учрежденія діаметрально-противоположнаго характера) могутъ быть вызваны одной и той же причиной — одинаковымъ состояніемъ «богатства». Очевидно, что тутъ самое понятіе о причинной связи политическихъ учреждений страны съ ея экономическимъ состояніемъ остается еще до крайности туманнымъ. И дѣйствительно, не трудно было бы показать, какъ туманно оно у всѣхъ утопистовъ.

На практикѣ эта туманность вела за собой двойнаго рода послѣдствія. Съ одной стороны, утописты, такъ много говорившіе объ *организации труда*, готовы были подчасъ повторять старыи девизъ XVIII-го вѣка — «laissez faire, laissez passer». Такъ, Сень-Симонъ, видѣвшій въ организациі промышленности величайшую задачу XIX-го столѣтія, говоритъ: «l'industrie a besoin d'être

gouvernée le moins possible» (промышленность нуждается въ томъ, чтобы ею управляли какъ можно меньше¹). Съ другой стороны утописты—опять-таки за нѣкоторыми исключеніями, принадлежащими болѣе позднему времени,—были совершенно равнодушны къ текущей политикѣ, къ политическимъ вопросамъ дня.

Политическій строй есть слѣдствіе, а не причина. Слѣдствіе всегда остается слѣдствіемъ, не становясь, въ свою очередь, причиной. Отсюда слѣдуетъ почти прямой выводъ, что «политика» не можетъ служить средствомъ осуществленія общественно-экономическихъ «идеаловъ». Понятна поэтому психологія утописта, отворачивающагося отъ политики. Но на что же рассчитываютъ они въ дѣлѣ осуществленія своихъ плановъ общественнаго преобразованія? Что лежало въ основѣ ихъ практическихъ упованій? Все и *ничто*. *Все*—въ томъ смыслѣ, что они безразлично ожидали помощи съ самыхъ противоположныхъ сторонъ. *Ничто*—въ томъ, что всѣ ихъ надежды были совсѣмъ неосновательны.

Утописты воображали себя чрезвычайно практичными людьми. Они ненавидѣли «доктринеровъ» и всѣ самые громкіе ихъ принципы они, не задумываясь, приносили въ жертву своимъ *idées fixes*. Они не были ни либералами, ни консерваторами, ни монархистами, ни республиканцами. Они безразлично готовы были идти *и съ либералами, и съ консерваторами, и съ монархистами, и съ республиканцами*, лишь бы осуществить свои «*практическіе*» и, какъ имъ казалось, чрезвычайно *практичные* планы. Изъ старыхъ утопистовъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ Фурье. Онъ, какъ гоголевскій Костанжогло, старался всякую дрянъ употребить въ дѣло. То онъ соблазнялъ ростовщиковъ перспективой огромныхъ процентовъ, которые имъ станутъ приносить ихъ капиталы въ будущемъ обществѣ;

¹) Просвѣтители XVIII-го вѣка совершенно такъ же противорѣчили себѣ, хотя ихъ противорѣчіе обнаруживалось съ другой стороны. Они стояли за невмѣшательство государства и, тѣмъ не менѣе, временами требовали отъ законодателя мелочной регламентаціи. Просвѣтителямъ тоже была неясна связь «политики» (у нихъ считавшейся *причиной*) съ хозяйствомъ страны (считавшимся у нихъ *слѣдствіемъ*).

то онъ взывалъ къ любителямъ дынь и артишоковъ, прельщая ихъ отличными дынями и артишоками будущаго, то онъ увѣрилъ Луи-Филиппа, что у принцессы орлеанскаго дома, которыя теперь пренебрегаютъ принцы крови, отбою не будетъ отъ жениховъ при новомъ общественномъ строѣ. Онъ хватался за каждую соломинку. Но, увы! Ни ростовщики, ни любители дынь и артишоковъ, ни «король-гражданинъ», что называется, и ухомъ не вели, не обращали ни малѣйшаго вниманія на самыя, казалось бы, убѣдительныя расчеты Фурье. Его практичность оказалась заранѣе осужденной на неудачу, безотраднѣйшей погоней за *счастливою случайностью*.

Погоней за счастливою случайностью усердно занимались еще просвѣтители XVIII вѣка. Именно въ надеждѣ на такую случайность и старались они, всѣми правдами и неправдами, вступать въ дружескія сношенія съ болѣе или менѣе просвѣщенными «законодателями» и аристократами того времени. Обыкновенно думаютъ, что разъ человѣкъ сказалъ себѣ: мнѣнїе править міромъ, то у него уже нѣтъ поводовъ унывать на счетъ будущаго: *la raison finira par avoir raison*. Но это не такъ. Когда, какимъ путемъ восторгается разумъ? Просвѣтители говорили, что въ общественной жизни все зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ «законодателя». Поэтому они и уловляли законодателей. Но тѣ же просвѣтители хорошо знали, что характеръ и взгляды человѣка записаны отъ воспитанія и чтѣ, вообще говоря, воспитаніе не предрасполагало «законодателей» къ усвоенію просвѣтительныхъ ученій. Поэтому, они не могли не сознавать, что мало надежды на законодателей. Оставалось уповать на счастливую случайность. Вообразите, что у васъ есть огромный ящикъ, въ которомъ очень много черныхъ шаровъ и два-три бѣлыхъ. Вы вынимаете шаръ за шаромъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ у васъ несравненно меньше шансовъ вынуть бѣлый шаръ, нежели черный. Но, повторивъ операцію достаточное число разъ, вы вынете, наконецъ, и бѣлый. То же и съ «законодателями». Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ несравненно вѣроятнѣе, что законодатель будетъ противъ «философовъ», но явится же, наконецъ, и согласный съ филосо-

фами законодатель. Этотъ сдѣлаетъ все, что предписываетъ разумъ. Такъ, *буквально такъ*, разсуждалъ Гельвецій¹⁾. *Субъективно-идеалистическій взглядъ на исторію* («мнѣнія правятъ міромъ»), *невидимому отводящій такое широкое мѣсто свободѣ чело­вѣка, на самомъ дѣлѣ представляетъ его широкой случайности*. Вотъ почему этотъ взглядъ въ сущности очень безотраденъ.

Такъ, на­примѣръ, мы не знаемъ ничего безотради­че взглядовъ утопистовъ конца XIX-го вѣка, т.-е. русскихъ народниковъ и субъективныхъ социологовъ. У каждаго изъ нихъ есть готовый планъ спасенія общины, а съ нею и крестьянства вообще, у каждаго—своя «формула прогресса». Но, увы! Жизнь идетъ своимъ ходомъ, не обращая вниманія на ихъ формулы, которымъ не остается ничего другого, какъ тоже проклады­вать себѣ свой, независимый отъ жизни, путь въ области абстракцій, фантазій и логическихъ злосключеній. Вотъ, на­примѣръ, послушаемъ «ангела» субъективной школы, г. Михайловскаго.

«Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ *передачи* условій (?) труда въ руки работника, экспроприаціи теперешнихъ собственниковъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только *сохраненіе* условій труда въ рукахъ работника, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности. У насъ подъ самымъ Петербургомъ... въ мѣстности, испещренной фабриками, заводами, парками, дачами существуютъ деревни, жители которыхъ живутъ на *своей* землѣ, жгутъ *свой* лѣсъ, ѣдятъ *свой* хлѣбъ, одѣваются въ армяки и тулупы *своей* работы изъ шерсти *своихъ* овецъ. Гарантируйте имъ прочно это свое, и русскій рабочий вопросъ рѣшенъ. А ради этой цѣли можно все отдать, если какъ слѣдуетъ понимать значеніе прочной гарантіи. Скажутъ: нельзя же вѣчно оставаться при сохѣ

¹⁾ «Dans un temps plus ou moins long il faut, disent les sages, que toutes les possibilités se réalisent: pourquoi désespérer du bonheur futur de l'humanité?» и т. д.

ходъ общественнаго развитія. Субъективный социологъ изгояетъ законсообразность во имя «желательнаго», и потому для него не остается другого выхода, какъ уповать на случайность. На грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь — вотъ единственное утѣшительное соображеніе, на которое можетъ опереться добрый субъективный социологъ.

На грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь. Допустимъ. Но, вѣдь, палка о двухъ концахъ, и неизвестно, какимъ концомъ она стрѣляетъ. Наши народники и, если можно такъ выразиться, субъективисты перепробовали уже великое множество палокъ (даже соображеніе объ удобствѣ взиманія недоимокъ при общинномъ землевладѣніи являлось иногда въ роли магической палки); въ огромномъ большинствѣ случаевъ палки оказывались къ роли ружья совершенно неспособными, а когда случайно и стрѣляли, то пули попадали въ самихъ гг. народниковъ и субъективистовъ. Припомнимъ крестьянскій банкъ. Какихъ надеждъ ни возлагали на него въ смыслѣ укрѣпленія «устоевъ»? Какъ ликовали гг. народники при его открытіи, и что же вышло? Палка выстрѣлила именно въ ликующихъ: теперь они сами признаютъ, что крестьянскій банкъ—учрежденіе во всякомъ случаѣ очень полезное—только разлагаетъ устон, а это признаніе равносильно сознанію въ томъ, что они, ликующіе, были, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени, также и праздноболтающими.

— Но вѣдь банкъ разлагаетъ устон только потому, что его уставъ и его практика не вполне соответствуютъ нашей идеѣ. Если бы была цѣлкомъ проведена наша идея, то результаты были бы совсѣмъ другіе...

— Во-первыхъ, вовсе не другіе; банкъ во всякомъ случаѣ содѣйствовалъ бы развитію денежнаго хозяйства, а денежное хозяйство непремѣнно подрывало бы «устои». А во-вторыхъ, когда мы слышимъ эти безчисленные «если», намъ все почему-то кажется, что у насъ подъ окномъ разнощикъ выкрикиваетъ: «вотъ дыни, дыни, артишоки хорошиіе?»

Уже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія французскіе утописты неустанно указывали на «консервативный» ха-

ракетъ придуманныхъ ими реформъ. Сень-Симонъ прямо пугалъ и правительство, и, какъ говорятъ у насъ, общество народнымъ возстаніемъ, которое должно было рисоваться тогда въ воображеніи «консерваторовъ» въ видѣ страшнаго, всѣмъ живо памятнаго движенія *санкюлотовъ*. Но изъ этого пугавья, разумѣется, ничего не вышло, и если исторія дѣйствительно даетъ намъ какіе-нибудь уроки, то однимъ изъ самыхъ поучительныхъ оказывается тотъ, который свидѣтельствуетъ о полнѣйшей непрактичности всѣхъ плановъ всѣхъ, будто бы, практичныхъ утопистовъ.

Когда, указывая на консервативный характеръ своихъ плановъ, утописты старались склонить правительство къ ихъ осуществленію, они, въ подтвержденіе своей мысли, представляли обыкновенно обзоръ историческаго развитія своей страны за болѣе или менѣе продолжительную эпоху, обзоръ, — изъ котораго явствовало, что тогда-то и тогда-то были сдѣланы «ошибки», придавнія совершенно новый и до крайности нежелательный видъ всѣмъ общественнымъ отношеніямъ. Правительству стоило только сознать и исправить эти «ошибки», чтобы немедленно водворить на землѣ чуть-чуть что не царство небесное.

Такъ, Сень-Симонъ увѣрялъ Бурбоновъ, что до революціи главной отличительной чертой внутренняго развитія Франціи былъ союзъ монархіи и промышленниковъ. Этотъ союзъ былъ одинаково выгоденъ для обѣихъ сторонъ. Во время революціи правительство, *по недоразумѣнію*, пошло противъ законныхъ требованій промышленниковъ, а промышленники, *по столь же печальному недоразумѣнію*, возстали противъ монархіи. Отсюда — все зло послѣдующаго времени. Но теперь, когда корень зла открытъ, дѣло очень легко поправимо, такъ какъ промышленникамъ стоитъ только примириться на извѣстныхъ условіяхъ съ правительствомъ. Это и было бы самымъ разумнымъ *консервативнымъ* выходомъ изъ многочисленныхъ затрудненій обѣихъ сторонъ. Излишне прибавлять теперь, что ни Бурбоны, ни промышленники не послѣдовали благому совѣту Сень-Симона.

«Вмѣсто того чтобы твердо держаться нашихъ вѣковыхъ традицій; вмѣсто того, чтобы развивать принципъ тѣсной связи

средствъ производства съ непосредственнымъ производителемъ унаслѣдованный нами, вмѣсто того чтобы воспользоваться пріобрѣтеніями западно-европейской науки и приложить ихъ для развитія формы промышленности, основанной на владѣніи крестьянствомъ орудіями производства; вмѣсто того чтобы увеличить производительность его труда сосредоточеніемъ средствъ производства въ его рукахъ; вмѣсто того, чтобы воспользоваться не формой производства, а самою его организациею, какою она является въ западной Европѣ... вмѣсто всего этого мы стали на путь совершенно противоположный. Мы не только не воспрепятствовали развитію капиталистическихъ формъ производства, не смотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства, но напротивъ того всѣми силами постарались содѣйствовать коренной ломкѣ всей нашей хозяйственной жизни, ломкѣ, приведшей къ голоду 1891 года»¹⁾. Такъ печалуется г. Н. — онъ, рекомендуя «обществу» поправить эту ошибку, рѣшивъ «крайне трудную», но не «невозможную» задачу: «развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ»²⁾. Все дѣло въ томъ, чтобы поправить «ошибку».

Интересно, что г. Н. — онъ воображаетъ себя какъ нельзя болѣе чуждымъ всякихъ утопій. Онъ поминутно ссылается на людей, которымъ мы обязаны научной критикой утопическаго социализма. Все дѣло въ экономіи страны, повторяетъ онъ кетати и некстати велѣдъ за этими людьми, все зло оттуда: «поэтому средство для устраненія зла, разъ оно найдено, должно заключаться именно также въ измѣненіи самыхъ условій производства». Въ поясненіе — опять ссылка на одного изъ критиковъ утопическаго социализма: «средства эти не должны быть изобрѣтаемы головой, но помощью мысли они должны быть найдены въ наличныхъ матеріальныхъ условіяхъ производства».

Но въ чемъ же заключаются тѣ «матеріальныя условія про-

¹⁾ Николай — онъ, Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. С.-Петербургъ, 1893 г. стр. 322—323.

²⁾ Тамъ же, стр. 343.

изводства», которая подвинуть общество *рѣшить* или хотя бы только *понять* задачу, предлагаемую ему г. Н. — ономъ? Это остается тайной не только для читателей, но, конечно, и для самого автора, который своей задачей очень убѣдительно показалъ, что въ своихъ историческихъ взглядахъ онъ остается чистокровнымъ утопистомъ, несмотря на цитаты изъ сочиненій совсѣмъ неутопическихъ писателей ³⁾).

Можно-ли сказать, что планы Фурье противорѣчили «матеріальнымъ условіямъ» современнаго ему производства? Нѣтъ, не только не противорѣчили, но цѣликомъ основывались, даже въ недостаткахъ своихъ, на этихъ условіямъ. Но это не помѣшало Фурье быть утопистомъ, потому что, разъ обосновавъ свой планъ съ «помощью мысли» на матеріальныхъ условіяхъ современнаго ему производства, онъ не сумѣлъ *приурочить къ тѣмъ же условіямъ его осуществленіе, и потому совершенно безъ толку приставалъ съ «великой задачей» къ такимъ общественнымъ слоямъ и классамъ, которые, въ силу тѣхъ же матеріальныхъ условій, не могли имѣть ни склонности братья за ея рѣшкіе, ни возможности рѣшить ее.* Г. Н. — онъ грѣшенъ этимъ грѣхомъ столько же, сколько Фурье или нелюбимый

³⁾ Сообразно съ этимъ, и практическіе планы г. Н. — она представляють собою почти буквальное повтореніе тѣхъ «требованій», которыя давно уже и, разумѣется, совершенно безплодно предъявляли наши *утописты-народники*, напримѣръ, въ лицѣ г. Пругавина, «Конечными же цѣлями и задачами общественно-государственной дѣятельности (какъ видите, тутъ не забыто ни общество, ни государство) въ области фабричнаго хозяйства должны служить: съ одной стороны — выкупъ въ пользу государства всѣхъ орудій труда и предоставленіе послѣднихъ народу во временное, арендное пользованіе; съ другой — установленіе такой организаціи условій производства (г. Пругавинъ хочетъ сказать просто: производства, но по обычаю всѣхъ русскихъ писателей, съ г. Михайловскимъ во главѣ, онъ употребляетъ выраженіе — *условія* производства, не понимая, что оно значитъ), въ основаніи которой лежали бы потребности народа и государства, а не интересы рынка, обьта и конкуренціи, что имѣеть мѣсто при товарно-капиталистической организаціи экономическихъ силъ страны» (В. С. Пругавинъ, «Бустаръ на выставкѣ», Москва, 1882, стр. 15). Пусть читатель сравнитъ это мѣсто со сдѣланной выше выпиской изъ книги г. Н. — она.

имъ Родбертусъ: скорѣе всего онъ напоминаетъ именно Родбертуса, потому что ссылака г. Н. — она на вѣковые устои какъ разъ въ духѣ этого консервативнаго писателя.

Для вразумленія «общества» г. Н. — онъ указываетъ на устрашающій примѣръ Западной Европы. Подобными указаніями наши утописты издавна старались придать себѣ видъ людей положительныхъ, не увлекающихся фантазіями, а только умѣющихъ пользоваться «уроками исторіи». Но и этотъ приѣмъ *совсѣмъ не новъ*. Уже французскіе утописты пытались устрашить и образумить своихъ современниковъ *примѣромъ Англии*, гдѣ «огромное разстояніе отдѣляетъ предпринимателя отъ рабочаго», и гдѣ надъ этимъ послѣднимъ тяготѣетъ иго особаго рода деспотизма. «Прочія страны, слѣдующія за Англіей по пути промышленнаго развитія, говорили «Producteur», должны понять, что слѣдуетъ постараться помѣшать подобному порядку возникнуть на ихъ собственной почвѣ» ¹⁾. Единственной дѣйствительной помѣхой возникновенію англійскихъ порядковъ въ другихъ странахъ могла служить сенъ-симонистская «организация работы и работниковъ» ²⁾. Съ развитіемъ рабочаго движенія во Франціи, главнымъ театромъ мечтаній о минованіи капитализма становится *Германія*, которая, въ лицѣ своихъ утопистовъ, долго и упорно противопоставляетъ себя «Западной Европѣ» (*den westlichen Ländern*). Въ западныхъ странахъ, говорили нѣмецкіе утописты, носителемъ идеи новой общественной организациі является рабочій классъ, у насъ — образованные классы — то, что называется теперь въ Россіи *интеллигенціей*. Именно нѣмецкая интеллигенція считалась призванной отратить отъ Германіи чашу капитализма ³⁾. Капитализмъ

¹⁾ Т. I, p. 140.

²⁾ Объ этой организациі см. въ «Globe» 1831—1832 гг., гдѣ она подробно изложена, даже съ подготовительными, переходными реформами.

³⁾ «Unsere National-Oekonomen streben mit allen Kräften Deutschland auf die Stufe der Industrie zu heben, von welcher herab England jetzt die andern Länder noch beherrscht. England ist ihr Ideal. Gewiss: England sieht sich gern schön an; England hat seine Besitzungen in allen Welttheilen, es weiss seinen Einfluss aller Orten geltend zu machen, es hat die reich-

такъ страшень былъ нѣмецкимъ утопистамъ, что они, для минованія его, готовы были въ крайнемъ случаѣ помириться съ полнымъ застоємъ. Торжество правового порядка, разсуждали они, повело бы къ господству денежной аристократіи. Поэтому, пусть лучше не будетъ правового порядка ¹⁾ Германія не миновала капитализма. Теперь о томъ же минованіи толкуютъ русскіе утописты. Такъ путешествуютъ утопическія идеи отъ запада къ востоку, всюду являясь предвозвѣстницами побѣды того самаго капитализма, противъ котораго онѣ возстаютъ и борются. Но чѣмъ далѣе забираются онѣ на востокъ, тѣмъ болѣе измѣняется ихъ общественное значеніе. Французскіе

ste Handels- und Kriegsflotte, es weiss bei allen Handelstraktaten die Gegenkontrahenten immer hinters Licht zu führen, es hat die spekulativsten Kaufleute, die bedeutendsten Kapitalisten, die erfindungsreichsten Köpfe, die prächtigsten Eisenbahnen, die grossartigsten Maschinenanlagen; gewiss, England ist, von dieser Seite betrachtet, ein glückliches Land, aber — es lässt sich auch ein anderer Gesichtspunkt bei der Schätzung Englands gewinnen und unter diesem möchte doch wohl das Glück desselben von seinem Unglück bedeutend überwogen werden. England ist auch das Land, in welchem das Elend auf die höchste Spitze getrieben ist, in welchem jährlich Hunderte notorisch Hungers sterben, in welchem die Arbeiter zu fünfzigtausenden zu arbeiten verweigern, da sie trotz all' ihrer Mühe und Leiden nicht so viel verdienen, dass sie nothdürftig leben können. England ist das Land, in welchem die Wohlthätigkeit durch die Armensteuer zum *äusserlichen* Gesetz gemacht werden musste. Seht doch ihr, Nationalökonomien, in den Fabriken die wankenden, gebückten und verwachsenen Gestalten, seht die bleichen, abgehärmten, schwindstüchtigen Gesichter, seht all' das geistige und das leibliche Elend, und ihr wollt Deutschland noch zu einem zweiten England machen? England konnte nur durch Unglück und Jammer zu dem Höhepunkt der Industrie gelangen, auf dem es jetzt steht, und Deutschland könnte nur durch *dieselben* Opfer *ähnliche* Resultate erreichen, d. h. erreichen, dass die Reichen noch reicher und die Armen noch ärmer werden». Trierische Zeitung, 4 Mai 1846, перепечатано въ первомъ томѣ обзорѣнн, выходившаго подъ редакціей М. Гесса подъ названіемъ: «Die Gesellschaftliche Zustände der civilisierten Welt, I. Band, Iserlohn und Elberfeld. 1846.

¹⁾ «Sollte es den Constitutionellen gelingen, говоритъ Вюхнеръ, — die deutschen Regierungen zu stürzen und eine allgemeine Monarchie oder Republik einzuführen, so bekommen wir hier einen Geldaristokratismus, wie in Frankreich, und lieber soll es bleiben, wie es jetzt ist». См. Georg Büchners Sämmtliche Werke, изд. подъ редакціей Францова, p. 122.

утописты были въ свое время смѣлыми, гениальными *новаторами*; нѣмецкіе—оказались гораздо ниже ихъ, русскіе же способны теперь только пугать западныхъ людей своимъ допотопнымъ видомъ.

Интересно, что еще у французскихъ просвѣтителей являлась мысль объ избѣжаніи капитализма. Такъ, Гольбахъ сильно сокрушается о томъ, что торжество правового порядка въ Англии повело къ полному господству *de l'intérêt sordide des marchands*. Его очень печалитъ то обстоятельство, что англичане неуставно ищутъ новыхъ рынковъ. Такая погоня за рынками отвлекаетъ ихъ отъ философіи. Гольбахъ осуждаетъ также существующее въ Англии неравенство имуществъ. Ему, какъ и Гельвецію, хотѣлось-бы подготовить торжество разума и равенства, а не купеческихъ интересовъ. Но ни Гольбахъ, ни Гельвецій и ни одинъ изъ просвѣтителей не могъ противопоставить тогдашнему ходу вещей ничего, кромѣ панегириковъ разуму и правоучительныхъ наставленій по адресу *du «peuple d'Albion»*. Въ этомъ отношеніи они были также безсильны, какъ наши, современные намъ, русскіе утописты.

Еще одно замѣчаніе и мы покончимъ съ утопистами. Точка зрѣнія «человѣческой природы» вызвала въ первой половинѣ XIX го вѣка то злоупотребленіе *біологическими* аналогіями, которое и до сихъ поръ даетъ очень сильно чувствовать себя въ западной социологической, а особенно въ русской quasi-социологической литературѣ.

Если разгадка всего историческаго общественнаго движенія надо искать въ природѣ человѣка и если, какъ справедливо замѣтилъ еще Сень-Симонъ, общество состоитъ изъ индивидуумовъ, то природа индивидуума и должна дать ключъ къ объясненію исторіи. Природу индивидуума изучаетъ *физиологія* въ обширномъ смыслѣ этого слова, т.-е. наука, охватывающая также и *психическія явленія*. Вотъ почему физиологія уже въ глазахъ Сень-Симона и его учениковъ являлась основой *соціологіи*, которую они называли *соціальной физикой*. Въ изданныхъ еще при жизни Сень-Симона и при его дѣятельнѣйшемъ участіи «Opinions philosophiques, littéraires et industriel-

[es] напечатана чрезвычайно интересная, къ сожалѣнію, неоконченная статья анонимнаго доктора медицины подъ заглавіемъ: «De la physiologie appliquée à l'amélioration des institutions sociales» (о физиологій въ примѣненіи къ улучшенію общественныхъ учреждений). Авторъ разсматриваетъ науку объ обществѣ, какъ составную часть «общей физиологій», которая, обогатившись наблюденіями и опытами «спеціальной физиологій» надъ индивидуумами, «предается соображеніямъ высшаго порядка». Индивидуумы являются для нея «лишь органами общественного тѣла», функціи котораго она изучаетъ «подобно тому, какъ спеціальная физиологій изучаетъ функціи индивидуумовъ». Общая физиологій изучаетъ (авторъ говоритъ — выражаетъ) законы общественного существованія, съ которыми и должны сообразоваться писанные законы. Впослѣдствіи, буржуазные соціологи, напримѣръ Спенсеръ, пользовались ученіемъ объ общественномъ организмѣ для самыхъ консервативныхъ выводовъ. Но цитируемый нами докторъ медицины прежде всего реформаторъ. Онъ изучаетъ «общественное тѣло» въ видахъ общественной переустройства, такъ какъ только «соціальная физиологій» и тѣсно связанная съ нею «гигіена» даютъ «положительныя основы, на которыхъ можно построить требуемую современнымъ состояніемъ цивилизованнаго міра систему общественной организаціи». Но, какъ видно, соціальная физиологій и гигиена не много дали пищи реформаторской фантазіи автора, потому что, въ концѣ концовъ, онъ видитъ себя вынужденнымъ обратиться къ медикамъ, т.-е. къ людямъ, имѣющимъ дѣло съ индивидуальными организмами, прося ихъ дать обществу, «въ видѣ эмпирическаго рецепта», «систему соціальнаго устройства».

Этотъ взглядъ на «соціальную физику» впослѣдствіи пережевывалъ или, если хотите, развивалъ О. Контъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ. Вотъ что говорилъ онъ объ общественной наукѣ еще въ молодости, когда сотрудничалъ въ сень-симонистскомъ «Producteur»'ѣ: «общественныя явленія, какъ явленія человѣческія, безъ сомнѣнія, должны быть отнесены къ числу явленій физиологическихъ. Но, хотя соціальная

физика должна поэтому имѣть свою точку отправленія въ индивидуальной физиологiи и быть съ нею въ постоянной связи, ее надо тѣмъ не менѣе разсматривать и разрабатывать, какъ совершенно отдѣльную науку, по той причинѣ, что различныя поколѣнія людей прогрессивно вліяютъ одно на другое. Держась чисто физиологической точки зрѣнія, нельзя какъ слѣдуетъ изучить это вліяніе, оцѣнку котораго должно быть отведено въ социальной физикѣ *главное мѣсто* ¹⁾.

Посмотрите же, въ какія безвыходныя противорѣчія попадаютъ люди, смотрящіе на общество съ этой точки зрѣнія.

Во-первыхъ, поскольку «социальная физика» имѣетъ «своей точкой отправленія» индивидуальную физиологiю, она строится на чисто *матеріалистической* основѣ: въ физиологiи нѣтъ мѣста *идеалистическому* взгляду на предметъ. Но та же социальная физика должна, главнымъ образомъ, заниматься оцѣнкой прогрессивнаго вліянія одного поколѣнія на другое. Данное поколѣніе вліяетъ на послѣдующее, передавая ему, какъ тѣ знанія, которыя оно унаслѣдовало отъ предыдущихъ поколѣній, такъ и знанія, пріобрѣтенныя имъ самимъ. «Социальная физика» разсматриваетъ, слѣдовательно, развитіе человеческого рода съ точки зрѣнія развитія знанія и вообще «просвѣщенія» (*lumières*). Это уже чисто идеалистическая точка зрѣнія XVIII вѣка: *мыслия правятъ міромъ*. «Тѣсно связавъ», по совѣту Конта, эту идеалистическую точку зрѣнія съ чисто матеріалистической точкой зрѣнія индивидуальной физиологiи, мы оказываемся *дуалистами* чистой воды, и нѣтъ ничего легче, какъ прослѣдить вредное вліяніе этого дуализма на социологическія воззрѣнія хотя бы того же Конта. Но это не все. Вѣдь еще мыслители XVIII вѣка замѣчали, что въ развитіи знаній есть извѣстная законосообразность. Контъ крѣпко держится за такую законосообразность, выдвигая на первый планъ пресловутый законъ трехъ фазисовъ: теологическаго, метафизическаго и позитивнаго.

Но почему же развитіе знаній проходитъ именно черезъ

¹⁾ «*Considérations sur les sciences et les savants*» въ первомъ томѣ «*Producteur*»'а, стр. 355—356.

эти три фазиса? Такова ужь природа человеческого ума, отвѣчаетъ Ковтъ: «по своей природѣ (par sa nature) человѣческой умъ проходить повсюду, гдѣ онъ дѣйствуетъ, черезъ три различныхъ теоретическихъ состоянія»¹⁾. Прекрасно; ну а для изученія «природы» намъ приходится обратиться къ индивидуальной физиологій, а индивидуальная физиологій не даетъ намъ достаточнаго объясненія, и мы опять сойдемъ на «поколѣнія», а «поколѣнія» отошлютъ насъ къ «природѣ». Это называется наукой, во науки тутъ нѣтъ и слѣда: тутъ есть только безконечное движеніе въ безвыходномъ кругѣ.

Наши, будто бы оригинальные, «субъективные» соціологи пѣликомъ стоятъ на точкѣ зрѣнія французскаго утописта двадцатыхъ годовъ.

«Еще подь вліяніемъ Ножина, — повѣствуетъ о себѣ г. Михайловскій, — и отчасти подь его руководствомъ, я заинтересовался вопросомъ о границахъ біологій и соціологій и возможностью ихъ сближенія... Не могу достаточно высоко одѣлнить пользу, доставленную мнѣ общеніемъ съ кругомъ идей Ножина, но въ нихъ было все-таки много случайнаго, частью потому, что онѣ въ самомъ Ножинѣ еще только развивались, частью по малому знакомству его съ областью естествознанія. Я получилъ отъ Ножина собственно только толчекъ въ известномъ направленіи, но толчекъ сильный, рѣшительный и благотворный. Не помышляя о специальныхъ занятіяхъ біологій, я однако много читалъ по указанію Ножина и какъ бы по его завѣщанію. Эта новая струя чтенія бросила своеобразный и чрезвычайно меня занимавшій отблескъ на тотъ значительный, хотя и безпорядочный, а частью и просто негодный матеріалъ, фактической и идейный, которымъ я запасся раньше»²⁾.

Ножинъ выведенъ г. Михайловскимъ въ его очеркахъ «Въ перемежку» подь именемъ Бухарцова. Бухарцовъ «мечталъ о реформѣ общественныхъ наукъ при помощи естествознанія и выработалъ уже обширный планъ ея». Каковы были приемы

¹⁾ Тамъ же, стр. 304.

²⁾ Литература и жизнь, «Русская Мысль», 1891 г. кн. IV, стр. 195.

этой реформаторской дѣятельности, видно изъ слѣдующаго. Бухарцовъ, взявшись перевести на русскій языкъ съ латинскаго обширный трактатъ по зоологiи, снабжаетъ переводъ своими примѣчанiями, куда разсчитываетъ «вложить результаты всѣхъ своихъ самостоятельныхъ работъ», а къ примѣчанiямъ дѣлаетъ новыя примѣчанiя «соціологическаго» характера. Г. Михайловскій услужливо знакомитъ читателя съ однимъ изъ такихъ примѣчанiй второго этажа: «я вообще не могу въ моихъ дополненiяхъ къ Ван-дер-Гевену слишкомъ вдаваться въ теоретическiя соображенiя и выводы относительно примѣненiя всѣхъ этихъ чисто анатомическихъ вопросовъ къ рѣшенiю вопросовъ общественно-экономическихъ. Поэтому я опять только обращаю вниманiе читателя на то, что вся моя анатомическая и эмбриологическая теорiя имѣетъ главною своею цѣлью отысканiе законовъ физиологiи общества, и потому всѣ мои дальнѣйшiя сочиненiя будутъ конечно основаны на научныхъ данныхъ, излагаемыхъ мною въ этой книгѣ»¹⁾).

Анатомическая и эмбриологическая теорiя «имѣетъ главной цѣлью отысканiе законовъ физиологiи общества»! Это очень нескладно сказано, но тѣмъ не менѣе очень характерно для соціолога-утописта. Онъ строитъ анатомическую теорiю, опираясь на которую онъ собирается прописать рядъ «гигиеническихъ рецептовъ окружающему его обществу. Къ этимъ рецептамъ и сводится у него общественная «физиологiя». Общественная физиологiя» Бухарцова есть собственно не «физиологiя», а уже знакомая намъ «гигиена», не наука о томъ, что есть, а наука о томъ, что должно было бы быть на основанiи... «анатомической и эмбриологической теорiи» того же Бухарцова.

Хотя Бухарцовъ и списанъ съ Ножина, но все-таки онъ представляетъ собой до известной степени продуктъ художественнаго творчества г. Михайловскаго (если только можно говорить о *художественномъ* творчествѣ въ примѣненiи къ цитируемымъ нами очеркамъ). Поэтому и нескладное примѣчанiе его, можетъ быть, никогда не существовало въ дѣйствительности. Въ такомъ

¹⁾ Соч. Н. К. Михайловскаго, т. IV, изд. второе, стр. 265—266.

случаѣ оно тѣмъ болѣе характерно для г. Михайловскаго, который говорить о немъ съ большимъ почтеніемъ.

«Мнѣ случилось все-таки встрѣчать въ литературѣ прямое отраженіе идей незабвеннаго друга-учителя», говорить Темкинъ, отъ имени котораго ведется разговоръ. Идеи Бухарцова-Нокина отражалъ и отражаетъ г. Михайловскій.

Г. Михайловскій имѣетъ свою «формулу прогресса». Эта формула гласитъ: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ»¹⁾.

Каково можетъ быть научное значеніе этой формулы? Объясняетъ-ли она историческое движеніе общества? Говоритъ-ли она, какъ оно совершалось, и почему оно совершалось такъ, а не иначе? Нисколько, да и не въ томъ ея «главная цѣна». Она говорить не о томъ, какъ шла исторія, а о томъ, какъ она должна была-бы идти, чтобы заслужить одобреніе г. Михайловскаго. Это «лигівическій рецептъ», придуманный утопистомъ на основаніи «точныхъ изслѣдованій законовъ органическаго развитія». Это именно то, чего искалъ медикъ-сентимонистъ.

...«Мы сказали, что исключительное употребленіе въ социологій метода объективнаго равнялось бы, если бы оно было возможно, складыванію аршинъ съ пудами, изъ чего между прочимъ слѣдуетъ не то, что объективный методъ долженъ быть совершенно удаленъ изъ этой области изслѣдованій, а только то, что высшій контроль долженъ здѣсь принадлежать субъективному методу»²⁾.

«Эта область изслѣдованій» есть именно «физиологій» же-

¹⁾ Тамъ же, стр. 186, 187.

²⁾ Тамъ же, стр. 185

лательнаго общества, область утопіи. Нечего и говорить, что употребленіе въ ней «субъективнаго метода» очень облегчаетъ работу «ислѣдователя». Но основывается это употребленіе совсѣмъ не на какихъ-нибудь «завонахъ», а на «чарованьѣ красныхъ вымысловъ»; кто разъ поддастся ему, тотъ не возстанетъ даже и противъ примѣненія въ одной и той же «области», правда, на разныхъ правахъ, обоихъ методовъ субъективнаго и объективнаго, хотя подобная методологическая путаница есть настоящее «складываніе аршинъ съ пудами»¹⁾.

СТУДЕНЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
 ИНСТИТУТА
 ВЕНКОВЕР. ПУТ. СООБЩ.

¹⁾ Впрочемъ, уже самыя выраженія: «объективный методъ», «субъективный методъ» представляютъ собою огромную, по крайней мѣрѣ, терминологическую путаницу.

ГЛАВА IV.

Идеалистическая нѣмецкая философія.

Матеріалисты XVIII вѣка были твердо увѣрены, что имъ удалось нанести смертельный ударъ идеализму. Они смотрѣли на него, какъ на устарѣлую, навсегда покинутую теорію. Но уже въ концѣ того вѣка начинается реакція противъ матеріализма, а въ первой половинѣ XIX столѣтія самъ матеріализмъ попадаетъ въ положеніе системы, которую все считаютъ устарѣлой, окончательно похороненной. Идеализмъ не только снова воскресаетъ къ жизни, но и получаетъ небывалое, по истинѣ блестящее, развитіе. На это были, конечно, свои общественныя причины, но мы, не касаясь ихъ здѣсь, рассмотримъ только, имѣлъ-ли идеализмъ XIX вѣка какія-нибудь преимущества передъ матеріализмомъ предыдущей эпохи, и если да, то въ чемъ эти преимущества заключаются.

Французскій матеріализмъ обнаруживалъ поразительную, просто мало вѣроятную вышѣ слабость всякій разъ, когда ему приходилось сталкиваться съ вопросами развитія въ природѣ или въ исторіи. Возьмемъ хоть *происхожденіе человека*. Хотя мысль о *постепенномъ развитіи* этого вида и не казалась матеріалистамъ «противорѣчивой», но они считали такую «догадку» очень мало вѣроятной. Авторы «*Systeme de la Nature*» (см. шестую главу первой части) говорятъ, что если бы кто-нибудь возсталъ противъ подобной догадки, если бы кто-нибудь возразилъ, «что природа дѣйствуетъ съ помощью извѣстной суммы общихъ и неизмѣнныхъ законовъ», и прибавилъ при этомъ, что «человѣкъ, четвероногое, рыба, насѣкомое, растеніе и т. д. существуютъ отъ вѣка и остаются вѣчно неизмѣнными»,

то они «не воспротивились бы и этому». Они замѣтили бы только, что и такой взглядъ не противорѣчитъ излагаемымъ ими истинамъ. «Человѣку не дано знать все; ему не дано знать свое происхожденіе», — вотъ все, что говорятъ въ концѣ концовъ авторы «Système de la nature» по поводу этого важнаго вопроса.

Гельвецій какъ будто больше склоняется къ мысли о постепенномъ развитіи человѣка. «Матерія вѣчна, но формы ея измѣнчивы», замѣчаетъ онъ, напоминая, что и теперь человѣческія породы видоизмѣняются дѣйствіемъ климата ¹⁾. Онъ даже вообще считаетъ измѣнчивыми всѣ животныя виды. Но эта здравая мысль формулируется имъ очень странно. У него выходитъ, что причины «несходства» между различными видами животныхъ и растений лежатъ или уже въ свойствахъ ихъ «зародышей», или въ различіи окружающей среды, въ различіи ихъ «воспитанія» ²⁾.

Наслѣдственность исключаетъ такимъ образомъ *измѣнчивость* и наоборотъ. Принявъ теорію измѣнчивости, мы должны, слѣдовательно, предположить, что изъ каждаго даннаго «зародыша» можетъ получиться при надлежащей обстановкѣ любое животное или растеніе: изъ зародыша дуба, на примѣръ, быкъ или жирафа. Само собою разумѣется, что *подобная* «догадка» не могла пролить свѣта на вопросъ о происхожденіи видовъ, и самъ Гельвецій, разъ высказавъ ее мимоходомъ, уже не возвращается къ ней ни разу.

Столь же плохо умѣли объяснить французскіе матеріалисты и явленія *общественнаго* развитія. Различныя системы «законодательства» изображаются ими исключительно какъ плодъ сознательной творческой дѣятельности «законодателей»; различныя религіозныя системы, какъ плодъ хитрости жрецовъ и т. д.

Это безсиліе французскаго матеріализма передъ вопросами

¹⁾ Le vrai sens du système de la Nature, à Londres, 1774, p. 15.

²⁾ De l'homme, Oeuvres complètes d'Helvétius, Paris, 1818, tome second, p. 120, примѣчаніе.

развитія въ природѣ и въ исторіи дѣлазо очень бѣднымъ его философское содержаніе. Въ ученіи о природѣ содержаніе это сводилось къ борьбѣ противъ односторонняго понятія *дуализма* о матеріи; въ ученіи о человѣкѣ оно ограничивалось безконечнымъ повтореніемъ и вѣкоторымъ видоизмѣненіемъ локковскаго положенія: *нѣтъ врожденныхъ идей*. Какъ ни полезно было такое повтореніе въ борьбѣ противъ отжившихъ нравственныхъ и политическихъ теорій,—серьезное научное значеніе оно могло имѣть только въ томъ случаѣ, еслибы материалистамъ удалось примѣнить свою мысль къ объясненію духовнаго развитія человѣчества. Мы уже сказали выше, что нѣкоторыя, очень замѣчательныя попытки сдѣланы были въ этомъ направленіи французскими материалистами (т. е. собственно Гельвеціемъ), но что онѣ окончились неудачей (а если бы онѣ удалось, то французскій материализмъ оказался бы очень сильнымъ въ вопросахъ развитія), и материалисты, въ своемъ взглядѣ на исторію, стали на чисто идеалистическую точку зрѣнія: *миръ являетъ міромъ*. Лишь по временамъ, лишь очень рѣдко материализмъ являлся въ ихъ историческія разсужденія въ видѣ замѣчаній на ту тему, что одинъ какой-нибудь шальной атомъ, попавшій въ голову «законодателя» и причинившій въ нейстройство мозговыхъ отправления, можетъ на цѣлѣ вѣка измѣнить ходъ исторіи. *Такой* материализмъ былъ въ сущности *фатализмомъ* и не оставлялъ мѣста для предвидѣнія событій, т. е., иначе сказать, для сознательной исторической дѣятельности мыслящихъ личностей.

Неудивительно поэтому, что способнымъ и талантливымъ людямъ, не вовлеченнымъ въ ту борьбу общественныхъ силъ, въ которой материализмъ являлся страшнымъ теоретическимъ оружіемъ крайней лѣвой партіи, это ученіе казалось *сухимъ, мрачнымъ, печальнымъ*. Такъ отзывался о немъ, напримѣръ, Геге. Чтобы этотъ упрекъ пересталъ быть заслуженнымъ, материализмъ долженъ былъ покинуть сухія, отвлеченныя разсужденія и попытаться понять и объяснить съ своей точки зрѣнія «живую жизнь», сложную и пеструю цѣпь конкретныхъ явленій. Но въ своемъ тогдашнемъ видѣ онъ не способенъ

быть рѣшить эту великую задачу и ею овладѣла *идеалистическая философія*.

Главнымъ, конечнымъ звеномъ въ развитіи этой философіи является гегелевская система, поэтому мы и будемъ указывать преимущественно на нее въ нашемъ изложеніи.

Гегель называлъ *метафизической* точку зрѣнія тѣхъ мыслителей—безразлично, идеалистовъ, или материалистовъ,—которые, не умѣя понять процесса развитія явленій, поневолѣ представляютъ ихъ себѣ и другимъ, какъ застывшія, безсвязныя, неспособныя перейти одно въ другое. Этой точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ *діалектику*, которая изучаетъ явленія именно въ ихъ развитіи и, слѣдовательно, въ ихъ взаимной связи.

По Гегелю, *діалектика есть принципъ всякой жизни*. Нерѣдко встрѣчаются люди, которые, высказавъ извѣстное отвлеченное положеніе, охотно признають, что, можетъ быть, они ошибаются и что, можетъ быть, правиленъ прямо противоположный взглядъ. Это—благовоспитанные люди, до конца ногтей проникнутые *«терпимостью»*: живи и живи давай другимъ, говорятъ они своему разуму. Діалектика не имѣетъ ничего общаго съ скептической терпимостью свѣтскихъ людей, но и она умѣетъ соглашаться прямо-противоположныя отвлеченныя положенія. Человѣкъ смертенъ, говоримъ мы, рассматривая смерть какъ вѣчно коренищееся во вѣншихъ обстоятельствахъ и совершенно чуждое природѣ живого человѣка. Выходитъ, что у человѣка есть два свойства: во-первыхъ, быть живымъ, а во-вторыхъ—быть также и смертнымъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что *жизнь* сама носитъ въ себѣ зародышъ *смерти*, и что вообще всякое явленіе *противорѣчиво* въ томъ смыслѣ, что оно само изъ себя развиваетъ тѣ элементы, которые, рано или поздно, положить конецъ его существованію, превратятъ его въ его собственную противоположность. Все течетъ, все измѣняется, и нѣтъ силы, которая могла бы задержать это постоянное теченіе, остановить это вѣчное движеніе; нѣтъ силы, которая могла бы противиться діалектикѣ явленій. Гете олицетворяетъ діалектику въ образѣ духа:

In Lebensfluthen, im Thaumstern
 Weilt ich auf und ab,
 Weilt hin und her!
 Geburt und Grab,
 Ein ewiges Meer,
 Ein wechselnd Wehen,
 Ein glühend Leben,
 So schaff ich am zaudernden Weistahl der Zeit,
 Und wirke der Gottheit lebendiges Kleid¹⁾.

БИРЖЕВОЕ УЧЕБНОЕ
 БУДУЩЕЕ
 КНИЖНОЕ УЧЕБНОЕ

Въ данную минуту движущееся тѣло находится въ данной точкѣ, но въ то же время находится и внѣ ея, потому что, если бы оно находилось только въ ней, оно, во крайней мѣрѣ на это мгновеніе, стало бы неподвижнымъ. Всякое движеніе есть диалектический процессъ, живое противорѣчіе, а такъ какъ нѣтъ ни одного явленія природы, при объясненіи котораго намъ не пришлось бы въ послѣдней счетѣ апеллировать къ движению, то надо согласиться съ Гегелемъ, который говорилъ, что *диалектика есть душа всякаго научнаго познанія*. И это относится не только къ познанію природы. Что означаетъ, наприимѣръ, старый афоризмъ: *suntim jus vitima injuria?*²⁾ То-ли, что справедливѣе всего мы поступаемъ тогда, когда, отдавши дѣль праву, мы въ то же время отдадимъ должное и безправію? Нѣтъ, такъ рассуждаетъ только «попый опытъ, умъ глупцовъ». Этотъ афоризмъ означаетъ, что всякое отвлеченное право, дойдя до своего логическаго конца, превращается въ безправіе, т.-е. въ свою собственную противоположность. «Венеціанскій кунаецъ» служить этому блестящей иллюстраціей. Взгляните теперь на экономическія явленія. Каковъ логическій

¹⁾ Въ бурѣ дѣланій, въ волнахъ бытій
 Я поднимаюсь,
 И опускаюсь...
 Смерть и рожденье—
 Вѣчное море;
 Жизнь и движенье
 Въ вѣчномъ просторѣ...
 Такъ на станкѣ проходящихъ вѣковъ
 Тку я живую одежду боговъ.

конецъ «свободнаго соперничества»? Каждый предприниматель стремится побить своихъ соперниковъ, остаться единоличнымъ хозяиномъ рынка. И, конечно, нерѣдки случаи, когда какому-нибудь Ротшильду или Вандербильду удается счастливо осуществить это стремленіе. Но это показываетъ, что свободное соперничество ведетъ къ монополіи, то-есть къ отрицанію соперничества, т.-е. къ своей собственной противоположности. Или посмотрите, къ чему ведетъ прославленный нашей народнической литературою такъ называемый *трудоваго принципа собственности*. Мнѣ принадлежитъ только то, что создано моимъ трудомъ. Это какъ нельзя болѣе справедливо. И не менѣе справедливо то, что я употребляю созданную мною вещь по своему свободному усмотрѣнію: я пользуюсь ею самъ, или мѣняю ее на другую вещь, почему либо болѣе для меня желательную. Столь же справедливо, наконецъ, и то, что я пользуюсь вымѣненной мною вещью опять-таки по своему свободному усмотрѣнію,—какъ мнѣ пріятнѣе, лучше, выгоднѣе. Положимъ теперь, что я продуктъ моего собственнаго труда продалъ за деньги и деньги употребилъ на наемъ работника, т.-е. купилъ чужую рабочую силу. Воспользовавшись этой чужой силой, я оказываюсь владельцемъ стоимости, которая значительно выше стоимости, израсходованной мною на ея покупку. Это, съ одной стороны, очень справедливо, такъ какъ, вѣдь, уже признано, что я могу пользоваться вымѣненной мною вещью какъ мнѣ лучше и выгоднѣе, а, съ другой стороны, это очень несправедливо, потому что я эксплуатирую чужой трудъ и тѣмъ отрицаю тотъ принципъ, который лежалъ въ основѣ моего понятія о справедливости. Собственность, пріобрѣтенная моимъ личнымъ трудомъ, рождаетъ мнѣ собственность, созданную трудомъ другого. *Summum jus summa injuria*. И такая *injuria* самою силою вещей порождается въ хозяйствѣ чуть не каждаго зажиточнаго бустаря, чуть не каждаго исправнаго сельскаго домохозяина ¹⁾.

¹⁾ Г. Михайловскому кажется непонятнымъ это вѣчное и повсюдное господство діалектики: все измѣняется кромѣ законовъ діалектическаго движенія, говорить онъ съ ехиднымъ скептицизмомъ. Да, это именно такъ, отвѣчаемъ мы, и если васъ это удивляетъ, если вы хотите оспаривать

Итакъ, *каждое явленіе дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ силъ, которыя обуславливаютъ его существованіе, рано или поздно, но неизбѣжно превращается въ свою собственную противоположность.*

Мы сказали, что идеалистическая нѣмецкая философія смотрѣла на всѣ явленія съ точки зрѣнія ихъ развитія, и что это и значить, смотреть на нихъ діалектически. Нужно замѣтить, что метафизики умѣютъ исказить и самое ученіе о развитіи. Они твердятъ, что ни въ природѣ, ни въ исторіи скачковъ не бываетъ. Когда они говорятъ о *возникновеніи* какого-нибудь явленія или общественнаго учрежденія, они представляютъ себѣ дѣло такъ, что это явленіе или учрежденіе было когда-то очень маленькимъ, совсѣмъ незамѣтнымъ, а потомъ постепенно подросло. Когда рѣчь идетъ объ *уничтоженіи* того же явленія и учрежденія, предполагается, наоборотъ, постепенное его уменьшеніе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока явленіе станетъ совсѣмъ незамѣтнымъ въ силу своихъ микроскопическихъ размѣровъ. Понимаемое такимъ образомъ развитіе ровно ничего не объясняетъ; оно предполагаетъ существованіе тѣхъ самыхъ явленій, которыя оно должно объяснить, и считается лишь съ совершающимися въ нихъ *количественными измѣненіями*. Господство метафизическаго мышленія было когда-то такъ сильно въ естествознаніи, что многіе натуралисты иначе и не могли представить себѣ развитіе, какъ именно въ видѣ такого постепеннаго увеличенія или уменьшенія размѣровъ изучаемаго явленія. Хотя уже со временъ Гарвея было признано, что *«все живое развивается изъ яйца»*, но съ такимъ

этотъ взглядъ, то помните, что вамъ придется оспаривать основную точку зрѣнія современнаго естествознанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вамъ достаточно припомнить хотя бы тѣ слова Пляйверъ, которыя Лайбелъ взялъ эпиграфомъ къ своему знаменитому сочиненію «*Principles of Geology*»: Amid the revolutions of the globe, the economy of Nature has been uniform, and her laws are the only things that have resisted the general movement. The rivers and the rocks, the seas and the continents have been changed in all their parts; but the laws which direct those changes, and the rules to which they are subject, have remained invariably the same.

развитіемъ изъ яйца очевидно не связывалось никакого точнаго представленія, и открытіе сперматозоидовъ тотчасъ послужило поводомъ къ возникновенію теоріи, по которой въ сѣменной клѣточкѣ уже заключается готовое, совершенно развитишееся, но микроскопически маленькое животное, такъ что все «развитіе» его сводится къ *росту*. Совершенно такъ разсуждаютъ теперь мудрые старцы, а въ ихъ числѣ многіе знаменитые европейскіе соціологи-эволюціонисты, о «развитіи», напримѣръ, политическихъ учрежденій: исторія скачковъ не дѣлаетъ: *va ripa*...

Нѣмецкая идеалистическая философія рѣшительно возстала противъ такого уродливаго понятія о развитіи. Гегель извѣтельно осмѣивалъ его и неопровержимо доказалъ, что и въ природѣ, и въ человѣческомъ обществѣ *скачки* составляютъ такой же необходимый моментъ развитія, какъ и постепенныя количественныя измѣненія. «Измѣненія бытія,—говоритъ онъ,—состоятъ не только въ томъ, что одно количество переходитъ въ другое количество, но также и въ томъ, что качество переходитъ въ количество и наоборотъ; каждый изъ переходовъ этого послѣдняго рода составляетъ *перерывъ постепеннаго* (*ein Abbrechen des Allmählichen*), и даетъ явленію новый видъ, качественно отличный отъ прежняго. Такъ, вода при охлажденіи твердѣетъ не постепенно... а сразу; уже охладившись до точки замерзанія, она остается жидкостью, если только сохраняетъ спокойное состояніе, и тогда достаточно малѣйшаго толчка, чтобы она вдругъ сдѣлалась твердой... Въ мірѣ нравственныхъ явленій... имѣютъ мѣсто такіе же переходы количественнаго въ качественное или, иначе сказать, различія въ качествахъ и тамъ основываются на количественныхъ различіяхъ. Такъ, *немножко меньшее, немножко большее* составляетъ ту границу, за которой легкомысліе перестаетъ быть легкомысліемъ и превращается въ нечто совершенно другое, въ преступленіе... Такъ, государства при прочихъ равныхъ условіяхъ получаютъ различный качественный характеръ лишь вслѣдствіе различій въ величинѣ. Данные законы и данное государственное устрой-

ство приобретают совершенно другое значение съ расширеніемъ территоріи государства и численности его гражданъ»... ¹⁾).

Современные натуралисты прекрасно знаютъ, какъ часто измѣненія количества ведутъ къ измѣненіямъ качества. Почему одна часть солнечнаго спектра производитъ въ насъ ощущеніе краснаго цвѣта, другая зеленаго и т. д.? Физика отвѣчаетъ, что тутъ все дѣло въ числѣ колебаній частицъ эфира. Извѣстно, что число это измѣняется для каждаго спектральнаго цвѣта, возростая отъ краснаго къ фіолетовому. Это не все. Напряженіе теплоты въ спектрѣ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ наружному краю красной полосы и достигаетъ наибольшей степени на вѣкоторомъ разстояніи отъ него, по выходѣ изъ спектра. Выходить, что въ спектрѣ имѣются особаго рода лучи, которые уже не свѣтятъ, а только грѣютъ. Физика и здѣсь говоритъ, что качества лучей измѣняются вслѣдствіе измѣненія числа колебаній частицъ эфира. Но и это не все. Солнечные лучи производятъ извѣстное химическое дѣйствіе, какъ это показываетъ, на примѣръ, линіи матерій отъ солнца. Наибольшей химической силой отличаются фіолетовые и, такъ называемые, за-фіолетовые лучи, которые уже не вызываютъ въ насъ свѣтового ощущенія. Различіе въ химическомъ дѣйствіи солнечныхъ лучей объясняется опять-таки ни чѣмъ инымъ, какъ количественными различіями въ колебаніяхъ частицъ эфира: *количество переходитъ въ качество*. То же подтверждаетъ химія. Озонъ имѣетъ другія свойства, чѣмъ обыкновенный кислородъ. Откуда это различіе? Въ молекулѣ озона иное число атомовъ, чѣмъ въ молекулѣ обыкновеннаго кислорода. Возьмемъ три углеводородистыхъ соединенія: CH_4 (болотный газъ), C_2H_6 (диметиль) и C_2H_5 (метиль-этиль). Всѣ они составлены по формулѣ: n атомовъ углерода и $2n+2$ атома водорода. Если n равно единицѣ, вы имѣете болотный газъ; если n равно двумъ, получается диметиль; если n равно тремъ, является метиль-этиль. Такимъ образомъ составляются цѣлые ряды, о значеніи которыхъ вамъ разскажетъ любой химикъ, и всѣ эти ряды едино-

¹⁾ Wissenschaft der Logik, первое изданіе, ч. I, книга I, стр. 313—314.

гласно подтверждаютъ положеніе старыхъ діалектиковъ-идеалистовъ: *количество переходитъ въ качество*.

Теперь мы узнали уже главнѣйшіе отличительные признаки діалектическаго мышленія, но читатель чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ.—А гдѣ же знаменитая *тріада*, спрашиваетъ онъ, та *тріада*, въ которой заключается, какъ извѣстно, вся суть гегелевской діалектики? Извините, читатель, мы не говорили о *тріадѣ* по той простой причинѣ, что она *вообще не играетъ у Гегеля той роли, которую ей приписываютъ люди*, не имѣющіе никакого понятія о философіи этого мыслителя, изучавшіе ее, напримѣръ, по «учебнику уголовного права» г. Спасовича ¹⁾. Полные святой простоты, эти легкомысленные люди убѣждены, что вся аргументація нѣмецкаго идеалиста сводилась къ ссылкамъ на *тріаду*; что съ какимъ бы теоретическимъ затрудненіемъ ни сталкивался старикъ, онъ съ спокойной улыбкой предоставлялъ другимъ ломать надъ нимъ бѣдныя непосвященные головы, а самъ немедленно строилъ силлогизмъ: всѣ явленія совершаются по *тріадѣ*; я имѣю дѣло съ явленіемъ; слѣдовательно, обращусь къ *тріадѣ* ²⁾. Это просто

¹⁾ «Мечтая о карьерѣ адвоката, рассказываетъ г. Михайловскій, а съ жаромъ, хотя и безъ всякаго порядка, читалъ разные юридическія сочиненія. Въ томъ числѣ былъ учебникъ уголовного права г. Спасовича. Въ этомъ сочиненіи есть краткій обзоръ различныхъ философскихъ системъ въ ихъ отношеніи къ криминалистикѣ. Я въ особенности поразился знаменитою *тріадой* Гегеля, въ силу которой наказаніе такъ граціозно становится примиреніемъ противорѣчія между правомъ и преступленіемъ. Извѣстна слава знаменитости трехчленной формулы Гегеля въ ея разнообразнѣйшихъ приложенияхъ... неудивительно, что я былъ плененъ ею въ учебникѣ г. Спасовича. Неудивительно, что затѣмъ потянуло и къ Гегелю, и ко многому другому... («Русская Мысль», 1891, кн. III, отд. II, стр. 188). Жаль, очень жаль, что г. Михайловскій не сообщаетъ, въ какихъ размѣрахъ удовлетворилъ онъ свое тяготѣніе «къ Гегелю». По всему видно, что онъ не далеко пошелъ въ этомъ отношеніи.

²⁾ Г. Михайловскій увѣряетъ, что покойный Н. Зяберъ, доказывая въ своихъ спорахъ съ нимъ необходимость капитализма въ Россіи, употреблялъ всевозможные аргументы, но при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго трехчленнаго діалектическаго развитія («Русская Мысль», 1892, кн. VI, отдѣлъ II, стр. 196). Онъ

сумасшедшіе пустяки, какъ выражается одинъ изъ персонажей Каролина, или *нестественное празднословіе*, если вамъ больше нравится щедринское выраженіе. Ни въ одномъ изъ 18 томовъ сочиненій Гегеля «*тріада*» ни разу не играетъ роли *довода*, и кто хоть немного знакомъ съ его философскимъ ученіемъ, тотъ понимаетъ, что она никоимъ образомъ *не могла играть ее*. У Гегеля *тріада* имѣетъ такое же значеніе, какое она имѣла еще у Фихте, философія котораго существенно отличается отъ гегелевской. Понятно, что только круглое невѣжество можетъ считать главнымъ отличительнымъ признакомъ одной философской системы признакъ, свойственный, *по меньшей мѣрѣ*, двумъ совершенно различнымъ системамъ.

Намъ очень жаль, что «*тріада*» отвлекаетъ насъ отъ нашего изложенія, но, заговоривъ о ней, надо кончить. Посмотримъ-же, что это за птица.

Всякое явленіе, развиваясь до конца, превращается въ свою противоположность; но такъ какъ новое, противоположное первому, явленіе также, въ свою очередь, превращается въ свою противоположность, то третья фаза развитія имѣетъ *формальное сходство съ первой*. Оставимъ пока вопросъ о томъ, насколько соответствуетъ дѣйствительности такой ходъ развитія, допустимъ, что ошибались люди, думавшіе, что—совершенно соответствуетъ; во всякомъ случаѣ ясно, что «*тріада*» только *вытекаетъ* изъ одного изъ положеній Гегеля, но сама вовсе не служитъ ему основнымъ положеніемъ. Это очень существенная разница, потому что если бы *тріада* фигурировала въ качествѣ основного положенія, то подъ ея «*сѣнью*» дѣйствительно могли бы искать защиты люди, отводящіе ей такую важную роль, но

увѣрять также, что все, какъ онъ выражается, пророчество Маркса относительно исхода капиталистическаго развитія опирается лишь на «*тріаду*». О Маркxѣ мы поговоримъ ниже, а о Н. Зиберѣ замѣтимъ, что намъ приходилось не разъ бесѣдовать съ покойнымъ и ни разу не слышали мы отъ него смелокъ на «*диалектическое развитіе*». Онъ не разъ самъ говорилъ, что ему совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новейшей экономіи. Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и потому показаніе г. Михайловскаго неопровержимо.

такъ какъ она въ этомъ качествѣ вовсе не фигурируетъ, то за нее могутъ прятаться развѣ лишь такіе, которые *слышали звонъ, да не знаютъ, откуда онъ*.

Само собою разумѣется, что положеніе дѣла не измѣнилось бы въ сущности ни на іоту, если бы, не прячась за «тріаду», диалектики «при малѣйшей опасности» укрывались «подъ сѣнь» того положенія, что всякое явленіе превращается въ свою собственную противоположность. Но и такъ никогда не поступали они, и не поступали потому, что указанное положеніе вовсе не исчерпываетъ ихъ взгляда на развитіе явленій. Они говорятъ, наприимѣръ, кромѣ того, что въ процессѣ развитія количество переходитъ въ качество, а качество въ количество. Следовательно, имъ приходится считаться и съ качественной, и съ количественной стороной процесса; а это предполагаетъ внимательное отношеніе къ его *дѣйствительному, фактическому* ходу; а это значитъ, что они не довольствуются *отвлеченными выводами изъ отвлеченныхъ положеній*, или, по крайней мѣрѣ, не должны довольствоваться такими выводами, если хотятъ остаться вѣрными своему міросозерцанію.

«На каждой страницѣ своихъ сочиненій Гегель постоянно и неустанно указывалъ, что философія тождественна съ *совокупностью эмпирии*, что философія ничего не требуетъ такъ настойчиво, какъ углубленія въ эмпирическія науки... Фактическій матеріалъ безъ мысли имѣетъ только относительное значеніе, мысль безъ фактическаго матеріала является простой химерой... Философія есть то *сознаніе*, къ которому приходятъ относительно самихъ себя эмпирическія науки. Она не можетъ быть ничѣмъ инымъ».

Вотъ какой взглядъ на задачу мыслящаго изслѣдователя вынесъ *Лассаль* изъ изученія гегелевской философіи ¹⁾: философы должны быть спеціалистами въ тѣхъ наукахъ, которымъ они хотятъ помочь въ достиженіи самосознанія. Кажется, отъ спеціальнаго изученія предмета очень далеко до легкомыслен-

¹⁾ См. *ero System der erworbenen Rechte*, zweite Auflage, Leipzig. 1880, Vorrede, SS. XII—XIII.

ной болтовни во славу «триады». И пусть не говорят намъ, что Лассаль былъ не «настоящій» гегельянецъ, что онъ принадлежалъ къ «лѣвымъ» и рѣзко упрекалъ «правыхъ» въ томъ, что они занимались лишь отвлеченными построениями. Вѣдь, человѣкъ прямо говоритъ намъ, что онъ заимствовалъ свой взглядъ непосредственно отъ Гегеля.

Впрочемъ, вы, можете быть, захотите отвести показаніе автора «Системы приобретенныхъ правъ» подобно тому, какъ отводятъ иногда на судъ показанія родственниковъ. Мы спорить и прекословить не станемъ; мы вызовемъ въ качествѣ свидѣтеля совсѣмъ посторонняго человѣка, автора «Очерковъ гегелевскаго періода».

Просимъ вниманія: свидѣтель будетъ говорить долго и, по своему обыкновенію, умно.

«Мы столь же мало послѣдователи Гегеля, какъ и Декарта или Аристотеля. Гегель имѣетъ уже принадлежить исторіи, настоящее время имѣетъ другую философію и хорошо видитъ недостатки гегелевой системы; но должно согласиться, что принципы, выставленные Гегелемъ, дѣйствительно, были очень близки къ истинѣ, и нѣкоторыя стороны истины были выставлены на видъ этимъ мыслителемъ съ истинно поразительною силою. Изъ этихъ истинъ, открытіе иныхъ составляетъ личную заслугу Гегеля; другія, хотя и принадлежать не исключительно его системѣ, а всей нѣмецкой философіи со временъ Канта и Фихте, но нѣкъ до Гегеля не были сформулированы такъ ясно и высказываемы такъ сильно, какъ въ его системѣ.

«Прежде всего укажемъ на плодотворнѣйшее начало всякаго прогресса, которымъ столь рѣзко и блистательно отличается нѣмецкая философія вообще и въ особенности гегелева система отъ тѣхъ лицемерныхъ и трусливыхъ воззрѣній, какія господствовали въ тѣ времена (начало XIX вѣка) у французовъ и англичанъ: «истина—верховная цѣль мышленія; ищите истины, потому что въ истинѣ благо, какова бы ни была истина, она лучше всего, что неистинно; первый долгъ мыслителя: не отступать ни предъ какими результатами; онъ долженъ быть готовъ жертвовать истинѣ самыми любимыми своими мнѣніями. Заблуж-

деніе — источникъ всякой пагубы; истина — верховное благо и источникъ всѣхъ другихъ благъ». Чтобы оцѣнить чрезвычайную важность этого требованія, общаго всей нѣмецкой философіи со времени Канта, но особенно энергически высказаннаго Гегелемъ, надобно вспомнить, какими странными и узкими условіями ограничивали истину мыслители другихъ тогдашнихъ школъ: они принимались философствовать не иначе, какъ затѣмъ, чтобы «оправдать дорогія для нихъ убѣжденія», т. е. искали не истины, а поддержки своимъ предубѣжденіямъ; каждый бралъ изъ истины только то, что ему нравилось, а всякую неприятную для него истину отвергалъ, безъ церемоніи признаваясь, что пріятное заблужденіе кажется ему гораздо лучше безпристрастной правды. Эту манеру заботиться не объ истинѣ, а о подтвержденіи пріятныхъ предубѣжденій, нѣмецкіе философы (особенно Гегель) прозвали «субъективнымъ мышленіемъ» (Святители! Да ужъ не за то-ли ругаютъ Гегеля схоластикомъ наши субъективныя мыслители? Авторъ), философствованіемъ для личнаго удовольствія, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличалъ эту пустую и вредную забаву. (Слушайте! Слушайте!) Какъ необходимое предохранительное средство противъ попозвоеній уклониться отъ истины въ угожденіе личнымъ желаніямъ и предразсудкамъ, былъ выставленъ Гегелемъ знаменитый «діалектическій методъ мышленія». Сущность его состоитъ въ томъ, что мыслитель не долженъ успокоиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а долженъ искать, вѣтъ-ли въ предметѣ, о которомъ онъ мыслитъ, качества и силы, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ: такимъ образомъ, мыслитель былъ принужденъ обзрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ, и истина являлась ему не иначе, какъ слѣдствіемъ борьбы всевозможныхъ противоположныхъ мнѣній. Этимъ способомъ, вмѣсто прежнихъ одностороннихъ повлтій о предметѣ, мало-по-малу являлось полное, всестороннее изслѣдованіе и составлялось живое понятіе о всѣхъ дѣйствительныхъ качествахъ предмета. Объяснить дѣйствительность стало существенною обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности,

Итак, с одной стороны, надо говорить, что отличительной чертой сугубой философии была силосо-анализирующее исследование действительности; силосо-заброшенное отношение ко всякому данному предмету; изучение его среди его живой обстановки при всёгда-тёплой обстоятельности привнесения и жёсткости, которые обуславливают или сопровождают его существование. Показание автора «Очерков гоголевского периода» тождественно с этими случаями с показанием Ф. Лиссаля. А с другой стороны, надо хотеть убедить, что эта философия была пустой спекулятивной, весь секрет которой состоит из софистических употреблений «триады». В этих случаях показание г. Михайловского совершенно согласно с показанием г. В. В. и целесообразно других современных русских исследователей. Хотят объяснить это разногласие свидетелей? Объясните, хотите, не забудьте, что Лиссаль и автор «Очерков гоголевского периода» знали ту философию, о которой говорили, а г. Михайловский, В. В. и братья наоборот не дали себе труда познать хотя бы какое-нибудь одно сочинение Гегеля.

И забудьте, что при характеристике диалектического мышления автор «Очерков» ни одним словом не коснулся триады. Как же это он не забыл того самого слова, которого г. Михайловский и компания так уверно и так характеристически выставляют на показь всёгда звучащее? Еще раз, пожалуйста, что автор «Очерков гоголевского периода» знал философию Гегеля, а г. Михайловский и компания не набьются о ней ни наибольшего понятия.

Может быть, читателю удобно припомнить какие-либо другие отзывы автора «Очерков гоголевского периода» о Гегеле? Может быть, он укажет на знаменитую статью «Критика философских предубеждений против обвиняемого материализма»? В этой статье говорится именно о триаде и, по истинному, она выставляется главным кольцом идеального идеализма. Но это

стало и в той обстановке, среди которой существует, а не в отвлечении от этой обстановки и жизни своих особенностей (так представляет его отвлеченное мышление, суждения которого потому не имеют смысла для действительной жизни).

только повидимому. Разсуждая объ исторіи собственности, авторъ утверждаетъ, что въ третьей, высшей фазѣ своего развитія она вернется къ своей исходной точкѣ, т.-е. что частная собственность на землю и средства производства уступитъ мѣсто—общественной. Такой возвратъ, — говоритъ онъ, — есть общій законъ, проявляющійся во всякомъ процессѣ развитія. Аргументація автора есть въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, не что иное, какъ ссылка на триаду. И въ этомъ заключается ея существенный недостатокъ: она *отвлеченна*: развитіе собственности разсматривается безъ отношенія къ ея конкретнымъ историческимъ условіямъ; поэтому и доводы автора остроумны, блестящи, но не убѣдительны; они только поражаютъ и удивляютъ, но не убѣждаютъ. Но виноватъ-ли Гегель въ этомъ недостаткѣ аргументаціи автора «Критики философскихъ предубѣжденій»? Какъ вы думаете, была-ли бы аргументація автора отвлеченна, если бы онъ разсмотрѣлъ предметъ именно такъ, какъ, по его собственнымъ словамъ, Гегель совѣтовалъ разсматривать всѣ предметы, т.-е. держась почвы дѣйствительности, взвѣсивъ всѣ конкретныя условія, всѣ обстоятельства времени и мѣста? Кажется, что вѣтъ, кажется, что тогда-то именно и не было бы въ статьѣ указаннаго нами недостатка. Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ же былъ порожденъ недостатокъ? Тѣмъ, что авторъ статьи «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія», оспаривая отвлеченные доводы своихъ противниковъ, позабылъ благіе софѣты Гегеля, *оказался нестрѣмъ методу* того самаго мыслителя, на котораго онъ ссылался. Намъ жалъ, что въ полемическомъ увлеченіи онъ сдѣлалъ такую ошибку. Но, еще разъ, виноватъ-ли Гегель въ томъ, что въ этомъ случаѣ авторъ «Критики философскихъ предубѣжденій» не сумѣлъ воспользоваться его методомъ? Съ какихъ это поръ философскія системы оцѣниваются не по ихъ внутреннему содержанію, а по тѣмъ ошибкамъ, которыя случается дѣлать ссылающимся на нихъ людямъ?

И, опять-таки, какъ ни вѣстойчиво ссылается авторъ названной статьи на триаду, онъ и въ ней не выставляетъ ее главнымъ конькомъ диалектическаго метода; она и здѣсь яв-

ляется у него не основой, а развѣ что неоспоримымъ слѣд-
ствиемъ. Основа, главная отличительная черта діалектики ука-
зывается у него въ слѣдующихъ словахъ: *«Вѣчная смѣна формъ,
вѣчное отверженіе формы, рожденной извѣстнымъ содержаніемъ
или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія,
высшаго развитія того же содержанія...»*—кто понялъ этотъ ве-
ликій, вѣчный, повсемѣтный законъ, кто научился примѣнять
его ко всякому явленію, — о, какъ спокойно призываетъ онъ
шансы, которыми смущаются другіе» и т. д.

«Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожден-
ной извѣстнымъ содержаніемъ». — діалектики дѣйствительно
смотрятъ на такую смѣну, на такое «отверженіе формъ», какъ на
великій, вѣчный, повсемѣтный законъ. Въ настоящее время этого
убѣжденія не раздѣляютъ съ ними только представители вѣкото-
рыхъ отраслей общественной науки, ве имѣющіе мужества взгля-
нуть истинѣ прямо въ глаза, старающіеся отстоять, хотя бы съ
помощью заблужденія, дорогіе имъ предразсудки. Тѣмъ болѣе
должны мы цѣнить заслуги великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ,
которые уже съ самаго начала нынѣшняго столѣтія неуставно
твердили о вѣчной смѣнѣ формъ, о вѣчномъ ихъ отверженіи,
вслѣдствіе усиленія породившаго эти формы стремленія.

Выше мы оставили «юка» безъ разсмотрѣнія вопросъ о
томъ, точно-ли всякое явленіе превращается, какъ это думали
нѣмецкіе идеалисты-діалектики, въ свою собственную противо-
положность. Теперь, надѣмая, читатель согласится съ нами, что
собственно этотъ вопросъ можно и *совсѣмъ* не разсматривать.
Когда вы примѣняете діалектическій методъ къ изученію явле-
ній, вамъ необходимо помнить, что *формы вѣчно смѣняются
вслѣдствіе «высшаго развитія ихъ содержанія»*. Этотъ процессъ
отверженія формъ вы должны прослѣдить во всей его полнотѣ,
если хотите исчерпать предметъ. Но будетъ-ли новая форма
противоположна старой, — это вамъ покажетъ опытъ, и знать
это напередъ вовсе не важно. Правда, именно на основаніи исто-
рическаго опыта человѣчества всякій понимающій дѣло юристъ
скажетъ вамъ, что всякое правовое учрежденіе рано или поздно
превращается въ свою собственную противоположность: нынѣ

оно способствуетъ удовлетворенію извѣстныхъ общественныхъ нуждъ; нынѣ оно полезно, необходимо именно въ виду этихъ нуждъ. Потомъ оно начинаетъ все хуже и хуже удовлетворять эти нужды; наконецъ, оно превращается въ *препятствіе* для ихъ удовлетворенія: изъ *необходимого* оно становится *вреднымъ*—и тогда оно уничтожается. Возьмите, что хотите,—исторію литературы или исторію видовъ, и всюду, гдѣ есть развитіе, вы увидите подобную діалектику. Но, все-таки, кто, пожелавъ выскочить въ сущность діалектическаго процесса, началъ бы именно съ провѣрки ученія о *противоположности* явленій, стоявшихъ рядомъ въ каждомъ данномъ процесѣ развитія, тотъ подошелъ бы къ дѣлу съ ненадлежащаго конца.

Въ выборѣ точки зрѣнія для такой провѣрки всегда оказалось бы много *произвольнаго*. Надо взглянуть на этотъ вопросъ съ его объективной стороны, иначе сказать, надо выяснить себѣ, что такое неизбѣжная смена формъ, обуславливаемая развитіемъ даннаго содержанія? Это та же самая мысль, только выраженная другими словами. Но при провѣркѣ ея уже нѣтъ мѣста произволу, потому что точка зрѣнія изслѣдователя опредѣляется *самимъ характеромъ формъ и содержанія*.

По словамъ Энгельса, заслуга Гегеля заключается въ томъ, что онъ первый взглянулъ на всѣ явленія съ точки зрѣнія ихъ развитія, съ точки зрѣнія ихъ возникновенія и уничтоженія. «Первый ли онъ это сдѣлалъ, можно спорить,—говоритъ г. Михайловскій, но во всякомъ случаѣ не послѣдній, и нынѣшнія теории развитія—эволюціонизмъ Спенсера, дарвинизмъ, идея развитія въ психологій, физикѣ, геологій и т. д.—не имѣютъ ничего общаго съ гегельянствомъ»¹⁾.

Если современное естествознаніе на каждомъ шагу подтверждаетъ гениальную мысль Гегеля о переходѣ количества въ качество, то можно-ли сказать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ гегельянствомъ? Правда, Гегель не былъ «*послѣднимъ*» изъ говорившихъ о такомъ переходѣ, но именно по той же причинѣ, по какой Дарвинъ не былъ «*послѣднимъ*» изъ людей, говорив-

¹⁾ Русское Богатство, 1894, кн. 2, отд. II, стр. 150.

шихъ объ измѣняемости видовъ, а Ньютонъ не былъ «послѣднимъ» ньютонистомъ. Что прикажете? Таковъ ужъ ходъ развитія человеческого разума! Выскажете вы *правильную мысль*, и вы навѣрное не будете «послѣднимъ» изъ защищавшихъ ее; скажете *вздоръ*,—и хотя люди очень законы до него,—но вы все-таки рискуете оказаться «послѣднимъ» его защитникомъ и носителемъ. Такъ, по нашему скромному мнѣнiю, г. Михайловскiй сильно рискуетъ оказаться «послѣднимъ» сторонникомъ «субъективнаго метода въ социологiи». Говоря откровенно, мы не видимъ повода печалиться о такомъ ходѣ развитія разума.

Мы предлагаемъ г. Михайловскому,—который «можетъ спорить» обо всемъ на свѣтѣ и о многомъ прочемъ,—опровергнуть слѣдующее наше положенiе: всюду, гдѣ является идея развитiя «въ психологiи, физикѣ, геологiи и т. д.», она *непремѣнно имѣетъ много «общаго съ гегельянствомъ»*, т. е. въ каждомъ новѣйшемъ ученiи о развитiи *непремѣнно повторяются нѣкоторыя общiя положенiя Гегеля*. Говоримъ *нѣкоторыя*, а не *все*, потому что многiе изъ современныхъ эволюционистовъ, будучи лишены надлежащаго философскаго образованiя, понимаютъ «эволюцiю» *отвлеченно, односторонне*. Примеръ: уже упомянутые выше господа, увѣряющiе, что ни природа, ни исторiя скачковъ не дѣлаютъ. Такiе люди очень много выиграли бы отъ знакомства съ «*логикой*» Гегеля. Пусть опровергнетъ насъ г. Михайловскiй, но только пусть не забываетъ онъ, что нельзя опровергнуть насъ, зная Гегеля лишь по «учебнику уголовного права» г. Спасовича да по «Исторiи философи» Льюиса. Надо потрудиться изучить самого Гегеля.

Говоря, что современные ученiя эволюционистовъ всегда имѣютъ очень много «общаго съ гегельянствомъ», мы не утверждаемъ, что нивѣйшiе эволюционисты заимствовали свои взгляды у Гегеля. Совсѣмъ напротивъ. Часто они имѣютъ о немъ столь же ошибочное представленiе, какое имѣетъ г. Михайловскiй. И если, тѣмъ не менѣе, ихъ теорiи, хотя отчасти, и именно тамъ, гдѣ онѣ оказываются вѣрными, являются новой иллюстрацiей «гегельянства», то это обстоятельство лишь отгѣняетъ поразительную силу мысли нѣмецкаго идеалиста: люди, никогда не

читавше его, силой бытовать, оспаривать смыслъ «дѣятельности» именуемыхъ говорить такъ, какъ говорили-бы. Больше грядущая земля и подумать для философа: его именурируютъ *титанизмъ*, но его взгляды подтверждаютъ *землю*.

До сихъ поръ еще трудно сказать, на сколько взгляды именованной идеальности непосредственно повлияли въ указанномъ направленіи на немецкое естествознаніе, зато несомнѣнно, что въ первой половинѣ немецкаго вѣка для натуралиста въ Германіи занимался въ теченіе университетскаго курса философій, а хотя *иногда* знатоки биологическихъ наукъ, какъ Геккель, съ удивленіемъ отзываются теперь объ эволюціонныхъ теоріяхъ некоторыхъ натурфилософовъ. Но философія природы была слабой стороной немецкаго идеализма. Его сила заключалась въ *теоріяхъ, касающихся различныхъ сторонъ историческаго развитія*. А что касается этихъ теорій, то пусть г. Михайловскій припомнитъ, — если знаетъ когда-нибудь, — что именно къ школе Гегеля вышла вся та блестящая плеяда мыслителей и изыскателей, которая призвала совершенно новую видъ изученію религіи, эстетики, права, политической экономіи, исторіи, философіи и проч. Во всѣхъ этихъ «дисциплинахъ» въ теченіе некотораго — самаго плодотворнаго — періода не было ни одного выдающагося работника, не обязаннаго Гегелю своимъ развитіемъ и сильнаго взглядами на свою науку. Думаетъ-ли г. Михайловскій, что и противъ этого «можно спорить»? Если да, то пусть попробуетъ.

Говоря о Гегелѣ, г. Михайловскій старается «сдѣлать это такъ, чтобы быть понятнымъ для людей, непосвященныхъ въ тайны «философскаго колпана Егора Федоровича», какъ непочтительно выразился Бѣлинскій, поднявъ знамя возстанія противъ Гегеля». Онъ беретъ «для этого» два примѣра изъ книги Дингелса «*Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*» (почему же не изъ самаго Гегеля? Такъ удобнѣе было бы поступить писателю, «посвященному въ тайны» и т. д.)

«Зерно овса попадаетъ въ благопріятныя условія: оно пускаетъ ростокъ и тѣмъ самымъ, какъ *такое*, какъ зерно, *отрывается*; на его мѣстѣ возникаетъ стебель, который есть

отрицаніе зерна; растение развивается, приносит плоды, т. е. новые зерна овса, и когда эти зерна созревают, — стебель погибает: онъ, *отрицаніе* зерна, самъ *отрицается*. И затѣмъ тотъ же процессъ «отрицанія» и «отрицанія отрицанія» повторяется безчисленное число (sic!) разъ. Въ основаніи этого процесса лежитъ *противорѣчіе*: зерно овса есть зерно и въ то же время *не* зерно, такъ какъ всегда находится въ *дѣйствительномъ* или *возможномъ* развитіи». Г. Михайловскій, разумѣется, «можетъ спорить» противъ этого. Вотъ какъ переходитъ у него въ *дѣйствительность* эта привлекательная *возможность*.

«Первая ступень, ступень зерна, есть тезисъ, положеніе; вторая, вплоть до образованія новыхъ зеренъ, есть антитезисъ — противоположеніе; третья есть синтезисъ или прииреніе (г. Михайловскій рѣшился писать популярно и потому не оставляетъ греческихъ словъ безъ объясненія или перевода); все вмѣстѣ составляетъ триаду или трихотомію. И такова судьба всего живущаго: оно возникаетъ, развивается и даетъ начало своему повторенію, послѣ чего умираетъ. Громадная масса единичныхъ проявленій этого процесса тотчасъ же, конечно, встаетъ въ памяти читателя, и законъ Гегеля оказывается оправданнымъ на всемъ органическомъ мірѣ (мы теперь дальше не идемъ). Если однако мы взглянемъ въ нашъ примѣръ нѣсколько ближе, то увидимъ крайнюю поверхностность и произвольность нашего обобщенія. Мы взяли зерно, стебель и опять зерно или, вѣрнѣе, группу зеренъ. Но вѣдь прежде, чѣмъ приносить плодъ, растение цвѣтетъ. Когда мы говоримъ объ овсѣ или другомъ злакѣ, излющемъ хозяйственное значеніе, мы можемъ имѣть въ виду зерно посѣянное, солому и зерно собранное, но этими тремя моментами считать и жизнь растенія исчерпанною — не имѣть никакого резона. Въ жизни растенія моментъ цвѣтенія сопровождается чрезвычайнымъ и своеобразнымъ напряженіемъ силъ, а такъ какъ цвѣтокъ не непосредственно изъ зерна возникаетъ, то, придерживаясь даже терминологіи Гегеля, мы получаемъ не трихотомію, а, по крайней мѣрѣ, тетрахотомію, четверное дѣленіе: стебель отрицаетъ зерно, цвѣтокъ отрицаетъ стебель, плодъ отрицаетъ цвѣтокъ. Пропускъ момента цвѣтенія имѣетъ

важное значеніе еще вотъ въ какомъ отношеніи. Во времена Гегеля можетъ быть и позволительно было брать зерно за исходный пунктъ жизни растенія, а съ хозяйственной точки зрѣнія позволительно, пожалуй, это и теперь дѣлать: хозяйственный годъ начинается посѣвомъ зерна. Но жизнь растенія не съ зерна начинается. Мы теперь очень хорошо знаемъ, что зерно есть нѣчто очень сложное по строенію и само составляетъ продуктъ развитія клѣточки, и что важныя для размноженія клѣточки образуются именно въ моментъ цвѣтенія. Такимъ образомъ въ примѣрѣ жизни растенія и исходный пунктъ взять произвольно и невѣрно, и весь процессъ искусственно и опять таки произвольно втиснуть въ рамки трихотоміи¹⁾. Выводъ: «*пора бы перестать вѣрить, что овесъ растетъ по Гегелю*».

Все течетъ, все измѣняется! Въ наше время, т.-е. когда пишущій эти строки занимался, въ годы своего студенчества, естественными науками, овесъ росъ «по Гегелю», а плнѣ «мы очень хорошо знаемъ», что это вздоръ; теперь «*nous avons changé tout cela*». Но полно, хорошо-ли «мы знаемъ» то, о чемъ говоримъ.

Г. Михайловскій излагаетъ заимствованный имъ у Энгельса примѣръ съ овсянымъ зерномъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ изложенъ у самого Энгельса. Энгельсъ говоритъ: «зерно, какъ таковое, уничтожается, оно *отрицается*, его мѣсто занимаетъ выросшее изъ него растеніе, отрицаніе зерна. Но каковъ нормальный круговоротъ жизни этого растенія? Оно растетъ, цвѣтетъ, оплодотворяется и производитъ, наконецъ, снова овсяныя зерна²⁾; когда зерна созрѣваютъ, стебель отмираетъ, отрицается въ свою очередь. Какъ результатъ этого отрицанія отрицанія мы получаемъ опять овсяное зерно, но уже не одно, а самъ-десять, самъ-двадцать, самъ-тридцать»³⁾. Отрицаніемъ зерна является у Энгельса *цѣлое растеніе*, въ круговоротъ жизни

¹⁾ «Русск. Богатство», цит. книжка, II отд., стр. 154—157.

²⁾ У Энгельса рѣчь идетъ, собственно говоря, о ячменномъ, а не объ овсяномъ зернѣ, что, конечно, несущественно.

³⁾ Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, первое изданіе, первая часть, стр. 111—112.

котораго входитъ, между прочимъ, и *цвѣтеніе*, и *оплодотвореніе*. Г. Михайловскій «отрицаетъ» слово *растеніе*, ставя на его мѣсто слово *стебель*. Стебель, какъ извѣстно, составляетъ *только часть* растенія и, разумѣется, *отрицается* другими его частями: *omnis determinatio est negatio*. Но именно потому-то г. Михайловскій и «отрицаетъ» выраженіе Энгельса, замѣняя его своимъ собственнымъ: стебель отрицаетъ зерно, кричитъ онъ, цвѣтокъ отрицаетъ стебель, плодъ отрицаетъ цвѣтокъ; тутъ по крайней мѣрѣ тетрахономія! Конечно, г. Михайловскій, но все это доказываетъ только то, что въ спорѣ съ Энгельсомъ вы не отступаете даже... какъ бы это помягче сказать?—не отступаете даже предъ «моментомъ»... *видоизмѣненія словъ вашего противника*. Это приемъ нѣсколько... «субъективный».

Разъ «моментъ» подмѣна совершилъ свое дѣло, ненавистная триада разлетается какъ карточный домикъ. Вы пропустили моментъ цвѣтенія,—упрекаетъ російскій «соціологъ» нѣмецкаго писателя, а «пропускъ момента цвѣтенія имѣетъ важное значеніе». Читатель видѣлъ, что «моментъ цвѣтенія» пропущенъ не Энгельсомъ, а г. Михайловскимъ при изложеніи мысли Энгельса; онъ знаетъ также, что такого рода «пропускамъ» въ литературѣ придается очень важное, хотя и совершенно отрицательное, значеніе. Г. Михайловскій и тутъ пустилъ въ дѣло некрасивый «моментъ». Но что же дѣлать? «Триада» такъ ненавистна, побѣда такъ пріятна, а «люди, совершенно непосвященные въ тайны» извѣстнаго «колпака», такъ легковѣрны!

Мы всѣ невинны отъ рожденія,
И нашей честью дорожимъ;
Но вѣдь бываютъ столкновенья,
Что просто нехотя грѣшимъ...

Цвѣтокъ есть органъ растенія, и, какъ таковой, такъ же мало отрицаетъ растеніе, какъ голова г. Михайловскаго отрицаетъ г. Михайловскаго. Но «плодъ», т.-е., точнѣе, оплодотворенное яйцо есть дѣйствительно отрицаніе даннаго организма въ качествѣ исходной точки развитія новой жизни. Энгельсъ и разсматриваетъ круговоротъ жизни растенія отъ начала раз-

витія его изъ оплодотвореннаго яйца до воспроизведенія имъ оплодотвореннаго яйца. Г. Михайловскій съ ученымъ виломъ знатока замѣчаетъ: «жизнь растенія не съ зерна начинается. Мы теперь очень хорошо знаемъ» и проч.,—коротко сказать, мы знаемъ теперь, что яйцо оплодотворяется во время цвѣтенія. Энгельсъ, конечно, знаетъ это не хуже г. Михайловскаго. Но что же это показываетъ? Если угодно г. Михайловскому, мы замѣнимъ зерно—оплодотвореннымъ яйцомъ, но это не измѣнитъ смысла жизненнаго круговорота растенія, не отвергнетъ «тріады». Овесъ все-таки будетъ расти «по Гегелю».

Кстати. Допустимъ на минуту, что «моментъ цвѣтенія» ниспровергаетъ всѣ доводы гегельянцевъ. Какъ прикажетъ поступить г. Михайловскій съ безцвѣтковыми растеніями? Неужели онъ оставитъ ихъ во власти тріады? Это напрасно, потому что тріада будетъ имѣть въ такомъ случаѣ огромное число подданныхъ.

Но этотъ вопросъ мы задаемъ собственно, чтобы выяснитъ себѣ мысль г. Михайловскаго. Сами же мы остаемся при томъ убѣжденіи, что отъ тріады не отобьешься даже «цвѣткомъ». Да и один-ли мы такъ думаемъ? Вотъ что говоритъ, напримѣръ, специалистъ ботаникъ Ф. Ван-Тигемъ: «Какова бы ни была форма растенія и къ какой бы группѣ оно ни принадлежало благодаря этой формѣ, его тѣло происходитъ отъ другаго тѣла, которое существовало раньше его и отъ котораго оно отдѣлилось. Въ свою очередь, оно отдѣляется отъ своей массы въ извѣстное время извѣстныхъ части, которыя становятся точкой отправленія, зародышами новыхъ тѣлъ, и т. д. Словомъ, оно воспроизводится такъ же, какъ и рождается: *диссоціаціей*»¹⁾. Извольте видѣть! Почтенный ученый, членъ института, профессоръ въ музеѣ естественной исторіи, а рассуждаетъ какъ истый гегельянецъ: начинается, говоритъ, диссоціаціей и опять приходитъ къ ней. И ни слова о «моментѣ цвѣтенія»! Мы и сами понимаемъ, что очень огорчительно должно быть

¹⁾ Traité de Botanique par Ph. Van-Tieghem, 2-me édition, première partie, Paris, 1891, p. 24.

это для г. Михайловскаго, но дѣлать нечего, истина, какъ извѣстно, выше Платона!

Допустимъ еще разъ, что «моментъ цвѣтенія» ниспровергаетъ триаду. Тогда, «придерживаясь даже терминологіи Гегеля, мы получаемъ не трихотомію, а, по крайней мѣрѣ тетрахотомію, четверное дѣленіе». «Терминологія Гегеля» напоминаетъ намъ объ его «Энциклопедіи». Мы разворачиваемъ первую ея часть и оттуда узнаемъ, что есть много случаевъ, когда *трихотомія* переходитъ въ *тетрахотомію*, и что вообще трихотоміи господствуютъ собственно лишь въ области духа ¹⁾. Выходить, что овесъ растетъ «по Гегелю», какъ въ этомъ увѣряетъ Ван-Тигэмъ, а Гегель мыслить объ овесѣ по г. Михайловскому, какъ за это ручается «*Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*». Чудеса да и только! Она къ нему, а онъ ко мнѣ, а я къ буфетчику Петрушѣ...

Другой примѣръ, заимствованный у Энгельса г. Михайловскимъ для вразумленія «непосвященныхъ», касается ученія Руссо.

«По Руссо, люди въ естественномъ состояніи и дикости были равны равенствомъ животныхъ. Но человѣкъ отличается способностью къ совершенствованію и это совершенствованіе началось возникновеніемъ неравенства; а затѣмъ каждый дальнѣйшій шагъ цивилизаціи былъ противорѣчивъ: «повидимому, это были шаги къ усовершенствованію отдѣльнаго человѣка, въ дѣйствительности же они вели къ упадку человѣческаго рода... Metallurgія и земледѣліе, вотъ два искусства, открытіе которыхъ произвело великую революцію. Съ точки зрѣнія поэта, золото и серебро, а съ точки зрѣнія философа желѣзо и хлѣбъ — цивилизовали людей и погубили человѣческій родъ». Неравенство продолжаетъ развиваться и, достигнувъ своего апогея, обращается въ восточныхъ деспотіяхъ опять во всеобщее равенство всеобщаго ничтожества, то - есть, возвращается къ своей исходной точкѣ, а затѣмъ дальнѣйшій процессъ такимъ же порядкомъ приводитъ къ равенству общественнаго договора».

¹⁾ Encyklopädie, Erster Theil, § 230, Zusatz.

Такъ г. Михайловскій передаетъ приведенный Энгельсомъ примѣръ. Какъ это само собою ясно, онъ «можетъ спорить» и тутъ.

«Можно бы кое-что замѣтить по поводу изложенія Энгельса, но намъ важно только знать, что именно въ трактатѣ Руссо («Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes») цѣнится Энгельсомъ. Онъ не касается вопроса о томъ, вѣрно или невѣрно понимаетъ Руссо ходъ исторіи, онъ интересуется только тѣмъ, что Руссо «мыслить діалектически»: усматриваетъ *противорѣчіе* въ самомъ содержаніи прогресса и располагаетъ свое изложеніе такъ, что его можно подогнать подъ гегельянскую формулу *отрицанія и отрицанія отрицанія*. И дѣйствительно можно, хотя Руссо и не зналъ гегельянской діалектической формулы».

Это только первое, аванпостное нападеніе на «гегельянство» въ лицѣ Энгельса. Далѣе идетъ атака *sur toute la ligne*.

«Руссо, не зная Гегеля, мыслить по Гегелю, діалектически. Почему именно Руссо, а не Вольтеръ, не первый встрѣчный? Потому что вѣдь всѣ люди, по самой природѣ своей, мыслятъ діалектически. Однако выбранъ именно Руссо, человѣкъ рѣзко выдѣлявшійся изъ среды современниковъ не только по своимъ дарованіямъ,—въ этомъ отношеніи ему не уступятъ многіе,—а по самому складу своего ума и характеру міросозерцанія. Столь исключительное явленіе не слѣдовало, казалось бы, брать для провѣрки на немъ всеобщаго правила. Но у насъ своя рука владыка. Руссо интересенъ и важенъ прежде всего потому, что онъ первый съ достаточной рѣзкостью показалъ *противорѣчивость* цивилизаціи, а противорѣчіе составляетъ непремѣнное условіе діалектическаго процесса. Надо, однако, замѣтить, что противорѣчіе, усмотрѣнное Руссо, не имѣетъ ничего общаго съ противорѣчіемъ въ гегельянскомъ смыслѣ слова. Гегелевское противорѣчіе состоитъ въ томъ, что каждая вещь, находясь въ постоянномъ процессѣ движенія, измѣненія (и именно послѣдовательно тройственнымъ путемъ), есть въ каждую данную единицу времени «она» и вмѣстѣ съ тѣмъ «не-она». Если оставить въ сторонѣ обязательныя три стадіи развитія, то проти-

ворѣчіе является здѣсь просто какъ бы подкладкою измѣненій, движенія, развитія. Руссо также говоритъ о процессѣ измѣненій. Но отнюдь не въ самомъ фактѣ измѣненій усматриваетъ онъ противорѣчіе. Значительная часть его разсужденій, какъ въ *Discours sur l'inégalité*, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ, можетъ быть резюмирована такъ: умственный прогрессъ сопровождался нравственнымъ регрессомъ. Очевидно, діалектическое мышленіе тутъ рѣшительно не причесть: тутъ нѣтъ «отрицанія отрицанія», а есть только указаніе на одновременное существованіе добра и зла въ данной группѣ явленій, и все сходство съ діалектическимъ процессомъ держится на словѣ «противорѣчіе». Это однако только одна сторона дѣла. Энгельсъ видитъ, кромѣ того, въ разсужденіи Руссо явственную трихотомію: за первобытнымъ равенствомъ слѣдуетъ его отрицаніе—неравенство, затѣмъ наступаетъ отрицаніе отрицанія—равенство всѣхъ въ восточныхъ деспотіяхъ передъ властью хана, султана, шаха. «Эта послѣдняя степень неравенства и крайняя точка, завершающая кругъ и возвращающая насъ къ нашей исходной точкѣ». Но исторія на этомъ не останавливается, развиваетъ новыя неравенства и т. д. Приведенныя въ копѣчкахъ слова суть подлинныя слова Руссо, и они-то особенно дороги для Энгельса, какъ очевидное свидѣтельство, что Руссо мыслитъ по Гегелю»¹⁾.

Руссо «рѣзко выдѣлялся изъ среды современниковъ». Это справедливо. Чѣмъ выдѣлялся? Тѣмъ, что мыслилъ *діалектически*, между тѣмъ какъ его современники были почти сплошь *метафизиками*. Его взглядъ на происхожденіе неравенства есть именно *діалектическій взглядъ*, хотя г. Михайловскій и отрицаетъ это.

По словамъ г. Михайловскаго, Руссо лишь указалъ на то, что умственный прогрессъ сопровождался въ исторіи цивилизаціи нравственнымъ регрессомъ. Нѣтъ, Руссо указалъ не только на это. У него умственный прогрессъ являлся *причиной* нрав-

¹⁾ Всѣ эти выписки взяты изъ цитированной уже книжки «Русскаго Богатства».

ственного регресса. Въ этомъ можно было бы убѣдиться, даже не читавши сочиненій Руссо: достаточно было бы припомнить, на основаніи предыдущей выписки, какую роль играла у него обработка металловъ и земледѣліе, совершившія великую революцію, разрушившія первообычное равенство. Но кто читалъ самаго Руссо, тотъ не забылъ, конечно, слѣдующаго мѣста изъ его «Discours sur l'origine de l'inégalité»: «Il me reste à considérer et à rapprocher les différents hasards qui ont pu perfectionner la raison humaine en détériorant l'espèce, rendre un être méchant en le rendant sociable...» «Мнѣ остается сдѣлать оцѣнку и сближеніе тѣхъ различныхъ случаевъ, которые могли усовершенствовать человѣческій разумъ, внося порчу въ человѣческій родъ, сдѣлать данное животное злымъ, дѣлая его общественнымъ»...

Это мѣсто особенно замѣчательно тѣмъ, что оно прекрасно освѣщаетъ взглядъ Руссо на способность человѣческаго рода къ прогрессу. Объ этой способности не мало говорили и его «современники». Но у нихъ она являлась таинственной силой, которая сама изъ себя творитъ успѣхи разума. По Руссо эта способность «никогда не могла развиваться сама собою». Для своего развитія она нуждалась въ постоянныхъ толчкахъ со стороны. Это одна изъ важнѣйшихъ особенностей *диалектическаго* взгляда на умственный прогрессъ сравнительно съ *метафизическимъ*. Намъ придется еще говорить о ней впоследствии. Теперь для насъ важно то, что приведенное мѣсто какъ нельзя болѣе ясно выражаетъ мнѣніе Руссо на счетъ причиной связи нравственнаго регресса съ умственнымъ прогрессомъ ¹⁾. А это очень важно для выясненія взгляда этого писателя на ходъ цивилизации. У г. Михайловскаго выходитъ такъ, что Руссо просто указалъ «противорѣчіе» да, можетъ быть, пролилъ по его поводу нѣсколько благородныхъ слезъ. На самомъ дѣлѣ Руссо

¹⁾ Для сомнѣвающихся еще одна выписка: «J'ai assigné ce premier degré de la décadence des mœurs au premier moment de la culture des lettres dans tous les pays du monde». Lettre à M. l'abbé Baynal, Oeuvres de Rousseau, Paris 1820, t. IV, p. 43.

считалъ это противорѣчіе основной пружиной историческаго развитія цивилизаціи. Основателемъ гражданскаго общества и, слѣдовательно, могильщикомъ первобытнаго равенства былъ человѣкъ, оградившій участокъ земли и сказавшій: «онъ принадлежитъ мнѣ», иначе сказать, основаніемъ гражданскаго общества служить собственность, которая вызываетъ столько споровъ между людьми, вызываетъ въ нихъ столько жадности, такъ портитъ ихъ нравственность. Но возникновеніе собственности предполагало извѣстное развитіе «техники и знаній» (*de l'industrie et des lumières*). Такимъ образомъ, первобытныя отношенія погибли именно благодаря этому развитію; но въ то время, когда это развитіе привело къ торжеству частной собственности, первобытныя отношенія людей, съ своей стороны, находились уже въ такомъ состояніи, что ихъ дальнѣйшее существованіе стало *невозможно*¹⁾. Если судить о Руссо по тому, какъ изображаетъ указанное имъ «противорѣчіе» г. Михайловскій, можно подумать, что знаменитый женевецъ былъ не болѣе, какъ плачевнымъ «субъективнымъ социологомъ», который въ лучшемъ случаѣ способенъ былъ придумать высоконравственную «формулу прогресса» для уврачеванія ею человѣческихъ бѣдствій. На самомъ дѣлѣ Руссо болѣе всего ненавидѣлъ именно такого рода «формулы» и побивалъ ихъ всякій разъ, когда къ этому представлялся случай.

Гражданское общество возникло на развалинахъ первобытныхъ отношеній, оказавшихся неспособными къ дальнѣйшему существованію. Эти отношенія заключали въ себѣ зародыши своего собственнаго отрицанія. Доказывая это положеніе, Руссо какъ бы заранѣе иллюстрировалъ мысль Гегеля: всякое явленіе само себя уничтожаетъ, превращается въ свою противоположность. Разсужденіе Руссо о деспотизмѣ можетъ считаться новой иллюстраціей этой мысли. Судите же сами, какъ много пониманія Гегеля и Руссо обнаруживаетъ г. Михайловскій, говоря: «очевидно, діалектическое мышленіе тутъ рѣшительно не причемъ», и наивно предполагая, что Энгельсъ произвольно зачислилъ Руссо по діалектическому вѣдомству лишь на томъ осно-

¹⁾ См. начало второй части «Discours sur l'inégalité».

ваши, что *идеализм* и *материализм* «противорѣчатъ», «ругаются», «переходятъ въ противоположныя» и т. п.

Но почему же дитяется ссылка на Руссо, а не на кого другого? Почему именно Руссо, а не Вольтеръ, не первый истребитель? Потому что, вѣдь, всѣ люди, по самой природѣ своей, мыслятъ диалектически...

Отстаиваетъ г. Михайловскій — далеко не всѣ: часть первого дитяется никогда не приняла бы за диалектика. Ему достаточно было бы прочесть вашу статью «Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго», чтобы безспорно отнести часть къ числу несправившихъ метафизиковъ.

О диалектическомъ мышленіи Энгельсъ говоритъ: «Люди мыслятъ диалектически задолго до того, какъ узнали, что такое диалектика, подобно тому, какъ они говорили прозой гораздо раньше появленія слова проза. Законъ отрицанія отрицанія, который и въ природѣ, и въ исторіи, а также, пока онъ остается непознаннымъ, и въ нашихъ головахъ осуществляется безсознательно, былъ Гегелемъ только впервые рѣзко формулированъ»¹⁾. Какъ видите, читатель, здѣсь рѣчь идетъ о безсознательномъ диалектическомъ мышленіи, отъ котораго еще очень далеко до сознательнаго. Когда мы говоримъ: «крайности сходятся», мы, сами того не замѣчая, высказываемъ диалектической взглядъ на вещи; когда мы движемся, мы, опять-таки не подозревая этого, занимаемся прикладной диалектикой (мы уже сказали выше, что движеніе есть осуществленное противорѣчіе). Но ни движеніе, ни диалектическое афоризмы еще не спасаютъ насъ отъ метафизики въ области систематической мысли. Напротивъ. Исторія мысли показываетъ, что въ теченіе долгаго времени метафизика все болѣе и болѣе усиливалась, и необходима должна была усиливаться, на счетъ первобытной наивной диалектики: «Разложеніе природы на отдѣльныя ея части, распредѣленіе различныхъ явленій и предметовъ природы по опредѣленнымъ классамъ, изслѣдованіе внутреннихъ свойствъ органическихъ тѣлъ, въ связи съ разнообразіемъ ихъ органическаго строенія, — все это было основой тѣхъ невольныхъ успѣховъ, которыми ознаменовалось

¹⁾ Herrn Eugen Dührings Uebersetzung etc. Zw. Aufl. S. 134.

естествознание въ послѣднія четыре столѣтія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта же причина надѣлила насъ привычкой брать явленія и предметы природы въ ихъ обособленности, въ ихъ великой совокупной связи, и притомъ не въ движеніи, а въ неподвижномъ состояніи, не какъ существенно измѣняющіеся, а какъ вѣчно неизмѣняемые, не какъ живые, а какъ мертвые. И этотъ-то способъ изслѣдованія, перевесенный Бэкономъ и Локкомъ изъ естествознанія въ философію, причинилъ характеристическую односторонность послѣднихъ столѣтій — *метафизическое мышленіе*.

Такъ говоритъ Энгельсъ, отъ котораго мы узнаемъ также, что «хотя и въ новой философіи діалектика имѣла блестящихъ представителей (Декартъ и Спиноза), но, особенно подъ влияніемъ англійской философіи, она все болѣе и болѣе склонялась къ... метафизическому способу мышленія, почти исключительно овладѣвшему также и французами XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ въ ихъ специально философскихъ трудахъ. Въ этой области они смогли, однако, оставить намъ высокіе образцы діалектики: припомнимъ только «племянника Рамо» Дидро и сочиненіе Руссо «о происхожденіи неравенства между людьми»¹⁾.

Кажется, ясно, почему Энгельсъ говоритъ о Руссо, а не о Вольтерѣ и не о первомъ встрѣчномъ. Мы не смѣемъ думать, что г. Михайловскій не прочелъ той самой книги Энгельса, которую онъ цитируетъ, изъ которой беретъ разбираемые имъ «примѣры». И если г. Михайловскій пристаётъ къ Энгельсу съ «первымъ встрѣчнымъ», то остается предположить одно: нашъ авторъ и здѣсь пускаетъ въ ходъ уже знакомый намъ «моментъ» подмѣны, «моментъ»... цѣлесообразнаго искаженія словъ своего противника. Эксплуатация подобнаго «момента» могла показаться ему тѣмъ болѣе удобной, что книга Энгельса не переведена въ Россіи и не существуетъ для читателей, незнающихъ нѣмецкаго языка. Тутъ у насъ «своя рука владыка». Тутъ новое искушеніе, и опять «мы хотимъ грѣшннкъ»...

О, неужли, боги, насъ веселить,

Коль наша честь кувиркомъ—кувиркомъ полетитъ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 4—5.

²⁾ Пусть не вникать насъ читатель за цитаты изъ «Преправной Еле-

Но отдохнемъ отъ г. Михайловскаго. Вернемся къ нѣмецкихъ идеалистамъ *an und für sich*.

Мы сказали, что *философія природы* была слабою стороною этихъ мыслителей, главныхъ заслугъ которыхъ надо искать въ *различныхъ областяхъ философіи исторіи*. Теперь мы прибавимъ, что иначе и быть не могло въ то время. Философія, называвшая себя наукой наукъ, всегда имѣла въ себѣ много «*свѣтскаго содержанія*», т.-е. всегда занималась многими собственно-научными вопросами. Но въ различные времена «*свѣтское содержаніе*» ея было различно. Такъ, — чтобы ограничиться здѣсь примѣрами изъ исторіи новой философіи, — въ XVII вѣкѣ философы преимущественно занимались вопросами математики и естественныхъ наукъ. Философія XVIII вѣка воспользовалась для своихъ цѣлей естественно-научными открытіями и теоріями предыдущей эпохи, но сама она занималась естественными науками развѣ въ лицѣ Канта; во Франціи на первый планъ выступили тогда *общественные вопросы*. Тѣ же вопросы продолжали главнымъ образомъ занимать собою, хотя и съ другой стороны, и философовъ XIX столѣтія. Шеллингъ, вапримѣръ, прямо говорилъ, что онъ считаетъ *рѣшеніе одного историческаго вопроса важнѣйшей задачей трансцендентальной философіи*. Каковъ былъ этотъ вопросъ, мы скоро увидимъ.

Если все течетъ, все измѣняется; если всякое явленіе само себя отрицаетъ; если нѣтъ такого полезнаго учрежденія, которое не стало бы, наконецъ, вреднымъ, превратившись такимъ образомъ въ свою собственную противоположность, то выходитъ, что нельзя искать «*совершеннаго законодательства*», что нельзя придумать такое общественное устройство, которое было бы *лучшимъ* для всѣхъ вѣковъ и народовъ: все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Діалектическое мышленіе исключало *всякія утопіи*.

Оно тѣмъ болѣе должно было исключать ихъ, что «*человѣческая природа*», этотъ будто бы постоянный критерій, кото-

ны». Мы недавно перечитали статью г. Михайловскаго «*Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха*» и находимся подъ сильнымъ ея впечатлѣніемъ.

рымъ, какъ мы видѣли, неизмѣнно пользовались и просвѣтители XVIII вѣка, и социалисты-утописты первой половины нашего столѣтія, испытала общую судьбу всѣхъ явленій, сама была признана *измѣнчивой*.

Вмѣстѣ съ этимъ исчезъ и тотъ наивный идеалистическій взглядъ на исторію, котораго также одинаково держались и просвѣтители, и утописты, и который выражается въ словахъ: *мысль, разумъ правятъ міромъ*. Конечно, разумъ, говорилъ Гегель, править исторіей, но въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ править движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, т.-е. въ смыслѣ *законосообразности*. Движеніе свѣтилъ законосообразно, но они не имѣютъ, разумѣется, никакого представленія объ этой законосообразности. То же и съ историческимъ движеніемъ человѣчества. Въ немъ безъ всякаго сомнѣнія есть свои законы, но это не значитъ, что люди сознаютъ ихъ и что, такимъ образомъ, человѣческій разумъ, наши знанія, наша «философія» являются главными факторами историческаго движенія. Сова Минервы начинаетъ летать только ночью; когда философія начинаетъ выводить свои сѣрые узоры на сѣромъ фонѣ, когда люди начинаютъ вдумываться въ свой собственный общественный строй, вы можете съ увѣренностью сказать, что этотъ строй отжилъ свое время и готовится уступить мѣсто новому порядку, истинный характеръ котораго опять станетъ ясенъ людямъ лишь послѣ того, какъ сыграетъ свою историческую роль: сова Минервы опять вылетитъ только ночью. Нечего и говорить, что періодическія воздушныя путешествія мудрой птицы очень полезны, они даже совершенно необходимы. Но они ровно ничего не объясняютъ, они сами нуждаются въ объясненіи и, навѣрное, подлежатъ ему, потому что въ нихъ есть *своя законосообразность*.

Призваніе законосообразности въ полетѣ совы Минервы легло въ основаніи совершенно новаго взгляда на исторію умственнаго развитія человѣчества. Метафизики всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ и всѣхъ направлений, разъ усвоили извѣстную философскую систему, считали ее безусловно истинной, а всѣ другія системы безусловно ложными. Они знали только *отвлечен-*

ную противоположность между отвлеченными представлениями: истина, заблужденіе. Поэтому исторія мысли была для нихъ лишь хаотическимъ сплетеніемъ частью грустныхъ, частью смѣшныхъ ошибокъ, дикая пляска которыхъ продолжалась вплоть до того блаженнаго времени, когда придумана была, наконецъ, истинная философская система. Такъ смотрѣлъ на исторію своей науки еще Ж. Б. Сэй, этотъ метафизикъ изъ метафизиковъ. Онъ не совѣтовалъ изучать ее, потому что въ ней нѣтъ ничего, кромѣ заблужденій. Идеалисты-діалектики смотрѣли на дѣло иначе. *Философія есть умственное выраженіе своего времени*, говорили они, каждая философія истинна для своего времени и ошибочна для другого.

Но если разумъ править міромъ только въ смыслѣ законсообразности явленій, если не идеи, не знаніе, не «просвѣщеніе» руководятъ людьми въ ихъ, такъ сказать, общественномъ домостроительствѣ и въ ихъ историческомъ движеніи, то гдѣ же человѣческая свобода: гдѣ та область, гдѣ человѣкъ «судитъ и выбираетъ», не тѣша себя, какъ ребенокъ, праздною забавой, не служа игрушкой въ рукахъ посторонней ему, хотя, можетъ быть, и не слѣпой силы?

Старый, но вѣчно новый вопросъ о свободѣ и необходимости возникалъ передъ идеалистами XIX вѣка, какъ возникалъ онъ передъ метафизиками предшествовавшаго столѣтія, какъ возникалъ онъ рѣшительно передъ всѣми философами, задававшими вопросы объ *отношеніи бытія къ мышленію*. Онъ, какъ сфинксъ, говорилъ каждому изъ такихъ мыслителей: *раздай меня, или я пожру твою систему!*

Вопросъ о свободѣ и необходимости и былъ тотъ вопросъ, рѣшеніе котораго въ *примненіи къ исторіи* Шеллингъ считалъ величайшей задачей трансцендентальной философіи. Рѣшила-ли его: какъ рѣшила его эта философія?

И замѣьте, — для Шеллинга, какъ и для Гегеля, вопросъ этотъ представлялъ трудности въ примненіи именно къ исторіи. Съ точки зрѣнія чисто антропологической онъ уже могъ считаться рѣшеннымъ.

Тутъ необходимо поясненіе, и мы дадимъ его, прося чита-

теля отнестись къ нему внимательно въ виду огромной важности предмета.

Магнитная стрѣлка обращается къ сѣверу. Это происходитъ отъ дѣйствія особой матеріи, которая сама подчиняется извѣстнымъ законамъ, законамъ *материальнаго міра*. Но для стрѣлки незамѣтны движенія этой матеріи, она не имѣетъ о нихъ ни малѣйшаго представленія. Ей кажется, что она обращается къ сѣверу совершенно независимо отъ какой-либо посторонней причины, просто потому, что ей пріятно туда обращаться. Материальная *необходимость* является ей въ видѣ ея собственной *свободной духовной дѣятельности*.

Этимъ примѣромъ *Лейбницъ* хотѣлъ пояснить свой взглядъ на свободу воли. Подобнымъ же примѣромъ поясняетъ свой, совершенно тождественный, взглядъ *Спиноза*.

Нѣкоторая виѣшняя причина сообщила камню извѣстное количество движенія. Движеніе продолжается, конечно, въ теченіе извѣстнаго времени и послѣ того, какъ причина перестала дѣйствовать. Это продолженіе его *необходимо по законамъ материальнаго міра*. Но вообразите, что камень мыслитъ, что онъ сознаетъ свое движеніе, доставляющее ему удовольствіе, но не знаетъ его причины, не знаетъ даже, что вообще есть для него какая бы то ни было виѣшняя причина. Какъ представляется въ такомъ случаѣ камню его собственное движеніе? Непремѣнно, какъ результатъ его собственнаго желанія, его собственнаго свободнаго выбора; онъ скажетъ себѣ: я движусь, потому что хочу двигаться. «Такова и та человѣческая свобода, которою такъ гордятся всѣ люди. Сущность ея сводится къ тому, что люди сознаютъ свои стремленія, но не знаютъ виѣшнихъ причинъ, вызывающихъ эти стремленія. Такъ, дитя воображаетъ, что оно свободно желаетъ того молока, которое составляетъ его пищу»....

Многимъ даже изъ нынѣшнихъ читателей такое объясненіе покажется *«грубо-материалистическимъ»* и они удивятся, какъ могъ давать его *Лейбницъ*, идеалистъ чистой воды. Они скажутъ къ тому же, что и вообще сравненіе не доказательство, и что тѣмъ же еще доказательно фантастическое сравненіе человѣка съ магнитной стрѣлкой или съ камнемъ. На это мы

замѣтимъ, что сравненіе перестанетъ быть фантастическимъ, какъ только мы припомнимъ явленія, каждодневно совершающіяся въ *человѣческой головѣ*. Уже материалисты прошлаго вѣка указывали на то обстоятельство, что каждому волевому движенію въ мозгу соотвѣтствуетъ извѣстное движеніе мозговыхъ фибръ. То, что по отношенію къ магнитной стрѣлкѣ или къ камню является фантазіей, становится безспорнымъ фактомъ по отношенію къ мозгу: совершающееся по роковымъ законамъ необходимости движеніе матеріи дѣйствительно сопровождается въ немъ тѣмъ, что называется свободной дѣятельностью мысли. А что касается довольно естественнаго на первый взглядъ удивленія по поводу материалистическаго разсужденія идеалиста Лейбница, то нужно помнить, что, какъ мы уже говорили, всѣ послѣдовательные идеалисты были *монистами*, т.-е. что въ ихъ міросозерцаніи совсѣмъ не было мѣста для той непереходимой пропасти, которая отдѣляетъ матерію отъ духа по возрѣніямъ *дуалистовъ*. По мнѣнію дуалиста, данный агрегатъ матеріи можетъ оказаться способнымъ къ мышленію только въ томъ случаѣ, если въ него вселится частица духа: матерія и духъ въ глазахъ дуалиста — двѣ совершенно самостоятельныя субстанціи, не имѣющія ничего общаго между собою. Сравненіе Лейбница покажется ему дикимъ по той простой причинѣ, что магнитная стрѣлка никакой души не имѣетъ. Но представьте себѣ, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который разсуждаетъ такъ: стрѣлка дѣйствительно нѣчто совершенно матеріальное. Но что такое сама матерія? Я думаю, что она обязана своимъ существованіемъ духу, а не въ томъ смыслѣ, что она *создана духомъ*, а въ томъ, что она сама есть *тотъ же духъ*, но только существующій въ другомъ видѣ. Этотъ видъ не соотвѣтствуетъ его истинной природѣ, онъ даже прямо противоположенъ ей, но это не мѣшаетъ ему быть видомъ существованія духа, потому что, по самой природѣ своей, духъ долженъ превращаться въ свою собственную противоположность. — Васъ можетъ удивить и это разсужденіе, но вы во всякомъ случаѣ согласитесь, что человѣкъ, признающій его убѣдительнымъ, человѣкъ, видящій въ матеріи лишь «*инобытіе духа*», не сму-

тится тѣми объясненіями, которыя матеріи приписываютъ функціи духа, или функціи этого послѣдняго ставятъ въ тѣсную зависимость отъ законовъ матеріи. Такой человѣкъ можетъ принять самое *материалистическое объясненіе* психическихъ явленій и въ то же время придать ему (съ натяжками или безъ натяжекъ—это другой вопросъ) строго *идеалистическій* смыслъ. Такъ и поступали нѣмецкіе идеалисты.

Психическая дѣятельность человѣка подчинена законамъ матеріальной необходимости. Но это ни мало не уничтожаетъ человеческой свободы. Законы матеріальной необходимости сами суть не что иное, какъ законы дѣятельности духа. *Свобода предполагаетъ необходимость, необходимость въликомъ переходитъ въ свободу*, и потому свобода человѣка въ дѣйствительности несравненно шире, чѣмъ полагаютъ дуалисты, которые, стремясь отграничить *свободную дѣятельность отъ необходимой*, тѣмъ самымъ отрываютъ отъ *царства свободы* всю ту, даже по ихъ мнѣнію очень широкую область, которую они отводятъ *необходимости*.

Такъ разсуждали идеалисты-діалектики. Какъ видитъ читатель, они крѣпко держались за «магнитную стрѣлку» Лейбница; только стрѣлка эта совершенно преобразилась, такъ сказать, одухотворилась въ ихъ рукахъ.

Но преобразование стрѣлки еще не разрѣшало всѣхъ затрудненій, связанныхъ съ вопросомъ объ отношеніи свободы къ необходимости. Положимъ, что отдѣльный человѣкъ совершенно свободенъ, несмотря на свое подчиненіе законамъ необходимости, болѣе того — именно *вслѣдствіе* этого подчиненія. Но въ обществѣ, а слѣдовательно, и въ исторіи, мы имѣемъ дѣло не съ индивидуумомъ, а съ цѣлой массой индивидуумовъ. Спрашивается, не нарушается-ли свобода *каждою* свободою *остальныхъ*? Я вознамѣрился сдѣлать то и то, на примѣръ, осуществить истину и справедливость въ общественныхъ отношеніяхъ. Это мое намѣреніе *свободно* принято мною и не менѣе *свободно* будутъ тѣ мои дѣянія, съ помощью которыхъ я буду стараться осуществить его. Но мои ближніе мѣшаютъ мнѣ въ преслѣдованіи моей цѣли. Они возстали противъ моего намѣренія такъ же *свободно*, какъ я его принялъ. И такъ же *свободно* ихъ, направ-

лениям противящиеся истинны. Какже преодолю я создававши
 ила неже препятствія? Разуміється, я буду спорити, чь, можетъ
 ублажить, можетъ быть, даже уранивать нае стороны ихъ.
 Но какъ знать, приведетъ-ли это къ чему-нибудь? Французскіе
 просвѣтителіе говорили: *in raison finit, ratione aeterna*. Но не
 пѣды, для того, чтобы мой разумъ восторжествовалъ, такъ не
 нужно, чтобы о мои ближніи призвали *ego etiam egoi* своимъ
 разумомъ. А какъ я могу менше основанія имѣть на это? Но не
 сколько ихъ долготельность необходима — она совершенно нево-
 лѣна, — поскольку, неизвестными же и непутными матеріями не
обойтись переиздать свободу, — и опасно предположеніи
нѣсколько переиздать мес, — поэтому, поступивъ моихъ сограждани-
 дакъ, ускользнуть отъ всякаго предвидѣнія. И хотъ бы на-
 дѣяться предвидѣть ихъ только при томъ условіи, если бы я
 хотъ разсматривать ихъ такъ и не въ другія желанія, окружающа-
 шее меня міра, т. е. какъ необходимую сабдѣтъ *опредмечен-
 ный причина*, которая уже извѣстна или можетъ быть извѣстна
 мнѣ. Иначе сказать, моя свобода не была бы пустымъ словомъ,
 только въ томъ случаѣ, если бы *вѣ самими* могла сопрово-
 даться *пониманіемъ причины*, вызывающаея свободною поступки
 моихъ ближнихъ, т. е. если бы я хотъ разсматривать ихъ со
 стороны ихъ необходимости. Совершенно то же могутъ сказать
 мои ближніе о моемъ поступкахъ. А это что означаетъ? Это
 означаетъ, что возможность свободной (сознательной) истори-
 ческой дѣятельности *вскаго дѣльного лица* сводится къ нулю
 въ томъ случаѣ, если въ основаніи свободнаго *человѣческаго по-
 ступка* не лежитъ *воступнаго, пониманія, дѣятельности* необходи-
 мости.

Мы видѣли, что метафизическій французскій материализмъ
 приводилъ собственно къ *фатализму*. Въ самомъ дѣлѣ, если
 судьба дѣлатъ народа зависитъ отъ одного шатаннаго атома, то
 намъ остается только скрестить на груди руки, потому что мы
 рѣшительно не въ состояніи и никогда не будемъ въ состояніи
 ни предвидѣть, такія предѣлы отдѣльныхъ атомовъ, ни пред-
 уредить ихъ.

Теперь мы видимъ, что идеализмъ можетъ привести къ та-

каму же фаталисту. Если въ поступкахъ могутъ согражданинъ вѣтъ чего необходимнаго или если они невозможны всему пониманию со стороны нѣтъ необходимости, то мнѣ остается уповать на благо Провидѣнiя: самая разумная моя планка, самая благородная моя земляня разоблачена о совершенно непредвидѣннымъ дѣйствiемъ илюминировать другихъ людей. Тогда, по выраженiю Лукреція, *non esse majus videtur esse.*

И интересно, что чѣмъ болѣе идеальнѣе стать бы отбѣнать сторону свободы *à priori*, тѣмъ болѣе она замучиваетъ болѣе бы сводить ее на вѣтъ въ области *практической философии*, гдѣ она не въ силахъ болѣе бы справиться со *случайностью, вооруженной всею силой свободы.*

Это прекрасное пантеонъ идеалисты-интеллектуалы. Въ этой практической философiи *необходимость является вторичною, сдѣланнымъ надеждою на свободу.* Даже нравственный долгъ не можетъ условить нѣтъ относительно результатовъ воли дѣйствiй, — говоритъ Шеллингъ, — если результаты эти зависятъ только отъ свободы. *«Въ свободѣ должны быть необходимость».*

Но о какой же собственно необходимости можетъ идти рѣчь въ этомъ случаѣ? Едва-ли много утѣшенiя принесетъ мнѣ постоянное повторенiе той мысли, что абсолютная воля сама движетъ необходимо соотвѣствующею илюминировать движениемъ мирового вещества. На такое отвлеченное познание нельзя построить никакимъ практическимъ расчетомъ, а дальнѣе мнѣ вѣтъ я лоду съ этой стороны, потому что голова моего блаженнаго не стеклянный улей, а его мозговые фибры не члены, и я не могъ бы наблюдать отъ движенiй даже въ томъ случаѣ, если бы я твердо вѣдѣлъ, — а нынѣ еще очень далекъ отъ этого, — что вотъ, вслѣдъ за такимъ-то движенiемъ такого-то верного волея, послѣдуетъ такое-то извѣщенiе въ душѣ моего согражданина. Надо, стало быть, перейти къ изученiю необходимости человеческихъ дѣйствiй съ другой стороны.

Тѣмъ болѣе надо, что сова Минерва излетаетъ, какъ мы знаемъ, только вечеромъ, т. е. что общественныя отношенiя людей не предвосхищаютъ собой *идею* или *самостоятельную фак-*

тельности. Люди сознательно преслѣдуютъ свои частныя, личныя цѣли. Каждый изъ нихъ сознательно стремится, положимъ, къ округленію своего состоянія, а изъ совокупности ихъ отдѣльныхъ дѣйствій выходятъ извѣстные общественные результаты, которыхъ они, можетъ быть, совсѣмъ не желали и, напротивъ, не предвидѣли. Зажиточные римскіе граждане скупали земли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Каждый изъ нихъ зналъ, конечно, что, благодаря его дѣйствіямъ, такіе-то Тулій и Юлій становятся безземельными прелетаріями. Но кто изъ нихъ предвидѣлъ, что латифундіи погубятъ республику, а съ нею и Италію? Кто изъ нихъ отдавалъ, кто могъ дать себѣ отчетъ относительно историческихъ послѣдствій своего пріобрѣтательства? Никто не могъ, никто не отдавалъ. А между тѣмъ послѣдствія были: благодаря латифундіямъ погибла и республика, и Италія.

Изъ сознательныхъ свободныхъ поступковъ отдѣльныхъ людей необходимо вытекаютъ неожиданныя для нихъ, не предвидѣнныя ими послѣдствія, касающіяся всего общества, т.-е. вліяющія на совокупность взаимныхъ отношеній тѣхъ же людей. *Изъ области свободы мы переходимъ такимъ образомъ въ область необходимости.*

Если несознаваемая людьми общественная послѣдствія ихъ индивидуальныхъ дѣйствій ведутъ къ измѣненію общественнаго строя, — что происходитъ всегда, хотя далеко неодинаково быстро, — то передъ людьми вырастаютъ новыя индивидуальныя цѣли. Ихъ свободная сознательная дѣятельность необходимо пріобрѣтаетъ новый видъ. *Изъ области необходимости мы переходимъ въ область свободы.*

Всякій необходимый процессъ есть процессъ законосообразный. Измѣненія общественныхъ отношеній, непредвидимыя людьми, но необходимо являющіяся въ результатъ ихъ дѣйствій, очевидно совершаются по опредѣленнымъ законамъ. Теоретическая философія *должна открыть ихъ.*

Измѣненія, вносимыя въ жизненныя цѣли, въ свободную дѣятельность людей измѣняющимися общественными отношеніями, — очевидно тоже. Другими словами: *переходъ необходимости*

въ свободу тоже совершается по определеннымъ законамъ, которые могутъ и должны быть открыты теоретической философией.

А разъ теоретическая философія исполнитъ эту задачу, она дастъ совершенно новую, непоколебимую основу философій *практической*. Разъ мнѣ извѣстны законы общественно-историческаго движенія, я могу вліять на него сообразно моимъ цѣлямъ, не смущаясь ни продѣлками шальныхъ атомовъ, ни тѣмъ соображеніемъ, что мои соотечественники, въ качествѣ существъ, одаренныхъ свободной волей, готовятъ мнѣ въ каждую данную минуту цѣлые вороха самыхъ удивительныхъ сюрпризовъ. Я, разумеется, не въ состояніи буду поручиться за каждаго отдѣльнаго соотечественника, особенно если онъ принадлежитъ къ «интеллигентному классу», но въ общихъ чертахъ мнѣ будетъ извѣстно направленіе общественныхъ силъ и мнѣ останется только опереться на ихъ равнодѣйствующую для достиженія моихъ цѣлей.

И такъ, если я могу придти, напримѣръ, къ тому отрадному убѣжденію, что въ Россіи, не въ примѣръ прочимъ странамъ, посторжествуютъ «устои», то лишь постольку, поскольку мнѣ удастся понять дѣйствія доблестныхъ «россовъ» какъ дѣйствія законосообразныя, разсмотрѣть ихъ съ точки зрѣнія необходимости, а не съ точки зрѣнія свободы. *«Всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаниіи свободы, — говоритъ Гегель, — прогрессъ, который мы должны понять въ его необходимости».*

Далѣе. Какъ бы хорошо мы ни изучили «природу человѣка», мы все-таки будемъ очень далеки отъ пониманія тѣхъ общественныхъ результатовъ, которые вытекаютъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ людей. Положимъ, что мы признали вмѣстѣ съ экономистами старой школы, что стремленіе къ наживѣ есть главный отличительный признакъ человѣческой природы. Будемъ-ли мы въ состояніи предвидѣть тѣ формы, которыя приметъ это стремленіе? При данныхъ, определенныхъ, извѣстныхъ намъ общественныхъ отношеніяхъ, — да; но эти данныя, определенные, извѣстныя намъ общественныя отношенія сами будутъ измѣняться подъ напоромъ «человѣческой природы», подъ

вліяннємъ пріобрѣтательской дѣятельности гражданъ. Въ какую сторону измѣнятся они? Это намъ будетъ такъ же мало извѣстно, какъ и то новое направленіе, которое приметъ стремленіе къ наживѣ при новыхъ, измѣнившихся общественныхъ отношеніяхъ. Совершенно въ такомъ же положеніи очутимся мы, если, вмѣстѣ съ нѣмецкими катедеръ-соціалистами, ставемъ твердить, что природа человѣка не исчерпывается однимъ стремленіемъ къ наживѣ, что у него есть также и «общественное чувство» (*Gemeinsinn*). Это будетъ новая погудка на старій ладъ. Чтобы выйти изъ неизвѣстности, прикрываемой болѣе или менѣе ученой терминологіей, намъ отъ изученія *природы* *человѣка* надо перейти къ изученію *природы общественныхъ отношеній*, намъ надо понять эти отношенія, какъ законосообразный, необходимый процессъ. А это возвращаетъ насъ къ вопросу: *отъ чего зависитъ, чѣмъ опредѣляется природа общественныхъ отношеній?*

Мы видѣли, что ни матеріалисты прошлаго вѣка, ни соціалисты-утописты не дали удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Удалось-ли разрѣшить его идеалистамъ-діалектикамъ?

Нѣтъ, не удалось и имъ, и не удалось именно потому, что они были *идеалистами*. Чтобы выяснитъ ихъ взглядъ, припомнимъ вышеупомянутый споръ о томъ, что отъ чего зависитъ—конституція отъ нравовъ, или нравы отъ конституціи. Гегель справедливо замѣчалъ по поводу этого спора, что вопросъ поставленъ въ немъ совершенно неправильно, такъ какъ въ дѣйствительности, хотя нравы даннаго народа несомнѣнно вліяютъ на его конституцію, а конституція на нравы даннаго народа, но и тѣ и другіе представляютъ собою результатъ чего-то «третьяго», нѣкоторой особой силы, которая создаетъ и нравы, вліяющіе на конституцію, и конституцію, вліяющую на нравы. Но какова, по Гегелю, эта особая сила, эта послѣдняя основа, на которой держится и природа людей, и природа общественныхъ отношеній? Эта сила есть «*понятіе*» или,—что то же,—«*идея*», осуществленіемъ которой является вся исторія даннаго народа. *Каждый народъ осуществляетъ свою особую идею, а каждая особая идея, идея каждаго отдѣльнаго народа, представляетъ*

собою ступень въ развитіи *абсолютной идеи*. Исторія оказы-
вается, такимъ образомъ, какъ бы прикладною логикой: объяс-
нить извѣстную историческую эпоху—значитъ показать, какой
стадіи логическаго развитія абсолютной идеи она соотвѣтствуетъ.
Но что же такое эта «абсолютная идея»? Не что иное, какъ
олицетвореніе нашего собственнаго логическаго процесса. Вотъ
что говорить о ней человѣкъ, самъ основательно прошедшій
школу идеализма, самъ страстно увлекавшійся имъ, но уже
рано замѣтившій, въ чемъ заключается коренной недостатокъ
этого философскаго направленія:

«Когда я, на основаніи знакомства съ дѣйствительными
яблоками, грушами, земляникой, миндалямъ, вырабатываю въ
себѣ представленіе: *плодъ*; когда я затѣмъ иду дальше и во-
ображаю, что мое... отвлеченное представленіе: «*плодъ*» суще-
ствуетъ внѣ меня и даже составляетъ истинную сущность грушъ,
яблочковъ и т. д., то я,—выражаясь языкомъ умозрительной фи-
лософіи,—объявляю «*плодъ*» «*субстанціей*» грушъ, яблочковъ,
миндаля и т. д. Я говорю: для груши: не существенно то об-
стоятельство, что она является въ видѣ груши, для яблока
не существенно быть яблокомъ. Существенно въ нихъ... мною
отъ нихъ же отвлеченное представленіе: «*Плодъ*». И я объяв-
ляю яблоки, груши, миндаль и т. д. простыми видами суще-
ствованія—*Modi* «*Плода*» Мой конечный, опирающійся на выш-
нія чувства разумъ отличаетъ, конечно, яблоко отъ груши,
а грушу отъ миндаля, но мой спекулятивный разумъ объяв-
ляетъ эти различія неважными, несущественными, онъ видитъ
въ яблокѣ то же, что и въ грушѣ, въ грушѣ то же, что и въ
миндалѣ: «*плодъ*». Различные дѣйствительные плоды разсмат-
риваются имъ лишь какъ плоды—*призраки*, истинной сущ-
ностью, «субстанціей» которыхъ является «*плодъ*».

«Ясно, что, идя по этому пути, не наживешь большого бо-
гатства знаній. Минералогъ, который умѣлъ бы только повто-
рять, что всѣ минералы, въ сущности, представляютъ собою *Ми-
нералъ*, былъ бы минералогомъ только въ своемъ собственномъ
воображеніи... Поэтому умозрительная философія,—дѣлающая
изъ различныхъ дѣйствительныхъ плодовъ единый отвлечен-

ный «Плод», — чтобы придти къ какому-нибудь положительному содержанию, должна пытаться тѣмъ или другимъ способомъ снова перейти отъ «Плода», отъ «субстанции» къ различнымъ действительнымъ грушнымъ плодамъ: къ яблоку, къ грушѣ, къ миндалю и т. д. Но заставить отвлеченное представленіе «плода» породить действительные плоды такъ же трудно, какъ легко создать это представленіе на основаніи знакомства съ действительными плодами. Не покидая абстракціи, нельзя придти къ тому, что составляетъ ея прямую противоположность. Поэтому умозрительный философъ и покидаетъ ее, но покидаетъ на особый умозрительный, мистическій лады... Онъ только, повидимому, повышается надъ абстракціей. Онъ разсуждаетъ такъ:

«Если яблоко, груша, миндаль, земляника на самомъ дѣлѣ суть не что иное, какъ «субстанція», «Плодъ», то спрашивается, почему же плодъ является мнѣ то яблокомъ, то грушей, то миндаземъ; откуда берется этотъ призракъ разнообразія, которое сильно противорѣчитъ моему умозрительному представленію Единства, «субстанции», «Плода»?

Это происходитъ оттого; отвѣчаетъ умозрительный философъ, что «Плодъ» есть не мертвая, безразличная, неподвижная, а живая, сама изъ себя различающаяся, подвижная сущность. Разнообразіе действительныхъ грушныхъ плодовъ имѣетъ значеніе не только для моего конечнаго разсудка, но и для самаго «Плода», для умозрительнаго разума. Различные грушныя плоды представляютъ собою различные проявленія жизни едилаго Плода... въ яблокѣ Плодъ даетъ себѣ яблоковидное, въ грушѣ — грушевидное бытіе... Онъ полагаетъ себя въ видѣ яблока, груши, миндаля; различія, существующія между этими плодами, суть лишь саморазличенія плода, и именно потому различные плоды являются различными членами процесса жизни «Плода»...

Все это очень фѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно справедливо. Олицетворяя нашъ собственный мыслительный процессъ въ видѣ абсолютной идеи и ища въ этой идеѣ разгадки всѣхъ явленій, идеализмъ тѣмъ самымъ заводилъ себя въ тупой переулочекъ, изъ котораго выбраться можно было только

покинувъ «идею», т.-е. *распростившись съ идеализмомъ*. Вотъ, напримѣръ, объясняютъ-ли вамъ сколько-нибудь природу магнетизма слѣдующія слова Шеллинга: «магнетизмъ есть общій актъ одушевленія, видренія Единства во Множество, Понятія въ Различіе. То самое вторженіе субъективнаго въ объективное, которое въ Идеальномъ... есть самосознаніе, является здѣсь выраженнымъ въ бытіи»? Не правда-ли, эти слова ровно ничего не объясняютъ? Такъ же мало удовлетворительны подобныя объясненія и въ области *исторіи*. Отчего пала Греція? Оттого, что та идея, которая составляла принципъ греческой жизни, центръ греческаго духа (*идея прекраснаго*), могла быть лишь очень непродолжительной фазой въ развитіи всемірнаго духа. Подобныя отвѣты только повторяютъ вопросъ въ положительной, ходульвой формѣ. Гегель,—которому принадлежитъ только что приведенное объясненіе паденія Греціи,—какъ будто и самъ чувствуетъ это и спѣшитъ дополнить свое идеалистическое объясненіе ссылкой на экономическую дѣйствительность древней Греціи: «*Дакдемонъ палъ главнымъ образомъ вслѣдствіе неравенства имуществъ*»—говоритъ онъ. И такъ поступаетъ онъ не только тамъ, гдѣ дѣло касается Греціи. Это, можно сказать, его неизмѣнный приемъ въ философіи исторіи: сначала нѣсколько туманныхъ ссылокъ на свойства абсолютной идеи, а затѣмъ—гораздо болѣе пространныя и, конечно, болѣе убѣдительныя указанія на характеръ и развитіе имущественныхъ отношеній у того народа, о которомъ идетъ рѣчь. Собственно въ объясненіяхъ этого послѣдняго рода нѣтъ уже ровно ничего идеалистическаго, и, прибѣгая къ нимъ, Гегель,—говорящій, что «*идеализмъ оказывается истиной матеріализма*»,—подписывалъ свидѣтельство о бѣдности именно идеализму, какъ бы молчаливо признавалъ, что въ сущности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, что *матеріализмъ оказывается истиной идеализма*.

Впрочемъ, *матеріализмъ*, къ которому подходилъ здѣсь Гегель, былъ совершенно неразвитый, зачаточный матеріализмъ, немедленно снова переходившій въ *идеализмъ*, какъ только оказывалось нужнымъ объяснить, откуда же берутся тѣ или другія имущественныя отношенія. Правда, и тутъ Ге-

гелю случалось не рѣдко высказывать совершенно материалистическіе взгляды, но, говоря вообще, имущественныя отношенія разсматриваются имъ, какъ осуществленіе правовыхъ понятій, которыя развиваются своей собственной внутренней силой;

Итакъ, что же мы узнали объ идеалистахъ діалектикахъ?

Они покинули точку зрѣнія человѣческой природы и, благодаря этому, отдѣлились отъ утопическаго взгляда на общественныя явленія, стали разсматривать общественную жизнь, какъ необходимый процессъ, имѣющій свои собственные законы. Но окольнымъ путемъ олицетворенія процесса нашего логическаго мышленія (т.-е. одной изъ сторонъ *человѣческой природы*) они вернулись къ той же неудовлетворительной точкѣ зрѣнія, и потому, имъ осталась непонятной истинная природа общественныхъ отношеній.

Теперь опять маленькое отступленіе въ область нашего домашняго, россійскаго любомудрія.

Г. Михайловскій слышалъ отъ г. Филиппова, который, въ свою очередь, слышалъ отъ американца Фрезера, что вся философія Гегеля сводится къ *«гальваническому мистицизму»*. Уже изъ того, что мы сказали о задачахъ, которыя ставила себѣ идеалистическая нѣмецкая философія, читатель видитъ, какъ вздорно мнѣніе Фрезера. Гг. Филипповъ и Михайловскій сами чувствуютъ, что ихъ американецъ «хватилъ черезъ край»: «Достаточно вспомнить преемственный ходъ и вліяніе (на Гегеля) предыдущей метафизики, начиная съ древнихъ, съ Гераклита...» говоритъ г. Михайловскій, тутъ же прибавляя, однако: «Тотъ же менѣе указанія Фрезера въ высшей степени интересны и, несомнѣнно, заключаютъ въ себѣ значительную долю истины». Надо сознаться, хотя нельзя не признаться... Щедринъ давно уже осмѣялъ эту «формулу», но что прикажете дѣлать его бывшему сотруднику, г. Михайловскому, который взялся истолковать «непосвященнымъ» философа, извѣстнаго ему только по наслышкѣ? Поневоля будешь повторять съ ученымъ видомъ зваточка ничего не говорящія общія фразы...

Вспомнимъ, однако, «преемственный ходъ» развитія нѣмецкаго идеализма. «Опыты гальванизма производятъ впечатлѣніе

на всѣхъ мыслящихъ людей Европы, въ томъ числѣ и на, молодого тогда, нѣмецкаго философа Гегеля. — говоритъ г. Михайловскій. — Гегель создаетъ колоссальную метафизическую систему, гремящую на весь міръ, такъ что отъ нея нѣтъ проходу даже на берегахъ Москвы-рѣки». . . Тутъ дѣло изображается такъ, какъ будто Гегель непосредственно отъ физиковъ заразился «гальваническимъ мистицизмомъ». Но, вѣдь, система Гегеля представляетъ собою лишь дальнѣйшее развитіе взглядовъ Шеллинга; ясно, что зараза должна была подѣйствовать прежде на этого послѣдняго. Она и подѣйствовала, успокоительно отвѣчаетъ г. Михайловскій, или г. Филипповъ, или Фрезеръ: «Шеллингъ, и особенно нѣкоторые врачи, бывшіе его учениками, довели ученіе о полярности до послѣдней крайности». Хорошо. Но предшественникомъ Шеллинга былъ, какъ извѣстно, Фихте. Какъ на него повліяла гальваническая зараза? На этотъ счетъ ничего не говоритъ г. Михайловскій: вѣроятно, онъ думаетъ, что никакъ не повліяла. И онъ совершенно правъ, если дѣйствительно такъ думаетъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитатъ одно изъ первыхъ философскихъ сочиненій Фихте: «*Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre*», Leipzig 1794. Въ этомъ сочиненіи никакой микроскопъ не откроетъ вліянія «гальванизма», а между тѣмъ и тамъ фигурируетъ та же самая пресловутая «тріада», которая, по мнѣнію г. Михайловскаго, составляетъ главный отличительный признакъ гегелевой философіи, и родословную которой Фрезеръ, будто бы съ «значительной долей истины», ведетъ отъ «опытовъ Гальвани и Вольта». . . Надо сознаться, что все это очень странно, хотя и нельзя не признать, что все-таки Гегель и проч. и проч.

Читатель уже знаетъ, какъ смотрѣлъ Шеллингъ на магнетизмъ. Недостатокъ нѣмецкаго идеализма заключался совсѣмъ не въ томъ, что въ его основѣ лежало; будто бы, излишнее, неосновательное, принявшее мистическую форму, увлеченіе естественно-научными открытіями того времени, а, какъ разъ наоборотъ, въ томъ, что онъ всѣ явленія природы и исторіи старался объяснить съ помощью олицетвореннаго имъ процесса мышленія.

Въ заключеніе — отрядное извѣстіе. Г. Михайловскій пишетъ, что «метафизика и капитализмъ находятся въ тѣснѣйшей связи между собой; что, говоря языкомъ экономическаго материализма, метафизика есть необходимая составная часть «надстройки» надъ капиталистической формой производства, хотя въ то же время капиталъ поглощаетъ, приспосабливаетъ къ себѣ все техническія приложенія враждебной метафизикѣ науки, основывающейся на опытѣ и наблюденіи». Г. Михайловскій обѣщаетъ поговорить объ «этомъ любопытномъ противорѣчьи» когда-нибудь въ другой разъ. По истинѣ «любопытство» будетъ изслѣдованіе г. Михайловскаго! Подумайте сами: то, что онъ называетъ метафизикой, получило блестящее, развитіе въ древней Греціи и въ Германіи XVIII и первой половины XIX-го вѣка. До сихъ поръ думали, что древняя Греція вовсе не была капиталистической страной, а въ Германіи указаннаго времени капитализмъ только что начиналъ развиваться. Изслѣдованіе г. Михайловскаго покажетъ, что съ точки зрѣнія «субъективной социологіи» это совсѣмъ небраво, что именно древняя Греція и Германія временъ Фихте-Гегеля были классическими странами капитализма. Вы видите теперь, почему сіе важно. Пусть же поторошится нашъ авторъ опубликовать свое замѣчательное открытие. Спой, свѣтикъ, не стыдись!

ГЛАВА V.

Современный материализмъ.

Несостоятельность идеалистической точки зрѣнія въ дѣлѣ объясненія явленій природы и общественнаго развитія должна была заставить и дѣйствительно заставила *мыслящихъ* людей (т. е. не эклектиковъ, не дуалистовъ) вернуться къ материалистическому взгляду на міръ. Но новый материализмъ не могъ уже быть простымъ повтореніемъ ученій французскихъ материалистовъ конца прошлаго вѣка. Материализмъ воскресъ, обогащенный всѣми приобрѣтеніями идеализма. Важнѣйшимъ изъ этихъ приобрѣтеній былъ *діалектическій методъ*, разсмотрѣніе явленій въ ихъ развитіи, въ ихъ возникновеніи и уничтоженіи. Геніальнымъ представителемъ этого новаго направленія былъ *Карлъ Марксъ*.

Марксъ не первый возсталъ противъ идеализма. Знамя возстанія было подято *Людвигомъ Фейербахомъ*. Затѣмъ, нѣсколько позже Фейербаха, выступили на литературную сцену *братья Бауэры*, взгляды которыхъ заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны современнаго русскаго читателя.

Взгляды Бауэровъ были реакціей противъ идеализма Гегеля. И, тѣмъ не менѣе, они сами были насквозь пронитавы очень поверхностнымъ, одностороннимъ, эклектическимъ идеализмомъ.

Мы видѣли, что великимъ нѣмецкимъ идеалистамъ не удалось понять истинную природу, найти реальную основу общественныхъ отношеній. Они видѣли въ общественномъ развитіи *необходимый, законосообразный процессъ* и, въ этомъ случаѣ, они были совершенно правы. Но когда заходила рѣчь объ основ-

номъ двигателѣ историческаго развитія, они обращались къ абсолютной идеѣ, свойства которой должны были дать послѣднее, самое глубокое объясненіе этого процесса. Въ этомъ заключалась слабая сторона идеализма, противъ которой и направилась прежде всего философская революція: крайнее лѣвое крыло гегелевской школы рѣшительно возстало противъ «абсолютной идеи».

Абсолютная идея существуетъ (если, конечно, существуетъ) внѣ времени и пространства и, ужъ во всякомъ случаѣ, внѣ головы каждаго отдѣльнаго человѣка. Воспроизводя въ своемъ историческомъ развитіи ходъ логическаго развитія абсолютной идеи, человечество повинуется чуждой ему, внѣ его стоящей силѣ. Возставая противъ абсолютной идеи, молодые гегельянцы востали прежде всего во имя самостоятельности людей, во имя вѣчнаго человѣческаго разума. «Умозрительная философія, — писалъ Эдгаръ Бауэръ, — очень ошибается, говоря о разумѣ, какъ о нѣкоторой отвлеченной, абсолютной силѣ... Разумъ не есть объективная, отвлеченная сила, по отношенію къ которой человѣкъ представлялъ бы собою лишь нѣчто субъективное, случайное, преходящее; нѣтъ, господствующая сила есть именно самъ человѣкъ, его самосознаніе, а разумъ есть лишь сила этого самосознанія. Слѣдовательно, нѣтъ никакого абсолютнаго разума, а есть лишь разумъ, вѣчно видоизмѣняющійся съ развитіемъ самосознанія; онъ вовсе не существуетъ въ окончательномъ видѣ, онъ вѣчно видоизмѣняется»¹⁾.

Итакъ, нѣтъ абсолютной идеи, нѣтъ отвлеченнаго разума, а есть только самосознаніе людей, вѣчный, вѣчно измѣняющійся человѣческій разумъ. Это вполнѣ справедливо; противъ этого не сталъ бы спорить даже г. Михайловскій, который, какъ мы уже знаемъ, противъ всего «можетъ спорить»... съ болѣе или менѣе сомнительнымъ усѣхомъ. Но странное дѣло! Чѣмъ болѣе мы отгнѣняемъ эту справедливую мысль, тѣмъ затруднительнѣе становится наше положеніе. У старыхъ нѣмецкихъ идеалистовъ

¹⁾ Der Streit der Kritik mit Kirche und Staat. Von Edgar Bauer. Bern. 1844. S. 184.

къ абсолютной идеѣ приурочивалась законосообразность всякаго процесса въ природѣ или въ исторіи. Спрашивается, къ чему будемъ приурочивать мы эту законосообразность, разрушивъ ея носительницу, абсолютную идею? Положимъ, что по отношенію къ природѣ удовлетворительный отвѣтъ можетъ быть данъ въ немногихъ словахъ: мы приурочиваемъ ее къ свойствамъ матеріи. Но по отношенію къ исторіи дѣло оказывается далеко не такъ просто: господствующей силой въ исторіи оказывается человѣческое самосознаніе, вѣчно измѣняющійся, конечный человѣческій разумъ. Есть-ли какая-нибудь законосообразность въ развитіи этого разума? Эдгаръ Бауэръ отвѣтитъ бы, разумѣется, утвердительно, потому что для него человѣкъ, а следовательно, и его разумъ, вовсе не былъ, какъ мы видѣли, чѣмъ-то случайнымъ. Но если бы вы попросили того же Бауэра-выяснить вамъ свое понятіе о законосообразности въ развитіи человѣческаго разума, если бы спросили его, напримѣръ, почему въ данную историческую эпоху разумъ развивался такъ, а въ другую иначе, то не получили бы отъ него, собственно говоря, ровно никакого отвѣта. Онъ сказалъ бы вамъ, что «вѣчно развивающійся человѣческій разумъ создаетъ общественныя формы», что «историческій разумъ есть движущая сила всемірной исторіи», и что, поэтому, всякій данный общественный строй оказывается отжившимъ свой вѣкъ, какъ только разумъ дѣлаетъ новый шагъ въ своемъ развитіи¹⁾. Но всѣ эти и тому подобныя увѣренія были бы не отвѣтомъ на вопросъ, а блужданіемъ вокругъ вопроса о томъ, отчего человѣческій разумъ дѣлаетъ новые шаги въ своемъ развитіи, и почему онъ дѣлаетъ ихъ въ ту, а не въ другую сторону. Вынужденный вами считаться именно съ этимъ вопросомъ, Бауэръ посидѣвши бы отдѣлаться безсодержательной ссылкой на свойства конечнаго, вѣчно измѣняющагося человѣческаго разума, подобно тому какъ старые идеалисты отдѣлывались ссылкой на свойства абсолютной идеи.

Считать разумъ движущей силой всемірной исторіи и объяснять его развитіе какими-то особыми, ему самому присущими

¹⁾ L. c. S. 185.

ни любить, герой толпу, какъ не понять его существа и въ ея
 избранной худшій, въ ее безпрерывномъ страданіи, — онъ не
 можетъ не сморщиться на нее сверху внизъ, не можетъ не со-
 мнѣвать, что все дѣло въ него, въ героя, между тѣмъ какъ
 тамъ есть чуждая истинно творческая элементъ жизни, что-то
 въ родѣ огромнаго количества людей, получающихъ благонрав-
 ные качества только въ томъ случаѣ, когда во главѣ ихъ сто-
 ятъ истинно стоящими добрыя «критически выходящая» лич-
 ности. Знаменитый предводитъ братьевъ Бауравъ былъ основно-
 степенный, живо сказать, сдирательный сдирательный «кри-
 тически выходящая» избранной «истинности» сдирательный го-
 дить, а въ настоящее время онъ, черезъ посредство своихъ рас-
 сѣянныхъ сторонниковъ, производитъ тотъ же процессъ и въ
 интеллигентнѣ Россіи. Бессимпатичный врагъ и обличитель
 этого самнитичнаго знаменъ *Марксъ*, въ похороны въ танцы и
 переводитъ.

Марксъ говоритъ, что производственное «критически вы-
 сходящая» личностей «жизни» есть не больше, какъ маришатура
 гегельскаго взгляда на исторію — взгляда, истинной въ свое
 время, была лишь спекулятивно съдирательный стараго ученаго
 о производственности дуга и матерія. «Уже у Гегеля абсолютный
 дуть исторіи ¹⁾ относится къ жизни, какъ къ материалу, изъ него
 свое истинное выраженіе дано въ *фалшивѣ*. Отсюда, у него
 философъ является лишь организаторъ, черезъ посредство историческаго
 творенія исторіи, абсолютный дуть, приходитъ къ самосознанію,
 по *своему фалшивѣ*. Этого, по истиннѣ движенія дуги
 исторіи, сомнѣвать и оправдывается участіе философа въ
 исторіи, потому что дѣйствительно историческое движеніе абсо-
 лютный дуть выполняетъ *бессознательно* ²⁾. Такимъ образомъ,
 философъ производитъ *post-festum*. — Гегель впоследствии даже
 изводитъ: во-первыхъ, тѣмъ, что онъ, по ученію котораго абсо-
 лютный дуть только въ философи достигаетъ самосознанія, а

¹⁾ То же, что абсолютная идея. *Н. Б.*

²⁾ Читатель не забудь замечательное изреченіе Гегеля: «онъ Им-
 перію производитъ дуть только вечеромъ». *Н. Б.*

слѣдовательно, и существованія, отказывается признать абсолютнымъ духомъ дѣйствительнаго философа индивидуума; а вторыхъ, тѣмъ, что у него абсолютный духъ только *видимому* дѣлаетъ исторію. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ абсолютный духъ только въ лицѣ философа и только *post festum* сознаетъ себя творческимъ духомъ, то его фабрикація исторіи существуетъ лишь въ сознаниі, въ мнѣніи и представленіи философа, т.-е. только въ спекулятивномъ воображеніи. Г. Бруно Бауэръ устраиваетъ непоследовательность Гегеля ¹⁾. Во-первыхъ, онъ объявляетъ критику абсолютнымъ духомъ, а себя самого критикой. Подобно тому, какъ элементъ критики изгоняется изъ массы, — элементъ массы изгоняется изъ критики. Поэтому критика видитъ себя воплощенной не въ *массу*, а въ маленькой *горсточкѣ* избранниковъ, въ г. Бауэрѣ и его ученикахъ. Далѣе, г. Бауэръ устраиваетъ другую непоследовательность Гегеля: онъ уже не довольствуется ролью гегелевскаго духа, творящаго исторію, лишь въ области фантази и *post festum*: онъ *сознательно* играетъ роль *всѣмїрнаго духа*, въ противоположность къ массѣ остальнаго человечества; онъ уже въ настоящемъ становится къ ней въ *драматическое* отношеніе, онъ сочиняетъ и творитъ исторію по зрѣломъ размысленіи, съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ. Но одну сторону стоитъ масса, этотъ *материальный*, пассивный, неодухотворенный и неисторическій элементъ исторіи; по другую сторону — духъ, критика, г. Бруно и комп., въ качествѣ активнаго элемента, отъ котораго исходитъ *вѣское историческое* дѣйствіе. Актъ общественнаго преобразованія сводится къ *мозговой дѣятельности* критической критики ²⁾.

¹⁾ Бруно Бауэръ — старшій братъ упоминавшагося выше Эдгара Бауэра, авторъ знаменитой въ свое время «*Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker*».

²⁾ Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten. Von F. Engels und K. Marx. Frankfurt a. Main, 1845. SS. 126—128. Книга эта представляетъ собою сборникъ статей Энгельса и Маркса, направленныхъ противъ различныхъ взглядовъ «критической критики». Цитированное мѣсто заимствовано изъ статьи Маркса противъ Бруно Бауэра. У Маркса же взята приведенная въ предыдущей главѣ страница.

Эти строки производят странную иллюзию: кажется, что они написаны не пятьдесят лѣтъ, а какой-нибудь мѣсяць тому назадъ и направлены не противъ нѣмецкихъ лѣвыхъ гегельянцевъ, а противъ русскихъ «субъективныхъ» социологовъ. Иллюзия еще болѣе усиливается по прочтеніи слѣдующаго отрывка изъ статьи Энгельса:

«Самодовлѣющая критика естественно не должна признавать исторію, какъ она дѣйствительно совершалась, потому что это значило бы именно признать пошлую массу въ ея совершенной массовидной массовидности, между тѣмъ какъ дѣло идетъ какъ разъ объ искупленіи массы отъ массовидности. Поэтому, исторія освобождается отъ ея массовидности, и критика, свободно относящаяся къ своему предмету, кричитъ исторіи: ты должна была идти такъ и такъ! Законы критики имѣютъ обратное дѣйствіе: до ея декретовъ исторія шла совсѣмъ иначе, чѣмъ она оказывается шедшей послѣ нихъ. Поэтому, такъ называемая дѣйствительная, массовидная исторія значительно отличается отъ критической» ¹⁾).

О комъ говорится въ этомъ отрывкѣ? О нѣмецкихъ писателяхъ сороковыхъ годовъ, или о нѣкоторыхъ современныхъ «социологахъ», съ анлобомъ разсуждающихъ на ту тему, что, дескать, католикъ представляетъ себѣ ходъ историческихъ событій на одинъ ладъ, протестантъ—на другой, монархистъ—на третій, республиканецъ—на четвертый и что, поэтому, хорошему субъективному человѣку не только можно, но и должно придумать для себя, для своего душевнаго обихода такую исторію, которая вполне соответствовала бы наилучшему изъ идеаловъ? Неужели Энгельсъ предвидѣлъ наши россійскія благоглупости? Нисколько! Онъ, разумѣется, и не думалъ о нихъ, и если его пропія на разстояніи полувѣка попадаетъ не въ бровь, а въ глазъ нашимъ мыслителямъ, то дѣло объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что въ нашемъ субъективномъ вздорѣ нѣтъ рѣшительно ничего оригинальнаго; онъ представляетъ собою не болѣе, какъ лубочный, «суздальскій» снимокъ съ

¹⁾ Тамъ же, стр. 6.

карикатуры той самой «гегельящины», против которой онъ такъ неудачно воюетъ...

Съ точки зрѣнія «критической критики» всѣ великія историческія столкновенія сводились къ столкновенію *идей*. Марксъ замѣчаетъ, что *идеи* «поeramлялись» всякій разъ, когда онѣ не совпадали съ реальными, экономическими интересами того общественнаго слоя, который является въ данное время носителемъ историческаго прогресса. Только пониманіе этихъ интересовъ и можетъ дать ключъ къ пониманію дѣйствительнаго хода историческаго развитія.

Мы уже знаемъ, что и французскіе просвѣтители не закрывали глазъ на интересы, что и они не прочь были обращаться къ нимъ для объясненія даннаго состоянія даннаго общества. Но у нихъ этотъ взглядъ на рѣшающее значеніе *интересовъ* являлся лишь видоизмѣненіемъ «формулы» — мнѣнія правять міромъ: у нихъ выходило, что и самыя интересы людей зависятъ отъ ихъ мнѣній и измѣняются съ измѣненіемъ этихъ послѣднихъ. Такое истолкованіе значенія интересовъ представляетъ собою торжество идеализма въ его примѣненіи къ исторіи. Оно далеко оставляетъ за собою даже вѣмецкій діалектическій идеализмъ, по смыслу котораго у людей являются новыя матеріальные интересы всякій разъ, когда абсолютной идее оказывается нужнымъ сдѣлать новый шагъ въ своемъ логическомъ развитіи. Марксъ понимаетъ значеніе матеріальныхъ интересовъ совершенно иначе.

Обыкновенному русскому читателю историческая теорія Маркса кажется какимъ-то гнуснымъ пасквиломъ на человѣчскій родъ. У Г. И. Успенскаго, если не ошибаемся въ «Разореніи», есть старуха-чиновница, которая даже въ предсмертномъ бреду упорно повторяетъ правило всей своей жизни: «въ карманъ верови, въ карманъ!» Русская интеллигенція наивно думаетъ, что Марксъ приписываетъ это правило всему человечеству и утверждаетъ, что чѣмъ бы ни занимались сыны человѣчскіе, они всегда исключительно и сознательно «*норовили въ карманъ*». Безкорыстному русскому интеллигенту подобный взглядъ естественно столь же «несампатиченъ», какъ несим-

патична теорія Дарвина какой-нибудь титулярной совѣтницѣ, которая думаетъ, что весь смыслъ этой теоріи сводится къ тому непочтительному положенію, что вотъ, дескать, она, почтенная чиновница, представляетъ собою не болѣе, какъ одѣтую въ чепчикъ обезьяну. Въ дѣйствительности Марксъ такъ же мало клеветаетъ на интеллигентовъ, какъ Дарвинъ—на титулярныхъ совѣтниковъ.

Чтобы понять историческіе взгляды Маркса, нужно припомнить, къ какимъ результатамъ пришла философія и естественно-историческая наука въ періодъ, непосредственно предшествовавшій его появленію. Французскіе историки времени реставраціи пришли, какъ мы знаемъ, къ тому убѣжденію, что «гражданскій бытъ», «имущественныя отношенія» составляютъ коренную основу всего общественнаго строя. Мы знаемъ также, что къ тому же выводу должна была придти, въ лицѣ Гегеля, и идеалистическая нѣмецкая философія,—прийти противъ воли, вопреки своему духу, просто въ силу недостаточности, несостоятельности идеалистическаго объясненія исторіи. Марксъ, усвоившій себѣ всѣ результаты научнаго знанія и философской мысли своего времени, вполнѣ сходитъ относительно указаннаго вывода съ французскими историками и Гегелемъ. Я убѣдился, говоритъ онъ, что «правовыя отношенія и государственныя формы не объясняются ни своей собственной природой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, совокупность которыхъ Гегель, по приѣру англичанъ и французовъ XVIII-го вѣка, называлъ «гражданскимъ обществомъ», анатомію же гражданскаго общества надо искать въ его экономіи».

Но отчего зависитъ экономія даннаго общества? Ни французскіе историки, ни социалисты-утописты, ни Гегель, не могли отвѣтить на это сколько-нибудь удовлетворительно. Они, прямо или косвенно, все ссылались на человѣческую природу. Великая научная заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ подошелъ къ вопросу съ діаметрально противоположной стороны, что онъ на самую природу человѣка взглянулъ какъ на вѣчно измѣняющійся результатъ историческаго движенія, причина котораго

зависитъ отъ его бумеранга, какъ все существованіе современной Англии зависитъ отъ ея машинъ. Отвѣтите отъ австралійца его бумерангъ, сдѣлайте его земледѣльцемъ, и онъ по необходимости измѣнитъ весь свой образъ жизни, всѣ свои привычки, весь свой образъ мыслей, всю свою «природу».

Мы сказали: сдѣлайте земледѣльцемъ. На примѣрѣ земледѣлія ясно видно, что процессъ производительнаго воздѣйствія челоѣка на природу предполагаетъ не одни только орудія труда. Орудія труда составляютъ только часть средствъ, необходимыхъ для производства. Вотъ почему точнѣе будетъ говорить не о развитіи орудій труда, а вообще о развитіи средствъ производства, *производительныхъ силъ*, хотя совершенно несомнѣнно, что самая важная роль въ этомъ развитіи принадлежитъ имъ, по крайней мѣрѣ, принадлежала до сихъ поръ (до появленія важныхъ *химическихъ* производствъ) именно *орудіямъ труда*.

Въ орудіяхъ труда челоѣкъ приобретаетъ какъ-бы новые органы, измѣняющіе его анатомическое строеніе. Съ того времени, какъ онъ возвысился до ихъ употребленія, онъ придаетъ совершенно новый видъ исторіи своего развитія: прежде она, какъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ, сводилась къ видоизмѣненіямъ его естественныхъ органовъ; теперь она становится прежде всего *исторіей усовершенствованія его искусственныхъ органовъ, роста его производительныхъ силъ*.

Челоѣкъ — *животное, обладающее орудіемъ*, — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *общественное животное*, происходящее отъ предковъ, жившихъ въ теченіе многихъ поколѣній болѣе или менѣе крупными стадами. Для насъ не важно здѣсь, почему наши предки стали жить стадами, — это должны выяснить и выясняютъ зоологи, но съ точки зрѣнія философіи исторіи въ высшей степени важно отмѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ искусственные органы челоѣка стали играть решающую роль въ его существованіи, сама общественная жизнь его стала видоизмѣняться въ зависимости отъ хода развитія производительныхъ силъ.

«Многоразличныя отношенія, въ которыя становятся люди при производствѣ продуктовъ, не ограничиваются отношеніемъ

ихъ къ природѣ. Производство возможно лишь при известнаго рода совмѣстности и общности дѣйствій производителей. Чтобы производить, люди вступаютъ въ опредѣленные взаимныя связи и отношенія, и только внутри и черезъ посредство этихъ общественныхъ связей и отношеній возникаютъ тѣ воздѣйствія людей на природу, которыя необходимы для производства»¹⁾.

Искусственные органы, орудія труда, оказываются, такимъ образомъ, органами не столько индивидуальнаго, сколько общественнаго челоука. Вотъ почему всякое существенное ихъ измѣненіе ведетъ за собой перемѣны въ общественномъ устройствѣ.

«Въ зависимости отъ характера производительныхъ средствъ измѣняются и общественныя отношенія производителей другъ къ другу, измѣняются условія ихъ совместной дѣятельности и ихъ участія во всемъ ходѣ производства. Съ изобрѣтеніемъ новаго военнаго орудія, огнестрѣльнаго оружія, необходимымъ образомъ измѣнилась вся внутренняя организація арміи, равно какъ все тѣ взаимныя отношенія, въ которыхъ стоятъ входящія въ составъ арміи личности, и благодаря которымъ она представляетъ собою организованное цѣлое; наконецъ, измѣнились также и взаимныя отношенія цѣлыхъ армій. Общественныя отношенія производителей, общественныя условія производства мѣняются, слѣдовательно, съ измѣненіемъ и развитіемъ материальныхъ средствъ производства, т. е. производительныхъ силъ. Условія производства въ ихъ совокупности образуютъ то, что называется общественными отношеніями, обществомъ, и притомъ обществомъ, находящимся на опредѣленной исторической ступени развитія, — обществомъ съ опредѣленнымъ характеромъ. Такія своеобразныя совокупности отношеній производства представляютъ собою античное общество, феодальное общество, буржуазное общество, и каждый изъ этихъ видовъ общественной организаціи соответствуетъ, въ свою очередь, известной ступени развитія въ исторіи человѣчества»²⁾.

¹⁾ «Lohnarbeit u. Kapital» Карла Маркса.

²⁾ Тамъ же.

Излишне прибавлять, что не менѣе своеобразныя совокупности отношеній производства представляютъ собою и болѣе раннія ступени человѣческаго развитія. Также излишне повторять, что и на этихъ болѣе равныхъ степеняхъ состояніе производительныхъ силъ имѣло рѣшающее вліяніе на общественныя отношенія людей.

Здѣсь мы должны остановиться, чтобы разсмотрѣть нѣкоторыя, на первый взглядъ довольно убѣдительныя, возраженія.

Первое состоитъ вотъ въ чемъ:

Никто не оспариваетъ важнаго значенія орудій труда, огромной роли производительныхъ силъ въ историческомъ движеніи человѣчества,—говорятъ нерѣдко марксистамъ, но орудія труда изобрѣтаются и употребляются въ дѣло человѣкомъ. Вы сами признаете, что пользованіе ими предполагаетъ сравнительно очень высокую степень умственного развитія. Каждый новый шагъ въ усовершенствованіи орудій труда требуетъ новыхъ усилій человѣческаго ума. Усилія ума—*причина*, развитіе производительныхъ силъ—*слѣдствіе*. Значитъ, умъ есть главный двигатель историческаго прогресса, значитъ, правы были люди, утверждавшіе, что міромъ правятъ мѣнья, т.-е. правитъ человѣческой разумъ.

Нѣтъ ничего естественнѣе такого замѣчанія, но это не мѣшаетъ ему быть неосновательнымъ.

Безспорно, употребленіе орудій труда предполагаетъ высокое развитіе ума въ животномъ-человѣкѣ. Но посмотрите, какими причинами объясняетъ это развитіе современное естествознаніе.

«Человѣкъ никогда не достигъ бы господствующаго положенія въ мірѣ, безъ употребленія рукъ, этихъ орудій, столь удивительно послушныхъ его волѣ», говорятъ Дарвинъ ¹⁾. Это не новая мысль, ее высказалъ уже Гельвецій. Но Гельвецій, не умѣвший стать твердой ногой на точку зрѣнія развитія, не умѣлъ придать сколько-нибудь вѣроятный видъ своей собственной мысли. Дарвинъ выдвинулъ на ея защиту цѣлый арсеналъ

¹⁾ La Descendance de l'homme etc. Paris, 1881, p. 51.

Библиотека
ИМПЕРАТОРСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА

доводовъ, и хотя всѣ они, разумѣется, имѣютъ лишь гипотетическій характеръ, но въ своей совокупности они достаточно убѣдительно. Что же говорить Дарвинъ? Откуда взялись у квази-человѣка его нынѣшнія, совершенно человѣческія руки, имѣвшія столь замѣчательное вліяніе на успѣхи его «разума»? Вѣроятно, онѣ образовались въ силу нѣкоторыхъ особенностей *географической среды*, сдѣлавшихъ полезнымъ физиологическое раздѣленіе труда между передними и задними конечностями. Успѣхи «разума» явились *отдаленнымъ слѣдствіемъ* этого раздѣленія и, опять-таки при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, стали, въ свою очередь, *ближайшей причиной* появленія у человѣка искусственныхъ органовъ, употребленія орудій. Эти новые искусственные органы оказали его умственному развитію новыя услуги, а успѣхи «разума» опять отразились на органахъ. Тутъ передъ нами длинный процессъ, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами. Но ошибкою было бы разсматривать этотъ процессъ съ точки зрѣнія *простого взаимодѣйствія*. Чтобы человѣкъ могъ воспользоваться уже достигнутыми успѣхами своего «разума» для усовершенствованія своихъ искусственныхъ орудій, т.-е. для *увеличенія своей власти надъ природой*, онъ долженъ былъ находиться въ *известной географической средѣ*, способной доставить ему 1) матеріалы, необходимыя для усовершенствованій, 2) предметы, обработка которыхъ предполагала бы усовершенствованныя орудія. Тамъ, гдѣ не было металловъ, собственный разумъ общественнаго человѣка ни въ какомъ случаѣ не могъ вывести его за предѣлы «періода шлифованнаго камня»; точно такъ же для перехода къ пастушескому и къ земледѣльческому быту нужны были извѣстныя фауна и флора, безъ наличности которыхъ «разумъ» остался бы неподвижнымъ. Но это не все. Умственное развитіе первобытныхъ обществъ должно было идти тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше было взаимныхъ сношеній между ними, а эти сношенія были, конечно, тѣмъ чаще, чѣмъ разнообразнѣе были географическія условія обитаемыхъ ими мѣстностей, т.-е., слѣдовательно, чѣмъ менѣе сходны были продукты, произведенныя въ

одной мѣстности, съ продуктами, производимыми въ другой ¹⁾. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, какъ важны въ этомъ отношеніи естественные пути сообщенія; уже Гегель говоритъ, что горы раздѣляютъ людей, рѣки и моря ихъ сближаютъ ²⁾.

Географическая среда оказываетъ не менѣе рѣшительное вліяніе и на судьбу болѣе крупныхъ обществъ, на судьбу государствъ, возникающихъ на развалинахъ первобытныхъ родовыхъ организацій. «Не абсолютное плодородіе почвы, а ея дифференцированіе, разнообразіе ея естественныхъ произведеній составляетъ естественную основу общественнаго раздѣленія труда и заставляетъ человѣка, въ силу разнообразія окружающихъ его естественныхъ условій, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства. Необходимость установить общественный контроль надъ извѣстной силой природы для ея эксплуатаціи въ большихъ размѣрахъ, для ея подчиненія человѣку посредствомъ организованныхъ человѣческихъ усилій, играетъ самую рѣшительную роль въ исторіи промышленности. Таково было значеніе регулированія воды въ

¹⁾ Въ извѣстной книгѣ фонъ-Марціуса о первобытныхъ обитателяхъ Бразиліи можно найти нѣсколько интересныхъ примѣровъ, показывающихъ, какъ важны самыя, повидимому, незначительныя особенности мѣстностей въ дѣлѣ развитія сношеній между ихъ обитателями.

²⁾ Впрочемъ, относительно моря надо замѣтить, что оно не всегда сближаетъ людей. Ратцель (*Anthropo-Geographie*, Stuttgart, 1832, стр. 92) справедливо замѣчаетъ, что на извѣстной низкой стадіи развитія море является абсолютной границей, т.-е. дѣлаетъ невозможными какія бы то ни было сношенія между раздѣленными имъ народами. Съ своей стороны, сношенія, возможность которыхъ обуславливается первоначально исключительно свойствами географической среды, накладываютъ свою печать на физиономію первобытныхъ племенъ. Островитяне сильно отличаются отъ обитателей континентовъ. «Die Bevölkerungen der Inseln sind in einigen Fällen völlig andere als die des nächst gelegenen Festlandes oder der nächsten grösseren Insel; aber auch wo sie ursprünglich derselben Rasse oder Völkergroupe angehören, sind sie immer weit von derselben verschieden; und zwar, kann man hinzusetzen, in der Regel weiter als die entsprechenden festländischen Abzweigungen dieser Rasse oder Gruppe untereinander» (Ratzel, I. c. s. 96). Тутъ повторяется тотъ же законъ, что и въ образованіи животныхъ видовъ и разновидностей.

Различіе результатовъ (*ступеней культурнаго развитія*), достигнутыхъ различными человѣческими обществами, объясняется именно тѣмъ, что окружающія условія не позволили различнымъ человѣческимъ племенамъ въ одинаковой мѣрѣ употребить въ дѣло свою способность «изобрѣтать». Есть школа антропологовъ, приурочивающая различіе названныхъ результатовъ къ различнымъ свойствамъ *человѣческихъ расъ*. Но взглядъ этой школы не выдерживаетъ критики: онъ представляетъ собою лишь новую вариацию стараго приема объясненія историческихъ явленій ссылками на «человѣческую природу» (т. е. здѣсь ссылками на *природу расы*) и по своей научной глубинѣ не далеко ушелъ отъ взгляда кольеровскаго доктора, глубокомысленно взрекашаго: опій усыпляетъ, потому что имѣетъ свойство усыплять (раса отстала, потому что имѣла свойство отставать).

Дѣйствуя на природу внѣ его, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу. Онъ развиваетъ всѣ свои способности, и между прочими и способность къ «дѣланію орудій». Но *въ каждое данное время мира этой способности опредѣляется мѣрой уже достигнутаго развитія производительныхъ силъ*.

Разъ орудіе труда становится предметомъ производства, самая возможность, равно какъ и большая или меньшая степень

лнца (адеа), рублице (наскан). Этотъ законъ языка долженъ тѣмъ болѣе обращать на себя вниманіе, что названія приспособленій, которыя не представляютъ изъ себя орудій, образуются генетическимъ, пассивнымъ путемъ отъ того материала или той работы, изъ котораго или благодаря которой они возникаютъ. Напримеръ, мѣтъ, какъ въѣстилница или вина, во многихъ языкахъ первоначально обозначаетъ содранную съ животнаго шкуру — нѣмецкому Schlauchъ соответствуетъ англійское slough, змѣиная шкура; греческое αἰκίονъ одновременно мѣтъ въ смыслѣ въѣстилница и звѣриная шкура. Тутъ, стало быть, языкъ воплѣтъ крѣпко показываетъ намъ, какъ и изъ чего изготовляно приспособленіе, именуемое мѣтомъ. Не то по отношенію къ орудіямъ, и они первоначально, если основываться на языкѣ, не были вовсе изготовлены; такъ, первымъ ножомъ могъ явиться случайно найденный и, а бы скамьѣ, играючи пущенный въ дѣло, заостренный камень». L. Geiger. Die Urgeschichte der Menschheit im Lichte der Sprache. Mit besonderer Beziehung auf die Entstehung des Werkzeuges. S. 36—37. Въ сборникѣ: Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1878.

совершенства его изготовления, цѣликомъ зависитъ отъ тѣхъ орудій труда, съ помощью которыхъ оно выдѣлывается. Это понятно всякому и безъ всякихъ поясненій. Но вотъ что, напримеръ, можетъ показаться на первый взглядъ совсѣмъ непонятнымъ: Плутархъ, упомянувъ объ изобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Архимедомъ во время осады Сиракузъ римлянами, находитъ нужнымъ *извинить* изобрѣтателя: философу, конечно, неприлично заниматься такого рода вещами, рассуждаетъ онъ, но Архимедъ оправдываетъ крайность, въ которой находилось его отечество. Мы спрашиваемъ, кому придетъ теперь въ голову искать обстоятельности, смягчающихъ вину *Эдиссона*? Мы не считаемъ теперь постыднымъ—совсѣмъ напротивъ!—употребленіе чело-вѣкомъ въ дѣло его способности къ механическимъ изобрѣтеніямъ, а греки (или, если хотите, римляне), какъ видите, смотрѣли на это совсѣмъ иначе. Оттого ходъ механическихъ открытій и изобрѣтеній долженъ былъ совершаться у нихъ—и дѣйствительно совершался—несравненно медленнѣе, чѣмъ у насъ. Тутъ какъ будто опять выходитъ, что *мыслия правятъ міромъ*. Но откуда взялось у грековъ такое странное «мысліе»? Происхожденія его нельзя объяснить свойствами человѣческаго «разума». Остается припомнить ихъ общественныя отношенія. Греческія и римское общества были, какъ извѣстно, обществами *рабовладельцевъ*. Въ такихъ обществахъ весь физическій трудъ, все дѣло производства достается на долю рабовъ. Свободный чело-вѣкъ *стыдится* такого труда, и потому естественно устанавливается презрительное отношеніе даже къ важнѣйшимъ изобрѣтеніямъ, касающимся производительныхъ процессовъ и, между прочимъ, къ изобрѣтеніямъ механическимъ. Вотъ почему Плутархъ смотрѣлъ на Архимеда не такъ, какъ мы смотримъ теперь на Эдиссона ¹⁾. Но почему же въ Греціи установилось

¹⁾ Основателями (этой механики). явились Эвдоксъ и Архитъ, которые дали геометріи болѣе пестрое и интересное содержаніе, игнорируя ради непосредственно осязаемыхъ и технически важныхъ примѣненій этой науки, ея отвлеченныя и недоступныя графическому изображенію проблемы. А когда Платонъ съ негодованіемъ указалъ имъ, что они уни-

рабство? Не потому-ли, что греки, въ силу некоторыхъ промаховъ ихъ «разума», считали рабскій строй наилучшимъ? Нѣтъ, не потому. Было время, когда и у грековъ не было рабства, и тогда они вовсе не считали рабовладѣльческаго общественнаго строя естественнымъ и неизбѣжнымъ. Потомъ возникло у грековъ рабство и постепенно стало играть болѣе и болѣе важную роль въ ихъ жизни. Тогда измѣнился и взглядъ на него греческихъ гражданъ: они стали отстаивать его, какъ совершенно естественное и безусловно необходимое учрежденіе. Но почему же возникло и развилось у грековъ рабство? Вероятно, по той же самой причинѣ, по какой возникало и развивалось оно и въ другихъ странахъ на извѣстной стадіи ихъ общественнаго развитія. А эта причина извѣстна: она заключается въ состояніи производительныхъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы мнѣ изъ побѣжденнаго непріятеля выгодно было сдѣлать раба, чѣмъ жаркое, нужно, чтобы продуктомъ его подневольнаго труда могло поддерживаться не только его собственное, а, по крайней мѣрѣ отчасти, и мое существованіе, другими словами, — нужна извѣстная степень развитія находящихся въ моемъ распоряженіи производительныхъ силъ. Именно черезъ эту дверь и входитъ рабство въ исторію. Рабскій трудъ мало благопріятствуетъ развитію производительныхъ силъ; при немъ оно подвигается крайне медленно, но все-таки оно подвигается и приходитъ, наконецъ, такой моментъ, когда эксплуатация рабскаго труда оказывается менѣе выгодной, чѣмъ эксплуатация труда свободнаго. Тогда рабство *отмираетъ* или постепенно *отмираетъ*: ему указываетъ на дверь то самое развитіе

что жаюгъ величіе геометріи, которая въ ихъ рукахъ удаляется отъ предметовъ безтѣлесныхъ и отвлеченныхъ и обращается къ предметамъ чувственнымъ, нуждающимся въ грубой ремесленной обработкѣ, то механика, изгнанная изъ математики, отдѣлилась отъ нея и, не пользуясь долгое время никакимъ вниманіемъ со стороны философіи, сдѣлалась одной изъ вспомогательныхъ наукъ военнаго искусства» (*Plutarchi Vita Marcelli*, edit. Teubneriana C. Sintenis. Lipsiae. 1883, Cap. XIV, p. 135—136).

Какъ видитъ читатель, взглядъ Плутарха былъ далеко не новъ въ то время.

производительныхъ силъ, которое ввело его въ исторію ¹⁾. Такимъ образомъ, мы, возвращаясь къ Плутарху, видимъ, что его взглядъ на изобрѣтенія Архимеда былъ обусловленъ состояніемъ производительныхъ силъ въ его время. А такъ какъ взгляды такого рода несомнѣнно имѣютъ огромное влияние на дальнѣйшій ходъ открытій и изобрѣтеній, то мы тѣмъ болѣе можемъ сказать, что *у каждаго даннаго народа, въ каждый данный періодъ его исторіи, дальнѣйшее развитіе его производительныхъ силъ определяется состояніемъ ихъ въ разсматриваемый періодъ.*

Само собою разумѣется, что всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ открытіями и изобрѣтеніями, мы имѣемъ дѣло и съ «разумомъ». Безъ разума открытія и изобрѣтенія были бы такъ же невозможны, какъ невозможны они были до появленія на землѣ человека. Излагаемое нами ученіе вовсе не упускаетъ изъ виду роли разума, оно только старается объяснить, почему разумъ въ каждое данное время *дѣйствовалъ така, а не иначе*; оно не пренебрегаетъ усилийъ разума, оно только старается найти для нихъ достаточную причину.

Противъ того же ученія стали охотно дѣлать въ послѣднее время другое возраженіе, которое мы предоставимъ изложить г. Карлену:

«Съ теченіемъ времени,—говоритъ этотъ писатель, съ грѣ-

¹⁾ Известно, что въ теченіе долгаго времени русскіе крестьяне сами могли имѣть и верѣшко имѣли крѣпостныхъ. Состояніе крѣпостного не могло быть пріятно крестьянину. Но, при тогдашнемъ состояніи производительныхъ силъ Россіи, ни одинъ крестьянинъ не могъ находить это состояніе неволевымъ. Запасный деньжонками «мужичекъ» также естественно задумывался о покупкѣ крѣпостныхъ, какъ римскій волеотпущенникъ стремился къ приобрѣтенію рабовъ. Восставшіе подъ предводительствомъ Спартака рабы вели войну съ своими господами, но не съ рабствомъ; если бы имъ удалось завоевать себѣ свободу, они, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, сами и съ самою спокойною совѣстью сдѣлались бы рабовладѣльцами. Неволею вспоминаются при этомъ, приобрѣтая новый смыслъ, слова Шеллинга: *свобода должна быть необходима*. Исторія показываетъ, что любой изъ видовъ свободы является только тамъ, гдѣ онъ становится экономической необходимостью.

хоть пополамъ взложивъ историческую философію Энгельса,— Энгельсъ дополнилъ свой взглядъ новыми соображеніями, которыя внесли въ него существенное измѣненіе. Если раньше онъ признавалъ за основу матеріальнаго пониманія исторіи только изслѣдованіе экономической структуры общества, то позднѣе онъ призналъ равносильное значеніе и за изслѣдованіемъ семейнаго устройства, что случилось подъ влияніемъ новаго представленія о первобытныхъ формахъ брачныхъ и семейныхъ отношеній, заставившаго его принять въ расчетъ не одинъ только процессъ производства продуктовъ, но и процессъ воспроизведенія человѣческихъ поколѣній. Въ данномъ отношеніи влияніе шло въ частности со стороны «Древняго общества» Моргана¹⁾, и проч.

Итакъ, если раньше Энгельсъ «признавалъ за основу матеріальнаго (?) пониманія исторіи изслѣдованіе экономической структуры общества», то позднѣе, «признавъ равносильное значеніе» и проч., онъ, собственно говоря, пересталъ быть «экономическимъ» матеріалистомъ. Г. Карѣвъ излагаетъ это происшествіе тономъ безпристрастнаго историка, а г. Михайловскій по поводу его «скачетъ и играетъ», но оба они говорятъ въ сущности одно и то же и оба повторяютъ то, что раньше ихъ сказалъ крайне поверхностный нѣмецкій писатель Вейзенгрунъ въ своей книгѣ «Entwicklungsgesetze der Menschheit».

Вполнѣ естественно, что такой замѣчательный человѣкъ, какъ Энгельсъ, внимательно слѣдя въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій за научнымъ движеніемъ своего времени, очень существенно «дополнял» свой основной взглядъ на исторію человѣчества. Но есть дополненія и дополненія, какъ есть *fagot* и *fagot*. Въ данномъ случаѣ весь вопросъ въ томъ, *измѣнились-ли взгляды Энгельса въ силу вносимыхъ въ нихъ «дополненій»*; были-ли онъ дѣйствительно вынужденъ признать, рядомъ съ развитіемъ «производства», дѣйствіе другого фактора, будто бы «равносильнаго» первому? Легко отвѣтить на этотъ вопросъ всякому,

¹⁾ См. статью «Экономическій матеріализмъ въ исторіи». «Вѣст. Евр.» Авг. 1894 г., стр. 601.

у кого есть хоть маленькая охота отнестись къ нему внимательно и серьезно.

Слоны отмахиваются иногда отъ мухъ вѣтками, говорить Дарвинъ. Мы замѣтили по этому поводу, что, тѣмъ не менѣе, эти вѣтки не играютъ въ жизни слоновъ никакой существенной роли, что слонъ не потому сталъ слономъ, что пользовался вѣтками. Но слонъ размножается. У самца слова существуетъ извѣстное отношеніе къ самкѣ. У самца и самки существуетъ извѣстное отношеніе къ дѣтенышамъ. Ясно, что не вѣтками созданы эти отношенія; они созданы общими условіями жизни этого вида, условіями, въ которыхъ роль «вѣтки» такъ безконечно мала, что ее безъ всякой ошибки можно приравнять къ нулю. Но вообразите, что въ жизни слона вѣтка начинаетъ приобрѣтать все болѣе и болѣе важное значеніе въ томъ смыслѣ, что она начинаетъ все болѣе и болѣе вліять на складъ тѣхъ общихъ условій, отъ которыхъ зависятъ всѣ привычки слоновъ, а наконецъ и самое ихъ существованіе. Вообразите, что вѣтка приобрѣла, наконецъ, *рѣшающее* вліяніе въ дѣлѣ созданія этихъ условій,— тогда придется признать, что ею опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ и отношеніе слова къ самкѣ и къ дѣтенышу. Тогда придется признать, что было время, когда «семейныя» отношенія слоновъ развивались самостоятельно (въ смыслѣ отношенія ихъ къ вѣткѣ), а что потомъ наступило такое время, когда они стали опредѣляться «вѣткою». Будетъ-ли что-нибудь странное въ такомъ признаніи? Ровно ничего, кромѣ странности самой гипотезы относительно неожиданнаго приобрѣтенія вѣткою рѣшающаго значенія въ жизни слона. Мы и сами знаемъ, что по отношенію къ слону эта гипотеза не можетъ не показаться странной; но въ примѣненіи къ исторіи *человѣка*—дѣло обстоитъ иначе.

Человѣкъ лишь постепенно выдѣлился изъ животнаго міра. Было время, когда въ жизни нашихъ человѣкоподобныхъ предковъ орудія играли такую же ничтожную роль, какую играетъ вѣтка въ жизни слона. Въ теченіе этого очень долгаго времени отношенія человѣкоподобныхъ самцевъ къ человѣкоподобнымъ самкамъ, равно какъ и отношеніе тѣхъ и другихъ къ ихъ чело-

вѣководообнымъ дѣтенышамъ, опредѣлялись общими условіями жизни этого вида, не имѣющими къ орудіямъ труда никакого отношенія. Отчего зависѣли тогда «семейныя» отношенія нашихъ предковъ? Объяснить это должны натуралисты. Историкъ тутъ дѣлать пока еще нечего. Но вотъ орудія труда начинаютъ играть все болѣе и болѣе важную роль въ жизни человѣка, производительныя силы все болѣе и болѣе развиваются, и вступаетъ, наконецъ, такой моментъ, когда они пріобрѣтаютъ рѣшительное вліяніе на весь складъ общественныхъ, т.-е., между прочимъ, и семейныхъ отношеній. Тутъ уже начинается *дѣло историка*: онъ долженъ показать, какъ и почему измѣнились семейныя отношенія нашихъ предковъ въ связи съ развитіемъ ихъ производительныхъ силъ, какъ развивалась семья въ зависимости отъ экономическихъ отношеній. Но понятно, что разъ онъ возьмется за дѣло такого объясненія, ему, при изученіи первобытной семьи, придется считаться не съ одной только экономіей: вѣдь люди размножились и раньше того, когда орудія труда пріобрѣли рѣшающее значеніе въ человѣческой жизни, вѣдь и раньше этого времени существовали какія-то семейныя отношенія, которыя опредѣлялись общими условіями существованія вида—человѣкъ. Что же собственно придется тутъ дѣлать историкъ? Ему придется, во-первыхъ, потребовать формулярный списокъ этого вида у натуралиста, сдающаго ему съ рукъ на руки дальнѣйшее изученіе развитія человѣка; ему придется, во-вторыхъ, пополнять этотъ списокъ «собственными средствами». Другими словами, ему придется взять «семью», какъ она создавалась, скажемъ, въ зоологическій періодъ развитія человѣчества, и затѣмъ показать, какія измѣненія были внесены въ нее въ теченіе историческаго періода подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, вслѣдствіе измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ. Вотъ только это и говорить Энгельсъ. И мы спрашиваемъ, когда онъ говоритъ это, измѣняетъ-ли онъ хоть немного свой «первоначальный» взглядъ на значеніе производительныхъ силъ въ исторіи человѣчества? Принимаетъ-ли онъ, рядомъ съ дѣйствіемъ этого фактора, дѣйствіе какого-то другого «равносильнаго» ему? Кажется, ничего не измѣняетъ, ка-

жется, ничего такого не принимаетъ. Ну а если нѣтъ, то почему же толкуютъ объ измѣненіи его взглядовъ гг. Вейзенгрунъ и Карѣвъ, почему скачутъ и угрожаютъ г. Михайловскій? Вѣрнѣ всего, что по поводу собственнаго легкомыслія.

«Но вѣдь странно же сводить исторію семьи къ исторіи экономическихъ отношеній, хотя бы въ теченіе того, что вы называете историческимъ періодомъ», — хоромъ кричатъ намъ противники. Можетъ быть, странно, а можетъ быть, и не странно: объ этомъ можно спорить, скажемъ мы словами г. Михайловскаго. И мы не прочь поспорить съ вами, господа, но только съ однимъ условіемъ: въ теченіе спора ведите себя серьезно, внимательно вдумывайтесь въ смыслъ нашихъ словъ, не приписывайте намъ вашихъ собственныхъ измышленій и не торопитесь съ открытіемъ у насъ такихъ противорѣчій, которыхъ ни у насъ, ни у нашихъ учителей нѣтъ и вѣкогда не было. Согласны? Очень хорошо, давайте спорить.

Нельзя объяснять исторію семьи исторіей экономическихъ отношеній, говорите вы: это узко, односторонне, неваучно. Мы утверждаемъ противоположное и обращаемся къ посредничеству специальныхъ изслѣдователей.

Вамъ, конечно, знакома книга Жиро-Тэлонъ: *Les origines de la famille*? Мы развертываемъ эту знакомую вамъ книгу и находимъ тамъ, напр., такое мѣсто:

«Причины, которыя вызвали возникновеніе» внутри первобытнаго племени (Жиро-Тэлонъ говоритъ, собственно, «внутри орды»: *de la horde*) «обособленныхъ семейныхъ группъ, повидимому, связываются съ ростомъ богатства этого племени. Введеніе въ употребленіе или открытіе какого-нибудь хлѣбнаго растенія, прирученіе какого-нибудь новаго вида животныхъ, могли быть достаточною причиной коренныхъ преобразованій въ дикомъ обществѣ: всѣ великіе успѣхи въ цивилизаціи всегда совпадали съ глубокими измѣненіями въ экономическомъ бытѣ населенія» (стр. 138) ¹⁾.

Нѣсколькими страницами дажде:

¹⁾ Мы цитируемъ по французскому изданію 1874 г.

«Повидимому, переходъ отъ системы женскаго родства къ системѣ родства мужскаго въ особенности ознаменовался столкновѣніями юридическаго характера на почвѣ права собственности» (стр. 141).

Еще далѣе: «Организація семьи, въ которой преобладаетъ мужское право, повсюду, кажется мнѣ, вызвана была дѣйствиємъ силы столько же простой, какъ и стихійной... *дѣйствиємъ права собственности*» (стр. 146).

Вамъ извѣстно, конечно, какое значеніе въ исторіи первобытной семьи приписываетъ Мак-Леннанъ убійству дѣтей женскаго пола? Энгельсъ, какъ извѣстно, относится очень отрицательно къ изслѣдованіямъ Мак-Леннана, но тѣмъ интереснѣе для насъ, въ данномъ случаѣ, ознакомиться со взглядомъ этого послѣдняго на причину, вызвавшую появленіе дѣтоубійства, которое, будто бы, оказало столь рѣшительное вліяніе на исторію семьи.

«Для племенъ, окруженныхъ врагами, и, при слабомъ развитіи техники, лишь съ трудомъ поддерживающихъ свое существованіе, сыновья являются источникомъ силы, какъ въ смыслѣ защиты, такъ и въ смыслѣ добыванія пищи, дочери—источникомъ слабости»¹⁾.

Что же вызвало, по мнѣнію Мак-Леннана, убійство первобытными племенами дѣтей женскаго пола? Недостатокъ средствъ существованія, слабость производительныхъ силъ, такъ какъ, будь у этихъ племенъ достаточно пищи, то, вѣроятно, не стали бы они убивать своихъ дѣвочекъ изъ боязни, что современемъ придутъ непріатели и пожалуѣ, убьютъ ихъ или возьмутъ въ плѣнъ.

Повторяемъ, Энгельсъ не раздѣляетъ взгляда Мак-Леннана на исторію семьи, да и намъ онъ кажется очень неудовлетворительнымъ, но для насъ важно здѣсь то, что и Мак-Леннанъ грѣшитъ тѣмъ же грѣхомъ, въ которомъ упрекаютъ Энгельса; и онъ ищетъ въ состояніи производительныхъ силъ разгадки исторіи семейныхъ отношеній.

¹⁾ Studies in ancient history,—primitive marriage. By John Ferg. McLennan, стр. 75.

Продолжать-ли взять наши выписки, цитировать-ли Липперта, Моргана? Мы не видимъ въ этомъ надобности: кто читалъ ихъ, тотъ знаетъ, что въ этомъ отношеніи они такіе же грѣшники, какъ Мак-Ленанъ или Энгельсъ. Не безъ грѣха въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, и Спенсеръ, социологическія воззрѣнія котораго не имѣютъ ровно ничего общаго съ «экономическимъ матеріализмомъ».

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ можно воспользоваться, конечно, для полемическихъ цѣлей и сказать: ну вотъ видите! Стало быть, можно же сходиться съ Марксомъ и Энгельсомъ по тому или другому отдѣльному вопросу и не раздѣлять ихъ общей исторической теоріи! Конечно, можно! Весь вопросъ только въ томъ, на чьей сторонѣ окажется при этомъ логика.

Пойдемъ дальше.

Развитіе семьи опредѣляется развитіемъ права собственности, говоритъ Жиро-Талонъ, прибавляя, что всѣ вообще успѣхи цивилизаціи совпадаютъ съ измѣненіями въ экономическомъ бытѣ человѣчества. Читатель, вѣроятно, и самъ замѣтилъ, что Жиро-Талонъ держится совсѣмъ не точной терминологіи: у него понятіе «право собственности» какъ бы покрывается понятіемъ «экономическій бытъ». Но вѣдь право есть право, а экономія есть экономія, и не годится смѣшивать эти два понятія. Откуда взялось данное право собственности? Можетъ быть, оно возникло подъ вліяніемъ экономіи данного общества (гражданское право служить всегда лишь выраженіемъ экономическихъ отношеній, говоритъ Лассаль), а можетъ быть, оно обязано своимъ происхожденіемъ какой-нибудь совершенно другой причинѣ. Тутъ надо продолжать анализъ, а не прерывать его именно въ тотъ моментъ, когда онъ пріобрѣтаетъ особенно глубокій, наиболѣе жизненный интересъ.

Мы уже видѣли, что французскіе историки временъ реставраціи не нашли удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи права собственности. Г. Карфевъ въ своей статьѣ «Экономическій матеріализмъ въ исторіи» касается нѣмецкой исторической школы права. Не мѣшаетъ и вамъ припомнить взгляды этой школы.

Вот что говорить о ней наш профессор: «Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Германіи возникла такъ называемая «историческая школа права», начавшая разсматривать право не какъ неподвижную систему юридическихъ нормъ, какою оно представлялось прежнимъ юристамъ, а какъ вѣчто движущееся, измѣняющееся, развивающееся, то въ этой школѣ обнаружилась сильная тенденція противопоставить историческій взглядъ на право, какъ единственно и исключительно вѣрный, всѣмъ другимъ возможнымъ въ этой области точкамъ зрѣнія: историческое позрѣніе иногда не допускало существованія научныхъ истинъ, примѣняемыхъ ко всѣмъ временамъ,—т.-е. того, что на языкѣ новой науки носить названіе общихъ законовъ,—и даже прямо отрицало эти законы, а съ ними и общую теорію права во имя идеи о зависимости права отъ мѣстныхъ условій,— зависимости, конечно, существующей вездѣ и всегда, но не исключющей началъ, общихъ всѣмъ народамъ»¹⁾.

Въ этихъ немногихъ строкахъ очень много... какъ бы это выразиться?—скажемъ хоть неправильностей, противъ которыхъ воспротестовали бы представители и сторонники исторической школы права. Такъ, напримѣръ, они сказали бы, что когда г. Карѣвъ приписываетъ имъ отрицаніе «того, что на языкѣ науки носить названіе общихъ законовъ», то онъ или умыленно искажаетъ ихъ взглядъ, или самымъ неприличнымъ для «исторіософа» образомъ путается въ понятіяхъ, смѣшивая тѣ «законы», которые подлежатъ вѣдѣнію исторіи права, съ тѣми, которыми опредѣляется историческое развитіе народовъ: существованія законовъ этого послѣдняго порядка никогда не думала отрицать историческая школа права, она именно старалась найти такіе законы, хотя ея усилія и не увѣчались успѣхомъ. Но самая причина ея неудачи чрезвычайно поучительна, и если бы г. Карѣвъ далъ себѣ трудъ вдуматься въ нее, то—кто знаетъ?—можетъ быть, онъ и выяснилъ бы себѣ, наконецъ, «сущность историческаго процесса».

Въ XVIII вѣкѣ исторію права склонны были объяснять

¹⁾ «Вѣсти. Евр.» Июль 1894 г., стр. 12.

дѣйствіемъ «законодателя». Историческая школа рѣзко возстала противъ этой склонности. Савиньи еще въ 1814 году такъ формулировалъ новый взглядъ: «Совокупность этого взгляда сводится вотъ къ чему: всякое право возникаетъ изъ того, что, по общепотребительному, не совсѣмъ точному выраженію, называется *обычнымъ правомъ*, т.-е. оно порождается сначала обычаями и вѣрованіями народа, а потомъ уже юриспруденціей: такимъ образомъ, оно повсюду создается внутренними, незамѣтно дѣйствующими силами, а не произволомъ законодателя»¹⁾.

Этотъ взглядъ Савиньи развилъ впоследствии въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «System des heutigen römischen Rechts». «Положительное право,—говоритъ онъ здѣсь,—живетъ въ общемъ сознаніи народа, и потому мы можемъ также назвать его *народнымъ правомъ*... Но этого ни въ какомъ случаѣ не надо тѣмъ же понимать въ томъ смыслѣ, что право создано отдѣльными членами народа по ихъ произволу... Положительное право создается духомъ народа, живущимъ и дѣйствующимъ въ его отдѣльныхъ членахъ, и потому положительное право не случайно, а по необходимости является однимъ и тѣмъ же правомъ въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ»²⁾.

«Если мы,—продолжаетъ Савиньи,—зададимся вопросомъ о происхожденіи государства, то должны будемъ въ такой же мѣрѣ стараться объяснить его себѣ высшею необходимостью, дѣйствіемъ внутренней эстетической силы, какъ и происхожденіе права вообще; и мы говоримъ это не только вообще о существованіи государства, но о томъ особомъ видѣ, который государство принимаетъ у каждаго отдѣльнаго народа»³⁾.

Право возникаетъ такимъ же «невидимымъ образомъ», какъ и языкъ, а живетъ оно въ общемъ народномъ сознаніи не въ видѣ «отвлеченныхъ правилъ, а въ видѣ живого представленія правовыхъ институтовъ въ ихъ органической связи», такъ что,

¹⁾ Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Von D. Friedrich Carl von Savigny. Dritte Auflage. Heidelberg, 1840. (Первое изданіе 1814). Стр. 14.

²⁾ Erster Band, ss. 14—15. (Берлинскіе изданія 1840 г.).

³⁾ Ibid., s. 22.

когда въ этомъ является надобность, отвѣченное правило выдѣляется, въ своей логической формѣ, изъ этого общаго представленія, «посредствомъ нѣкотораго искусственнаго процесса (durch einen künstlichen Prozess)»¹⁾.

Намъ нѣтъ здѣсь никакого дѣла до практическихъ стремленій исторической школы права; что же касается ея *теоріи*, то уже на основаніи приведенныхъ словъ Савиньи мы можемъ сказать, что она представляетъ собою:

1) Реакцію противъ того распространеннаго въ XVIII вѣкѣ взгляда, что право создается произволомъ отдѣльныхъ лицъ («законодателей»); попытку найти научное объясненіе исторіи права, понять эту исторію, какъ необходимый, а потому законосообразный процессъ.

2) Попытку объяснить этотъ процессъ, исходя изъ совершенно *идеалистической точки зрѣнія*: «народный духъ», «народное сознаніе» есть послѣдняя инстанція, къ которой апеллировала историческая школа права.

У Пухты идеалистическій характеръ взглядовъ этой школы выражается еще рѣзче.

Первобытное право у Пухты, какъ и у Савиньи, есть обычное право. Но какъ возникаетъ обычное право? Часто высказывается то мнѣніе, что это право создается житейской практикой (Uebung), но это лишь частный случай матеріалистическаго взгляда на происхожденіе народныхъ понятій. «Справедливъ какъ разъ обратный взглядъ; житейская практика есть лишь послѣдній моментъ, въ ней лишь выражается и воплощается возникшее право, живущее въ убѣжденіи сыновъ даннаго народа. Привычка вліяетъ на убѣжденіе лишь въ томъ смыслѣ, что оно, благодаря ей, становится сознательнѣе и прочнѣе»²⁾.

¹⁾ Ibid., s. 16.

²⁾ *Cursus der Institutionen*. Erster Band. Leipzig. 1841. S. 31. Въ примѣчаніи Пухта сильно возмущается противъ эклектиковъ, стремящихся согласить противоположные взгляды на происхожденіе права, и возмущается въ такихъ выраженіяхъ, что невольно является вопросъ: да ужъ не предвидѣлъ-ли онъ появленія г. Карѣева? Но, съ другой стороны, надо сказать и

Итак, убеждение народа относительно того или другого правового института создается независимо от законодательской практики, разве «правомочи». Откуда же берется это убеждение? Оно исходит из глубины народного духа. Данный склад этого убеждения у данного народа объясняется особенностями данного народного духа. Это очень темно, так темно, что тут быть и признаку научного объяснения. Пухта не сам чувствует, что для тут обстоит не совсем ладно и старается поправить его таким разсуждением: право возникает независимо путем. Кто мог бы взять на себя проследить те пути, которые ведут к возникновению данного убеждения, к его зачатю, к его росту, к его расцвету, к его проявлению? Те, которые брались за это, исходили по большей части из ошибочных представлений¹⁾.

«По большей части...» — Значит, были же и такие исследователи, исходившие из представлений, которых были правильны. Къ какому же заключению относительно генезиса народно-правовых взглядов пришли эти люди? Надо думать, что это осталось тайной для Пухты, потому что он не идет ни на шаг дальше безудержных своих ссылок на свойства народного духа.

Ничего не выясняет и вышеприведенное замечание Свиньи относительно того, что право живет в обществ. народном сознании не в видѣ отвлеченных правил, а «в видѣ живого представления правовых институтовъ къ ихъ органической связи». И не трудно понять, что собственно побудило Свинью сделать такую несколько запутанное сообщеніе. Если бы мы предположили, что право существует в сознании народа «в видѣ отвлеченных правил», то этим самым, во-первых, столкнулись бы съ «общимъ сознаниемъ» юристовъ, которые отлично знают, какъ туго схватываетъ народъ эти отвлеченная правила, а во-вторыхъ, наша теорія происхождения права приняла бы самкомъ ужъ неиротный обликъ. Выходило бы, что прежде, чѣмъ наступить въ какия бы то ни было практи-

то, что въ Германіи времена Пухты было достаточно и своих эмпирических-чего-чего другого, а умовъ этого рода всездѣ и всегда невнятный уголь.

1) Ibid., с. 28.

ческія отношенія другъ съ другомъ, прежде чѣмъ приобрести какой бы то ни было житейскій опытъ, люди, составляющіе данный народъ, вырабатываютъ себѣ опредѣленные правовыя понятія, запасшись которыми, какъ странникъ сухарями, они и пускаются въ область житейской практики, выступаютъ на историческій путь. Этому, разумѣется, никто не повѣритъ, и вотъ Саллины устриваетъ «отычєнные правила»: право существуетъ въ народномъ сознаниіи не въ видѣ опредѣленныхъ понятій; оно представляетъ собою не коллекцію уже готовыхъ кристалловъ, а болѣе или менѣе насыщенный растворъ, изъ котораго, «когда въ этомъ являея надобность», т.-е. при столкновениіи съ житейской практикой, осаждаются потребныя юридическія кристаллы. Такой приемъ не лишєнъ своей доли остроумія, но, само собою разумѣется, что онъ ни мало не приближаетъ насъ къ научному пониманію явленій.

Возьмемъ примѣръ:

«У эскимосовъ, по словамъ Ринка, почти нѣтъ правильной собственности, но, поскольку можетъ быть рѣчь о ней, онъ насчитываетъ три ея вида:

- 1) Собственность, принадлежащая союзу нѣсколькихъ семей, напримѣръ, зимній жилища...
- 2) Собственность, принадлежащая одной, или, самое большее, тремъ родственнымъ семьямъ, напримѣръ, лѣтнія палатки и все, что относится къ домашнему хозяйству, какъ лампы, бочки, деревянные блюда, каменные горшки и т. п.; лодка или *уміакъ*, служащій для перевозки всѣхъ этихъ предметовъ вмѣстѣ съ палаткою, сани съ собаками, ... наконецъ, запасъ зимней провизіи...
- 3) Личная собственность отдѣльныхъ лицъ... одежда, оружіе и орудія или все то, что человекъ самъ лично употребляетъ въ дѣло. Этимъ вещамъ приписывается даже какая-то таинственная связь со своимъ собственникомъ, напоминающая связь между душою и тѣломъ. Служать эти вещи кому-нибудь другому не въ обычаѣ»¹⁾.

¹⁾ Tales and Traditions of the Eskimo by Dr. Henri Rink, pp. 9 and 30.

Постараемся представить себѣ происхожденіе этихъ трехъ видовъ собственности съ точки зрѣнія старой исторической школы права.

Такъ какъ, по словамъ Пухты, убѣжденія предшествовать житейской практикѣ, а не вырастать на почвѣ привычки, то надо предположить, что дѣло происходило такимъ образомъ: прежде, чѣмъ жить въ зимнихъ домахъ, прежде даже, чѣмъ начать ихъ строить, эскимосы были убѣждены, что разъ заведутся у нихъ зимніе дома, они должны будутъ принадлежать союзу нѣсколькихъ семей; точно такъ же были убѣждены ваппи дикари, что разъ заведутся у нихъ лѣтнія палатки, бочки, деревянные блюда, лодки, горшки, сани и собаки, то все это должно будетъ составлять собственность одной семьи или, самое большее, трехъ родственныхъ семей; наконецъ, не менѣе твердое убѣжденіе было у нихъ относительно того, что одежда, оружіе и орудіе должны составлять личную собственность и что даже ссужать этихъ вещей не слѣдуетъ. Прибавимъ къ этому, что, вѣроятно, всѣ эти «убѣжденія» существовали не въ видѣ отвѣченныхъ правилъ, а «въ видѣ живого представленія правовыхъ институтовъ въ ихъ органической связи», и что изъ этого раствора правовыхъ понятій осаждались потомъ — «когда въ этомъ являлась надобность» — т.-е. по мѣрѣ столкновеній съ зимними жилищами, съ лѣтними палатками, съ бочками, съ каменными горшками, съ деревянными блюдами, лодками, санями и собаками, — нормы обычного эскимосскаго права въ ихъ болѣе или менѣе «логической формѣ». Свойства же упомянутого правового раствора опредѣлялись таинственными свойствами эскимосскаго духа.

Это вовсе не научное объясненіе, это простая Redensarten, какъ говорятъ нѣмцы.

Та разновидность идеализма, которой придерживались сторонники исторической школы права, оказалась, въ дѣлѣ объясненія общественныхъ явленій, еще менѣе состоятельной, чѣмъ гораздо болѣе глубокий идеализмъ Шеллинга и Гегеля.

Какъ вышла наука изъ того тупого переулка, въ которомъ очутился идеализмъ? Послушаемъ одного изъ замѣчательнѣй-

шихъ представителей современнаго сравнительнаго правовѣдѣнія,—г. М. Ковалевскаго.

Указавъ на то, что общественный бытъ первобытныхъ племенъ носить на себѣ печать коммунизма, г. Ковалевскій (слушайте, г. В. В.: это тоже «профессоръ») говоритъ:

«Если мы спросимъ себя о дѣйствительныхъ основаніяхъ такого порядка, если мы захотимъ узнать причины, которыя заставляли нашихъ первобытныхъ предковъ и еще заставляютъ современныхъ дикарей держаться болѣе или менѣе рѣзко выраженаго коммунизма, намъ надо будетъ въ особенности узнать первобытные способы производства. Ибо распредѣленіе и потребленіе богатствъ должно опредѣляться способами ихъ созданія. А на этотъ счетъ вотъ что говоритъ этнографія: у охотничьихъ и рыболовныхъ народовъ добываніе пищи производится обыкновенно большими группами (*en hordes*)... Въ Австраліи охота на кенгуру производится вооруженными отрядами изъ нѣсколькихъ десятковъ или даже сотенъ туземцевъ. То же происходитъ въ сѣверныхъ странахъ при охотѣ на оленя... Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ не способенъ въ одиночку поддерживать свое существованіе; онъ нуждается въ помощи и поддержкѣ, и его силы удесятеряются ассоціаціей... Такимъ образомъ, мы видимъ въ началѣ общественнаго развитія общественное производство и, какъ необходимое естественное слѣдствіе этого, общественное потребленіе. Этнографія изобилуетъ фактами, доказывающими это»¹⁾.

Приведя идеалистическую теорію Лермина, по которой частная собственность является изъ самосознанія личности, г. Ковалевскій продолжаетъ:

«Нѣтъ, это не такъ. Не потому первобытный человѣкъ приходитъ къ мысли о личномъ присвоеніи отесаннаго камня, который служить ему оружіемъ, или шкуры, которая покрѣ-

¹⁾ М. Kovalevsky. *Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété*. Stockholm. 1890, pp. 52—53. Въ книгѣ покойнаго Н. Зиберъ «*Очерки первобытной экономической культуры*» читатель найдетъ множество фактовъ, какъ нельзя болѣе ясно показывающихъ, что способы присвоенія опредѣляются способами производства.

ваетъ его тѣло. Онъ приходитъ къ этой мысли вслѣдствіе примѣненія своихъ индивидуальныхъ силъ къ производству предмета. Кремень, служащій ему топоромъ, отесанъ его собственными руками. На охотѣ, которой онъ занимается вмѣстѣ съ многочисленными товарищами, онъ нанесъ послѣдній ударъ животному, и потому шкура этого животного становится его личной собственностью. Обычное право дикарей отличается большою точностью на этотъ счетъ. Оно заботливо предусматриваетъ, на примѣръ, тотъ случай, когда преслѣдуемое животное пало подъ совмѣстными ударами двухъ охотниковъ: въ этомъ случаѣ шкура животного присуждается тому охотнику, стрѣла котораго проникла ближе къ сердцу. Оно предусматриваетъ также и тотъ случай, когда уже раненное животное было добито случайно подвернувшимся охотникомъ. Приложение индивидуальнаго труда логически порождаетъ, слѣдовательно, и индивидуальное присвоеніе. Мы можемъ преслѣдить это явленіе черезъ всю исторію. Тотъ, кто посадилъ фруктовое дерево, становится его собственникомъ... Позднѣе воинъ, завоевавшій извѣстную добычу, становится ея исключительнымъ собственникомъ, такъ что семья его уже не имѣетъ на нее никакихъ правъ; точно такъ же семья жреца не имѣетъ правъ на тѣ жертвы, которыя приносятся вѣрующими и поступаютъ въ его личную собственность. Все это одинаково хорошо подтверждается и индійскими законами, и обычнымъ правомъ южныхъ славянъ, довскихъ казаковъ или древнихъ ирландцевъ. И важно именно не ошибиться относительно истиннаго принципа такого присвоенія, являющагося результатомъ примѣненія личныхъ усилій къ добыванію извѣстнаго предмета. Въ самомъ дѣлѣ, когда къ личнымъ усиліямъ человѣка присоединяется помощь его ближнихъ... добытые предметы уже не становятся частной собственностью»¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго, понятно, что предметами личнаго присвоенія раньше всего становятся: оружіе, одежда, пища, украшеніе и т. п. «Уже съ первыхъ шаговъ прирученія живот-

¹⁾ Ibid., p. 95.

выхъ—собаки, лошади, кошки, рабочей скотъ, составляютъ важнейшій фондъ присвоенія личного и семейнаго»...¹⁾ Но до какой степени организація производства продолжаетъ вліять на способы присвоенія, показываетъ, напр., такой фактъ: у эскимосовъ охота на китовъ совершается въ большихъ лодкахъ, большими отрядами; служащія для этой цѣли лодки составляютъ общественную собственность.

Съ появленіемъ земледѣлія земля дѣлается также предметомъ присвоенія. Субъектами поземельной собственности становятся болѣе или менѣе крупныя кровныя союзы. Это, разумѣется, одинъ изъ видовъ *общественнаго* присвоенія. Какъ объяснить его происхожденіе? «Намъ кажется,—говоритъ г. Ковалевскій,—что причины его лежатъ въ томъ же самомъ общественномъ производствѣ, которое повело за собою нѣкогда присвоеніе большей части движимыхъ предметовъ»²⁾.

Нечего и говорить, что, разъ возникнувъ, *частная* собственность вступаетъ въ противорѣчіе съ болѣе древнимъ способомъ *общественнаго* присвоенія. Тамъ, гдѣ быстрое развитіе производительныхъ силъ открываетъ все болѣе и болѣе широкое поле для «единичныхъ усилій», общественная собственность довольно быстро исчезаетъ или продолжаетъ свое существованіе въ видѣ, такъ сказать, *рудиментарнаго* института. Ниже мы увидимъ, что этотъ процессъ разложенія первобытной общинной собственности въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ по самой естественной, матеріальной необходимости долженъ быть отличаться большимъ разнообразіемъ. Теперь же мы отмѣтимъ лишь тотъ общій выводъ современной науки права, что *правовыя понятія, убѣжденія, какъ сказалъ бы Пухта, всюду определяются способами производства.*

Шеллингъ говорилъ когда-то, что явленіе магнетизма надо понимать, какъ видѣреніе «субъективизма» въ «объективное». Всѣ попытки найти идеалистическое объясненіе для исторіи права представляютъ собою не болѣе, какъ дополненіе, «Seiten-

¹⁾ Ibid., p. 57.

²⁾ Ibid., p. 93.

stück», идеалистической натурфилософiи. Это все тѣ же, иногда блестящія, остроумныя, но всегда произвольныя, всегда неосновательныя разсужденія на тему о самодовлѣющемъ, *саморазвивающемся* духѣ.

Правовое убѣжденіе уже по одному тому не могло *предшествовать* житейской практикѣ, что если бы оно не *выросло* изъ нея, то оно явилось бы совершенно *безпричиннымъ*. Эскимось стоитъ за личное присвоеніе одежды, оружія и орудій труда по той простой причинѣ, что такое присвоеніе гораздо удобнѣе и что оно подсказывается *самими свойствами вещей*. Чтобы научиться хорошо владѣть своимъ оружіемъ, своимъ лукомъ или бумерангомъ, первобытный охотникъ долженъ *примѣниться къ нему*, хорошо изучивъ всѣ его индивидуальныя особенности, и по возможности *примѣнить* его къ своимъ собственнымъ индивидуальнымъ особенностямъ¹⁾. Частная собственность здѣсь въ порядкѣ вещей, гораздо болѣе, чѣмъ какой-либо другой видъ присвоенія, и потому эскимось «убѣжденъ» въ ея преимуществахъ: онъ, какъ мы знаемъ, даже приписываетъ орудіямъ индивидуальнаго труда и оружію какую-то таинственную связь съ ихъ собственникомъ. Но его убѣжденіе выросло на почвѣ житейской практики, а не предшествовало ей, и обязано своимъ происхожденіемъ не свойствамъ его «духа», а свойствамъ тѣхъ вещей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, и характеру тѣхъ способовъ производства, которые неизбѣжны для него при данномъ состояніи его производительныхъ силъ.

¹⁾ Известно, что тѣсная связь между охотникомъ и его оружіемъ существуетъ у всѣхъ первобытныхъ племенъ. «Der Jäger darf sich keiner fremden Waffen bedienen», говорятъ Марциуезъ о первобытныхъ обитателяхъ Бразиліи, тутъ же поясняя, откуда взялось у этихъ дикарей такое «убѣжденіе»: «besonders behaupten diejenigen Wilden, die mit dem Blasrohr schießen, dass dieses Geschoss durch den Gebrauch eines Fremden verdorben werde, und geben es nicht aus ihren Händen». — *Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens. München, 1832. s. 50.*

Die Führung dieser Waffen (Lукъ и стрѣлы) erfordert eine grosse Geschicklichkeit und beständige Übung. Wo sie bei wilden Völkern im Gebrauche sind, berichten uns die Reisenden, dass schon die Knaben sich mit Kindergeräthen im Schiessen üben. Oscar Peschel, Völkerkunde. Leipzig. 1875. s. 190.

До какой степени житейская практика предшествует правовому «убѣжденію», показываетъ множество существующихъ въ первобытномъ правѣ символическихъ дѣйствій. Способы производства измѣнились, измѣнились съ ними и взаимныя отношенія людей въ производительномъ процессѣ, измѣнилась житейская практика, а «убѣжденіе» сохранило свой старый видъ. Оно противорѣчитъ новой практикѣ, и вотъ появляются фикціи, символическіе знаки дѣйствія, единственная цѣль которыхъ—въ формальномъ устраненіи этого противорѣчія. Съ теченіемъ времени противорѣчіе устраняется, наконецъ, существеннымъ образомъ: на почвѣ новой экономической практики вырастаетъ новое правовое убѣжденіе.

Недостаточно констатировать появленіе въ данномъ обществѣ частной собственности на тѣ или другіе предметы, чтобы тѣмъ самымъ уже опредѣлить характеръ этого института. Частная собственность всегда имѣетъ предѣлы, которые всецѣло зависятъ отъ экономіи общества. «Въ дикомъ состояніи человѣкъ присваиваетъ себѣ лишь вещи, непосредственно ему полезныя. Излишекъ, хотя бы онъ и былъ приобрѣтенъ трудомъ его рукъ, уступается имъ обыкновенно безвозмездно другимъ членамъ семьи или клана или племени»—говоритъ г. Ковалевскій. Совершенно то же самое говоритъ Ривкъ объ эскимосахъ. Откуда же возникаютъ такіе порядки у дикихъ народовъ? По словамъ г. Ковалевскаго, они обязаны своимъ происхожденіемъ тому, что дикари незнакомы съ *сбереженіемъ*¹⁾. Это не совсемъ ясное выраженіе, неудачное особенно потому, что имъ очень злоупотребляли вульгарные экономисты. Тѣмъ не менѣе понятно, въ какомъ смыслѣ употребляетъ его вашъ авторъ. «Сбереженіе» дѣйствительно незнакомо первобытнымъ народамъ по той причинѣ, что имъ неудобно, прямо сказать, невозможно практиковать его. Мясо убитаго звѣря можетъ быть «сбережено» лишь въ незначительной степени: оно портится и тогда становится совершенно негоднымъ для употребленія. Конечно, если бы его можно было продать, то очень легко было бы «сберечь» вырученныя за него деньги. Но деньги еще не

¹⁾ I. с. р. 56.

существуютъ на этой стадіи экономическаго развитія. Слѣдовательно, сама экономія первобытнаго общества ставитъ тѣсныя предѣлы развитію духа «бережливости». Кромѣ того, сегодня мнѣ посчастливилось убить большое животное, и я подѣлился его мясомъ съ другими, а завтра (охота дѣло невѣрное) я вернулся домой съ пустыми руками, и со мною дѣлятся добычей другіе члены моего рода. Обычай дѣлиться является такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ взаимнаго страхованія, безъ котораго было бы совершенно невозможно существованіе охотничьихъ племенъ. Наконецъ, не надо забывать, что у такихъ племенъ частная собственность существуетъ лишь въ зачаточномъ состояніи, преобладаетъ же собственность *общественная*; привычки и обычаи, выросшіе на этой почвѣ, въ свою очередь ставятъ предѣлы произволу личнаго собственника. Убѣжденіе и здѣсь слѣдуетъ за экономіей.

Связь правовыхъ понятій людей съ ихъ экономическимъ бытомъ хорошо выясняется тѣмъ примѣромъ, который охотно и часто приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ Родбертусъ. Извѣстно, что древніе римскіе писатели энергично возставали противъ *ростовщичества*. Катонъ-цензоръ находилъ, что ростовщикъ вдвое хуже вора (такъ и говорилъ старикъ: ровно вдвое). Въ этомъ отношеніи съ языческими писателями совершенно сходились отцы христіанской церкви. Но,—замѣчательное дѣло!—и тѣ, и другіе возставали собственно противъ процента, приносимаго *денежнымъ* капиталомъ. Къ ссудамъ натурой и къ *лихвѣ, приносимой ими*, они относились несравненно мягче. Почему эта разница? Потому что именно денежный ростовщическій капиталъ производилъ страшное опустошеніе въ тогдашнемъ обществѣ; потому что именно онъ «убилъ Италію». Правовое «убѣжденіе» и здѣсь шло рука объ руку съ экономіей.

«Право есть чистый продуктъ необходимости или, точнѣе, нужды—говоритъ Поэтъ—напрасно стали бы мы искать въ немъ какой бы то ни было идеальной основы»¹⁾. Мы сказали бы, что это совершенно въ духъ новейшей науки права, если

¹⁾ Der Ursprung des Rechts. Prolegomena zu einer allgemeinen vergleichenden Rechtswissenschaft von Dr. Alb. Herm. Post, Oldenburg. 1876. S. 25.

бы нашъ ученый не обнаруживалъ довольно значительнаго и очень вреднаго по своимъ послѣдствіямъ смѣшенія понятій.

Говоря вообще, всякій социальный союзъ стремится выработать такую систему права, которая наилучше бы удовлетворяла его нуждамъ, которая наиболѣе полезна для него въ данное время. То обстоятельство, что данная совокупность правовыхъ учреждений полезна или вредна для общества никоимъ образомъ не можетъ зависѣть отъ свойствъ какой-бы то ни было или чьей бы то ни было «идеи»: *она зависитъ, какъ мы видѣли, отъ способовъ производства и отъ тѣхъ взаимныхъ отношеній между людьми, которыя создаются этими способами.* Въ этомъ смыслѣ у права нѣтъ и не можетъ быть *идеальной* основы, такъ какъ основа его всегда *реальна*. Но реальная основа всякой данной системы права не исключаетъ *идеальныхъ отношеній къ ней* со стороны членовъ даннаго общества. Взятое въ цѣломъ, общество очень выиграетъ отъ такого отношенія къ ней его членовъ. Наоборотъ, въ переходныя его эпохи, когда существующая въ обществѣ система права уже не удовлетворяетъ его нуждамъ, выросшимъ вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ, передовая часть населенія можетъ и должна идеализировать *новую систему учреждений*, болѣе соответствующую «духу времени». Французская литература полна примѣрами такой идеализаціи новаго, наступающаго, порядка вещей.

Происхожденіе права изъ *нужды* исключаетъ *«идеальную»* основу права только въ представленіи тѣхъ людей, которые привыкли относить *нужды* къ области *грубой матеріи* и противопоставлять эту область «чистому», чуждому всякихъ нуждъ, «духу». Въ дѣйствительности, *идеально* только то, что полезно людямъ, и всякое общество, при выработкѣ своихъ *идеаловъ*, руководствуется только своими нуждами. Кажущіяся исключенія изъ этого неоспоримо общаго правила объясняются тѣмъ, что *вслѣдствіе развитія общества, его идеалы* нерѣдко отстаютъ отъ его *новыхъ нуждъ* ¹⁾.

¹⁾ Постъ именно принадлежать къ числу людей, которые далеко еще

Сознаніе зависимости общественныхъ отношеній отъ состоянія производительныхъ силъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ современную намъ общественную науку, несмотря на неизбѣжный эклектизмъ множества ученыхъ, несмотря на ихъ идеалистическіе предрасудки. «Подобно тому, какъ сравнительная анатомія возвысила на степень научной истины латинскую поговорку: *«no котлямъ узнаю льва»*, такъ народовѣдѣніе можетъ отъ вооруженія даннаго народа съ точностью умозаключить къ степени его цивилизаціи»,—говоритъ уже цитированный вами Оскаръ Пешель ¹⁾—«...Со способомъ добыванія пищи тѣснѣйшимъ образомъ связано расчлененіе общества. Всюду, гдѣ человѣкъ соединяется съ человѣкомъ, является известная власть. Слабѣе всего общественныя узы у бродячихъ охотничьихъ ордъ Бразиліи... Но и имъ приходится защищать свои области, и онѣ нуждаются по крайней мѣрѣ въ военномъ предводителѣ... Пастушескія племена находятся по большей части подъ властью патриархальныхъ владыкъ, такъ какъ стада принадлежатъ обыкновенно одному господину, которому служатъ его соплеменники или прежде независимые, а впоследствии обѣдѣнные, обладатели стадъ. Пастушескому образу жизни преимущественно, хотя и не исключительно, свойственны

не покончили съ идеализмомъ. Такъ, напримѣръ, у него родовой союзъ соответствуетъ охотничьему и кочевому быту; съ появленіемъ же земледѣлія и связанной съ нимъ осѣдлости родовой союзъ уступаетъ мѣсто *«Gaugenossenschaft»* (мы сказали бы 'сосѣдской общинѣ'). Кажется, ясно, что человѣкъ ищетъ ключа къ объясненію исторіи общественныхъ отношеній не въ чемъ иномъ, какъ въ развитіи производительныхъ силъ? Въ отдѣльныхъ случаяхъ Постъ почти всегда вѣренъ такому направленію. Но это не мѣшаетъ ему смотрѣть на *«in Menschen schaffenden ewigen Geist»*, какъ на основную причину исторіи права. Этотъ человѣкъ какъ будто нарочно созданъ для того, чтобы радовать г. Карфена.

¹⁾ I. с. в. 199. Когда мы дѣлали эту выписку, намъ представилось, что г. Михайловскій быстро поднимается съ своего мѣста, восклицая: «Я могу спорить противъ этого: китайцы могутъ быть вооружены английскими ружьями. Позвоительно-ли на основаніи этихъ ружей судить о степени ихъ цивилизаціи?» Очень хорошо, г. Михайловскій: отъ английскихъ ружей нелогично умозаключать къ китайской цивилизаціи, отъ нихъ надо заключать именно къ английской цивилизаціи.

великія передвиженія народовъ, какъ на сѣверѣ. Старого Свѣта, такъ и въ южной Африкѣ; напротивъ, исторія Америки знаетъ только частныя впаденія дикихъ охотничьихъ племенъ на привлекательныя для нихъ нивы культурныхъ народовъ. Цѣлые народы, покидая свои прежнія мѣста жительства, могли совершать большіе, продолжительные походы лишь въ сопровожденіи своихъ стадъ, которыя доставляли имъ въ пути необходимую пищу. Кромѣ того, степное скотоводство само побуждаетъ къ перемѣнѣ пастбищъ. Съ осѣдлымъ же образомъ жизни и земледѣіемъ тотчасъ является стремленіе воспользоваться трудомъ рабовъ... Рабство рано или поздно ведетъ къ тиранніи, такъ какъ тотъ, кто имѣетъ наибольшее число рабовъ, можетъ съ ихъ помощью подчинить своему произволу слабѣйшихъ... Раздѣленіе на свободныхъ и рабовъ есть начало сословнаго раздѣленія общества»¹⁾).

У Пешеля много соображеній такого рода. Одни изъ нихъ совершенно справедливы и очень поучительны; противъ другихъ «можно спорить» не одному только г. Михайловскому, но для насъ важны здѣсь не частности, а общее направленіе мысли Пешеля. А это общее направленіе совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое мы замѣтили уже и у г. Ковалевскаго: *въ способѣ производства, въ состояніи производительныхъ силъ ищетъ онъ объясненія исторіи права и даже всего общественнаго устройства.*

А это именно и есть то, что давно уже и настоятельно советовалъ дѣлать Марксъ людямъ общественной науки. А въ этомъ и заключается въ значительной степени, хотя и не вполне (читатель ниже увидитъ, почему мы говоримъ: не вполне), смыслъ того знаменитаго предисловія къ «*Zur Kritik der Politischen Oekonomie*», которому такъ не повезло у насъ въ Россіи, которое было такъ страшно и такъ странно плохо понято большинствомъ русскихъ писателей, читавшихъ его въ подлинникѣ или въ извлеченіяхъ.

«Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди ната-»

¹⁾ I. c. ss. 252—253.

живаются на известныя, необходимыя, отъ ихъ воли не зависящія отношенія — *отношенія производства*, которыя соответствуютъ опредѣленной степени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ *экономическую структуру* общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка».

Гегель говоритъ о Шеллингѣ, что у этого философа основныя положенія системы остаются неразвитыми, и абсолютный духъ является неожиданно, какъ *пистолетный выстрѣлъ* (*wie aus der Pistole geschossen*). Когда средній русскій интеллигентъ слышитъ, что у Маркса «все сводится къ экономической основѣ» (иные говорятъ просто: «къ экономическому»), онъ терется, какъ будто надъ его ухомъ неожиданно выстрѣлили изъ пистолета: «да почему же къ экономическому?» — спрашиваетъ онъ въ тоскѣ и недоумѣвіи. «Слова итъ, важно и экономическое (особенно для бѣдныхъ крестьянъ и рабочихъ). Но итъ же важно и умственное (особенно для насъ, для интеллигенціи)». Предыдущее изложеніе, надѣмся, показало читателю, что недоумѣніе средняго русскіаго интеллигента происходитъ въ этомъ случаѣ лишь оттого, что онъ, интеллигентъ, всегда былъ итъскольکو беззаботенъ на счетъ *особенно важнаго для него «умственного»*. Когда Марксъ говорилъ, что «*анатомію гражданскаго общества надо искать въ его экономіи*», онъ вовсе не думалъ смущать ученый міръ неожиданными выстрѣлами: онъ лишь давалъ прямой и точный отвѣтъ на «проклятые вопросы», мучившіе мыслящія головы *въ теченіе цѣлаго вѣка*.

Французскіе матеріалисты, послѣдовательно развивая свои сенсуалистическіе взгляды, пришли къ тому выводу, что человекъ со всѣми своими мыслями, чувствами и стремленіями составляетъ продуктъ окружающей его общественной среды. Чтобы итти дальше въ примѣненіи матеріалистическаго взгляда къ ученію о человекѣ, надо было рѣшить вопросъ о томъ, чѣмъ же обуславливается строеніе общественной среды, и каковы законы его развитія. Французскіе матеріалисты не умѣли отвѣ-

тить на этот вопрос, и тѣмъ самымъ вынуждены были измѣнить самимъ себѣ, вернуться на старую, ими же столь рѣзко осужденную идеалистическую точку зрѣнія: они говорили, что среда создается «мнѣніями» людей. Не довольствуясь этимъ поверхностнымъ отвѣтомъ, французскіе историки время реставраціи поставили себѣ цѣлью анализировать общественную среду. Результатомъ ихъ анализа былъ тотъ чрезвычайно важный для науки выводъ, что *политическія конституціи коренятся въ социальныя отношенія, а социальныя отношенія опредѣляются состояніемъ собственности*. Вмѣстѣ съ этимъ выводомъ передъ наукою возникалъ новый вопросъ, не разрѣшивъ котораго она не могла двинуться дальше: *отъ чего же зависитъ состояніе собственности?* Разрѣшеніе этого вопроса оказалось не по силамъ французскимъ историкамъ время реставраціи, и они вынуждены были отговариваться отъ него ровно ничего не объясняющими соображеніями о свойствахъ человѣческой природы. Жившіе и дѣйствовавшіе одновременно съ ними великіе идеалисты Германіи, Шеллингъ и Гегель, хорошо понимали уже неудовлетворительность точки зрѣнія человѣческой природы. Гегель ѣдко подсмѣивался надъ нею. Они понимали, что ключа къ объясненію историческаго движенія человѣчества надо искать *въ* природы человѣка. Это было большою заслугой съ ихъ стороны, но чтобы эта заслуга оказалась вполнѣ плодотворной для науки, надо было показать, гдѣ же именно слѣдуетъ искать этого ключа. Они искали его *въ свойствахъ духа, въ логическихъ законахъ развитія абсолютной идеи*. Это было коренной ошибкой великихъ идеалистовъ, возвращавшей ихъ, окольнымъ путемъ, *къ* *точкѣ зрѣнія* *человѣческой природы*, такъ какъ абсолютная идея—мы уже видѣли это—есть не что иное, какъ олицетвореніе нашего логическаго процесса мышленія. Геніальное открытіе Маркса исправляетъ эту коренную ошибку идеализма, тѣмъ самымъ нанося ему смертельный ударъ: состояніе собственности, а съ нимъ и всѣ свойства социальной среды (въ главѣ объ идеалистической философіи мы видѣли, что и Гегель вынужденъ былъ признавать рѣшающее значеніе «состоянія собственности») опредѣляются не свойствами абсолют-

наго духа и не характеромъ человѣческой природы, а тѣми взаимными отношеніями, въ которыя люди по необходимости становятся другъ къ другу «въ общественномъ процессѣ производства своей жизни», т.-е. въ своей борьбѣ за существованіе. Маркса часто сравнивали съ Дарвиномъ, — сравненіе, приводящее въ смѣшливое настроеніе гг. Михайловскаго, Карѣева и братію ихъ. Ниже мы скажемъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать это сравненіе, хотя, вѣроятно, безъ насъ уже видятъ это многіе читатели; теперь же мы позволимъ себѣ, не во гнѣвъ нашимъ субъективнымъ мыслителямъ, другое сравненіе.

До Коперника астрономія учила, что земля есть неподвижный центръ, вокругъ котораго обращается солнце и другія небесныя свѣтила. Съ помощью этого взгляда невозможно было объяснить очень многія явленія небесной механики. Геніальный полякъ подошелъ къ дѣлу ихъ объясненія съ совершенно противоположной стороны: онъ предположилъ, что не солнце вращается вокругъ земли, а наоборотъ, земля вокругъ солнца, и правильная точка зрѣнія была, наконецъ, найдена, и многое стало ясно изъ того, что было неясно до Коперника. До Маркса люди общественной науки исходили изъ понятія о человѣческой природѣ; благодаря этому оставались неразрѣшимыми важнѣйшіе вопросы человѣческаго развитія. Ученіе Маркса придало дѣлу совершенно другой оборотъ: *между тѣмъ какъ человекъ, для поддержанія своего существованія, сказалъ Марксъ, воздѣйствуетъ на природу внѣ его, онъ измѣняетъ свою собственную природу.* Слѣдовательно, дѣло научнаго объясненія историческаго развитія надо начинать съ противоположнаго конца: надо выяснитъ, какимъ образомъ совершается этотъ процессъ производительнаго воздѣйствія человека на внѣшнюю природу. По своей великой важности для науки, это открытіе можетъ быть смѣло поставлено на ряду съ открытіемъ Коперника и вообще на ряду съ величайшими, плодотворнѣйшими научными открытіями.

Собственно говоря, до Маркса общественная наука была гораздо болѣе лишена твердой основы, чѣмъ астрономія до Коперника. Французы называли и называютъ всѣ науки, имѣю-

ція дѣло съ человѣческимъ обществомъ, *sciences morales et politiques*, въ отличіе отъ «*наукъ*» въ собственномъ смыслѣ этого слова, которыя призывались и признаются единственно точными науками. И надо сознаться, что до Маркса общественная наука не была и не могла быть точной. Пока ученые апеллировали къ человѣческой природѣ, какъ къ верховной инстанціи, они по необходимости должны были объяснять общественныя отношенія людей ихъ взглядами, ихъ *сознательной дѣятельностью*; но сознательная дѣятельность есть такая дѣятельность человѣка, которая необходимо должна представляться ему дѣятельностью *свободной*. Свободная же дѣятельность исключаетъ *понятіе о необходимости*, т.-е. о законсообразности, а законсообразность есть необходимая основа всякаго научнаго объясненія явленій. *Представленіе о свободѣ заслоняло собою понятіе о необходимости и тѣмъ мѣшало развитію науки*. Эту aberrацию можно до сихъ поръ съ поразительной ясностью наблюдать въ «соціологическихъ» произведеніяхъ русскихъ писателей.

Но мы уже знаемъ: *свобода должна быть необходимостью*. Заслоняя понятіе о необходимости, представленіе о свободѣ само дѣлалось до крайности тусклымъ и очень мало утѣшительнымъ. Выгнавшая въ дверь, необходимость влетала въ окно; исходя изъ представленія о свободѣ, изслѣдователи поминутно наталкивались на необходимость и приходили въ концѣ концовъ къ печальному признанію ея рокового, неотразимаго, вѣчнѣй непроборимаго дѣйствія. Къ ихъ ужасу, свобода оказывалась вѣчной, безпомощной и безнадежной данницей, безсильной игрушкой въ рукахъ слѣпой необходимости. И по истинѣ трогательно то отчаяніе, въ которое приходили по временамъ самыя ясныя, самыя благородныя, идеалистическія головы. «Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней я каждую минуту берусь за перо,—говоритъ Георгъ Бюхнеръ,—но не могу написать ни слова. Я изучалъ исторію революціи. Я чувствовалъ себя какъ бы раздѣленнымъ ужаснымъ фатализмомъ исторіи. Я вижу въ человѣческой природѣ отвратительную заурядность, въ человѣческихъ же отношеніяхъ неопределимую силу, принадлежа-

щую всѣмъ вообще, и никому въ частности. Отдѣльная личность есть лишь пѣна на поверхности волны, величіе лишь случай, власть генія лишь кукольная комедія, смѣшное стремленіе бороться противъ желѣзнаго закона, который въ лучшемъ случаѣ можно лишь узнать, но который невозможно подчинить своей волѣ»¹⁾. Можно сказать, что уже для избѣжанія такихъ припадковъ вполнѣ, впрочемъ, законнаго отчаянія стоило хоть на время покинуть старую точку зрѣнія и попытаться *свободить свободу*, апеллируя къ этой же самой, глумящейся надъ нею, *необходимости*, слѣдовало еще разъ пересмотрѣть выдвинутый уже идеалистами-диалектиками вопросъ о томъ, не вытекаетъ-ли свобода изъ необходимости, не составляетъ-ли эта послѣдняя единственной твердой основы, единственной прочной гарантіи, неизбѣжнаго условія человѣческой свободы?

Мы увидимъ, къ чему приводитъ подобная попытка у Маркса. Но предварительно постараемся выяснитъ себѣ его историческіе взгляды такъ, чтобы у насъ не оставалось на ихъ счетъ уже никакихъ недоразумѣній.

На почвѣ даннаго состоянія производительныхъ силъ слагаются извѣстныя отношенія производства, которыя получаютъ свое идеальное выраженіе въ правовыхъ понятіяхъ людей и въ болѣе или менѣе «отвлеченныхъ правилахъ», въ неписанныхъ обычаяхъ и писанныхъ законахъ. Доказывать это намъ уже нѣтъ надобности: это, какъ мы видѣли, доказываетъ за насъ современная наука права (пусть читатель припомнитъ, что говоритъ по этому поводу г. Ковалевскій). Но не мѣшаетъ взглянуть на это дѣло съ другой, именно вотъ съ какой стороны. Разъ мы выяснили себѣ, какимъ образомъ правовыя понятія людей создаются ихъ отношеніями производства, насъ уже не удивитъ слѣдующія слова Маркса: «Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе (т. е. форму ихъ общественнаго существованія), а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ

¹⁾ Въ письмѣ къ невестѣ, писанномъ въ 1833 г. *Примечаніе для г. Михайловскаго*. Это не тотъ Бюхнеръ, который проповѣдывалъ матеріализмъ въ «общерилософскомъ смыслѣ». Это его рано умершій братъ, авторъ знаменитой трагедіи «Смерть Дантона».

ихъ созваніе». Теперь мы уже знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одной области сознанія, это дѣйствительно такъ, и почему это такъ. Намъ остается только рѣшить, всегда ли это такъ, и если да, то почему же это всегда такъ? Будемъ держаться пока тѣхъ же правовыхъ понятій.

«На извѣстной ступени ихъ развитія *производительныя силы* общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующими въ этомъ обществѣ *отношеніями производства* или, выражая то же самое юридическимъ языкомъ, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ они развивались до сихъ поръ. Изъ формъ, *содѣйствовавшихъ* развитію производительныхъ силъ, эти отношенія превращаются въ *препятствіе* для ихъ развитія. Тогда наступаетъ эпоха общественнаго переворота».

Общественная собственность на движимость и недвижимость возникаетъ вслѣдствіе того, что она удобна, больше того—необходима для процесса первобытнаго производства. Она поддерживаетъ существованіе первобытнаго общества, она содѣйствуетъ дальнѣйшему развитію его производительныхъ силъ, и люди держатся за нее, они считаютъ ее естественной и необходимой. Но вотъ, *благодаря этимъ отношеніямъ собственности и внутри ихъ* производительныя силы развились настолько, что открылось болѣе широкое поле для приложенія индивидуальныхъ усилій. Теперь, общественная собственность становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ *вредной* для общества, она препятствуетъ дальнѣйшему развитію его производительныхъ силъ, и потому она уступаетъ мѣсто *личному присвоенію*: въ правовыхъ учрежденіяхъ общества совершается болѣе или менѣе быстрый переворотъ. Этотъ переворотъ необходимо сопровождается переворотомъ въ правовыхъ понятіяхъ людей: люди, которые прежде думали, что хороша только общественная собственность, стали думать теперь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ лучше единоличное присвоеніе. Впрочемъ, нѣтъ, мы выражаемся неточно, мы изображаемъ, какъ два отдѣльныхъ процесса то, что совершенно нераздѣлимо, что представляетъ лишь двѣ стороны одного и того же процесса: *вслѣдствіе развитія производительныхъ силъ должны были измениться фак-*

тическія отношенія людей въ процессъ производства, и эти новыя фактическія отношенія выразились въ новыхъ правовыхъ понятіяхъ.

Г. Карѣевъ увѣряетъ насъ, что матеріализмъ такъ же одностороненъ въ примѣненіи къ исторіи, какъ и идеализмъ. И тотъ, и другой, представляютъ собою, по его мнѣнію, лишь «моменты» въ развитіи полной научной истины. «За первымъ и вторымъ моментами надлежитъ наступить третьему моменту: односторонности тезиса и антитезы найдутъ свое примиреніе въ синтезѣ, какъ выраженіи полной истины» ¹⁾. Это будетъ очень интересный синтезъ. «Въ чемъ будетъ заключаться такой синтезъ,—прибавляетъ г. профессоръ,—я пока говорить не стану». Жаль! Къ счастью, нашъ «исторіософъ» не очень строго соблюдаетъ эту, наложенную имъ самимъ на себя, заповѣдь воздержанія. Онъ немедленно даетъ понять, въ чемъ будетъ заключаться и откуда вырастетъ та полная научная истина, которая современемъ будетъ повята, наконецъ, всѣмъ просвѣщеннымъ человѣчествомъ, а пока извѣстна лишь г. Карѣеву. Она вырастетъ изъ слѣдующихъ соображеній: «каждая человѣческая личность, состоя изъ тѣла и души, ведетъ двоякую жизнь—физическую и психическую, не являясь предъ нами ни исключительно плотью съ ея матеріальными потребностями, ни исключительно духомъ съ его потребностями интеллектуальными и моральными. И у тѣла, и у души человѣка, есть свои потребности, инстинкты своего удовлетворенія и ставящая отдѣльную личность въ различное отношеніе къ внѣшнему міру, т.-е. къ природѣ и къ другимъ людямъ, т.-е. къ обществу, и эти отношенія бываютъ двоякаго рода» ²⁾.

Что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, это «синтезъ» справедливый, хотя и не то, чтобы ужъ очень новый. Если г. профессоръ знакомъ съ исторіей новѣйшей философіи, то онъ долженъ же знать, что объ него, объ этотъ самый синтезъ, она обламывала свои зубы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій,

¹⁾ Вѣстн. Европы. Июль 1894 г. стр. 6.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

не будучи въ состояніи справиться съ нимъ какъ слѣдуетъ. И если онъ воображаетъ, что этотъ «синтезъ» откроетъ ему «сущность историческаго процесса», то самъ г. В. В. долженъ будетъ согласиться, что съ его «профессоромъ» происходитъ что-то незладное, и что не г. Карѣву суждено стать Спинозой «исторіософин».

Съ развитіемъ производительныхъ силъ, ведущимъ къ измѣненію взаимныхъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ производства, измѣняются всѣ отношенія собственности. Но вѣдь еще Гизо говорилъ намъ, что въ отношеніяхъ собственности коренятся политическія конституціи. Это вполне подтверждается новѣйшей наукой. Кровный союзъ уступаетъ мѣсто территориальному союзу именно вслѣдствіе перемѣнъ, возникшихъ въ отношеніяхъ собственности. Болѣе или менѣе крупные территориальные союзы сливаются въ организмы, называемые государствами, опять-таки вслѣдствіе уже совершившихся перемѣнъ въ отношеніяхъ собственности или вслѣдствіе новыхъ нуждъ общественнаго производительнаго процесса. Это прекрасно выяснено, на примѣръ, по отношенію къ крупнымъ государствамъ Востока¹⁾. Не менѣе хорошо выяснено это и по отношенію къ античнымъ государствамъ²⁾. И вообще не трудно показать это по отношенію ко всякому данному государству, о происхожденіи котораго у насъ есть достаточно свѣдѣній. При этомъ нужно только не суживать, умышленно или неумышленно, взглядъ Маркса. Мы хотимъ сказать вотъ что.

Даннымъ состояніемъ производительныхъ силъ обуслови-

¹⁾ См. книгу покойнаго Л. Мечникова о «*великихъ историческихъ рѣчахъ*». Въ этой книгѣ авторъ, въ сущности, лишь подводитъ итогъ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришли наиболѣе авторитетные историки-спеціалисты, напр., *Ленорманъ*. Элизе Реклю въ предисловіи къ названной книгѣ говоритъ, что взглядъ Мечникова составляетъ эпоху въ исторіи науки. Это невѣрно въ томъ смыслѣ, что этотъ взглядъ не новъ: еще Гегель высказывалъ его самымъ опредѣленнымъ образомъ. Но несомнѣнно, что наука чрезвычайно много выиграетъ, если будетъ послѣдовательно держаться его.

²⁾ См. книгу Моргана: «*Ancient society*» и книгу Энгельса «*О происхожденіи частной собственности, семьи и государства*».

ваются *внутреннія* отношенія даннаго общества. Но вѣдь этимъ же состояніемъ обуславливаются и *внѣшнія его отношенія* къ другимъ обществамъ. На почвѣ этихъ внѣшнихъ отношеній у общества являются *новыя нужды*, для удовлетворенія которыхъ вырастаютъ *новые органы*. При поверхностномъ взглядѣ на дѣло взаимныя отношенія отдѣльныхъ обществъ представляются, какъ рядъ чисто «политическихъ» дѣйствій, не имѣющихъ прямого отношенія къ экономіи. Въ дѣйствительности, въ основѣ междуобщественныхъ отношеній лежитъ именно *экономія*, опредѣляющая собою, какъ дѣйствительные (а не внѣшніе только) поводы къ междуплеменнымъ и международнымъ отношеніямъ, такъ и *ихъ результаты*. Каждой ступени въ развитіи производительныхъ силъ соответствуетъ своя система вооруженія, своя военная тактика, своя дипломатія, свое международное право. Конечно, можно указать много случаевъ, въ которыхъ международныя столкновенія не имѣютъ прямого отношенія къ экономіи. И никому изъ послѣдователей Маркса не придетъ въ голову оспаривать существованіе такихъ случаевъ. Они говорятъ только: не останавливайтесь на поверхности явленій, спускайтесь глубже, спросите себя, на какой почвѣ выросло данное международное право? Что создало возможность даннаго рода международныхъ столкновеній?—и вы придете въ концѣ концовъ къ экономіи. Правда, разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ затруднительно тѣмъ, что въ борьбу вступаютъ нерѣдко общества, переживающія *неодинаковыя фазисы экономическаго развитія*.

Но тутъ насъ прерываетъ хоръ проицательныхъ противниковъ. «Хорошо,—кричатъ они,—допустимъ, что политическія отношенія коренятся въ экономическихъ. Но разъ даны политическія отношенія, они,—откуда бы ни взялись,—въ свою очередь вліяютъ на экономію. Слѣдовательно, тутъ существуетъ взаимодѣйствіе и ничего, кромѣ взаимодѣйствія».

Это возраженіе не придумано вами. До какой степени цѣнится оно противниками «экономическаго матеріализма», показываетъ слѣдующее «истинное происшествіе».

Марксъ въ своемъ «*Капиталѣ*» приводитъ факты, показы-

вающие, что английская аристократія пользовалась своей политической властью для того, чтобы обдѣлывать свои дѣлишки по части землевладѣнія. Докторъ Пауль Бартъ, написавшій «критическій опытъ» подъ названіемъ: «*Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer*», ухватился за это, чтобы упрекнуть Маркса въ противорѣчіи: сами же, дескать, признаете, что тутъ существуетъ взаимодѣйствіе. А для доказательства того, что взаимодѣйствіе дѣйствительно существуетъ, иницъ докторъ ссылается на книгу Штернега, писателя, много сдѣлавшаго для изслѣдованія экономической исторіи Германіи. Г. Карѣвъ думаетъ, что «страницы, посвященныя въ книгѣ Барта критикѣ экономического матеріализма, могутъ быть указаны въ качествѣ образчика того, какъ слѣдуетъ рѣшать вопросъ о роли экономического фактора въ исторіи». Само собою разумѣется, что онъ не преминулъ указать читателямъ на возраженія Барта и на авторитетное заявленіе Инамы-Штернега, «который даже формулируетъ такое общее положеніе, что взаимодѣйствіе между политикой и хозяйствомъ является основной чертой развитія всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ». Надо хоть немного разобратъ въ этой путаницѣ.

Во-первыхъ, что собственно говоритъ Инама-Штернегъ? По поводу Каролингскаго періода экономической исторіи Германіи онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. «Взаимодѣйствіе между политикой и хозяйствомъ, составляющее основную черту развитія всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ, можно прослѣдить здѣсь самымъ точнымъ образомъ. Политическая роль, выпадающая на долю даннаго народа, оказываетъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе его силъ, на складъ и разработку его «соціальныхъ учрежденій; точно такъ же внутренняя сила, присущая народу, и естественныя законы ея развитія опредѣляютъ собою мѣру и родъ его политической дѣятельности. Совершенно такъ, политическая система Каролинговъ не менше повліяла на соціальный строй, на хозяйственныя отношенія, въ которыхъ народъ жилъ въ то время, чѣмъ стихійныя силы народа, его хозяйственная жизнь повліяли на направленіе этой

политической системы, наложивъ на нее своеобразную печать ¹⁾). И только. Это немного, но это немногое считается достаточнымъ для того, чтобы опровергнуть Маркса.

Припомнимъ теперь, во-вторыхъ, что говоритъ Марксъ объ отношеніи экономіи къ праву и политикѣ.

Правовыя и политическія учрежденія складываются на почвѣ фактическихъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ производства. До поры, до времени эти учрежденія содѣйствуютъ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ народа, пропитанію его экономической жизни. Это точныя слова Маркса и мы спрашиваемъ перваго встрѣчнаго добросовѣстнаго чело-вѣка, заключается-ли въ этихъ словахъ отрицаніе значенія политическихъ отношеній въ развитіи экономіи, и опровергаютъ-ли Маркса тѣ люди, которые напоминаютъ ему объ этомъ значеніи? Не правда-ли, что такого отрицанія у Маркса нѣтъ и слѣда, и что указанные люди ровно ничего не опровергаютъ. До такой степени правда, что считается приходится съ вопросомъ не о томъ, опровергнуть-ли Марксъ, а о томъ, отчего же такъ плохо его поняли? А на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить только французской пословицей: *la plus belle fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a*. Критики Маркса не могутъ превзойти ту мѣру пониманія, которая отпущена имъ благодѣтельной натурой ²⁾.

¹⁾ Deutsche Wirtschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingenperiode. 1-er Band. Leipzig. 1879. SS. 233—234.

²⁾ Марксъ говоритъ: *всякая классовая борьба есть борьба политическая. Следовательно, умозаключаетъ Бартъ, политикъ, но нашему, совсемъ не влияеть на экономію, а между тѣмъ имъ сами же приводятъ факты, показывающіе и проч.* Bravo, восклицаетъ г. Карѣвъ, вотъ это я называю образчикомъ того, какъ надо спорить съ Марксомъ! «Образчикъ» г. Карѣва вообще обнаруживаетъ удивительную силу мысли. «Руссо,—говоритъ образчикъ,—жилъ въ обществѣ, гдѣ до крайности были доведены сословныя различія и привилегіи, гдѣ всѣ подчинены были всемогущему деспотизму; и однако, заимствованный изъ древности методъ рациональнаго построенія государства,—методъ, которымъ пользовались также Гоббсъ и Локкъ, привелъ Руссо къ созданію идеала общества, основаннаго на всеобщемъ равенствѣ и самодержавіи народа. Этотъ идеаль совершенно противрѣчилъ существовавшему во Франціи строю. Теорія Руссо была осуществлена

Взаимодѣйствіе между политикой и экономіей существуетъ. Это такъ же несомнѣнно, какъ и то, что г. Карѣвъ не понимаетъ Маркса. Но существованіе взаимодѣйствія запрещаетъ ли намъ идти дальше въ дѣлѣ анализа общественной жизни? Нѣтъ, думать такъ, значило бы почти то же самое, что вообразить, будто непониманіе г. Карѣва можетъ помѣшать намъ доработаться до правильныхъ «исторіософическихъ» понятій.

Политическія учрежденія вліяютъ на хозяйственную жизнь. Они—или содѣйствуютъ развитію этой жизни, или препятствуютъ ему. Первый случай несколько не удивителенъ съ точки зрѣнія Маркса, такъ какъ данная политическая система затѣмъ и создается, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ (сознательно или безсознательно создается, для васъ въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно). Второй случай несколько не противорѣчитъ этой точкѣ зрѣнія, такъ какъ историческій опытъ показываетъ, что разъ данная политическая система перестаетъ соответствовать состоянію производительныхъ силъ, разъ она превращается въ препятствіе для ихъ дальнѣйшаго развитія, она начинаетъ клониться къ упадку и, наконецъ, устраняется. И мало того, что этотъ случай не противорѣчитъ ученію Маркса, онъ наилучшимъ образомъ его подтверждаетъ, потому что именно онъ показываетъ, въ какомъ смыслѣ экономія господствуетъ надъ политикой, какимъ образомъ развитіе производительныхъ силъ опережаетъ политическое развитіе народа.

Экономическая эволюція ведетъ за собою правовые перевороты. Не легко понять это *метафизику*, который,—хотя и кричить о взаимодѣйствіи,—привыкъ разсматривать явленія одно

конвентомъ на практикѣ; стало быть, философія повліяла на политику, а чрезъ нея посредствомъ и на экономію». (I. с. я. 58),

Какъ вамъ нравится эта блестящая аргументація, въ интересахъ которой Руссо, сынъ бѣднаго женеваго республиканца, оказался продуктомъ аристократическаго общества? Оспаривать г. Барта значить вдаваться въ повторенія. Но что сказать о г. Карѣвѣ, рукоплещущемъ Барту? Ахъ, г. В. В., плохъ, ей-Богу, плохъ вашъ «профессоръ исторіи»! Советуемъ вамъ совершенно безкорыстно: ищите себѣ новаго «профессора».

послѣ другого и одно независимо отъ другого. Напротивъ, безъ труда понимаетъ это человѣкъ, хотя немного способный къ диалектическому мышленію. Онъ знаетъ, что количественныя измѣненія, постепенно накопляясь, приводятъ, наконецъ, къ измѣненіямъ качества, и что эти измѣненія качества представляютъ собою моменты скачковъ, перерывовъ постепенности.

Тутъ уже наши противники не выдерживаютъ и произносятъ свое «слово и дѣло»: да вѣдь такъ рассуждалъ Гегель, кричатъ они. Такъ *поступаетъ* вся природа, отвѣчаемъ мы.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Примѣнительно къ исторіи эту пословицу можно видоизмѣнить такъ: сказка сказывается очень просто, а дѣло дѣлается до крайности сложно. Вѣдь это легко сказать: развитіе производительныхъ силъ ведетъ за собою перевороты въ правовыхъ учрежденіяхъ! Перевороты эти представляютъ собою сложные процессы, въ теченіе которыхъ интересы отдѣльныхъ членовъ общества группируются самымъ прихотливымъ образомъ. Однимъ выгодно поддержать старые порядки, и они отстаиваютъ ихъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Для другихъ старые порядки стали уже вредны и ненавистны, и они нападаютъ на нихъ со всею тою силою, какою они располагаютъ. И это еще не все. Интересы новаторовъ тоже далеко не всегда одинаковы: однимъ важнѣе одніе реформы, другимъ другія. Споры возникаютъ въ самомъ лагерѣ реформаторовъ, борьба усложняется. И хотя, по справедливому замѣчанію г. Карѣва, человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, борьба за самые несомнѣнные матеріальные интересы необходимо ставитъ передъ спорящими сторонами самый несомнѣнно-духовный вопросъ: вопросъ о справедливости. Насколько противорѣчитъ ей старый порядокъ? Насколько согласны съ нею новыя требованія?— Эти вопросы неизбѣжно возникаютъ въ умахъ борющихся, хотя борющіеся не всегда назовутъ справедливость просто справедливостью, а можетъ быть, олицетворятъ ее въ видѣ какой-нибудь человѣкоподобной или даже звѣроподобной богини. Такъ, вопреки закланію, наложенному на нихъ г. Карѣвымъ, «матерія» порождаетъ «духъ»: экономическая борьба вызываетъ

нравственные вопросы, а духъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается матеріей: «справедливость старовѣровъ перѣдко оказывается *интересомъ* эксплуататоровъ.

Тѣ же самые люди, которые съ такой поразительной находчивостью приписываютъ Марксу отрицаніе значенія политики, утверждаютъ, будто онъ не придавалъ ровно никакого значенія ни *нравственнымъ*, ни философскимъ, ни религіознымъ, ни эстетическимъ понятіямъ людей, вездѣ и всюду видя одно «экономическое». Это опять неестественное празднословіе, какъ выразился Щедринъ. Марксъ не отрицалъ «значенія» всѣхъ этихъ понятій; онъ только выяснилъ ихъ генезисъ.

Что такое электричество?—Особый родъ движенія. Что такое теплота?—Особый родъ движенія. Что такое свѣтъ?—Особый родъ движенія. А, такъ вотъ какъ! Вы, стало быть, не придаете значенія ни свѣту, ни теплотѣ, ни электричеству! У васъ все одно движеніе; какая односторонность, какая узкость понятій! Именно такъ, именно узкость, господа. Вы прекрасно поняли смыслъ ученія о превращеніи энергій.

Всякая данная ступень развитія производительныхъ силъ необходимо ведетъ за собою *опредѣленную группировку людей* въ общественномъ производительномъ процессѣ, т.-е. *опредѣленные отношенія производства*, т.-е. *опредѣленную форму собственности*, т.-е. *опредѣленную структуру всего общества*. А разъ дана структура общества, не трудно понять, что ея характеръ отразится вообще на всей *психологій* людей, на всѣхъ ихъ привычкахъ, правахъ, взглядахъ и стремленіяхъ. Привычки, права, взгляды и стремленія необходимо должны приспособиться къ образу жизни людей, къ *ихъ способу добыванія себѣ пропитанія* (по выраженію Пешеля). *Психологій общества всегда цѣлесообразна по отношенію къ его экономіи, всегда соответствуетъ ей, всегда опредѣляется ею*. Тутъ повторяется то же явленіе, которое еще греческіе философы замѣчали въ природѣ: *нецѣлесообразность торжествуетъ по той простой причинѣ, что нецѣлесообразное самой природой своей осуждено на гибель*. Выгодно-ли для общества въ его борьбѣ за существованіе это приспособленіе его психологій къ его экономіи, къ условіямъ

его жизни? Очень выгодно, потому что привычки и взгляды, не соответствующие экономии, противоречащие условиям существования, помешали бы отстаивать это существование. Цѣлесообразная психологія такъ же полезна для общества, какъ хорошо соответствующіе своей цѣли органы полезны для животного. Но сказать, что органы животныхъ должны соответствовать условиямъ ихъ существованія, значить-ли это сказать, что органы не имѣютъ для животного значенія? Совершенно наоборотъ! Это значить признать ихъ колоссальное, ихъ *существенное* значеніе. Только очень слабыя головы могутъ понять дѣло иначе. Вотъ то же самое, какъ разъ то же самое, господа, и съ психологіей. Принимая, что она приспособляется къ экономии общества, Марксъ тѣмъ самымъ признавалъ ея огромное, ничѣмъ незамѣнимое значеніе.

Разница между Марксомъ и, напр., г. Карѣвымъ сводится здѣсь къ тому, что этотъ послѣдній, не смотря на свою склонность къ «синтезу» остается дуалистомъ чистѣйшей воды. У него — тутъ экономія, тамъ — психологія; въ одномъ карманѣ — душа, въ другомъ — тѣло. Между этими субстанціями есть взаимодействіе, но каждая изъ нихъ ведетъ свое самостоятельное существованіе, происхожденіе котораго покрыто мракомъ неизвѣстности¹⁾. Точка зрѣнія Маркса устраняетъ этотъ дуализмъ. У него и *экономія общества*, и его *психологія* представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія: «производства жизни» людей, ихъ борьбы за существованіе, въ которой они группируются известнымъ образомъ, благодаря данному состоянію производительныхъ силъ. Борьба за существованіе создаетъ ихъ экономію; на ея же почвѣ вырастаетъ и ихъ психологія. Экономія сама есть ничто производное, какъ и психологія. И именно потому *измѣняется* экономія всякаго прогрессирующаго общества:

¹⁾ Не подумайте, что мы клеветаемъ на почтеннаго профессора. Онъ съ большою похвалою проводитъ мнѣніе Барта, по которому «право ведетъ самостоятельное, хотя и не независимое существованіе». Вотъ эта-то «самостоятельность, хотя и не независимость» и мѣшаетъ г. Карѣву познать «сущность историческаго процесса». Какъ именно мѣшаетъ, тому сейчасъ, въ текстѣ, послѣдуютъ пункты.

повое состояніе производительныхъ силъ ведетъ за собою новую экономическую структуру, равно какъ и новую психологію, новый «духъ времени». Изъ этого видно, что только въ популярной рѣчи можно говорить объ экономіи, какъ о *первичной причинѣ* всѣхъ общественныхъ явленій. Далекая отъ того, чтобы быть *первичной причиной*, она сама есть слѣдствіе, «функция» производительныхъ силъ.

А теперь слѣдуютъ обѣщанные въ примѣчаніи пункты. «И у тѣла, и у души есть свои потребности, ищущія своего удовлетворенія и ставящія отдѣльную личность въ различное отношеніе къ вышнему міру, т.-е. къ природѣ и къ другимъ людямъ... отношеніе человѣка къ природѣ въ зависимости отъ физическихъ и духовныхъ потребностей личности создаетъ поэтому, съ одной стороны, разнаго рода искусства, направленные на то, чтобы обезпечить матеріальное существованіе личности, съ другой стороны— всю умственную и нравственную культуру...». Матеріалистическое отношеніе человѣка къ природѣ коренится въ потребностяхъ тѣла, въ свойствахъ матеріи. Въ потребностяхъ тѣла надо отыскивать «причины звѣроловства, скотоводства, земледѣлія, обрабатывающей промышленности, торговли и денежныхъ операцій». — По здравому разсужденію это, конечно, такъ: вѣдь не будь у насъ тѣла, зачѣмъ намъ понадобились бы скоты и звѣри, земля и машины, торговля и золото? Но, съ другой стороны, надо и то сказать: что такое тѣло безъ души? Не болѣе, какъ матерія, а вѣдь матерія мертва. Вѣдь, сама она ничего создавать не можетъ, если, въ свою очередь, не состоитъ изъ души и тѣла. Стало быть, ловить звѣрей, приручаетъ скотовъ, обрабатываетъ землю, торгуетъ и засѣдаетъ въ банкахъ матерія не своимъ умомъ, а по указанію духа. Стало быть, въ духѣ надо искать послѣдней причины возникновенія матеріалистическаго отношенія человѣка къ природѣ. Стало быть, у духа тоже есть двойственные потребности, стало быть, онъ тоже состоитъ изъ души и тѣла, а это выходитъ какъ-то очень весообразно. Да это не все. Невольно беретъ «сомнѣніе» и вотъ еще по какому поводу. По г. Карбеву выходитъ, что на почвѣ тѣлесныхъ потребностей вырастаетъ матеріалистическое отношеніе человѣка

къ природѣ. Но точно-ли это? Къ одной-ли природѣ? П. Карѣевъ помнитъ, можетъ быть, какъ аббатъ Гиберъ проклиналъ стремившійся къ своему освобожденію отъ феодальнаго ита городскія общины, эти «тупыя» учрежденія, единственной цѣлью существованія которыхъ было будто бы уклоненіе отъ справедливаго исполненія феодальныхъ повинностей. Что тутъ говорило въ аббатѣ Гиберѣ: матерія, или духъ? Если матерія, то, опять говоримъ, стало быть, она состоитъ изъ тѣла и «духа», а если «духъ», то, стало быть, онъ состоитъ изъ «духа» и тѣла, ибо онъ обнаружилъ въ разсматриваемомъ случаѣ очень мало того безкорыстнаго отношенія къ явленіямъ, которое, по словамъ г. Карѣева, составляетъ отличительную особенность духа. Вотъ тутъ и разбирайся! П. Карѣевъ скажетъ, можетъ быть, что въ аббатѣ Гиберѣ говорилъ собственно духъ, но говорилъ подъ диктовку плоти, и что то же происходитъ при занятіяхъ энфрозозствомъ, банками и т. д. Но, во-первыхъ, чтобы диктовать, матерія должна состоять изъ тѣла и души, а во-вторыхъ, грубый матеріалистъ можетъ замѣтить: вѣдь вотъ говорить же духъ подъ диктовку плоти, стало быть, то обстоятельство, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла еще равно ни за что не ругается: можетъ быть, во всей исторіи духъ только и дѣлалъ, что говорилъ подъ диктовку тѣла? Г. Карѣевъ, конечно, возмутится такимъ предположеніемъ и станетъ опровергать «грубого матеріалиста». Мы твердо увѣрены, что побѣда останется на сторонѣ почтеннаго профессора, но много-ли помощи окажется ему въ этой борьбѣ то безспорное обстоятельство, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла?

Да и это еще не все. Мы прочтали у г. Карѣева, что на почвѣ духовныхъ потребностей личности вырастаютъ: «эпистемология и религія... литература и художества» и вообще — «теоретическое отношеніе къ внѣшнему міру (да и къ самому себѣ), къ вопросамъ бытія и познанія», равно какъ и «безкорыстное творческое воспроизведеніе внѣшнихъ явленій (да и собственныхъ своихъ помысловъ)». Мы повѣрили г. Карѣеву. Есть у насъ знакомый студентъ-технологъ, который съ жаромъ занимается техникой обрабатывающей промышленности, «теоре-

тического» же отношенія у него ко всему перечисленному г. профессоромъ не замѣчается. У насъ явился вопросъ: да ужь не состоитъ-ли нашъ прѣтель изъ одного тѣла? Просимъ г. Карѣва поскорѣе разрѣшить это мучительное для насъ и обидное для молодого, чрезвычайно даровитого, можетъ быть, даже гениальнаго технолога сомнѣнїе!

Если разсужденіе г. Карѣва имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то только вотъ какой: у человѣка есть потребности высшаго и низшаго порядка, есть эгоистическія стремленія, есть альтруистическія чувства. Это самая безспорная истина, совершенно неспособная, однако, лечь въ основу «исторіософіи». Дальше бессодержательныхъ, давно уже набитыхъ разсужденій на тему о природѣ человѣка съ нею не пойдешь: она и сама есть не болѣе, какъ такое разсужденіе.

Пока мы бесѣдовали съ г. Карѣвымъ, наши проникательныя критики успѣли поймать насъ въ противорѣчїи съ самимъ собою, а главное, съ Марксомъ. Мы сказали, что экономія не есть первичная причина всѣхъ общественныхъ явленій, а въ то же время мы утверждаемъ, что психологія общества приспособляется къ его экономіи—первое противорѣчіе. Мы говоримъ, что экономія и психологія общества представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія, а между тѣмъ, самъ Марксъ говоритъ, что экономія есть реальная основа, на которой возвышаются идеологическія надстройки,—второе противорѣчіе. Тѣмъ болѣе печальное для насъ, что тутъ мы расходимся съ человѣкомъ, взгляды котораго взялись излагать. Объяснимся.

Что основная причина общественно-историческаго процесса есть развитіе производительныхъ силъ,—это мы говоримъ слово въ слово съ Марксомъ, такъ что здѣсь никакого противорѣчїя не ищется. Слѣдовательно, если оно гдѣ-нибудь существуетъ, то только по вопросу объ отношеніи экономіи общества къ его психологіи. Посмотримъ же, существуетъ-ли оно.

Пусть читатель припомнитъ, какъ возникаетъ частная собственность. Развитіе производительныхъ силъ ставитъ людей въ такія отношенія производства, при которыхъ личное присвоеніе некоторыхъ предметовъ оказывается болѣе удобнымъ

для производительнаго процесса. Сообразно съ этимъ измѣняются и правовыя понятія первобытнаго человѣка. Психологія общества приспосаблиется къ его экономіи. На данной экономической основѣ роковымъ образомъ возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка. Но, съ другой стороны, каждый новый шагъ въ развитіи производительныхъ силъ ставитъ людей, въ ихъ повседневной житейской практикѣ, въ новыя взаимныя положенія, не соответствующія отживающимъ отношеніямъ производства. Эти новыя, небывалыя положенія необходимо отражаются на психологіи людей, очень сильно ее видоизмѣняютъ. Въ какомъ же направленіи? Одни отстаиваютъ старые порядки, это люди застоя. Другіе, тѣ, которымъ невыгоденъ старый порядокъ, стоятъ за поступательное движеніе; ихъ психологія видоизмѣняется въ направленіи тѣхъ *отношеній производства, которыми замѣняются современемъ старыя, отживающія экономическія отношенія.* Приспособленіе психологіи къ экономіи, какъ видите, продолжается, но медленная психологическая эволюція *предшествуетъ* экономической революціи ⁴⁾.

Разъ совершилась эта революція, устанавливается полное соответствіе между психологіей общества и его экономіей. Тогда на почвѣ новой экономіи происходитъ полный расцвѣтъ новой психологіи. Въ теченіе нѣкотораго времени это соответствіе остается неварушимымъ, оно все болѣе и болѣе упрочивается. Но мало-по-малу показываются ростки новаго разлада: психологія передового класса, по указанной выше причинѣ, опять опережаетъ отношенія производства: ни на минуту не переставая приспосабливаться къ экономіи, она опять приспосабливается къ экономіи будущаго. Ну, развѣ же это не двѣ стороны одного и того же процесса?

До сихъ поръ мы иллюстрировали мысль Маркса главнымъ образомъ примѣрами изъ области имущественнаго права. Это право есть несомнѣнно та же идеологія, но идеологія перваго,

⁴⁾ По существу, это тотъ же самый психологическій процессъ, который переживаетъ теперь европейскій пролетаріатъ; его психологія уже приспосабливается къ новымъ, будущимъ, отношеніямъ производства.

такъ сказать, низшаго порядка. Какъ надо понимать взглядъ Маркса на идеологию высшаго порядка: на науку, на философию, на искусство и т. д.?

Въ развитіи этихъ идеологій экономія является основой въ томъ смыслѣ, что общество должно достигнуть известной степени благосостоянія для того, чтобы выдѣлить изъ себя известный слой людей, посвящающихъ свои силы исключительно научнымъ и прочимъ занятіямъ. Далѣе, вышеприведенный взглядъ Платона и Плутарха показываетъ, что самое направленіе умственной работы въ обществѣ опредѣляется ея отношеніями производства. О наукахъ еще Вико сказалъ, что онѣ вырастаютъ изъ общественныхъ нуждъ. По отношенію къ такой наукѣ, какъ политическая экономія, это ясно для всякаго, кто хоть немного знакомъ съ ея исторіей. Графъ Пеккюо справедливо замѣтилъ, что политическая экономія въ особенности подтверждаетъ то правило, что практика всегда и вездѣ предшествуетъ наукѣ¹⁾. Конечно, и это можно истолковать въ очень отвлеченномъ смыслѣ, можно сказать: ну, разумѣется, для науки нуженъ опытъ, и чѣмъ больше опыта, тѣмъ полнѣе наука. Дѣло не въ томъ. Сравните экономическіе взгляды Аристотеля или Ксенофонта со взглядами Адама Смита, и вы увидите, что между экономической наукой древней Греціи съ одной стороны, и экономической наукой буржуазнаго общества—съ другой, существуетъ не только количественная, но и качественная разница: совсѣмъ иная точка зрѣнія, совсѣмъ иное отношеніе къ предмету. Чѣмъ объясняется эта разница? Да

¹⁾ Quand'essa cominciava appena a nascere nel 'diciassettesimo secolo, alcune nazione avevano già da più secolo fiorito colla loro sola esperianza, da cui poscia la scienza ricavo i suoi detta mi. Storia della Economia pubblica in Italia etc. Lugano, 1829, p. 11.

Д. С. Милль повторяетъ: In every department of human affairs, Practice long precedes science... The conception, accordingly of political Economy as a branch of science, is extremely modern; but the subject with which its inquiries are conversant has in all ages necessarily constituted one of the chief practical interests of mankind. Principles of political Economy. London, 1843. t. I, p. 1.

просто тѣмъ, что *измѣнились самыя явленія*: отношенія производства въ буржуазномъ обществѣ не похожи на античныя отношенія производства. Различныя отношенія въ производствѣ создаютъ различныя взгляды въ наукѣ. Мало этого. Сравните взгляды Адама Смита со взглядами какого-нибудь Бастіа и вы увидите, что эти люди различно смотрятъ на отношенія производства, оставшіяся *по своему общему характеру неизмѣнными*, — на буржуазныя отношенія производства. Почему это? Потому что во времена Адама Смита эти отношенія только еще расцвѣтали, только еще упрочивались, а во время Бастіа они уже начали клониться къ упадку. Различныя состоянія тѣхъ же самыхъ отношеній производства необходимо должны были отразиться на взглядахъ тѣхъ людей, которые ихъ защищали.

Или возьмемъ науку государственнаго права. Какъ, почему развивались ея теории? «Научная разработка государственнаго права, — говоритъ профессоръ Гумпловичъ, — начинается лишь тамъ, гдѣ господствующіе классы приходятъ между собой въ столкновение по поводу принадлежащей каждому изъ нихъ сферы власти. Такъ, первая большая политическая борьба, съ которой мы встрѣчаемся во второй половинѣ европейскихъ среднихъ вѣковъ, борьба между свѣтской и духовной властью, борьба между императоромъ и папой, даетъ первый толчокъ развитію нѣмецкой науки государственнаго права. Вторымъ спорнымъ политическимъ вопросомъ, внесшимъ раздвоеніе въ среду господствующихъ классовъ и давшимъ толчокъ публицистической разработкѣ соответствующей части государственнаго права, былъ вопросъ объ избраніи императоровъ» ¹⁾ и т. д.

Что такое взаимныя отношенія классовъ? Это прежде всего именно тѣ отношенія, въ которыя люди становятся другъ къ другу въ общественномъ производительномъ процессѣ: *отношенія производства*. Эти отношенія находятъ свое выраженіе въ политической организаціи общества и въ политической борьбѣ разныхъ классовъ, а эта борьба служитъ толчкомъ для возникновенія и развитія различныхъ *политическихъ теорій*: на эконо-

¹⁾ Rechtsstaat und Socialismus, Innsbruck, 1881, ss. 124—125.

мической основѣ необходимо возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка.

Но и это въ идеологии, если не перваго, то во всякомъ случаѣ и не самаго высшаго порядка. Какъ обстоитъ дѣло, на примѣръ, съ философией, съ искусствомъ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Гельвецій исходилъ изъ того положенія, что *l'homme n'est que sensibilité*. Съ этой точки зрѣнія ясно, что человѣкъ будетъ избѣгать неприятныхъ ощущеній и стараться приобрести пріятныя. Это неизбѣжный, естественный эгоизмъ чувствующей матеріи. Но если это такъ, то какимъ образомъ возникаютъ у человѣка совершенно безкорыстныя стремленія: любовь къ истинѣ, героизмъ? Такова была задача, которую нужно было разрешить Гельвецію. Онъ не сумѣлъ разрешить ее, а чтобы выпутаться изъ затрудненія, онъ просто зачеркнулъ тотъ самый x , ту самую неизвѣстную величину, опредѣлить которую онъ взялся. Онъ сталъ говорить, что вѣтъ ни одного ученаго, который безкорыстно любилъ бы истину, что каждый человѣкъ видитъ въ ней лишь путь къ славѣ, а въ славу — путь къ деньгамъ, а въ деньгахъ — средства къ доставленію себѣ пріятныхъ физическихъ ощущеній, на примѣръ, для покупки вкусной пицци или *belles esclaves*. Нечего говорить, насколько несостоятельны такія объясненія. Въ нихъ сказалась лишь уже указанная нами неспособность французскаго метафизическаго матеріализма справляться съ *вопросами развитія*.

Отцу современнаго *діалектическаго* матеріализма приписываютъ такой взглядъ на исторію чезовѣческой мысли, который былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ метафизическихъ разсужденій Гельвеція. Взглядъ Маркса на исторію, напр., философіи часто понимается, приблизительно, такъ: если Кантъ занимался вопросами трансцендентальной эстетики, если онъ говорилъ о категоріяхъ разсудка или объ антиноміяхъ разума, то у него это все одинъ фразы, ему въ дѣйствительности вовсе не интересны были ни антиномія, ни категорія; ему нужно было только одно: доставить классу, къ которому онъ принадлежалъ,

т.-е. нѣмецкой мелкой буржуазіи, какъ можно больше вкусныхъ блюдъ и «прекрасныхъ невольницъ». Категоріи и антиноміи казались ему прекраснымъ средствомъ для этого, вотъ онъ и сталъ «разводить» ихъ.

Нужно-ли увѣрять, что это совершеннѣйшіе пустяки?! Когда Марксъ говоритъ, что данная теорія соответствуетъ такому-то періоду экономическаго развитія общества, то онъ вовсе этимъ не хочетъ сказать, что мыслящіе представители класса, господствовавшего въ теченіе этого періода, сознательно подогнали свои взгляды къ интересамъ своихъ болѣе или менѣе богатыхъ, болѣе или менѣе шедрыхъ благодѣтелей.

Сикофанты были, разумѣется, всегда и вездѣ, но не они двигали впередъ человѣческой разумъ. Тѣ же, которые дѣйствительно двигали его, заботились объ истинѣ, а не объ интересахъ сильныхъ міра сего ¹⁾.

«На различныхъ формахъ собственности,—говоритъ Марксъ,—на общественныхъ условіяхъ существованія возвышается цѣлая надстройка различныхъ своеобразныхъ чувствъ и иллюзій, взглядовъ и понятій. Все это творится и формируется цѣлымъ классомъ на почвѣ матеріальныхъ условій его существованія и соответствующихъ имъ общественныхъ отношеній». Процессъ возникновенія идеологической надстройки совершается *незамѣтнымъ для людей образомъ*. Они разсматриваютъ эту надстройку не какъ временный продуктъ временныхъ отношеній, а какъ нѣчто естественное и обязательное по своей собственной сущности. Отдѣльные лица, взгляды и чувства которыхъ складываются подъ вліяніемъ воспитанія и вообще окружающей обстановки, могутъ быть преисполнены самаго искренняго, самаго *самоотверженнаго отношенія* къ тѣмъ взглядамъ и къ тѣмъ формамъ общечитія, которыя исторически возникли на почвѣ болѣе или менѣе *узкихъ классовыхъ интересовъ*. Тоже и съ цѣлыми партіями. Французскіе демократы 1848 г. выражали стрем-

¹⁾ Это не мѣшало имъ иной разъ побаиваться сильныхъ. Такъ, напр., Кантъ говорилъ о себѣ: «никто не заставитъ меня сказать противное тому, что я думаю, но я не рѣшусь сказать все, что я думаю».

ленія мелкой буржуазіи. Мелкая буржуазія естественно стремилась отстаивать свои классовые интересы. Но, «было бы однако ограниченностью думать,—говорит Маркс,—что мелкая буржуазія сознательно стремится отстаивать эгоистическій классовый интересъ. Наоборотъ, она полагаетъ, что частныя условія ея освобожденія представляютъ собою общія условія, при которыхъ только и можетъ быть достигнуто спасеніе современнаго общества и устранена борьба классовъ. Точно такъ же не слѣдуетъ думать, будто всѣ представители мелкой буржуазіи—лавочки или поклонники лавочниковъ. По своему образованію и личному положенію они могутъ быть, какъ небо отъ земли, далеки отъ лавочниковъ. Представителями мелкой буржуазіи ихъ дѣлаетъ то обстоятельство, что ихъ мысль не выходитъ за предѣлы житейской обстановки мелкой буржуазіи, и что, поэтому, они приходятъ къ тѣмъ же задачамъ и рѣшеніямъ въ теоріи, къ которымъ мелкій буржуа приходитъ, благодаря своимъ матеріальнымъ интересамъ и своему общественному положенію, на практикѣ. Таково вообще отношеніе между политическими и литературными представителями даннаго класса съ одной стороны и самимъ этимъ классомъ съ другой¹⁾).

¹⁾ Доказывая, что условія жизни (*les circonstances*) вліяютъ на организацію животныхъ, Ламаркъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое полезно будетъ напомнить здѣсь во избѣжаніе недоразумѣній. «Тотъ, кто не пойдетъ дальше буквального смысла моихъ словъ,—говоритъ онъ,—приниметъ мнѣ ошибочный взглядъ. Ибо, каковы бы ни были условія жизни, они не вызываютъ въ формѣ и организаціи животныхъ никакого непосредственнаго измѣненія». Благодаря значительнымъ переиѣнамъ въ условіяхъ жизни у животныхъ являются новыя, отличныя отъ прежнихъ, нужды. Если эти новыя нужды остаются постоянными или существуютъ очень продолжительное время, онѣ ведутъ къ появленію новыхъ *примечекъ*. «А разъ новыя условія жизни... привели къ появленію у животныхъ новыхъ *примечекъ*, т.-е. побудили ихъ къ новымъ дѣйствіямъ, ставшимъ привычными, въ результатѣ окажется предпочтительное упражненіе однихъ органовъ и, иногда, полное отсутствіе упражненія для другихъ частей, ставшихъ бесполезными». Усиленіе упражненія или отсутствіе его не останутся безъ вліянія на *строеніе* органовъ, а, слѣдовательно, и всего организма. (Lamarque, Philosophie zoologique etc., nouvelle édition par Charles

Это Марксъ говорить въ своей книгѣ о «*coup d'état*» Наполеона III. Въ другомъ своемъ произведеніи онъ, можетъ быть, еще лучше выясняетъ намъ психологическую діалектику *классовъ*. Рѣчь идетъ у него о той освободительной роли, которую иногда приходится играть отдѣльнымъ классамъ.

«Ни одинъ классъ не можетъ сыграть этой роли, не вызвавъ на время энтузіазма въ себѣ и въ массѣ. Въ теченіе этого времени онъ братается со всѣмъ обществомъ и сливается съ нимъ, его смѣшиваютъ со всѣмъ обществомъ, его призываютъ *всеобщимъ представителемъ*, ему сочувствуютъ, какъ таковому; въ теченіе этого времени права и требованія этого класса дѣйствительно являются правами и требованіями всего общества, а самъ онъ—головой этого общества и его сердцемъ. Только во имя всеобщихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ требовать себѣ господства надо всѣми другими. Чтобы взять приступомъ эту роль освободителя и вмѣстѣ съ тѣмъ политическаго эксплуататора всѣхъ общественныхъ сферъ въ интересахъ своей собственной сферы, недостаточно энергии и духовной самоувѣренности. Чтобы одно сословіе явилось какъ бы охватывающимъ все общество, для это нужно, чтобы всѣ общественные недуги были, наоборотъ, сконцентрированы въ какомъ-нибудь другомъ классѣ, нужно, чтобы извѣстное сословіе явилось сословіемъ, вызывающимъ всеобщее отвращеніе, олицетвореніемъ того, что всѣхъ стѣсняетъ... Чтобы одно сословіе явилось сословіемъ-освободителемъ *par excellence*, нужно, чтобы какое-

Martin, 1873, t. I, pp. 223—224). Вотъ такъ же надо понимать влияніе экономическихъ и вытекающихъ изъ нихъ другихъ нуждъ на психологию народа. Тутъ происходитъ медленный процессъ приспособленія подъ влияніемъ упражненія или неупражненія, а наши противники «экономическаго» матеріализма воображаютъ, будто, по мнѣнію Маркса, люди, при появленіи у нихъ новыхъ нуждъ, тотчасъ же и сознательно перестраиваютъ свои взгляды. Понятно, что это кажется имъ нелѣпостью. Но сами же они и придумали эту нелѣпость, у Маркса нѣтъ ничего подобнаго. Вообще возраженія этихъ мыслителей напоминаютъ намъ слѣдующую публичноносную аргументацію одного россиянина противъ Дарвина: «Дарвинъ говоритъ бросьте курицу въ воду, у нея вырастетъ плавательная перепонка. Я же утверждаю, что курица просто потонетъ».

нибудь другое сословіе явилось въ общемъ сознаніи, наоборотъ, сословіемъ—поработителемъ. Отрицательно-универсальное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило положительно-универсальное значеніе сосѣдняго съ ними, стоявшаго противъ нихъ класса буржуазіи»¹⁾).

Послѣ этого предварительнаго объясненія уже не трудно выяснитъ себѣ взглядъ Маркса на идеологіи высшаго порядка, напр., на философію и на искусства. Но для большей наглядности мы сопоставимъ его со взглядомъ И. Тэна:

«Чтобы понять данное художественное произведеніе, даннаго артиста, данную группу артистовъ,—говоритъ этотъ писатель,—надо съ точностью представить себѣ общее состояніе умовъ и нравовъ ихъ времени. Тамъ лежитъ послѣднее объясненіе; тамъ находится первая причина, опредѣляющая все остальное. Эта истина подтверждается опытомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы прослѣдимъ главныя эпохи исторіи искусства, мы найдемъ, что искусства появляются и исчезаютъ вмѣстѣ съ извѣстными состояніями умовъ и нравовъ, съ которыми они связаны. Напримѣръ, греческая трагедія, трагедія Эсхила, Софокла и Еврипида, является вмѣстѣ съ побѣдой грековъ надъ персами, въ героическую эпоху небольшихъ городскихъ республикъ, въ моментъ того великаго напряженія, благодаря которому онѣ завоевали свою независимость и установили свою гегемонію въ цивилизованномъ мірѣ. Эта трагедія исчезаетъ вмѣстѣ съ этой независимостью и этой энергіей, когда измельчаніе характеровъ и македонское завоеваніе отдають Грецію во власть иностранцевъ.—Точно такъ же готическая архитектура развивается вмѣстѣ съ окончательнымъ установленіемъ феодальнаго режима въ эпоху полувозрожденія одинадцатаго столѣтія, въ то время, когда общество, избавленное отъ норманскихъ набѣговъ и отъ разбойниковъ, устанавливается болѣе прочнымъ образомъ: она исчезаетъ въ то время, когда военный режимъ болѣе или менѣе крупныхъ бароновъ разлагается въ концѣ XV столѣтія, вмѣстѣ со всѣми

¹⁾ Deutsch-Französische Jahrbücher, Paris, 1844, статья: «Zur Kritik der Hegelischen Rechtsphilosophie, Einleitung», S. 82.

тѣми правами, которые изъ него вытекали, вслѣдствіе возникновенія новѣйшихъ монархій.—Подобно этому голландская живопись расцвѣтаетъ въ тотъ славный моментъ, когда, благодаря своему упорству и своему мужеству, Голландія окончательно сбрасываетъ испанское иго, успѣшно борется съ Англіей, становится самымъ богатымъ, самымъ промышленнымъ, самымъ цвѣтущимъ государствомъ Европы; она падаетъ въ началѣ XVIII вѣка, когда Голландія спускается до второстепенной роли, уступивъ первую Англій, и становится просто банкомъ, торговымъ домомъ, содержимымъ въ величайшемъ порядкѣ, мирнымъ и благоустроеннымъ, въ которомъ человѣкъ можетъ вести спокойную жизнь благоразумнаго буржуа, не имѣющаго честолюбивыхъ замысловъ, не испытывающаго глубокихъ потрясеній. Наконецъ, подобно этому, и французская трагедія появляется въ то время, когда, при Людовикѣ XIV, прочно установившаяся монархія несетъ съ собою господство приличій, придворную жизнь, блескъ и элегантность прирученной аристократіи, и исчезаетъ, когда дворянское общество и придворные нравы упраздняются революціей... Какъ натуралисты изучаютъ физическую температуру для того, чтобы понять появленіе того или другого растенія, овса или манса, сосны или алоэ, точно такъ же надо изучать моральную температуру для того, чтобы объяснить появленіе того или другого вида искусства: языческой скульптуры или реалистической живописи, мистической архитектуры или классической литературы, сладострастной музыки или идеалистической поэзіи. Произведенія человеческого духа, какъ и произведенія живой природы, объясняются только ихъ средою»¹⁾.

Со всѣмъ этимъ безусловно согласится любой послѣдователь Маркса: да, именно всякое художественное произведеніе, какъ и любую философскую систему, можно объяснить только состояніемъ умовъ и нравовъ даннаго времени. Но чѣмъ объясняется это общее состояніе умовъ и нравовъ? Послѣдователи Маркса думаютъ, что оно объясняется общественнымъ строемъ, свой-

¹⁾ Philosophie de l'art, deuxième édition. Paris, 1872. p.p. 13—17.

ствами социальной среды. «Всякое изменение въ положеніи людей ведетъ къ измененію въ ихъ психикѣ» ¹⁾, говоритъ тотъ же Тэнъ. И это справедливо. Спрашивается только, чѣмъ вызываются изменения въ положеніи общественнаго человѣка, въ общественномъ строѣ? Только по этому вопросу «экономическіе материалисты» расходятся съ Тэнномъ.

Для Тэна задача исторіи, какъ науки, есть въ послѣднемъ счетѣ «психологическая задача». Общее состояніе умовъ и нравовъ создаетъ у него не только различные виды искусства, литературы и философіи, но и *промышленность даннаго народа*, и ея общественныя учрежденія. А это значитъ, что социальная среда имѣетъ свою послѣднюю причину въ «состояніи умовъ и нравовъ».

Такимъ образомъ, выходитъ, что психика общественнаго человѣка опредѣляется его положеніемъ, а его положеніе психикой. Это уже знакомая намъ антитеза, съ которой никакъ не могли справиться просвѣтители XVIII вѣка. Тэнъ не разрѣшилъ этой антитезы. Онъ только далъ, въ рядѣ замѣчательныхъ произведеній, множество блестящихъ иллюстрацій ея перваго положенія, тезиса: *состояніе умовъ и нравовъ опредѣляется социальной средой*.

Французскіе современники Тэна, оспаривавшіе его эстетическую теорію, выдвигали впередъ *антитезисъ: свойства социальной среды опредѣляются состояніемъ умовъ и нравовъ* ²⁾. Подобный споръ можно вести до втораго пришествія, не только не разрѣшая роковой антитезы, но даже не замѣчая ея существованія.

¹⁾ Philosophie de l'art dans les Pays-Bas. Paris 1869, p. 96.

²⁾ Nous subissons l'influence du milieu politique ou historique, nous subissons l'influence du milieu social, nous subissons aussi l'influence du milieu physique. Mais il ne faut pas oublier que si nous la subissons, nous pouvons pourtant aussi lui résister; et vous savez sans doute qu'il y en a de mémorables exemples... Si nous subissons l'influence du milieu, un pouvoir que nous avons aussi, c'est de ne pas nous laisser faire, ou pour dire encore quelque chose de plus, c'est de conformer, c'est d'adapter le milieu lui-même à nos propres convenances. F. Brunetière. L'évolution de la critique depuis la renaissance jusqu'à nos jours. Paris, 1890 p.p. 260—61.

Историческая теорія Маркса разрѣшаетъ антиномію и тѣмъ приводитъ споръ къ благополучному оксичанію, или, по крайней мѣрѣ, даетъ *возможность* благополучно закончить его людямъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать.

Свойства соціальной среды опредѣляются состояніемъ производительныхъ силъ въ каждое данное время. Разъ дано состояніе производительныхъ силъ, даны и свойства соціальной среды, даны и соответствующая ей психологія, дано и взаимодействие между средой съ одной стороны и умами и нравами съ другой. Брюнетьеръ совершенно правъ, говоря, что мы не только приспособляемся къ средѣ, а и приспособляемъ ее къ своимъ нуждамъ. Но откуда же берутся у насъ нужды, не соответствующія свойствамъ окружающей насъ среды? Онѣ порождаются въ насъ — и, говоря это, мы имѣемъ въ виду не только матеріальныя, но и все тѣмъ же историческимъ движеніемъ, все тѣмъ же развитіемъ производительныхъ силъ, благодаря которому всякій данный общественный строй рано или поздно оказывается неудовлетворительнымъ, устарѣлымъ, требующимъ радикальной перестройки, а можетъ быть, и прямо годнымъ только на сломъ. Мы уже указали выше на примѣръ правовыхъ учрежденій, какимъ образомъ психологія людей можетъ опережать формы ихъ общежитія.

Мы увѣрены, что, по прочтеніи этихъ строкъ, многіе, даже благосклонные къ намъ, читатели вспомнили массу примѣровъ, массу историческихъ явленій, которыхъ, повидимому, никакъ нельзя объяснить съ нашей точки зрѣнія. И читатели готовы уже сказать намъ: вы правы, но не волюнѣ; правы также, и тоже не волюнѣ, люди, держащіеся противоположныхъ вашимъ взглядамъ: и вамъ, и имъ видна только половина истины. Но подождите, читатель, и не ищите спасенія въ *эклехтизмѣ*, не усвойте себѣ всего того, что можетъ дать современный *монистическій* взглядъ на исторію.

До сихъ поръ ваши положенія по необходимости были очень отвлечены. Но мы уже знаемъ: *отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна*. Намъ надо придать нашимъ положеніямъ болѣе конкретный видъ.

Такъ какъ почти каждое общество подвергается вліянію своихъ сосѣдей, то можно сказать, что для *каждаго общества существуетъ, въ свою очередь, известная общественная, историческая среда, вліяющая на его развитіе.* Сумма вліяній, испытываемыхъ каждымъ даннымъ обществомъ со стороны его сосѣдей, никогда не можетъ быть равна суммѣ тѣхъ же вліяній, испытываемыхъ въ то же самое время другимъ обществомъ. Поэтому, *всякое общество живетъ въ своей особой исторической средѣ, которая можетъ быть и дѣйствительно часто бываетъ очень похожа на историческую среду другихъ народовъ, но никогда не можетъ быть и никогда не бываетъ тождественна съ нею.* Это вноситъ элементъ разнообразія въ тотъ процессъ общественнаго развитія, который съ нашей прежней отвлеченной точки зрѣнія представлялся до крайности схематичнымъ.

Примѣръ. Родовой союзъ есть форма общежитія; свойственная всѣмъ человѣческимъ обществамъ на известной ступени ихъ развитія. Но вліяніе исторической среды очень разнообразитъ судьбы рода у различныхъ племенъ. Оно придаетъ самому роду тотъ или другой, такъ сказать, индивидуальный характеръ, оно замедляетъ или ускоряетъ его разложеніе, оно въ особенности разнообразитъ *процессъ этого разложенія.* Разнообразіе же въ процессѣ разложенія рода обуславливаетъ собою разнообразіе тѣхъ формъ общежитія, которымъ родовой бытъ уступаетъ свое мѣсто. До сихъ поръ мы говорили: развитіе производительныхъ силъ ведетъ къ появленію частной собственности, къ исчезновенію первобытнаго коммунизма. Теперь мы должны сказать: характеръ частной собственности, возникающей на развалинахъ первобытнаго коммунизма, разнообразится вліяніемъ исторической среды, окружающей каждое данное общество. «Внимательное изученіе формъ азіатской, особенно индійской общинной собственности, показало бы, какъ изъ различныхъ формъ первобытной общины вытекаютъ различные виды ея разложенія. Такъ, напримѣръ, различные типы римской и нѣмецкой частной собственности могли бы быть выведены изъ различныхъ формъ индійской общины» ¹⁾).

¹⁾ Zur Kritik der politischen Oekonomie, S. 10. Anmerkung.

Вліяніе исторической среды, окружающей каждое данное общество, сказывается, разумѣется, и на развитіи его идеологій. Ослабляютъ-ли, и если да, то въ какой мѣрѣ, иностранныя вліянія зависимость этого развитія отъ экономической структуры общества?

Сравните Энеиду съ Одиссеей или псевдо-классическую французскую трагедію съ классической трагедіей грековъ. Сравните русскую трагедію XVIII столѣтія съ псевдо-классической французской трагедіей. Что вы увидите? Энеида есть подражаніе Одиссеѣ, псевдо-классическая трагедія французовъ есть подражаніе греческой трагедіи; русская трагедія XVIII вѣка сотворена, хотя и неумѣлыми руками, по образу и подобию французской. Вездѣ—подражаніе, но подражатель отдѣляется отъ своего образца всѣмъ тѣмъ разстояніемъ, которое существуетъ между обществомъ, породившемъ его, *подражателя*, и обществомъ, въ которомъ жилъ *образецъ*. И замѣйте, что мы говоримъ не о большемъ или меньшемъ совершенствѣ *отдѣлки*, а о томъ, что составляетъ *душу* художественнаго произведенія. На кого похожъ расиновскій Ахиллъ: на грека, только что вышедшаго изъ варварскаго состоянія, или на маркиза—*talon rouge*—XVII столѣтія? О дѣйствующихъ лицахъ Энеиды замѣчали, что они являются римлянами временъ Августа. Правда, о дѣйствующихъ лицахъ русскихъ такъ называемыхъ трагедій XVIII вѣка трудно сказать, что они выводятъ передъ нами русскихъ людей того времени, но самая негодность ихъ свидѣтельствуетъ о состояніи тогдашняго русскаго общества. Они выводятъ передъ нами его незрѣлость.

Еще примѣръ. Локкъ несомнѣнно былъ учителемъ огромнаго большинства французскихъ философовъ XVIII вѣка (Гельвецій называлъ его величайшимъ метафизикомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ). И однако, между Локкомъ и его французскими учениками какъ разъ то самое разстояніе, которое отдѣляло англійское общество временъ «*glorious revolution*» отъ французскаго общества, какимъ оно было за нѣсколько десятилѣтій до «*great rebellion*» французскаго народа.

Третій примѣръ. «Истинные социалисты» Германіи 40-хъ го-

довъ ввозили свои идеи прямокомъ изъ Франціи. И однако, на эти идеи, можно сказать, уже на границѣ налагалось клеймо того общества, въ которомъ имъ предстояло распространяться.

Итакъ, *вліяніе литературы одной страны на литературу другой прямо пропорціонально сходству общественныхъ отношеній этихъ странъ. Оно совсемъ не существуетъ, когда это сходство равняется нулю.* Примѣръ: африканскіе негры до сихъ поръ не испытали на себѣ ни малѣйшаго вліянія европейскихъ литературъ. *Это вліяніе односторонне, когда одинъ народъ по своей отсталости не можетъ ничего дать другому ни въ смыслъ формы, ни въ смыслъ содержанія.* Примѣръ: французская литература прошлаго вѣка, влія на русскую литературу, не испытывала на себѣ ни малѣйшаго русскаго вліянія. Наконецъ, *это вліяніе взаимно, когда вслѣдствіе сходства общественнаго быта, а слѣдовательно, и культурнаго развитія, каждый изъ двухъ обмѣнивающихся народовъ можетъ что нибудь замѣтывать у другого.* Примѣръ: французская литература, влія на англійскую, въ свою очередь испытывала на себѣ ея вліяніе.

Псевдо-классическая англійская литература очень нравилась въ свое время англійской аристократіи. Но англійскіе подражатели никогда не могли сравняться со своими французскими образцами. Это потому, что всѣ усилія англійскихъ аристократовъ не могли перевести въ Англію тѣхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ расцвѣла французская псевдо-классическая литература.

Французскіе философы восхищались философіей Локка. Но они шли гораздо дальше своего учителя. Это потому, что тотъ классъ, который они представляли, во Франціи ушелъ, въ своей борьбѣ противъ стараго режима, гораздо дальше того класса, стремленія котораго выразилось въ философскихъ и политическихъ сочиненіяхъ Локка.

Когда, какъ въ Европѣ новаго времени, мы имѣемъ цѣлую систему обществъ, чрезвычайно сильно вліяющихъ одно на другое, тогда развитіе идеологій въ каждомъ изъ этихъ обществъ усложняется такъ же сильно, какъ усложняется его экономиче-

ское развитіе подъ вліяніемъ безпрестаннаго торговаго обмѣна съ другими странами.

Мы имѣемъ тогда какъ бы одну литературу, общую всему цивилизованному человѣчеству. Но, какъ зоологическій родъ подраздѣляется на виды, такъ эта всемірная литература подраздѣляется на литературы отдѣльныхъ народонъ. Каждое литературное теченіе, каждая философская идея приобрѣтаетъ свой особый оттѣнокъ, иногда почти новый смыслъ въ каждой изъ отдѣльныхъ цивилизованныхъ странъ. Когда Юмъ пріѣхалъ во Францію, «философы» привѣтствовали его, какъ своего единомышленника. Но вотъ однажды, обѣдая у Гольбаха, этотъ несомнѣнный единомышленникъ французскихъ философовъ заговорилъ объ «естественной религіи». «Что касается до атеистовъ, — сказалъ онъ, — то я не допускаю ихъ существованія: я никогда не встрѣчалъ ни одного». — «Вамъ очень не везло до сихъ поръ, — возразилъ ему авторъ «Системы природы», — на первый разъ вы видите здѣсь за столомъ семнадцать атеистовъ». Тотъ же самый Юмъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Канта, котораго онъ, по собственному признанію этого послѣдняго, пробудилъ отъ его *догматической дремоты*. Но философія Канта всетаки очень отлична отъ философіи Юма. Тотъ же самый фондъ идей приводитъ къ воинствующему атеизму французскихъ матеріалистовъ, къ религіозному индифферентизму Юма, къ «практической» религіи Канта. Дѣло въ томъ, что религіозный вопросъ въ Англіи того времени игралъ не ту роль, какую игралъ онъ во Франціи, а во Франціи не ту, какую въ Германіи. А это различіе въ значеніи религіознаго вопроса обуславливалось тѣмъ, что въ каждой изъ этихъ странъ общественныя силы находились не въ томъ взаимномъ отношеніи, въ какомъ находились онѣ въ каждой изъ остальныхъ. Одинаковые по своей *природѣ*, но неодинаковые по степени развитія, общественныя элементы различно сочетались въ различныхъ европейскихъ странахъ, и тѣмъ причиняли то, что въ каждой изъ нихъ было очень своеобразное «*состояніе умовъ и нравовъ*», выразившееся въ національной литературѣ, въ философіи, въ искусствѣ и т. д. Вслѣдствіе этого, одинъ и тотъ же вопросъ

могъ до страсти волновать французовъ и оставлять холодными англичанъ. Къ одному и тому же доводу передовой нѣмецъ могъ относиться съ почтеніемъ, а передовой французъ съ горячею ненавистью. Чему обязана нѣмецкая философія своими колоссальными успѣхами? Нѣмецкой дѣйствительности, отвѣчаетъ Гегель: французамъ некогда заниматья исторіей, жизнь толкаетъ ихъ въ практическую сферу (zum Praktischen), нѣмецкая же дѣйствительность болѣе разумна, и нѣмцы могутъ спокойно совершенствовать теорію (beim Theoretischen stehen bleiben). Въ сущности, эта мнимая разумность нѣмецкой дѣйствительности сводилась къ бѣдности нѣмецкой соціальной и политической жизни, не оставившей образованнымъ людямъ другого выбора, какъ или служить въ качествѣ чиновниковъ непривлекательной «дѣйствительности» (пристроиться къ «Практическому»), или искать утѣшенія въ теоріи, сосредоточивать въ этой области всю силу страсти, всю энергію мысли. Но если бы уходящія въ «практическое», болѣе передовыя страны не толкали впередъ теоретической мысли нѣмцевъ, если бы онѣ не пробуждали ихъ отъ ихъ «догматической дремоты», то некогда это отрицательное свойство: бѣдность соціальной и политической жизни, не породило бы этого колоссальнаго, положительнаго результата: блестящаго расцвѣта нѣмецкой философіи.

У Гёте Мефистофель говоритъ: «Vernunft wird Unsinn, Wohlthat—Plage». Въ примѣненіи къ исторіи нѣмецкой философіи почти можно отважиться на такой парадоксъ: безмыслица породила разумъ, бѣдствіе оказалось благотѣльнымъ.

Но кажется, мы можемъ покончить съ этой частью нашего изложенія. Резюмируемъ сказанное въ ней:

Взаимодѣйствіе существуетъ въ международной жизни, какъ и во внутренней жизни народа; оно вполне естественно и безусловно неизбежно, но тѣмъ не менѣе, само по себѣ, оно еще ровно ничего не объясняетъ. Чтобы понять взаимодѣйствіе, надо выяснитъ себѣ свойства взаимодействующихъ силъ, а эти свойства не могутъ найти себѣ послѣдняго объясненія въ фактѣ взаимодѣйствія, какъ бы ни измѣнялись они благодаря ему. Въ нашемъ случаѣ качества взаимодействующихъ

силъ, свойства вліяющихъ одинъ на другой общественныхъ организмовъ, объясняются въ послѣднемъ счетѣ уже извѣстной намъ причиной: экономической структурой этихъ организмовъ, которая опредѣляется состояніемъ ихъ производительныхъ силъ.

Теперь излагаемая нами историческая философія приняла, надѣмся, уже нѣсколько болѣе конкретный видъ. Но она все еще отвлеченна, она все далека отъ «живой жизни». Намъ надо сдѣлать новый шагъ въ направленіи къ этой послѣдней.

Сначала мы говорили объ «обществѣ», потомъ перешли къ взаимодействію обществъ. Но вѣдь общества по своему составу не однородны: вѣдь мы уже знаемъ, что разложеніе первобытнаго коммунизма ведетъ къ неравенству, къ возникновенію классовъ, имѣющихъ различныя, часто совершенно противоположныя интересы. Мы уже знаемъ, что классы ведутъ между собою почти безпрерывную, то скрытую, то явную, то хроническую, то острую борьбу. И эта борьба оказываетъ огромное, въ высшей степени важное вліяніе на развитіе идеологій. Можно безъ преувеличенія сказать, что мы ничего не поймемъ въ этомъ развитіи, не привлекая въ соображеніе классовую борьбу.

«Хотите-ли вы узнать, — если можно такъ выразиться, — истинную причину трагедіи Вольтера? — спрашиваетъ Брюнетьеръ. Ищите ее, во-первыхъ, въ личности Вольтера, а особенно въ тяготѣвшей надъ нимъ необходимости сдѣлать нѣчто отличное отъ того, что уже сдѣлали Расинъ и Киню, и въ то же время идти по ихъ слѣдамъ. О романтической драмѣ, о драмѣ Гюго и Дюма, я позволю себѣ сказать, что ея опредѣленіе цѣлкомъ заключается въ опредѣленіи вольтеровской драмы. Если романтизмъ не хотѣлъ дѣлать того или другого на театральныхъ подмосткахъ, то это потому, что онъ хотѣлъ сдѣлать обратное классицизму... Въ литературѣ, какъ и въ искусствѣ, послѣ вліянія личности, главнѣйшимъ дѣйствіемъ является дѣйствіе однихъ произведевій на другія. Иногда мы стремимся соперничать съ нашими предшественниками въ ихъ собственномъ жанрѣ, — и такимъ путемъ упрочиваются извѣстные приемы, создаются школы, устанавливаются традиціи. Иногда же мы

стараемся дѣлать иначе, чѣмъ дѣлали они,—и тогда развитіе приходитъ въ противорѣчіе съ традиціей, появляются новыя школы, преобразуются приемы» ¹⁾).

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о роли личности, мы замѣтимъ, что давно уже пора было вдуматься въ «дѣйствіе однихъ произведеній на другія». Рѣшительно во всѣхъ идеологіяхъ развитіе совершается путемъ, указаннымъ Брюнетьеромъ. Идеологи одной эпохи—или идутъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, развивая ихъ мысли, примѣняя ихъ приемы и только позволяя себѣ «соперничать» съ ними, или же они возстаютъ противъ старыхъ идей и приемовъ, *вступаютъ въ противорѣчіе съ ними. Органическія эпохи, сказала бы Сепъ-Симонъ, смѣняются критическими.* Достойны замѣчанія особенно послѣднія.

Возьмите любой вопросъ, напримѣръ, вопросъ о деньгахъ. Для меркантилистовъ деньги были богатствомъ *par excellence*: они приписывали деньгамъ преувеличенное, почти исключительное значеніе. Люди, возставшіе противъ меркантилистовъ, вступивъ «въ противорѣчіе» съ ними, не только исправили ихъ исключительность, но и сами, по крайней мѣрѣ наиболѣе рьяные изъ нихъ, впади въ исключительность, и именно въ прямо - противоположную крайность: деньги—это просто условные знаки, сами по себѣ онѣ не имѣютъ ровно никакой стоимости. Такъ смотрѣлъ на деньги, напр., Юмъ. Если взглядъ меркантилистовъ можно объяснить неразвитостью товарнаго производства и обращенія въ ихъ время, то странно было бы объяснять взгляды ихъ противниковъ просто тѣмъ, что товарное производство и обращеніе развились со временемъ очень сильно. Вѣдь, это послѣдующее развитіе ни на минуту не превращало денегъ въ условные, лишенные внутренней стоимости, знаки. Откуда же произошла исключительность взгляда Юма? Ова произошла изъ факта борьбы, изъ «противорѣчія» съ меркантилистами. Онъ хотѣлъ «сдѣлать обратное» меркантилистамъ, подобно тому, какъ романтики «хотѣли сдѣлать обратное» классикамъ. По-

¹⁾ I. с. p. 262—263.

этому можно сказать, — подобно тому, какъ Брюнетьеръ говорить о романтической драмѣ, — юмовскій взглядъ на деньги цѣликомъ заключается во взглядѣ меркантилистовъ, будучи *его противоположностью*. Другой примѣръ: философы XVIII столѣтія рѣзко и рѣшительно борются противъ всякаго мистицизма. Французскіе утописты всѣ болѣе или менѣе проникнуты мистицизмомъ. Чѣмъ вызванъ былъ этотъ возвратъ къ мистицизму? Неужели такіе люди, какъ авторъ «Новаго Христіанства» имѣли менѣе «*lumières*», чѣмъ энциклопедисты? Нѣтъ, *lumières* у нихъ было не меньше, и, говоря вообще, воззрѣнія ихъ были очень тѣсно связаны съ воззрѣніями энциклопедистовъ; они происходили отъ нихъ по самой прямой линіи, но они вступили съ ними въ «противорѣчіе» по нѣкоторымъ вопросамъ, — т. е. собственно по вопросу объ общественной организаціи, — и у нихъ явилось стремленіе «сдѣлать обратное» энциклопедистамъ: ихъ отношеніе къ мистицизму была простою противоположностью отношенія къ нему «философовъ», ихъ взглядъ на него уже заключался во взглядѣ этихъ послѣднихъ. Возьмите, наконецъ, исторію философіи: во Франціи второй половины XVIII вѣка торжествуетъ *материализмъ*, подъ его знаменемъ выступаетъ крайняя фракція французскаго tiers-état. Въ Англіи XVII вѣка материализмомъ увлекаются защитники стараго режима, аристократы, сторонники абсолютизма. Причина и здѣсь ясна. Тѣ люди, съ которыми находились «въ противорѣчій» англійскіе аристократы временъ реставраціи, были самыми фанатическими мистиками: чтобы «сдѣлать обратное» имъ, — *реакціонерамъ* пришлось дойти до *материализма*. Во Франціи XVIII вѣка было какъ разъ наоборотъ: мистиками были защитники стараго порядка, и къ *материализму* пришли крайніе новаторы. Такими примѣрами полна исторія человѣческой мысли, и всѣ они подтверждаютъ одно и то же: чтобы понять «состояніе умовъ» каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему въ теченіе этой эпохи торжествуютъ именно тѣ, а не другія ученія, надо предварительно ознакомиться съ «состояніемъ умовъ» въ предыдущую эпоху, надо узнать, какія ученія и направленія тогда господствовали. Безъ этого мы совсѣмъ не поймемъ умственного со-

стоянія данной эпохи, какъ бы хорошо мы ни узнали ея экономіи.

Но и этого не надо понимать отвлеченно, какъ привыкла все понимать русская «интеллигенція». Идеологи одной эпохи никогда не ведутъ со своими предшественниками борьбы *sur toute la ligne*, по всѣмъ вопросамъ человѣческихъ знаній и общественныхъ отношеній. Французскіе утописты XIX вѣка совершенно сходились съ энциклопедистами во множествѣ антропологическихъ взглядовъ; англійскіе аристократы время реставраціи были совершенно согласны съ ненавистными имъ пуританами по множествѣ вопросовъ, напр., гражданского права, и т. д. Психологическая территория подраздѣляется на провинціи, провинціи на уѣзды, уѣзды на волости и общины, общины представляютъ собою союзы отдѣльныхъ лицъ (т.-е. отдѣльныхъ вопросовъ). Когда возникаетъ «противорѣчіе», когда вспыхиваетъ борьба, ея увлеченіе охватываетъ обыкновенно только отдѣльную провинцію, если не отдѣльные уѣзды, лишь отраженнымъ дѣйствіемъ охватывая сосѣднія области. Нападенію подвергаются прежде всего тѣ провинціи, которымъ принадлежала гегемонія въ предыдущую эпоху. Лишь постепенно «бѣдствія войны» распространяются на ея ближайшихъ сосѣдей, на ея вѣрнѣйшихъ и надежнѣйшихъ союзниковъ. Поэтому, надо прибавить, что при вынесеніи характера всякой данной критической эпохи необходимо узвать не только общія черты психологіи предшествующаго органическаго періода, но также и индивидуальныя особенности этой психологіи. Впродолженіи одного историческаго періода гегемонія принадлежитъ религіи, впродолженіи другого—политикѣ и т. д. Это обстоятельство неизбѣжно отражается на характерѣ соответствующихъ критическихъ эпохъ, изъ которыхъ каждая, смотря по обстоятельствамъ, или продолжаетъ формально признавать старую гегемонію, внося новое, *противоположенное* содержаніе въ господствующія понятія (примѣръ: первая англійская революція), или же совершенно отрицаетъ ихъ, и гегемонія достается новымъ провинціямъ мысли (примѣръ: французская литература просвѣщенія). Если мы вспомнимъ, что эти споры изъ-за гегемоніи отдѣльныхъ психологи-

ческих провинцій распространяются и на ихъ сосѣдей, и притомъ распространяются въ различной мѣрѣ и въ различномъ направленіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то мы поймемъ, до какой степени здѣсь, какъ и вездѣ, необходимо считаться съ живой жизнью, до какой степени здѣсь, какъ и вездѣ, нельзя останавливаться на отвлеченныхъ положеніяхъ.

«Все это можетъ быть и такъ,—возражаютъ ваши противники,—но мы не видимъ, причемъ здѣсь классовая борьба, и намъ сильно кажется, что вы, начиная за ея здравіе, кончаете за ея упокой. Вы сами признаете теперь, что движенія человеческой мысли подчиняются какимъ-то особымъ законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ законами экономіи или съ тѣмъ развитіемъ производительныхъ силъ, которымъ прожужжали вамъ уши».—Спѣшимъ отвѣтить.

Что въ развитіи человеческой мысли, точнѣе сказать, *въ сочетаніи человѣческихъ понятій и представленій есть свои особенные законы*, этого, изсколько вамъ извѣстно, не отрицають ни одинъ изъ «экономическихъ» матеріалистовъ. Никто изъ нихъ не отождествлялъ, напр., законовъ логики съ законами товарнаго обращенія. Но, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ матеріалистовъ этой разновидности не находилъ возможнымъ искать въ законахъ мышленія послѣдней причины, *основного двигателя*, умственнаго развитія человечества. Именно это-то и отличаетъ *въ выгодную сторону* «экономическихъ матеріалистовъ» отъ идеалистовъ и особенно электиковъ.

Разъ желудокъ снабженъ извѣстнымъ количествомъ пищи, онъ принимается за работу согласно общимъ законамъ желудочнаго пищеваренія. Но можно-ли, съ помощью этихъ законовъ, отвѣтить на вопросъ, почему въ вашъ желудокъ ежедневно отправляется вкусная и питательная пища, а въ моемъ она является рѣдкимъ гостемъ? Объясняютъ-ли эти законы,—почему одни ѣдятъ слишкомъ много, а другіе умираютъ съ голоду? Кажется, что объясненія надо искать въ какой-то другой области, въ дѣйствіи законовъ иного рода. То же и съ умомъ челоѣка. Разъ онъ поставленъ въ извѣстное положеніе, разъ даетъ ему окружающая среда извѣстныя впечатлѣнія,

онъ сочетаетъ ихъ по известнымъ общимъ законамъ (причемъ и здѣсь результаты до крайности разнообразятся разнообразіемъ получаемыхъ впечатлѣній). Но что же ставить его въ такое положеніе? Чѣмъ обуславливается притокъ и характеръ новыхъ впечатлѣній? Вотъ вопросъ, котораго не разрѣшить никакими законами мысли.

Далѣе. Вообразите, что уругій шаръ падаетъ съ высокой башни. Его движеніе совершается по вѣсѣмъ известному и очень простому закону механики. Но вотъ шаръ ударился о наклонную плоскость. Его движеніе видоизмѣняется по другому, тоже очень простому и вѣсѣмъ известному механическому закону. Въ результатъ у насъ получается ломаная линія движенія, о которой можно и должно сказать, что она обязана своимъ происхожденіемъ соединенному дѣйствию обоихъ упомянутыхъ законовъ. Но откуда взялась наклонная плоскость, о которую ударился нашъ шаръ? Этого не объясняетъ ни первый, ни второй законъ, ни ихъ соединенное дѣйствіе. Совершенно то же и съ человеческой мыслью. Откуда взялись тѣ обстоятельства, благодаря которымъ ея движенія подчинились соединенному дѣйствию такихъ-то и такихъ-то законовъ? Этого не объясняютъ ни отдѣльные ея законы, ни ихъ совокупное дѣйствіе.

Обстоятельствъ, обуславливающихъ движеніе мысли, надо искать тамъ же, гдѣ искали ихъ французскіе просвѣтители. Но мы теперь уже не останавливаемся у того «предѣла», «прейти» который не могли они. Мы не только говоримъ, что человѣкъ со вѣсѣми своими мыслями и чувствами есть продуктъ общественной среды, — мы стараемся понять генезисъ этой среды. Мы говоримъ, что свойства ея опредѣляются такими-то и такими-то, вѣдѣя, что человѣкъ лежащими и до сихъ поръ отъ его воли независѣвшими причинами. Многообразныя измѣненія въ фактическихъ, взаимныхъ отношеніяхъ людей необходимо ведутъ за собою перемѣны въ «состояніи умовъ», во взаимныхъ отношеніяхъ идей, чувствъ, вѣрованій. Идеи, чувства и вѣрованія сочетаются по своимъ особымъ законамъ. Но эти законы приводятся въ дѣйствіе внѣшними обстоятельствами, не имѣющими ничего общаго съ этими законами. Тамъ, гдѣ Брунетьеръ ви-

дуть лишь вліявіе однихъ литературныхъ произведеній на другія, мы видимъ еще и глубже лежащія взаимныя вліянія общественныхъ группъ, слоевъ и классовъ; тамъ, гдѣ онъ просто говоритъ: явилось противорѣчіе, людямъ захотѣлось сдѣлать обратное тому, что дѣлали ихъ предшественники,—мы прибавляемъ: а захотѣлось потому, что явилось новое противорѣчіе въ ихъ *фактическихъ отношеніяхъ*, что выдвинулся новый общественный слой или классъ, который уже не можетъ жить такъ, какъ жили люди стараго времени.

Между тѣмъ какъ Брюнетьеръ знаетъ только то, что романтикамъ хотѣлось противорѣчить классикамъ, Брандесъ старается объяснить ихъ склонность къ «противорѣчію» положеніемъ того общественнаго класса, къ которому они принадлежали. Вспомните, напр., что говоритъ онъ о причинѣ романтическаго настроенія французской молодежи во время реставраціи и при Луи-Филиппѣ.

Когда Марксъ говоритъ: *«Чтобы одно сословіе явилось сословіемъ-освободителемъ par excellence, нужно, чтобы какое-нибудь другое сословіе явилось въ общемъ сознаніи, наоборотъ, сословіемъ—поработителемъ»*,—онъ тоже указываетъ особый, и притомъ очень важный, законъ развитія общественной мысли. Но этотъ законъ не дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ ни классовъ, ни ихъ борьбы.

Вдумаемся въ дѣйствіе этого закона. Когда извѣстное сословіе является всеобщимъ поработителемъ въ глазахъ остальнаго населенія, тогда и идеи, господствующія въ средѣ этого сословія, естественно представляются населенію идеями, достойными лишь поработителей. Общественное сознаніе вступаетъ въ «противорѣчіе» съ ними, оно увлечается *противоположными* идеями. Но мы уже сказали, что такого рода борьба никогда не ведется по всей линіи: всегда остается извѣстная часть идей, одинаково признаваемыхъ и новаторами, и защитниками стараго порядка. Самая же сильная атака направляется на тѣ идеи, которыя служатъ выраженіемъ самыхъ вредныхъ въ данное время сторонъ отживающаго строя. По отношенію къ

этимъ сторонамъ идеологи-новаторы испытываютъ непреодолимое желаніе «противорѣчить» своимъ предшественникамъ. По отношенію же къ другимъ идеямъ, хотя бы и выросшимъ на почвѣ старыхъ общественныхъ отношеній, они остаются часто совершенно равнодушными, а иногда продолжаютъ, по традиціи, держаться за эти идеи. Такъ, французскіе матеріалисты, ведя ожесточенную борьбу противъ философскихъ и политическихъ идей стараго режима (т.-е. противъ духовенства и дворянской монархіи), оставили почти нетронутыми старыя литературныя преданія. Правда, и здѣсь эстетическія теоріи Дидро явились выраженіемъ новыхъ общественныхъ отношеній. Но здѣсь борьба была очень слаба, потому что главныя силы сосредоточились на другомъ полѣ ¹⁾. Здѣсь знамя возстанія было поднято лишь послѣ и, притомъ, такими людьми, которые, горячо сочувствуя свергнутому революціей старому режиму, должны были бы, повидимому, сочувствовать и тѣмъ литературнымъ взглядамъ, которые сложились въ золотое время этого режима. Но и эта кажущаяся странность объясняется началомъ «противорѣчія». Какъ вы хотите, напр., чтобы Шатобрианъ сочувствовалъ старой эстетической теоріи, когда Вольтеръ, — ненавидимый, злопредный Вольтеръ! — былъ одинокъ изъ ея представителей.

Der Widerspruch ist das Fortleitende, говоритъ Гегель. Исторія идеологій какъ будто лишній разъ показываетъ, что не ошибся старый «метафизикъ». Подтверждаетъ она, повидимому, и переходъ количественныхъ измѣненій въ качественные. Но мы просимъ читателя не огорчаться этимъ и выслушать насъ до конца.

До сихъ поръ мы говорили, что разъ даны производительныя силы общества, — дана и его структура, а слѣдовательно, и его психологія. На этомъ основаніи можно было приписать намъ ту мысль, что отъ экономическаго положенія даннаго об-

¹⁾ Въ Германіи борьба литературныхъ взглядовъ, какъ извѣстно, шла съ гораздо большей энергіей, но здѣсь вниманіе новаторовъ не отвлекалось политической борьбой.

иссуха можно съ точностью утверждать въ силу что идея. Но это не такъ, потому что идеологи каждого данного времени всегда стоятъ въ тѣсной, — положительной или отрицательной, — связи съ идеологиею предшествующаго времени. «Состояніе умовъ» всякаго данного времени можно понять только въ связи съ состояніемъ умовъ предшествующей эпохи. Конечно, не оная классъ не ставитъ, увлекается такими идеями, которые противоречатъ его стремленіямъ. Каждый классъ всегда прекрасно, хотя и бесконечно, приспособляетъ къ своимъ экономическимъ нуждамъ свои «идеалы». Но это приспособленіе можетъ проходить различными образомъ, и почему оно совершается такъ, а не иначе, это объясняется не положеніемъ даннаго класса, калтаго въ отдаленности, а величіи частностями отношеній этого класса къ его антагонисту (или къ его антагонистамъ). Съ появленіемъ классовъ *противоположные* становятся не только *динамичными*, но и *формулищими* начало¹⁾.

Но какова же роль личности въ исторіи идеологій? Брюнетьеръ придаетъ индивидууму огромное значеніе, *независимое* отъ среды. *Гайе* утверждаетъ, что гений всегда творитъ что-нибудь новое²⁾.

Мы скажемъ, что въ области общественныхъ идей гений опережаетъ своихъ современниковъ въ томъ смыслѣ, что онъ раньше ихъ схватываетъ смыслъ новыхъ, нарождающихся *общественныхъ отношеній*. Следовательно, здѣсь невозможно и говорить о независимости генія отъ среды. Въ области естествознанія гений открываетъ законы, дѣйствіе которыхъ, конечно, не зависитъ отъ общественныхъ отношеній. Но роль общественной среды въ исторіи всякаго великаго открытія сказывается, во-первыхъ, въ подготовкѣ того запаса знаній, безъ котораго ни одинъ гений ровно ничего не сдѣлаетъ, а во-вторыхъ, въ на-

¹⁾ Какъ-то бы, какое отношеніе къ борьбѣ классовъ имѣетъ исторію такого новшества, какъ, положимъ, архитектура, а между тѣмъ и она тѣсно связана съ этой борьбой. См. Эд. Корруаи: «L'architecture gothique», особенно въ четвертой части: «L'architecture civile».

²⁾ «Il introduit dans le monde des idées et des sentiments, des types nouveaux». L'art au point de vue sociologique, Paris, 1889, p. 31.

правленія вниманія генія въ ту или другую сторону ¹⁾). Въ области искусства геній даетъ наилучшее выраженіе преобладающей эстетической склонности данного общества или данного общественнаго класса ²⁾). Наконецъ, во всѣхъ этихъ трехъ

¹⁾ Впрочемъ, только формально существуетъ здѣсь двойственный характеръ вліянія. Всякій данный запасъ знаній накопленъ именно потому, что общественныя нужды побуждали людей къ его накопленію, направляли ихъ вниманіе въ соответствующую сторону.

²⁾ А до какой степени эстетическія склонности и сужденія всякаго данного класса зависятъ отъ его экономическаго положенія, это знаетъ еще авторъ «Эстетическихъ отношеній искусства и дѣятельности». Прекрасное есть живнѣ, — говорилъ онъ, — и пояснилъ свою мысль такими соображеніями:

«Хорошая живнѣ, «живнѣ, какъ она должна быть», у простаго народа состоятъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать удовлетворительно; но вмѣстѣ съ этимъ, у поселянна въ понятіи «живнѣ» всегда заключается понятіе о работѣ: жить безъ работы нельзя; да и скучно было бы. Слѣдствіемъ живнѣ въ довольствѣ, при большой работѣ, не доходящей, однако, до изнуренія силъ, у молодого поселянна или сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку — первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работая много, потому будучи крѣпка сложеніемъ, сельская дѣвушка будетъ довольно плотна, — это также необходимое условіе сельской красавицы: свѣтская, «полувоздушная красавица» кажется поселянну рѣшительно «невырачной», даже производить на него непріятное впечатлѣніе, потому что онъ привыкъ считать худобу слѣдствіемъ болѣзненности или «горькой доли». Но работа не дастъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, внакъ «рыхлаго» сложенія, и народъ считаетъ большую полноту недостаткомъ; у сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ — объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ, въ описанныхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія живнѣ въ довольствѣ при постоянной и нешутячей, но нечрезмѣрной работѣ. Совершенно другое дѣло свѣтская красавица: уже нѣсколько поколѣній предъ ея жила, не работая руками; при бездѣятельномъ образѣ живнѣ крови льется въ конечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются товѣше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки — онѣ признакъ такой живнѣ, которая одна и кажется живнѣю для высшихъ классовъ общества, — живнѣ безъ физической

областяхъ вліяніе общественной среды сказывается въ доставленіи меньшей или большей возможности развитія гениальныхъ способностей отдѣльныхъ лицъ.

Конечно, мы никогда не сумѣемъ объяснить вліяніемъ среды всю *индивидуальность* генія, но это еще ничего не доказываетъ.

Баллистика умѣетъ объяснить движеніе артиллерійскаго снаряда. Она умѣетъ предвидѣть его движеніе. Но она никогда не сумѣетъ сказать вамъ, на сколько именно частей разорвется данный снарядъ и куда именно полетитъ каждый отдѣльный осколокъ. Однако, этимъ нимало не ослабляется точность тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ баллистика. Намъ нѣтъ надобности становиться на идеалистическую (или на эклектическую) точку зрѣнія въ баллистикѣ: съ насъ совершенно достаточно механическихъ объясненій, хотя,—кто спорить?—эти объясненія и оставляютъ темными для насъ «индивидуальныя» судьбы, величину и форму осколковъ.

Странная иронія судьбы! То самое начало противорѣчія, на которое съ такимъ жаромъ ополчаются, какъ на пустую выдумку метафизики Гегеля, наши субъективисты, какъ будто

работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной хорошей фамиліи... Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять цѣны въ глазахъ человѣка, потому что и въ довольствѣ, и въ роскоши плохо жить безъ здоровья,—вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтушая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но блѣдность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственнаго образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, по которымъ за то часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ «сильныхъ ощущеній, волненій, страстей», которыми придаетъ цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнашивается: какъ же не очаровываться томностью, блѣдностью красавицы, если томность и блѣдность ея служатъ признакомъ, что она много жила? (См. въ сборникѣ «Эстетика и поэзія» стр. 6—8).

сближаетъ насъ *avec nos chers amis les ennemis*. Если Юмъ отрицаетъ внутреннюю стоимость денегъ ради противорѣчія съ меркантилистами; если романтики создали свою драму только для того, чтобы сдѣлать обратное тому, что дѣлали классики, то объективной истины нѣтъ: есть только истинное для меня, для г. Михайловскаго, для князя Мещерскаго и т. д. Истина субъективна, истинно все то, что удовлетворяетъ нашей познавательной потребности.

Нѣтъ, это не такъ! Начало противорѣчія не разрушаетъ объективной истины, а только ведетъ насъ къ ней. Правда, путь, которымъ ово заставляетъ идти человѣчество, вовсе не *прямолинейный путь*. Но и въ механикѣ извѣстны такіе случаи, когда то, что проигрывается на разстояніи, выигрывается на скорости: тѣло, двигающееся по *циклоидѣ*, иногда скорѣе доходитъ отъ одной точки до другой, ниже лежащей, чѣмъ если бы оно двигалось по *прямой* линіи. «Противорѣчіе» является тамъ, и только тамъ, гдѣ есть борьба, есть движеніе, а тамъ, гдѣ есть движеніе, — мысль идетъ *впередъ*, хотя бы и окольными путями. Противорѣчіе съ меркантилистами привело Юма къ ошибочному взгляду на деньги. Но движеніе общественной жизни, а слѣдовательно и человѣческой мысли, не остановилось на точкѣ, которой оно достигло во время Юма. Оно поставило насъ въ «противорѣчіе» съ Юмомъ, и это противорѣчіе противорѣчію дало въ результатѣ правильный взглядъ на деньги. И этотъ правильный взглядъ, результатъ всесторонняго разсмотрѣнія дѣйствительности, есть уже *объективная истина*, которую не устранять никакія дальнѣйшія противорѣчія. Еще авторъ примѣчаній къ Миллю съ одушевленіемъ говорилъ:

То, что жизнью взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ.

Въ примѣненіи къ званію это безусловно вѣрно. Никакой рокъ не въ силахъ отнять теперь у насъ ни открытій Коперника, ни открытія превращенія энергіи, ни открытія видоизмѣяемости видовъ, ни гениальнаго открытія Маркса.

Общественныя отношенія видоизмѣняются, видоизмѣняются съ ними и научныя теоріи. Въ результатѣ этихъ измѣненій

данным, извинить, «историческое расхожденье» действительности и субъективной, и объективной истины. Кемпфертъ «открыл» иные законническіе взгляды, т. е. Кантъ, Кантаетъ С. Я. Выгляды С. Я. шибрибе показались бы Кемпферту неизвестны; С. Я. объяснили неизвестнымъ взгляды Кемпферта. А мы знаемъ теперь, откуда возникъ взглядъ Кемпферта, откуда возникъ взглядъ С. Я., откуда возникъ актъ односторонности. И это знание есть уже объективная истина, и никакая «речь» не скрываетъ уже насъ съ этой стороны, законеть, правдивой точки зрѣнія.

— Но ведь не остановится же членовѣческая мысль на томъ, что мы называемъ открытїемъ или открытїями Маркса? Конечно, нѣтъ, господа! Она будетъ дѣлать новыя открытїя, которыя будутъ дополнять и подтверждать эту теорїю Маркса, какъ новыя открытїя въ астрономїи дополнили и подтверждали открытїе Коперника.

«Субъективный методъ» въ социологїи есть величайшая не-известность. Но всякая не-известность имѣетъ свою достаточную причину, и мы, скромные послѣдователи великаго человѣка, можемъ не безъ гордости сказать: мы знаемъ достаточную причину этой не-известности. Вотъ она:

«Субъективный методъ» открытъ впервые не г. Михайловскимъ и даже не «ангеломъ школы», т. е. не авторомъ «Историческихъ писемъ». Его придерживались еще Бруно Бауэръ и его послѣдователи, тотъ самый Бруно Бауэръ, который родиль авторъ «Историческихъ писемъ», того самого автора, который родиль г. Михайловскаго и братьевъ его.

«Объективность историка есть, подобно всякой объективности, не больше, какъ простая болтовня. И вовсе не въ томъ смыслѣ, что объективность есть недостижимый идеаль. До объективности, т. е. до взгляда, свойственнаго большинству, до міросозерцанїя массы историкъ можетъ только унизиться. А разъ онъ поступаетъ такъ, онъ перестаетъ быть творцомъ, онъ работаетъ изъ-за почтучной платы, онъ становится наемникомъ своего времени» ¹⁾.

¹⁾ Die Organisation der Arbeit der Menschheit und die Kunst der

Эти строки принадлежат Шелингу, который был рьяным последователем Бруно Бауэра и надъ которымъ такъ ѣдко смѣялись Марксъ и Энгельсъ въ книгѣ «Die Heilige Familie». Поставьте въ этихъ строкахъ «соціолога» вмѣсто «историка», замѣните «художественное творчество» исторіи творчествомъ «общественныхъ идеаловъ», и вы получите «субъективный методъ въ соціологін».

Вдумайтесь въ психологію идеалиста. Для него «мнѣнія» людей суть основная, послѣдняя причина общественныхъ явленій. Ему кажется, что, по свидѣтельству исторіи, осуществлялись въ общественныхъ отношеніяхъ нерѣдко самыя негѣныя мнѣнія. «Почему же, — разсуждаетъ онъ, — не осуществиться и моему мнѣнію, которое, слава Богу, далеко отъ негѣности. Разъ существуетъ извѣстный идеалъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, возможность общественныхъ преобразованій, желательныхъ съ точки зрѣнія этого идеала. Что же касается до проверки этого идеала посредствомъ какого-нибудь объективнаго мѣрила, то она невозможна, такъ какъ подобнаго мѣрила не существуетъ: мнѣнія большинства не могутъ же служить мѣриломъ истины».

Итакъ, есть возможность извѣстныхъ преобразованій, потому что ихъ призываютъ мои идеалы, потому что я считаю эти преобразованія полезными. Считаю же я ихъ полезными потому, что мнѣ хочется считать ихъ такими. За исключеніемъ объективнаго мѣрила, у меня нѣтъ другого критерія, кромѣ моихъ желаній. Праву моему не препятствуй! — вотъ послѣдній доводъ субъективизма. Субъективный методъ есть *reductio ad absurdum* идеализма, а по пути, разумѣется, и эклектизма, такъ какъ на голову этого паразита обрушиваются все ошибки обѣдаемыхъ имъ «хорошихъ господъ» философіи.

Съ точки зрѣнія Маркса невозможно противопоставленіе «субъективныхъ» взглядовъ личности взглядамъ «толпы», «большинства» и т. д., какъ чему-то объективному. Толпа состоитъ

изъ людей, а взгляды людей всегда «*субъективны*», такъ какъ тѣ и другіе взгляды составляютъ одно изъ свойствъ *субъекта*. Объективны не взгляды «толпы», объективны тѣ *отношенія* въ природѣ или обществѣ, *которыя выражаются въ этихъ взглядахъ*. Критерій истины лежитъ не во мнѣ, а въ отношеніяхъ, существующихъ внѣ меня. *Истинны* взгляды, правильно представляющіе эти отношенія; *ошибочны* взгляды, искажающіе ихъ. *Истинна* та естественно-научная теорія, которая вѣрно схватываетъ взаимныя отношенія явленій природы; *истинно* то историческое описаніе, которое изображаетъ общественныя отношенія, существовавшія въ описываемую имъ эпоху. Тамъ, гдѣ историку приходится изображать борьбу противоположныхъ общественныхъ силъ, онъ неизбежно будетъ сочувствовать той или другой, если только самъ не превратился въ сухого педанта. Въ этомъ отношеніи онъ будетъ субъективенъ независимо отъ того, сочувствуетъ онъ *меньшинству*, или *большинству*. Но такой субъективизмъ не помѣшаетъ ему быть *совершенно* объективнымъ историкомъ, если только онъ не станетъ *искажать* тѣ *реальныя экономическія отношенія*, на почвѣ которыхъ выросли борющіяся общественныя силы. Послѣдователь же «субъективнаго метода» забываетъ объ этихъ *реальныхъ отношеніяхъ*, и потому онъ не можетъ дать ничего, кромѣ своего драгоценнаго сочувствія или своей страшной антипатіи, и потому онъ поднимаетъ смѣшной шумъ, упрекая своихъ противниковъ въ оскорбленіи нравственности всякій разъ, когда ему говорятъ, что этого мало. Онъ чувствуетъ, что не можетъ проникнуть въ тайну реальныхъ общественныхъ отношеній, и потому всякій намекъ на ихъ объективную силу кажется ему оскорбленіемъ, насмѣшкой надъ его собственнымъ безсиліемъ. Онъ стремится потопить эти отношенія въ водѣ своего нравственнаго негодованія.

Съ точки зрѣнія Маркса оказывается, стало быть, что идеалы бываютъ всякіе: и низменные, и возвышенные, и правильные, и ошибочные. Правильный идеалъ, соответствующій экономической дѣйствительности. Субъективисты, слышавшіе это, скажутъ, что если я стану приспособлять мои идеалы къ дѣй-

ствительности, то я сдѣлаюсь жалкимъ прислуживкомъ «лижущихъ». Но они скажутъ это единственно потому, что они, въ своемъ качествѣ метафизиковъ, не понимаютъ двойственности, антагонистическаго характера всякой дѣйствительности. «Лижущіе» опираются на уже отживающую дѣйствительность, подъ которой зарождается новая дѣйствительность, дѣйствительность будущаго, служить которой значитъ содѣйствовать торжеству «великаго дѣла любви».

Читатель видитъ теперь, соответствуетъ-ли «дѣйствительности» то понятіе о марксистахъ, согласно которому они не придаютъ никакой значенія идеаламъ. Это понятіе представляетъ собою прямую противоположность дѣйствительности. Если говорить въ смыслѣ «идеаловъ», то надо сказать, что теорія Маркса есть самая идеалистическая теорія, которая когда-либо существовала въ исторіи человѣческой мысли. И это одинаково вѣрно какъ по отношенію къ ея чисто научному, такъ и по отношенію къ ея практическому значенію.

«Что прикажете дѣлать, если г. Марксъ не понимаетъ значенія самосознанія и его силы? Что прикажете дѣлать, если онъ такъ низко цѣнитъ сознательную истину самосознанія?»

Эти слова были написаны еще въ 1847 году однимъ изъ послѣдователей Бруно Бауэра ¹⁾, и хотя нынѣ уже не говорятъ языкомъ сороковыхъ годовъ, но дальше Ошца и до сихъ поръ не пошли господа, упрекающіе Маркса въ игнорированіи элемента мысли и чувства въ исторіи. Всѣ они до сихъ поръ убѣждены, что Марксъ очень низко цѣнитъ силу человѣческаго самосознанія; всѣ они на разные лады твердятъ одно и то же ²⁾. Въ дѣйствительности Марксъ считалъ объясненіе че-

¹⁾ Die Helden der Masse. Charakteristiken. Herausgegeben von Theodor Oppitz. Grünberg. 1847. SS. 6—7. Очень сообразно г. Михайловскому прочесть это сочиненіе. Онъ встрѣтитъ въ немъ множество своихъ оригинальныхъ мыслей.

²⁾ Впрочемъ, итъ, не всѣ: никому еще не приходило въ голову обвинять Маркса указаніемъ на то, что «человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла». Г. Карѣвъ оригиналенъ двойнѣ: 1) никто до него не спорилъ такъ съ Марксомъ; 2) никто послѣ него навѣрное не будетъ такъ спорить

ловѣческаго «самосознанія» важнѣйшей задачей общественной науки.

Онъ говорилъ: «Главный недостатокъ матеріализма до фейербаховскаго включительно состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами, міръ, лишь въ формѣ *объекта*, или въ формѣ *созерцанія*, а не въ формѣ *конкретной* *человѣческой дѣятельности*, не въ формѣ *практики*, не *субъективно*. Поэтому, *дѣятельную* сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно, такъ какъ идеализмъ естественно не признаетъ конкретной дѣятельности, какъ таковой». Вдумывались-ли вы, господа, въ эти слова Маркса? Мы скажемъ вамъ, что они означаютъ.

Гольбахъ, Гельвецій и ихъ послѣдователи направляли все свои усилія къ тому, чтобы доказать возможность матеріалистическаго объясненія природы. Даже отрицаніе врожденныхъ идей не вело этихъ матеріалистовъ дальше разсмотрѣнія чловѣка, какъ члена животнаго царства, какъ *matière sensible*. Они не пытались разъяснить *исторію чловѣка* съ своей точки зрѣнія, а если и пытались (Гельвецій), то ихъ попытки окончились неудачей. Но чловѣкъ становится «субъектомъ» *только въ исторіи*, потому что только въ ней развивается его *самосознаніе*. Ограничиваться разсмотрѣніемъ чловѣка, какъ члена животнаго царства, значитъ ограничиться разсмотрѣніемъ его какъ «объекта», упустить изъ виду его историческое развитіе, его общественную «практику», конкретную чловѣческую дѣятельность. Но упустить изъ виду все это, значитъ сдѣлать матеріализмъ «сухимъ, мрачнымъ, печальнымъ» (Гёте); мало того, это значитъ сдѣлать его, — и мы уже показали это выше, — *фаталистическимъ*, осуждающимъ чловѣка на полное подчиненіе слѣпой матеріи. Марксъ замѣтилъ этотъ недостатокъ французскаго, и даже фейербаховскаго, матеріализма и поста-

съ нимъ. Изъ этого примѣчанія г. В. В. увидать, что и мы умѣемъ воздавать должное его «профессору».

вилъ себѣ задачей *исправить* его. Его «экономическій» материализмъ является отвѣтомъ на вопросъ, какъ развивается конкретная дѣятельность» человѣка, какъ, въ силу ея, развивается его *самосознаніе*, какъ складывается *субъективная сторона исторіи*. Когда будетъ хоть отчасти рѣшенъ этотъ вопросъ, материализмъ перестанетъ быть сухимъ, мрачнымъ, печальнымъ, онъ перестанетъ уступать идеализму первое мѣсто при объясненіи дѣятельной стороны человѣческаго существованія. Тогда онъ избавится отъ свойственнаго ему фатализма.

Чувствительные, но слабоголовые люди потому возмущаются противъ теоріи Маркса, что принимаютъ ея *первое* слово за *последнее*. Марксъ говоритъ: при объясненіи *субъекта* посмотримъ, въ какія взаимныя отношенія люди становятся подъ влияніемъ *объективной* необходимости. Разъ извѣстны эти отношенія, можно будетъ выяснитъ, какъ развивается, подъ ихъ влияніемъ, *человѣческое самосознаніе*. *Объективная дѣйствительность* поможетъ намъ выяснитъ *субъективную сторону исторіи*. Вотъ тутъ-то и прерываютъ обыкновенно Маркса чувствительные, но слабоголовые люди. Тутъ-то и повторяется обыкновенно нѣчто удивительно похожее на разговоръ Чацкого съ Фамусовымъ.—Въ процессѣ производства своей общественной жизни люди наталкиваются на извѣстныя, опредѣленныя, отъ ихъ воли независящія отношенія: отношенія производства... — Ахъ, батюшки, онъ фаталистъ!..—На экономической основѣ возвышаются идеологическія надстройки!..—Что говорить! и говорить, какъ нищеть! Онъ совсѣмъ не признаетъ роли личности въ исторіи!..—Да выслушайте же хоть разъ, вѣдь изъ предыдущаго слѣдуетъ, что...—Не слушаю, подъ судъ, подъ нравственный судъ активно-прогрессивныхъ личностей, подъ явный надзоръ субъективной социологін!!

Чацкого выручило, какъ извѣстно, появленіе Скалозуба. Въ спорахъ русскихъ послѣдователей Маркса съ ихъ строгими субъективными цѣнителями дѣло принимало до сихъ поръ другой оборотъ. Скалозубъ зажималъ ротъ Чацкимъ и тогда Фамусовы субъективной социологін вынимали изъ ушей пальцы и говорили съ сознаниемъ своего превосходства: да вѣдь они и

сказавши: «сего да» — давай, ах! — взгляды остаются совершенно неизменными.

Кажется, говорят, что всякую философию можно свести на *«субъективизм»* или *«формализм»*, если ограничиться предметом познания ее единичныя положений. Но не такъ, гдѣ-нибудь Марксъ не субъективистъ. Онъ не ограничивался субъективизмомъ, но различіа производственныхъ силъ земитъ на основіи всего историческаго движенія человечества. Марксъ излагаетъ субъектъ такъ ясно, какъ онъ, для различія своихъ единичныя положеній.

— Но гдѣ же, гдѣ различіа онъ свои изложилъ — на разные голоса поучит, поощритъ, наказываетъ и старается ит. субъективизма. — Видъ этотъ посмотрите на Дарвина, когда у него *«молва»* у Маркса шить-то и шить, и приходится *«восстанавливать»* его взгляды.

Что я говорю: «восстанавливать» дѣла неприятное и нелепое особенно тому, у кого шить «субъективизма» даны для правильного пониманія, а потому и для «восстановленія» чужихъ мыслей. Но «восстанавливать» шить изобретения, и шить, объ отсутствіи которой спорять господь субъективизма, дѣло есть. Есть даже шить, одна другой лучше выложенныхъ историческую теорію Маркса.

Первая книга — это исторія философіи и общественной науки, начиная съ конца прошлаго вѣка. Ознакомьтесь съ этой интересной книгой (конечно, *«Линия»* тутъ шило); она покажетъ шить, почему шить, почему должна была появиться теорія Маркса, на какіе, до тѣхъ поръ неразрѣшенные и неразрѣшимые вопросы она отвѣтила, и, следовательно, каковъ ее истинный смыслъ.

Вторая книга — это *«Капиталъ»*, тотъ самый *«Капиталъ»*, который всѣ вы считали, съ которыми всѣ вы «согласны», но котораго ни одинъ изъ васъ не понялъ, милостивые государи.

Третья книга — это исторія европейскихъ событій, начиная съ 1848 года, т. е. со времени появленія извѣстнаго «манifestа». Дайте себѣ трудъ взглянуть въ содержаніе этой огром-

ной и поучительной книги, и скажите намъ, положи руку на сердце, если только есть безпристрастіе въ вашемъ «субъективномъ» сердцѣ: неужели теорія Маркса не дала ему поразительной, небывалой раньше, способности предвидѣнія событій? Что сталося теперь съ современными ему утопистами реакціи, застоя или прогресса? На какую замазку пошла пыль, въ которую обратился ихъ «идеалы» при первомъ столкновеніи съ *дѣйствительностью*? Вѣдь не осталось слѣда даже и отъ пыли, а то, что говорилъ Марксъ, осуществлялось, разумеется, въ главныхъ чертахъ, каждый день и будетъ неизмѣнно осуществляться до тѣхъ поръ, пока не осуществятся, наконецъ, *его идеалы*.

Кажется, свидѣтельства этихъ трехъ книгъ достаточно? И, кажется, нельзя отрицать существованія ни одной изъ них? Вы скажете, конечно, что мы вычитываемъ отсюда не то, что тамъ написано? Что же, скажите и докажите это, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ вашихъ доказательствъ, а чтобы вы не очень залутились въ нихъ, мы выяснимъ вамъ на первый разъ смыслъ второй книги.

Вы признаете *экономическіе взгляды Маркса*, отрицая его историческую теорію, говорите вы. Надо сознаться, что этимъ сказано очень много, а именно: *этимъ сказано, что вы не понимаете ни исторической его теоріи, ни его экономическихъ взглядовъ*.

О чемъ говорится въ первомъ томѣ «Капитала»? Тамъ говорится, напр., о стоимости. Тамъ говорится, что стоимость есть *общественное отношеніе производства*. Согласны вы съ этимъ? Если нѣтъ, то вы отказываетесь отъ своихъ собственныхъ словъ насчетъ согласія съ экономической теоріей Маркса. Если да, то вы признаете его *историческую теорію*, хотя, очевидно, и не понимаете ея.

Разъ вы признаете, что существующія независимо отъ воли людей, дѣйствующія за ихъ спиною, ихъ собственные отношенія производства отражаются въ ихъ головахъ въ видѣ различныхъ категорій политической экономіи: *съ видѣ стоимости, съ видѣ денегъ, съ видѣ капитала* и т. п., то вы тѣмъ самымъ

признаете, что на известной экономической почвѣ непременно вырастаютъ известныя, соответствующія ея характеру, идеологическія надстройки. Въ этомъ случаѣ дѣло вашего обращенія уже на три четверти сдѣлано, ибо вамъ остается пригнѣвить вашъ собственный, т.-е. заимствованный у Маркса, взглядъ къ анализу идеологическихъ категорій высшаго порядка: право, справедливость, нравственность, равенство и т. п.

Или, можетъ быть, вы соглашаетесь съ Марксомъ только со второго тома его «Капитала»? Вѣдь есть же такіе господа, которые «признаютъ Маркса» лишь постольку, поскольку онъ писалъ такъ называемое письмо къ г. Михайловскому.

Вы не признаете исторической теоріи Маркса. Стало быть, по вашему ошибочна та точка зрѣнія, съ которой онъ оцѣнивалъ, напр., событія французской исторіи съ 1848 до 1851 года въ своей газетѣ «Neue Rheinische Zeitung» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ того времени, равно какъ въ книгѣ: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte's»? Какъ жаль, что вы не потрудились показать ошибочность этой точки зрѣнія, какъ жаль, что ваши взгляды остаются *въ неразвитомъ видѣ*, и что *невозможно даже «возстановить» ихъ за недостаткомъ данныхъ*.

Вы не признаете исторической теоріи Маркса? Стало быть, по вашему ошибочна та точка зрѣнія, съ которой онъ, напр., оцѣнивалъ значеніе философскихъ ученій французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка? Жаль, что не опровергли вы Маркса и въ этомъ случаѣ. А можетъ быть, вы даже и не знаете, гдѣ онъ говорилъ объ этомъ предметѣ? Ну, въ такомъ случаѣ мы не хотимъ васъ выручать изъ затрудненія; вѣдь надо же знать вамъ «литературу предмета», о которомъ вы взялись разсуждать; вѣдь многіе изъ васъ,—говоря языкомъ г. Михайловскаго,—носятъ званіе ординарныхъ и экстраординарныхъ звонарей науки. Правда, это званіе не помѣшало вамъ заниматься преимущественно «приватными» науками: субъективной социологіей, субъективной исторіософіей и т. д.

— Но отчего же Марксъ не написалъ такой книги, въ которой была бы изложена, съ его точки зрѣнія, вся исторія че-

ловѣчества отъ древности до нашихъ дней, и были бы разсматрѣваемы всѣ области развитія: экономическаго, юридическаго, религіознаго, философскаго и проч.?

Первый признакъ всякаго образованнаго ума состоитъ въ умѣньѣ ставить вопросы, въ званіи того, какихъ отвѣтовъ можно и какихъ нельзя требовать отъ современной науки. А вотъ въ противникахъ Маркса этого признака какъ будто и не замѣчается, несмотря на ихъ *экстраординарность*, а иногда даже и *ординарность*, а можетъ быть, впрочемъ, и благодаря ей. Неужели вы думаете, что въ біологической литературѣ существуетъ такая книга, въ которой была бы уже изложена вся исторія животнаго и растительнаго царства съ точки зрѣнія Дарвина? Поговорите на этотъ счетъ съ любымъ ботаникомъ или зоологомъ, и онъ, предварительно посмѣявшись надъ вашей дѣтской наивностью, сообщитъ вамъ, что представить всю исторію животнаго царства съ точки зрѣнія Дарвина—это *идеалъ* современной науки, котораго она неизвѣстно когда и достигнетъ; теперь же найдена, по крайней мѣрѣ, *та точка зрѣнія*, съ которой только и можетъ быть понята исторія видовъ ¹⁾. Совершенно такъ обстоитъ дѣло и въ современной исторической наукѣ.

«Что такое вся работа Дарвина?—спрашиваетъ г. Михайловскій.—Нѣсколько обобщающихъ, тѣснѣйшимъ образомъ между собою связанныхъ идей, вѣнчающихъ цѣлый Монбланъ фактическаго матеріала. Гдѣ же соответственная работа Маркса? Ея нѣтъ. И не только нѣтъ такой работы Маркса, но ея нѣтъ и во всей марксистской литературѣ, несмотря на всю ея об-

¹⁾ «Alle diese verschiedenen Zweige der Entwicklungsgeschichte, die jetzt noch theilweise weit auseinanderliegen und die von den verschiedensten empirischen Erkenntnisquellen ausgegangen sind, werden von jetzt an mit dem steigenden Bewusstsein ihres einheitlichen Zusammenhanges sich höher entwickeln. Auf den verschiedensten empirischen Wegen wandelnd und mit den mannigfaltigsten Methoden arbeitend werden sie doch alle auf ein und dasselbe Ziel hinstreben; auf das grosse Endziel einer universalen monistischen *Entwicklungsgeschichte*». E. Haeckel, Ziele und Wege der heutigen Entwicklungsgeschichte, Iena, 1875, S. 96.

ширность и распространенность... Самыя основанія теоріи экономическаго матеріализма, безчисленное множество разъ повторяемыя, какъ аксіомы, до сихъ поръ остаются между собою несвязанными и фактически непровѣренными, что особенно заслуживаетъ вниманія въ теоріи, въ принципѣ опирающейся на матеріальные, осязательные факты и усваивающей себѣ титулъ по преимуществу «научной»¹⁾.

Что самыя основанія теоріи экономическаго матеріализма до сихъ поръ остаются не связанными между собою—это *толая неправда*. Стоитъ только прочесть предисловіе къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie», чтобы видѣть, до какой степени стройно и тѣсно связаны они между собою. Что эти положенія не провѣрены—это тоже не вѣрно: они провѣрены съ помощью анализа множества общественныхъ явленій и въ книгѣ «18-е Брюмера», и въ «Капиталѣ», и притомъ вовсе не «въ особенности» въ главѣ о первоначальномъ накопленіи, какъ это думаетъ г. Михайловскій, а *рѣшительно во всехъ главахъ отъ первой до послѣдней*. Если, тѣмъ не менѣе, эта теорія ни разу не была изложена въ связи съ «цѣлымъ Мовбланомъ» фактическаго матеріала, что, по мнѣнію г. Михайловскаго, невыгодно отличаетъ ее отъ теоріи Дарвина, то и тутъ опять одно недоразумѣніе. Съ помощью того фактическаго матеріала, который заключается, положимъ, въ книгѣ «The origin of species» доказывается, главнымъ образомъ, *измѣняемость видовъ; исторіи же нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видовъ Дарвинъ касается лишь мимоходомъ, и то лишь гипотетически*, дескать, исторія эта могла идти такъ, могла идти иначе, но несомнѣнно: *была исторія, измѣнялись виды*. Теперь мы спросимъ г. Михайловскаго: нужно-ли было доказывать Марксу, что человечество не стоитъ на одномъ мѣстѣ, что измѣняются общественныя формы, что смѣняются одни другими взгляды людей, словомъ, нужно-ли было доказывать *измѣняемость* этого рода явленій? Конечно, не нужно, хотя для ея доказательства легко было нагромоздить цѣлый десятокъ «Мовблановъ фактическаго матеріала». Что же

¹⁾ «Русское Богатство», январь 1894 г., стл. II, стр. 105—106.

надо было дѣлать Марксу? Предыдущая исторія общественной науки и философіи накопила «цѣлый Монбланъ» *противорѣчій*, настоятельно требовавшихъ своего разрѣшенія. *Марксъ и разрѣшилъ ихъ съ помощью теоріи, которая, подобно теоріи Дарвина, состоитъ изъ «нѣсколькихъ обобщающихъ, тѣсныйтимъ образомъ связанныхъ между собою идей».* Когда явились эти идеи, тогда выяснилось, что съ помощью ихъ разрѣшаются смущавшія прежнихъ мыслителей противорѣчія. Марксу нужно было не нагромождать горы собраннаго его предшественниками фактическаго матеріала, а, пользуясь между прочимъ и этимъ матеріаломъ, приступить къ изученію дѣйствительной исторіи человѣчества съ новой точки зрѣнія. Это и сдѣлалъ Марксъ, обратившись къ изученію исторіи капиталистической эпохи, въ результатѣ чего явился «Капиталъ» (мы уже не говоримъ о монографіяхъ, какъ «18-ое Брюмера»).

Но въ «Капиталѣ», по замѣчанію г. Михайловскаго, «рѣчь идетъ объ одномъ только историческомъ періодѣ, да и въ этихъ предѣлахъ предметъ, конечно, даже и приблизительно не исчерпанъ». Это вѣрно. Но мы опять напомнимъ г. Михайловскому, что первый признакъ образованнаго ума состоитъ въ знаніи того, какія требованія можно предъявлять людямъ науки. Марксъ рѣшительно не могъ охватить въ своемъ изслѣдованіи всѣ историческіе періоды, совершенно такъ же, какъ Дарвинъ не могъ написать исторію *всѣхъ* животныхъ и растительныхъ видовъ.

Даже въ отношеніи къ одному историческому періоду предметъ не исчерпанъ даже приблизительно.—Нѣтъ, г. Михайловскій, не исчерпанъ даже и приблизительно. Но, во-первыхъ, скажите намъ, какой же предметъ исчерпанъ у Дарвина, хотя бы и «приблизительно». А во-вторыхъ, мы сейчасъ вамъ объяснимъ, какъ и почему не исчерпанъ вопросъ въ «Капиталѣ».

По новой теоріи историческое движеніе человѣчества опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ, ведущихъ къ измѣненіямъ экономическихъ отношеній. Поэтому, дѣло всякаго историческаго изслѣдованія приходится начинать съ изученія состоянія производительныхъ силъ и экономическихъ отношеній

даною страны. Но на этомъ, разумѣется, изслѣдованіе не должно останавливаться: оно должно показать, какъ сухой остовъ экономіи покрывается живой плотью политическихъ формъ, а затѣмъ,—и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи,—человѣческихъ идей, чувствъ, стремленій и идеаловъ. Въ руки изслѣдователя поступаетъ, можно сказать, *мертвая матерія* (тутъ ужъ, какъ видитъ читатель, мы заговорили отчасти слогомъ г. Карѣева), изъ его рукъ долженъ выйти *полный жизни организмъ*. Марксу удалось исчерпать, да и то, конечно, лишь приблизительно только вопросы, относящіеся, главнымъ образомъ, къ матеріальному быту избраннаго имъ періода. Марксъ умеръ не очень старымъ человѣкомъ. Но если бы онъ прожилъ еще 20 лѣтъ, то онъ, вѣроятно, все продолжалъ бы (за исключеніемъ, можетъ быть, опять отдѣльныхъ монографій) исчерпывать вопросы *матеріальнаго быта того же періода*. Это-то и сердитъ г. Михайловскаго. Подболеваясь, онъ начинаетъ читать нотацію знаменитому мыслителю: «какъ же это ты такъ, братецъ?.. только одинъ періодъ... И притомъ не вполне!.. Не могу, не могу одобрить!.. Бралъ бы ты примѣръ съ Дарвина!» На всю эту субъективную рачею бѣдный авторъ «Капитала» отвѣчаетъ лишь глубокимъ вздохомъ, да печальнымъ признаніемъ: *Die Kunst ist lang und Kurz ist unser Leben!*

Г. Михайловскій быстро и грозно поворачивается къ «толпѣ» послѣдователей Маркса: въ такомъ случаѣ вы чего же смотрѣли, почему не поддержали старика, отчего не исчерпали всѣхъ періодовъ?—Некогда намъ было, г. субъективный герой, въ поясъ кланяясь и держа шапки на отлетѣ, отвѣчаютъ послѣдователи; другимъ мы были заняты, мы боролись противъ тѣхъ отношеній производства, которые лежатъ тяжелымъ гнетомъ на современномъ человѣчествѣ. Не взыщи! А между прочимъ мы кое-что все-таки и сдѣлали, и вотъ дайте срокъ,—сдѣлаемъ и еще больше.

Г. Михайловскій вѣсколько смягчается: стало быть, вы и сами теперь видите, что не вполне?—Какъ не видѣть! да вѣд-

не исполнѣ еще и у дарвинистовъ ¹⁾, не исполнѣ даже въ субъективной социологiи, а вѣдь это совсѣмъ другая опера.

Упоминаніе о дарвинистахъ вызываетъ новый приступъ раздраженія въ нашемъ авторѣ.—Что вы ко мнѣ лѣзете съ Дарвиномъ!—кричитъ онъ.—Дарвиномъ увлекались хорошие господа, его многіе профессора одобряли, а за Марксомъ кто идетъ? Одни рабочіе, да никѣмъ не патентованные приватъ-звонари науки.

Распеканція принимаетъ столь интересный характеръ, что поневолѣ продолжаемъ внимать ей.

«Въ книгѣ «о происхожденіи семьи и проч.» Энгельсъ говоритъ, между прочимъ, что «Капиталъ» Маркса былъ «замалчиваемъ» цеховыми нѣмецкими экономистами, а въ книгѣ «Людвигъ Фейербахъ и конецъ классической философіи» указываетъ, что теоретики экономического матеріализма «съ самаго начала обратились, главнымъ образомъ, къ рабочимъ и встрѣтили у нихъ ту воспримчивость, которой и не ожидали отъ представителей официальной науки». Насколько вѣрны эти факты и каково ихъ значеніе? Прежде всего «замолчать» на продолжительное время что-нибудь цѣнное едва-ли теперь возможно даже у насъ, въ Россіи, при всей слабости и мелкости нашей научной и литературной жизни. Тѣмъ паче невозможно это въ Германіи съ ея многочисленными университетами, съ ея всеобщей грамотностью, съ ея безчисленными газетами, листками всевозможныхъ направленій, съ значеніемъ въ ней не только печатнаго, но и устнаго слова. И если нѣкоторая часть официальныхъ жрецовъ науки въ Германіи и встрѣтила «Капиталъ» на первое время молчаніемъ, то едва-ли можно объяснить это

¹⁾ Интересно, что противники *Дарвина* долго твердили, да и до сихъ поръ еще не перестали твердить, что его теоріи недостаетъ именно «Мюнхенскихъ» фактическихъ доказательствъ. Въ этомъ смыслѣ высказался, какъ извѣстно, Вирховъ на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Мюнхенѣ въ сентябрѣ 1877 г. Отвѣчая ему, Гейкель вѣрно замѣтилъ, что если теорія Дарвина не доказывается тѣми фактами, которые извѣстны намъ уже теперь, то никакіе новые факты ничего не скажутъ въ ея пользу.

желаніемъ «замолчать» работу Маркса. Вѣрнѣе предположить, что мотивомъ молчанія было недоумѣніе, рядомъ съ которымъ быстро выросли и горячая оппозиція, и полное почтеніе, и въ результатѣ теоретическая часть «Капитала» очень быстро заняла уже безспорно высокое мѣсто въ общепризнанной наукѣ. Совсѣмъ не такова судьба экономическаго матеріализма, какъ исторической теоріи, со включеніемъ и тѣхъ перспективъ въ направленіи будущаго, которыя находятся въ «Капиталѣ». Экономическій матеріализмъ, несмотря на свое полувѣковое существованіе, не оказалъ до сихъ поръ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на научныя сферы, но дѣйствительно очень быстро распространяется въ рабочемъ классѣ¹⁾.

Итакъ, послѣ непродолжительнаго молчанія быстро выросла горячая оппозиція. Это такъ. До такой степени горячая, что ни одинъ доцентъ не получитъ званія профессора, если онъ признаетъ хотя бы «экономическую» теорію Маркса; до такой степени горячая, что всякій, даже самый безталанный, приватъ-доцентъ можетъ рассчитывать на быстрое возвышеніе, если только ему удастся придумать хоть одну завтра же всѣми забытаго возраженій противъ «Капитала». Что правда, то правда: очень горячая оппозиція.

И полное почтеніе... И это вѣрно, г. Михайловскій, дѣйствительно почтеніе. Такое же точно почтеніе, съ какимъ теперь китайцы должны смотрѣть на японское войско: хорошо дерется, и неприятно попасть подъ его удары. Такимъ почтеніемъ къ автору «Капитала» были и до сихъ поръ остаются проникнуты нѣмецкіе профессора. И чѣмъ умнѣе профессоръ, чѣмъ больше у него знаній, тѣмъ больше у него такого почтенія, тѣмъ яснѣе сознаетъ онъ, что ему не опровергнуть «Капитала». Вотъ почему ни одно изъ свѣтилъ официальной науки не рѣшается атаковать «Капиталъ». Свѣтила предпочитаютъ посы-

¹⁾ «Русское Богатство», январь 1894 г. Отд. II, стр. 115—116.

звать въ атаку молодыхъ, неопытныхъ, нуждающихся въ вышеніи, «привать-звонарей»:

Туда умиаго не надо,
Вы пошлите-ка Реадо,
А я посмотрю.

Что и говорить: велико почтеніе этого рода. А о другомъ почтеніи мы не слышали, да и не можетъ быть его въ профессорѣ, потому что не сдѣлають въ Германіи профессоромъ человѣка, проникнутаго имъ.

Но что-же доказываетъ это почтеніе? А доказываетъ оно вотъ что. Поле изслѣдованія, охватываемое «Капиталомъ», есть именно то поле, которое уже обработано съ новой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія исторической теоріи Маркса. На это поле и не смѣютъ нападать противники: они «почитають его». И это, разумѣется, очень хорошо, особенно для противниковъ. Но нужна вся наивность субъективнаго социолога, чтобы съ удивленіемъ спрашивать, почему же эти противники до сихъ поръ не берутся за обработку въ духѣ Маркса сосѣднихъ полей собственными силами. «Ишь чего захотѣли вы, милый герой! Тутъ и одно-то поле, обработанное въ этомъ духѣ, жить не даетъ! И съ нимъ-то волкомъ воешь, а вы хотите, чтобы мы воздѣлали по той же системѣ еще и сосѣднія поля!» Плохо вникаете вы въ суть вещей, г. Михайловскій, а потому и не понимаете «судьбы экономическаго матеріализма, какъ исторической теоріи»; не понимаете также и отношенія нѣмецкихъ профессоровъ къ «перспективамъ будущаго». Не до *будущаго* имъ, батюшка, когда ускользаетъ изъ подъ ногъ *настоящее*.

Но вѣдь не всѣ же профессора въ Германіи до такой степени проникнуты духомъ классовой борьбы и «научной» дисциплины. Вѣдь есть же специалисты, которые ни о чемъ не думаютъ, кромѣ науки. Какъ не быть, есть и такіе, разумѣется, и не въ одной Германіи. Но эти специалисты,—именно потому, что они специалисты,—*поглощены своимъ предметомъ*; они обрабатываютъ свой небольшой клочекъ научнаго поля и никакими общими философско-историческими теоріями не интересуются. О Марксѣ такіе специалисты рѣдко имѣють какое-нибудь пред-

ставленіе, а если и имѣютъ, то развѣ какъ о неприятномъ человѣкѣ, кого-то и гдѣ-то обезпкоюившемъ. Какъ же вы хотите, чтобы они писали въ духѣ Маркса? Въ ихъ монографіяхъ обыкновенно нѣтъ *ровно никакого философскаго духа*. Но тутъ происходитъ нѣчто подобное тѣмъ случаямъ, когда камни вопіютъ, если безмолвствуютъ люди. Сами спеціалисты-ислѣдователи ничего не знаютъ о теоріи Маркса, а добытые ими результаты громко кричатъ въ ея пользу. И нѣтъ ни одного серьезнаго спеціальнаго изслѣдованія по исторіи политическихъ отношеній или по исторіи культуры, которое не подтверждало бы ее такъ или иначе. До какой степени весь духъ современной общественной науки вынуждаетъ спеціалистовъ безсознательно становиться на точку зрѣнія исторической теоріи Маркса (именно—*исторической*, г. Михайловскій), показываетъ множество поразительныхъ примѣровъ. Выше читатель могъ уже замѣтить два такихъ примѣра: Оскара Пешеля и Жиро Тэлона. Теперь приведемъ третій. Въ своемъ сочиненіи «*La cité antique*» знаменитый Фюстель-де-Куланжъ высказалъ ту мысль, что религіозныя взгляды лежали въ основѣ всѣхъ общественныхъ учрежденій античной древности. Казалось бы, что этой мысли и надо было держаться при изслѣдованіи отдѣльныхъ вопросовъ исторіи Греціи и Рима. Но вотъ случилось Фюстель-де-Куланжу коснуться вопроса о паденіи Спарты. И вышло у него, что причина паденія была чисто экономическая ¹⁾. Случилось ему коснуться вопроса о паденіи римской республики и онъ опять обращается къ экономіи ²⁾. Стало быть, что же выходитъ? Въ отдѣльныхъ случаяхъ человѣкъ подтверждаетъ теорію Маркса, а если бы мы назвали его марксистомъ, онъ

¹⁾ См. его книгу: «*Du droit de propriété à Sparte*». Для насъ здѣсь совершенно безразличенъ содержаніемъ въ ней, между прочимъ, взглядъ на исторію *первобытной* собственности.

²⁾ Il est assez visible pour quiconque a observé le détail (именно *le détail*, г. Михайловскій) et les textes que ce sont les intérêts matériels du plus grand nombre qui en ont été le vrai mobile, и проч. «*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Les origines du système féodal*». Paris, 1890, p. 94.

замахалъ бы, вѣроятно, обѣими руками, чѣмъ несказанно обрадовалъ бы г. Карѣва. Что прикажете дѣлать, если не всѣ люди послѣдовательны до конца?

Но позвольте, прерываетъ насъ г. Михайловскій, и ниѣ привести, съ моей стороны, нѣсколько примѣровъ: «Обращаясь... къ... книгѣ Блоса, мы видимъ, что это очень почтенная работа, на которой, однако, вовсе нѣтъ специальныхъ слѣдовъ коренного переворота въ исторической наукѣ. Изъ того, что Блосъ говоритъ о классовой борьбѣ и объ экономическихъ условіяхъ (сравнительно очень немногихъ), еще не слѣдуетъ, что онъ строитъ исторію на саморазвитіи формъ производства и обмѣна: обойти экономическія условія въ разсказѣ о событіяхъ 1848 года было бы даже мудрено. Выкиньте изъ книги Блоса панегирикъ Марксу, какъ творцу переворота въ исторической наукѣ, да еще нѣсколько условныхъ фразъ съ марксистской терминологіей, и вамъ не придетъ въ голову, что вы имѣете дѣло съ послѣдователемъ экономическаго матеріализма. Отдѣльныя хорошія страницы историческаго содержанія у Энгельса, Кауцкаго и нѣкоторыхъ другихъ, тоже могли бы обойтись безъ этикетки экономическаго матеріализма, такъ какъ на дѣлѣ въ нихъ принимается въ соображеніе вся совокупность общественной жизни, хотя бы и съ преобладаніемъ экономической струны въ этомъ аккордѣ»¹⁾.

Г. Михайловскій, очевидно, твердо помнитъ поговорку: «назвался груздемъ, полезай въ кузовъ». Онъ рассуждаетъ такъ: если ты экономическій матеріалистъ, то и долженъ ты имѣть въ виду экономическое, а не «касаться всей совокупности общественной жизни, хотя бы и съ преобладаніемъ экономической струны». Но мы уже докладывали г. Михайловскому, что научная задача марксистовъ именно въ томъ и заключается, чтобы, начавъ со «струны», объяснить всю совокупность общественной жизни. Какъ же хочеть онъ, чтобы они одновременно: и отреклись отъ этой задачи, и оставались марксистами. Правда, самъ г. Михайловскій никогда не хотѣлъ вдуматься въ смыслъ этой

¹⁾ «Русское Богатство», янв. 1894 г. отд. II, стр. 117.

задачи, но въ этомъ виновата, разумѣется, не историческая теорія Маркса.

Мы понимаемъ, что пока мы не отречемся отъ этой задачи, г. Михайловскій будетъ часто впадать въ очень затруднительное положеніе: часто онъ, при чтеніи «хорошей страницы историческаго содержанія» будетъ далекъ отъ мысли («въ голову не придетъ!»), что она написана «экономическимъ» матеріалистомъ. Это именно то положеніе, о которомъ говорится: хуже губернаторскаго! Но по винѣ-ли Маркса будетъ попадать въ него г. Михайловскій?

Ахиллъ субъективной школы воображаетъ, что «экономическіе» матеріалисты должны говорить лишь о «саморазвитіи формъ производства и обмѣна». Что же это за «саморазвитіе», глубокомысленный г. Михайловскій? Если вы думаете, что, по мнѣнію Маркса, формы производства могутъ развиваться «сами собою», то вы жестоко ошибаетесь. Что такое *общественная отношенія производства*? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей? Вѣдь тамъ, гдѣ не было бы людей, не было бы и отношеній производства! Химикъ говоритъ: матерія состоитъ изъ атомовъ, которые группируются въ молекулы, а молекулы группируются въ болѣе сложныя соединенія. Всѣ химическіе процессы совершаются по опредѣленнымъ законамъ. Изъ этого вы неожиданно заключаете, что, по мнѣнію химика, все дѣло въ законахъ, а что матерія — атомы и молекулы, — могли бы совсѣмъ не двигаться, не помѣшавъ этимъ «саморазвитію» химическихъ соединеній. Всѣмъ ясна величость такого умозаключенія. Къ сожалѣнію, не всѣмъ ясна еще величость совершенно аналогичнаго по своей внутренней стоимости противопоставленія *личностей законамъ общественной жизни*, дѣятельности людей — внутренней логикѣ формъ ихъ общежитія.

Повторяемъ, г. Михайловскій: задача новой исторической теоріи заключается въ объясненіи *всей совокупности общественной жизни* тѣмъ, что вы называете экономической струною, т.-е. *на самомъ дѣлѣ развитіемъ производительныхъ силъ*. «Струна» — это въ извѣстномъ смыслѣ основа (мы уже объяс-

няли, въ какомъ именно смыслѣ), но върасно думаетъ г. Михайловскій, что марксистъ *«только и дышитъ струною»*, какъ одинъ изъ персонажей въ «Будкѣ» Г. И. Успенскаго.

Трудное это дѣло—объяснить весь историческій процессъ, послѣдовательно держась одного принципа. Но что прикажете? Наука вообще не легкое дѣло, если это только не «субъективная» наука: въ той всѣ вопросы объясняются съ удивительной легкостью. И разъ у насъ уже зашла рѣчь объ этомъ, мы скажемъ г. Михайловскому, что, можетъ быть, въ вопросахъ, касающихся развитія идеологій, самые лучшие знатоки «струны» окажутся, подчасъ, безсильными, если не будутъ обладать нѣкоторымъ особымъ дарованіемъ, именно *художественнымъ чутьемъ*. Психологія приспособляется къ экономіи. Но это приспособленіе есть сложный процессъ, и, чтобы понять весь его ходъ, чтобы наглядно представить себѣ и другимъ, какъ именно онъ совершается, не разъ и не разъ понадобится талантъ художника. Вотъ, напр., уже Бальзакъ много сдѣлалъ для объясненія психологій различныхъ классовъ современнаго ему общества. Многому можно поучиться намъ и у Ибсена, да и мало-ли еще у кого? Будемъ надѣяться, что современемъ явится много такихъ художниковъ, которые будутъ понимать, съ одной стороны, «железные законы», движенія «струны», а съ другой—сумѣютъ понять и показать, какъ на «струнѣ», и именно благодаря ея движенію, вырастаетъ *«живая одежда» идеологій*. Вы скажете, что тамъ, гдѣ замѣшалась поэтическая фантазія, не можетъ не имѣть мѣста художественный произволь, фантастичность догадокъ. Конечно, такъ! дѣло не обойдется и безъ этого. И это прекрасно зналъ Марксъ; потому-то онъ и говорить, что надо строго различать между *экономическимъ состояніемъ* данной эпохи, *которое можно опредѣлить съ естественна-научною точностью, и состояніемъ ея идей*. Много, очень много еще темнаго для насъ въ этой области! Но еще больше темнаго для идеалистовъ, а еще больше для эклектиковъ, которые, впрочемъ, никогда не понимаютъ значенія встрѣчающихся имъ затрудненій, воображая, что они всегда справятся съ любымъ вопросомъ съ помощью пресловутаго «*взаимодѣйствія*».

дѣйствительности, они никогда ни съ чѣмъ не справляются, а только прячутся за спину встрѣчающихся имъ затрудненій. До сихъ поръ, по выраженію Маркса, конкретную человѣческую дѣятельность объясняли исключительно съ идеалистической точки зрѣнія. Ну и что же? Много нашли удовлетворительныхъ объясненій? Наши сужденія о дѣятельности человѣческаго «духа», по своей малой основательности, напоминаютъ сужденіе древнихъ греческихъ философовъ о природѣ: въ лучшемъ случаѣ гениальныя, а то и просто остроумныя гипотезы, подтвердить, доказать которыхъ невозможно за отсутствіемъ всякой точки опоры для научнаго доказательства. Только тамъ и сдѣлали что-нибудь, гдѣ вынуждены были поставить психологію въ связь со «струною». И вотъ, когда Марксъ, замѣтивъ это, посоветовалъ не оставлять разъ начатыхъ попытокъ, когда онъ сказалъ, что надо всегда руководствоваться «струною», его обвинили въ односторонности и узкости понятій! Гдѣ тутъ справедливость, — извѣстно развѣ только субъективнымъ социологамъ.

Толкуйте! — продолжаетъ язвить насъ г. Михайловскій, — ваше новое слово «50 лѣтъ тому назадъ сказано». Да, г. Михайловскій, около того! И тѣмъ печальнѣе, что вы до сихъ поръ его не поняли. Мало-ли такихъ «словъ» въ наукѣ, которыя были произнесены десятки и сотни лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ остаются неизвѣстны цѣлымъ милліонамъ беззаботныхъ на счетъ науки «личностей»? Представьте, что вы встрѣтились съ готтентотомъ и стараетесь увѣрить его, что земля обращается вокругъ солнца. У готтентота и насчетъ солнца, и насчетъ земли — своя «оригинальная» теорія. Ему трудно разстаться съ нею. И вотъ онъ впадаетъ въ язвительность: вы пришли ко мнѣ съ новымъ словомъ, а между тѣмъ сами же вы говорите, что ему уже нѣсколько сотъ лѣтъ! Что докажетъ готтентотская язвительность? Только то, что готтентотъ есть готтентотъ. Но вѣдь этого не надо и доказывать.

Впрочемъ, язвительность г. Михайловскаго доказываетъ гораздо больше того, что могла бы доказать язвительность готтентота. Она доказываетъ, что нашъ «соціологъ» принадлежитъ къ числу непомнящихъ *родства*. Его субъективная точка

зрѣнія цѣликомъ унаслѣдована отъ Бруно Бауэра, Шезлиги и прочихъ *предшественниковъ* Маркса въ хронологическомъ смыслѣ. Слѣдовательно, «новое слово» г. Михайловскаго во всякомъ случаѣ постарше нашего даже хронологически, а по внутреннему своему содержанію и гораздо постарше, потому что исторической идеализмъ Бруно Бауэра былъ возвратомъ ко взглядамъ матеріалистовъ прошлаго вѣка ¹⁾.

Г. Михайловскаго очень смущаетъ, что «книга американца Моргана о «древнемъ обществѣ» появилась много лѣтъ спустя послѣ того, какъ были провозглашены Марксомъ и Энгельсомъ основы экономическаго матеріализма, и совершенно независимо отъ него». Мы замѣтимъ на это:

Во-первыхъ, что книга Моргана не «независима» отъ такъ называемаго экономическаго матеріализма, по той простой причинѣ, что самъ Морганъ стоитъ именно на его точкѣ зрѣнія, какъ въ этомъ легко убѣдится г. Михайловскій, если прочтетъ указываемую имъ книгу. Правда, къ точкѣ зрѣнія экономическаго матеріализма Морганъ пришелъ независимо отъ Маркса и Энгельса, но это тѣмъ лучше для ихъ теорій.

Во-вторыхъ, что же за бѣда, если теорія Маркса и Энгельса была «много лѣтъ спустя» подтверждена открытіями Моргана? Мы убѣждены, что еще очень много будетъ открытій, подтверждающихъ эту теорію. А вотъ насчетъ г. Михайловскаго мы убѣждены въ противномъ: «субъективной» точки зрѣнія не оправдываетъ ни одно открытіе ни черезъ пять лѣтъ, ни черезъ пять тысячелѣтій.

Изъ одного предисловія Энгельса г. Михайловскій узналъ, что знаніе автора «Положенія рабочаго класса въ Англіи» и его друга Маркса въ области экономической исторіи были въ сороковыхъ годахъ «ведомосточны» (выраженіе самого Энгельса). Г. Михайловскій скачетъ и играетъ по этому поводу: стало

¹⁾ Что же касается примѣненія біологій къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ, то «новыя слова» г. Михайловскаго восходятъ, какъ мы видѣли, по своему «типу» къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго вѣка. Очень почтенные старцы «новыя слова» г. Михайловскаго! Въ нихъ «русскій умъ и русскій духъ» подлинно «*лady твердымъ и лжетъ за двумя!*»

быть, могъ, и вся теорія «экономическаго матеріализма», возникшая именно въ сороковыхъ годахъ, была построена на недостаточномъ основаніи. Это выводъ, достойный остроумнаго гимназиста четвертаго класса. Зрѣлый человѣкъ повялъ бы, что въ примѣненіи къ научнымъ познаніямъ, какъ и ко всему прочему, выраженія: «достаточный», «недостаточный», «малый», «большой», надо брать въ относительномъ смыслѣ. Послѣ того, какъ были провозглашены основанія новой исторической теоріи, Марксъ и Энгельсъ прожили цѣлыя десятилѣтія; они усердно занимались экономической исторіей и сдѣлали въ ней огромные успѣхи, что особенно легко понять въ виду ихъ необыкновенныхъ способностей. Благодаря этимъ успѣхамъ, ихъ прежнія свѣдѣнія должны были казаться имъ «недостаточными», но это еще не доказываетъ, что ихъ теорія была неосновательна. Книга Дарвина о происхожденіи видовъ вышла въ 1859 году. Можно съ увѣренностью сказать, что уже десять лѣтъ спустя Дарвинъ считалъ недостаточными тѣ знанія, которыми онъ обладалъ во время обнародованія своей книги. Что же изъ этого?

Не мало иронизируетъ также г. Михайловскій и на ту тему, что «для теоріи, претендовавшей освѣтить всемірную исторію, спустя сорокъ лѣтъ послѣ ея провозглашенія (т.-е. будто-бы вплоть до появленія книги Моргана) древняя греческая, римская и германская исторія оставались неразрѣшенными загадками»¹⁾. Эта иронія основана единственно на «недоумѣніи».

Что въ основѣ греческой и римской исторіи лежала борьба классовъ, — это не могло быть неизвѣстно Марксу и Энгельсу въ концѣ сороковыхъ годовъ уже просто потому, что это извѣстно было еще греческимъ и римскимъ писателямъ. Прочитайте Фукидиду, Ксенофонта, Аристотеля, почитайте римскихъ историковъ, даже хотя бы Тита Ливія, который въ описаніи событій слишкомъ часто переносится, впрочемъ, на «субъективную» точку зрѣнія, и у cadaго изъ нихъ вы увидите твердое убѣжденіе въ томъ, что экономическія отношенія и вызываемая ими борьба классовъ служили основаніемъ внутрев-

¹⁾ Тамъ же, стр. 108.

ней исторіи тогдашнихъ обществъ. Это убѣжденіе имѣло у нихъ непосредственную форму простаго констатированія простаго, общеизвѣстнаго житейскаго факта, хотя у Полюбія есть уже, однако, что-то вродѣ философіи исторіи, построенной на признаніи этого факта. Какъ бы тамъ ни было, фактъ былъ общепризнанъ, и неужели г. Михайловскій думаетъ, что Маркъ и Энгельсъ «древнихъ не читывали»? Неразрѣшимыми загадками для Маркса и Энгельса, равно какъ и для *всѣхъ людей науки*, оставались вопросы, касавшіеся формъ *доисторическаго быта* Греціи, Рима и германскихъ племенъ (какъ это въ другомъ мѣстѣ статьи говорить самъ г. Михайловскій). *На эти* вопросы отвѣтила книга Моргана. Но ужъ не воображаетъ-ли нашъ авторъ, что для Дарвина не существовало неразрѣшенныхъ вопросовъ въ біологіи того времени, когда онъ писалъ свою знаменитую книгу?

«Категорія необходимости, продолжаетъ г. Михайловскій, столь всеобща и непререкаема, что обнимаетъ собою даже самыя безумныя надежды и самыя безсмысленныя опасенія, съ которыми она, повидимому, призвана воевать. Съ ея точки зрѣнія, надежда прошибить стѣну лбомъ есть не глупость, а необходимость, совершенно такъ же, какъ Квазимодо не уродъ, а необходимость, Кантъ и Іуда не злодѣи, а необходимость. Словомъ, руководясь въ практической жизни ею одною, мы попадемъ въ какое-то фантастическое безграничное пространство, гдѣ нѣтъ идей и вещей, нѣтъ явленій, а есть только одноцвѣтныя тѣни идей и вещей»¹⁾. Именно такъ, г. Михайловскій, именно даже всякія уродства представляютъ собою такой же продуктъ необходимости, какъ и самыя нормальныя явленія, хотя отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что Іуда не злодѣй, такъ какъ нелѣпо противопоставленіе понятію—«злодѣй» понятія: «необходимость». Но разъ вы гѣзете, милостивый государь, въ герои (а всякій субъективный мыслитель есть герой, такъ сказать, *ex professo*), то потрудитесь же доказать, что вы не «сумасшедшій» герой, что ваши «надежды» не «безумны», что ваши «опасенія» не «безсмысленны», что вы не «Квазимодо» мысли, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 113—114.

вы не приглашаете *толпу* «прошибать лбомъ стѣну». Для доказательства всего этого вамъ надо бы обратиться къ категоріи необходимости, а вы не умѣете оперировать съ нею, ваша субъективная точка зрѣнія совершенно исключаетъ самую возможность подобныхъ операций: благодаря этой «категоріи», дѣйствительность превращается для васъ въ царство тѣней. Вотъ тутъ-то вы и попадаете въ тупой переулочекъ, тутъ-то вы и подписываете своей «соціологін» *testimonium paupertatis*, тутъ-то вы и начинаете твердить, что «категорія необходимости» не показываетъ ничего, такъ какъ она, будто бы, показываетъ слишкомъ много. Свидѣтельство о теоретической бѣдности есть единственный документъ, которымъ вы снабжаете вашихъ «взмывающихъ града» послѣдователей. Маловато, маловато, г. Михайловскій!

Сивница увѣряетъ, что она—героическая птица, и что ей, въ качествѣ таковой, ничего не стоитъ зажечь море. Когда ее приглашаютъ объяснить, на какихъ физическихъ или химическихъ законахъ основывается ея планъ зажженія моря, она попадаетъ въ затрудненіе и, чтобы выпутаться изъ него, начинаетъ бормотать грустнымъ и неразборчивымъ говоркомъ, что, молъ, это такъ вѣдь только говорится законы, а въ сущности законы ничего не объясняютъ, и никакихъ плановъ на нихъ обосновать невозможно, что надо уповать на счастливый случай, такъ какъ давно уже извѣстно, что на грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь, но что вообще *la raison finit toujours par avoir raison*. Какая легкомысленная, какая непріятная птица!

Сопоставимъ съ этимъ неразборчивымъ бормотаньемъ сивницы мужественную, поразительно стройную историческую философію Маркса.

Наши человѣкоподобные предки, какъ и всѣ другія животныя, находились въ полномъ подчиненіи *природѣ*. Все ихъ развитіе было тѣмъ совершенно безсознательнымъ развитіемъ, которое обуславливалось приспособленіемъ къ окружающей ихъ средѣ путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Это было темное царство *физической необходимости*. Тогда не загоралась еще даже *заря сознанія*, а слѣдовательно,

и свободы. Но физическая необходимость привела человека на такую ступень развитія, на которой онъ сталъ мало-по-малу выдѣляться изъ остального животнаго міра. Онъ сталъ *животнымъ, дѣлающимъ орудіа*. Орудіе есть органъ, съ помощью котораго человекъ воздѣйствуетъ на природу для достиженія своихъ цѣлей. Это органъ, подчиняющій *необходимость* человеческому сознанію, хотя на первыхъ порахъ лишь въ очень слабой степени, если можно такъ выразиться, лишь ключками, урывками. *Степень развитія производительныхъ силъ опредѣляетъ мѣру власти человека надъ природой.*

Развитіе производительныхъ силъ само опредѣляется свойствами окружающей людей географической среды. Такимъ образомъ, сама природа даетъ человеку средства для ея же подчиненія.

Но человекъ не въ одиночку ведетъ борьбу съ природой: съ ней борется, по выраженію Маркса, общественный человекъ (*der Gesellschaftsmensch*), т. е. болѣе или менѣе значительный по своимъ размѣрамъ общественный союзъ. Свойства *общественнаго* человека опредѣляются въ каждое данное время степенью развитія производительныхъ силъ, потому что отъ степени развитія этихъ силъ зависитъ весь строй общественного союза. Такимъ образомъ, это строеніе опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, свойствами географической среды, дающей людямъ большую или меньшую возможность развитія ихъ производительныхъ силъ. Но разъ возникли извѣстныя общественныя отношенія, дальнѣйшее ихъ развитіе совершается *по своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ*, дѣйствіе которыхъ ускоряетъ или замедляетъ развитіе производительныхъ силъ, обуславливающее историческое движеніе человечества. Зависимость человека отъ географической среды изъ *непосредственной* превращается въ *посредственную*. *Географическая среда* вліяетъ на человека *черезъ общественную*. Но, *благодаря этому*, отношеніе человека къ окружающей его географической средѣ становится до крайности измѣнчивымъ. На каждой новой ступени развитія производительныхъ силъ оно оказывается не тѣмъ, чѣмъ было прежде. Географическая среда совсѣмъ иначе вліяла на бри-

танцевъ время Цезаря, чѣмъ вліяетъ она на нынѣшнихъ обитателей Англии. Такъ разрѣшаетъ современный *діалектическій матеріализмъ* противорѣчія, съ которыми никакъ не могли справиться просвѣтителѣ XVIII вѣка ¹⁾).

Развитіе общественной среды подчиняется своимъ собственнымъ законамъ. Это значитъ, что ея свойства такъ же мало зависятъ отъ воли и отъ сознанія людей, какъ и свойства географической среды. Производительное воздѣйствіе человѣка на природу порождаетъ новый родъ зависимости человѣка, новый видъ его рабства: *экономическую необходимость*. И чѣмъ болѣе растетъ власть его надъ природой, чѣмъ болѣе развиваются его производительныя силы, тѣмъ болѣе упрочивается это новое рабство: *съ развитіемъ производительныхъ силъ усложняются взаимныя отношенія людей въ общественномъ производительномъ процессѣ*; ходъ этого процесса совершенно ускользаетъ изъ-подъ ихъ контроля, *производитель оказывается рабомъ своего собственного произведенія* (примѣръ: капиталистическая анархія производства).

Но,—подобно тому, какъ окружающая человѣка природа сама дала ему первую возможность развитія его производительныхъ силъ, а слѣдовательно, и его постепеннаго освобожденія изъ-подъ ея власти,—отношенія производства, общественныя отно-

¹⁾ Монтескье говорилъ: дана географическая среда—даны свойства общественнаго союза: въ одной географической средѣ можетъ существовать только деспотизмъ, въ другой—только небольшія независимыя республиканскія общества и т. д. Нѣтъ, возражалъ Вольтеръ, въ одной и той же географической средѣ, съ теченіемъ времени, помѣняются различныя общественныя отношенія, слѣдовательно, географическая среда не имѣетъ вліянія на историческую судьбу человѣчества: все дѣло въ мнѣніяхъ людей. Монтескье видѣлъ одну сторону антиноміи; Вольтеръ и его единомышленники—другую. Разрѣшалась эта антиномія обыкновенно лишь помощью *взаимодѣйствія*. *Діалектическій матеріализмъ* признаетъ, какъ мы видимъ, существованіе взаимодѣйствія, но онъ при этомъ объясняетъ его, указывая на развитіе производительныхъ силъ. Антиномія, которую просвѣтителѣ могли, въ лучшемъ случаѣ, лишь спрятать въ карманъ, разрѣшается очень просто: *діалектическій разумъ* и здѣсь оказывается безконечно сильнѣе здраваго смысла («разсудка») просвѣтителей.

шенія, собственной логикой своего развитія, приводятъ человѣка къ сознанию причинъ его порабощенія *экономической* необходимостью. Этимъ дается возможность новаго и окончательнаго торжества *сознанія* надъ *необходимостью*, *разума* надъ *слѣпымъ закономъ*.

Сознаны, что причина его порабощенія продукту лежитъ въ анархїи производства, производитель («общественный человѣкъ») организуетъ это производство и тѣмъ самымъ подчиняетъ его своей волѣ. Тогда оканчивается царство *необходимости*, и воцаряется *свобода*, которая сама оказывается *необходимой*. Прологъ *человѣческой исторїи* сыгранъ, начинается исторїя ¹⁾.

¹⁾ Послѣ всего сказаннаго ясно, надѣмся, и отношеніе ученія Маркса къ ученію Дарвина. Дарвину удалось рѣшить вопросъ о томъ, какъ происходятъ растительные и животныя виды въ борьбѣ за существованіе. Марксу удалось рѣшить вопросъ о томъ, какъ возникаютъ различныя виды общественной организаціи въ борьбѣ людей за ихъ существованіе. Логически, изслѣдованіе Маркса начинается какъ разъ тамъ, гдѣ кончается изслѣдованіе Дарвина. Животныя и растенія находятся подъ вліяніемъ *физической* среды. На общественнаго человѣка физическая среда дѣйствуетъ черезъ посредство тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя возникаютъ на основѣ производительныхъ силъ, первоначально развивающихся болѣе или менѣе быстро, смотря по свойствамъ физической среды. Дарвинъ объясняетъ происхожденіе видовъ не *прирожденной* будто бы животному организму тенденціей къ развитію, какъ это дѣлалъ еще Ламаркъ, а приспособленіемъ организма къ условіямъ, въѣ его находящимся: не *природой* организма, а свойствами *внѣшней природы*. Маркъ объясняетъ историческое развитіе человѣчества не *природой* человека, а свойствами тѣхъ общественныхъ *отношеній* между людьми, которыя возникаютъ при воздѣйствіи общественнаго человѣка на *внѣшнюю природу*. Духъ изслѣдованія рѣшительно одинаковъ у обоихъ мыслителей. Вотъ почему можно сказать, что марксизмъ есть дарвинизмъ въ его примѣненіи къ общественнаго знанію (мы знаемъ, что *хронологически* это не такъ, но это не важно). И это единственное *научное* его примѣненіе, потому что тѣ выводы, которые дѣлали изъ дарвинизма нѣкоторые буржуазныя писатели, были не научнымъ его примѣненіемъ къ изученію развитія общественнаго человѣка, а просто буржуазной утопій, нравственной проповѣдью очень некрасиваго содержанія, подобно тому, какъ гг. субъективисты занимаются проповѣданіемъ красиваго содержанія. Буржуазныя писатели, ссылаясь на Дарвина, въ дѣйствительности рекомендовали своимъ читателямъ не *научные* приемы Дарвина, а *только зѣвскіе инстинкты* тѣхъ животныхъ, о которыхъ у

Такимъ образомъ, діалектическій матеріализмъ не только не стремится, какъ это приписываютъ ему противники, убѣдить человѣка, что негѣно возставать противъ экономической необходимости, но онъ впервые указываетъ, какъ справиться съ нею. Такъ, устраняется *неизбѣжный фаталистическій* характеръ, свойственный *матеріализму метафизическому*. И точно такимъ же образомъ устраняется всякое основаніе для того пессимизма, къ которому, какъ мы это видимъ, необходимо приводить послѣдовательное *идеалистическое* мышленіе. Отдѣльная личность есть лишь пѣна на поверхности волны, люди подчинены желѣзному закону, который можно лишь узнать, но который невозможно подчинить человѣческой волѣ, говорилъ Георгъ Бюхнеръ. Нѣтъ, отиѣчаетъ Марксъ, разъ мы узнали этотъ желѣзный законъ, отъ насъ зависитъ свергнуть его иго, отъ насъ зависитъ сдѣлать *необходимость* послушной рабой разума.

Я—червь, говоритъ идеалистъ. Я—червь, пока я невѣжественъ, возражаетъ матеріалистъ-діалектикъ; я—богъ, когда я знаю. *Tantum possumus, quantum scimus!*

И противъ этой-то теоріи, которая впервые прочно обосновала права человѣческаго разума, которая впервые стала разсматривать разумъ не какъ безсильную игрушку случайности, а какъ великую, непреборимую силу, возстають во имя, будто бы, поправныхъ ею правъ того же разума, во имя, будто бы, пренебрегаемыхъ ею идеаловъ! И эту-то теорію смѣють обвинять въ квітизмѣ, въ стремленіи примириться съ окружающимъ, чуть-ли не поддѣзываться къ нему, какъ Молчалинъ поддѣзывался ко всѣмъ, кто былъ выше его чиномъ!

Діалектическій матеріализмъ ¹⁾ говоритъ: человѣческій ра-

Дарвина шла рѣчь. Марксъ сходится съ Дарвиномъ; буржуазные писатели сходится съ *звѣрами и скотами, которыхъ изучалъ Дарвинъ*.

¹⁾ Мы употребляемъ терминъ, «діалектическій матеріализмъ», который одинъ только и можетъ правильно характеризовать философію Маркса. Гольбахъ и Гельвецій были матеріалистами-метафизиками. Они боролись съ *метафизическимъ* идеализмомъ. Ихъ матеріализмъ уступилъ мѣсто *діалектическому идеализму*, который, въ свою очередь, былъ побѣжденъ *діалектическимъ матеріализмомъ*. Выраженіе «экономическій матеріализмъ» крайне

зумъ не могъ быть деміургомъ исторіи, потому что онъ самъ является *ея продуктомъ*. Но разъ явился этотъ продуктъ, онъ *не* долженъ, и по самой природѣ своей онъ *не можетъ* подчиниться завѣщанной прежнею исторіей дѣйствительности, онъ по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобію, *сдѣлать ее разумной*.

Діалектическій матеріализмъ говоритъ подобно гетевскому Фаусту:

Im Anfang war die That!

Дѣйствіе (законосообразная дѣятельность людей въ общественно-производительномъ процессѣ) объясняетъ матеріалисту-діалектику историческое развитіе разума общественнаго человѣка ¹⁾. Къ дѣйствію же сводится вся его *практическая философія*. *Діалектическій матеріализмъ есть философія дѣйствія*.

Когда субъективный мыслитель говоритъ: *«мой идеаль»*,— онъ тѣмъ самымъ говоритъ: *торжество слѣпой необходимости*. Субъективный мыслитель не умѣетъ обосновать свой идеаль на процессѣ развитія дѣйствительности, поэтому у него тотчасъ же за стѣнами крошечнаго садика идеала начинается необъятное поле случайности, а слѣдовательно, и слѣпой необходимости. Діалектическій матеріализмъ указываетъ тѣ приемы, съ помощью которыхъ все это необъятное поле можно превратить въ цвѣтущій *садъ идеала*. Онъ прибавляетъ только, что средства для этого превращенія скрыты *въ недрахъ самого этого поля, что надо найти ихъ и умѣть воспользоваться ими*.

Діалектическій матеріализмъ не ограничиваетъ, подобно субъективизму, правъ человѣческаго разума. Онъ знаетъ, что права разума необъятны и неограничены, какъ и его силы. Онъ говоритъ: все что есть разумнаго въ человѣческой головѣ, т.-е. все то, что представляетъ собою не иллюзію, а истинное

неудачно. Марксъ никогда не называлъ себя экономическимъ матеріалистомъ.

¹⁾ «Общественная жизнь есть жизнь практическая по преимуществу. Все таинственное, все то, что ведетъ теорію къ мистицизму, находитъ рациональное рѣшеніе въ человѣческой практикѣ и въ пониманіи этой практики» (Марксъ).

познаніе дѣйствительности, непременно перейдетъ въ эту дѣйствительность, непременно внесетъ въ нее свою долю разумности.

Отсюда видно, въ чемъ заключается, по мнѣнію матеріалистовъ-діалектиковъ, роль личности въ исторіи. Далекіе отъ того, чтобы сводить эту роль къ нулю, они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный, терминъ, издо признать *совершенно, исключительно идеалистической*. Такъ какъ человѣческой разумъ можетъ восторжествовать надъ слѣпой необходимостью, только познавъ ея собственные, внутренніе законы, только побивъ ее ея собственной силой, то развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія является величайшей, благороднѣйшей задачей мыслящей личности. Licht, mehr Licht! вотъ что нужно прежде всего.

Но если уже давно сказано, что никто не зажигаетъ свѣтильника для того, чтобы оставить его подъ снудомъ, то матеріалисты-діалектики прибавляютъ: не слѣдуетъ оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ «интеллигенціи»! Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтою. Оно начнетъ приближаться къ намъ семимильными шагами лишь тогда, когда сама толпа станетъ героемъ историческаго дѣйствія, и когда въ ней, въ этой сѣрой массѣ, разовьется соответствующее этому самосознаніе. Развивайте человѣческое сознаніе, сказали мы. Развивайте самосознаніе производителей, прибавляемъ мы теперь. Субъективная философія кажется намъ вредной именно потому, что она мѣшаетъ интеллигенціи содѣйствовать развитію этого самосознанія, противопоставляя толпу героямъ, воображая, что толпа есть не болѣе, какъ совокупность вулей, значеніе которыхъ зависитъ лишь отъ идеаловъ становящагося во главѣ ея героя.

Было бы болото, черти будутъ, говоритъ народная пословица. Были бы герои, толпа для нихъ найдется, говорятъ субъек-

тивисты, и эти герои, это—мы, это—субъективная интеллигенція. На это мы отвѣчаемъ: ваше противопоставленіе героевъ толпѣ есть простое самомнѣніе и потому самообманъ. И вы останетесь простыми... говорунами до тѣхъ поръ, пока не поймете, что для торжества вашихъ же идеаловъ надо устранить самую возможность такого противопоставленія, надо разбудить въ толпѣ героическое самосознаніе ¹⁾.

Мнѣнія правятъ міромъ, говорили французскіе матеріалисты; мы—представители мнѣній, поэтому мы деміурги исторіи, мы герои, за которыми толпѣ остается слѣдовать. Эта узкость взглядовъ соответствовала исключительности положенія французскихъ просвѣтителей. Они были представителями буржуазіи.

Современный діалектическій матеріализмъ стремится къ устраненію классовъ, онъ и появился тогда, когда это устраненіе сдѣлалось исторической необходимостью. Поэтому онъ обращается къ производителямъ, которые должны сдѣлаться героями ближайшаго историческаго періода; поэтому въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ нашъ міръ существуетъ и земля обращается вокругъ солнца, происходитъ сближеніе науки съ работниками: наука спѣшитъ на помощь трудящейся массѣ; трудящаяся масса опирается на выводы науки въ своемъ сознательномъ движеніи.

Если все это не богѣе, какъ метафизика, то мы право уже не знаемъ, что называютъ наши противники метафизикой.

— Но все, что вы говорите, относится лишь къ области пророчествъ, все это одни гаданія, принимающія нѣсколько стройный видъ лишь благодаря фокусамъ гегелевской діалектики; вотъ почему мы называемъ васъ метафизиками, отвѣчаютъ гг. субъективисты.

Мы уже показали, что припутывать къ нашему спору «тріаду» можно только, не имѣя о ней ни малѣйшаго понятія. Мы

¹⁾ «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist». Marx, Die Heilige Familie, S. 120.

уже показали, что у самого Гегеля она никогда не играла роли *довода*, и что она вовсе не составляет отличительной черты *его философии*. Мы показали также, смѣемъ думать, что не ссылки на триаду, а научное изслѣдованіе историческаго процесса составляет силу діалектическаго матеріализма. Поэтому мы могли бы теперь оставить это возраженіе безъ всякаго вниманія. Но мы полагаемъ, что читателю не бесполезно будетъ припомнить слѣдующій интересный фактъ изъ исторіи русской литературы семидесятыхъ годовъ.

Разбирая «Капиталъ», г. Ю. Жуковскій замѣтилъ, что авторъ его въ своихъ, какъ теперь говорятъ, гадаціяхъ опирается лишь на «*формальныя*» соображенія, что его аргументація представляетъ собою лишь бессознательную игру понятіями. Вотъ что отвѣчалъ на это обвиненіе покойный Н. Зиберъ:

«Мы остаемся при томъ убѣжденіи, что изслѣдованіе задачи матеріальной всюду предшествуетъ у Маркса формальной сторонѣ его работы. Мы полагаемъ, что если бы г. Жуковскій прочелъ книгу Маркса внимательно и безпристрастнѣе, то онъ самъ согласился бы съ нами въ этомъ. Тогда онъ несомнѣнно увидалъ бы, что именно изслѣдованіемъ матеріальныхъ-то условій того періода капиталистическаго развитія, который мы переживаемъ, авторъ «Капитала» и доказываетъ, что человечество ставитъ себѣ одиѣ лишь разубнимыя задачи. Марксъ шагъ за шагомъ ведетъ своихъ читателей по лабиринту капиталистическаго производства и, анализируя всѣ составныя его элементы, даетъ понятъ намъ временный его характеръ»¹⁾.

«Возьмемъ... фабричную промышленность,— продолжаетъ Н. Зиберъ,—съ ея непрерывной перемѣной рукъ при каждой операціи, съ ея лихорадочнымъ движеніемъ, бросающимъ рабочихъ чуть не ежедневно изъ одной фабрики въ другую,—развѣ не являются ея матеріальныя условія подготовительной средою

¹⁾ «Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Ю. Жуковскаго «Карлъ Марксъ и его книга о капиталѣ». Н. Зиберъ. Отеч. Зап. 1877 г. ноябрь, стр. 6.

для новыхъ формъ общественнаго склада, общественной коопераціи? Развѣ не въ томъ же направленіи идетъ и дѣйствіе періодически повторяющихся экономическихъ кризисовъ? Развѣ не къ той же цѣли стремится сокращеніе рынковъ, уменьшеніе продолжительности рабочаго дня, соперничество разныхъ странъ на общемъ рынкѣ, побѣда большаго капитала надъ капиталомъ незначительныхъ размѣровъ?..» Указавъ затѣмъ на вѣроятное быстрое увеличеніе производительныхъ силъ въ процессѣ развитія капитализма, Н. Зиберъ опять спрашивалъ: «Или все это не матеріальныя, а чисто формальныя преобразованія?.. Развѣ, напр., не фактическое противорѣчіе капиталистической продукціи то обстоятельство, что она заваливаетъ періодически товарами всемірный рынокъ и заставляетъ голодать миллионы въ то время, когда предметовъ потребленія слишкомъ много?.. Развѣ, далѣе, это не фактическое противорѣчіе капитализма, въ которомъ, мимоходомъ будь замѣчено, охотно сознаются сами владѣльцы капитала, что онъ въ одно и то же время освобождаетъ отъ работы множество народа и жалуется на недостатокъ рабочихъ рукъ? Развѣ не фактическое его противорѣчіе, — что средства къ уменьшенію работы, каковы механическія и другія улучшенія и усовершенствованія, онъ превращаетъ въ средства удлиненія рабочаго дня? Развѣ не фактическое противорѣчіе, что, ратуя за неприкосновенность собственности, капитализмъ лишаетъ большинство крестьянъ земли и держитъ на одной задѣльной платѣ громадное большинство народонаселенія? Развѣ все это и многое другое одна лишь метафизика и ничего этого нѣтъ на дѣлѣ? Но достаточно взять въ руки любой номеръ англійскаго *Economist'a*, чтобы немедленно убѣдиться въ противномъ. Итакъ, изслѣдователю наличнаго общественно-экономическаго быта нѣтъ вовсе надобности въ искусственномъ подведеніи капиталистическаго производства подъ заранѣе придуманныя формальныя, діалектическія противорѣчія: на его вѣкъ съ избыткомъ хватить и однихъ дѣйствительныхъ противорѣчій».

Отвѣтъ Зибера, убѣдительный по своему содержанію, былъ мягокъ по формѣ. Совершенно другой характеръ имѣетъ отвѣтъ

тому же г. Жуковскому, послѣдовавшій со стороны г. Михайловскаго.

Нашъ почтенный субъективистъ и до сихъ поръ понимаетъ то сочиненіе, которое онъ защищалъ тогда, крайне «узко», чтобы не сказать однобоко, и старается даже другихъ увѣрить въ томъ, что однобокое его пониманіе именно и есть правильная его оцѣнка. Разумѣется, такой человекъ не могъ быть надежнымъ защитникомъ «Капитала». Поэтому его отвѣтъ преисполненъ самыхъ ребяческихъ курьезовъ. Вотъ, напр., одинъ изъ нихъ. Обвиненіе Маркса въ формализмъ, въ злоупотребленіи гегелевской діалектикой г. Жуковскій подтверждалъ, между прочимъ, ссылкой на одно мѣсто изъ предисловія къ книгѣ «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Г. Михайловскій находилъ, что противникъ Маркса «справедливо видѣлъ отраженіе гегелевской философіи» въ этомъ предисловіи: «Если бы Марксъ написалъ только это предисловіе къ «Zur Kritik», то г. Жуковскій былъ бы совершенно правъ¹⁾», т.-е. было бы доказано, что Марксъ не болѣе, какъ формалистъ и гегельянецъ. Тутъ г. Михайловскій такъ удачно попалъ пальцемъ въ небо, до такой степени «исчерпалъ» актъ подобнаго попаданія, что невольно спрашиваешь себя:—да читалъ-ли нашъ, тогда еще подававшій надежды, авторъ указанное предисловіе? Можно было бы привести и еще нѣсколько подобныхъ курьезовъ (одинъ изъ нихъ будетъ указанъ ниже), но не въ нихъ теперь дѣло. Какъ ни плохо понималъ Маркса г. Михайловскій, онъ всетаки тотчасъ же увидѣлъ, что г. Жуковскій «сболтнулъ» на счетъ «формализма»; онъ всетаки сообразилъ, что такая болтовня есть простой продуктъ «без... церемонности».

«Если-бы Марксъ сказалъ,—справедливо замѣтилъ г. Михайловскій:—законъ развитія современнаго общества таковъ, что оно само спонтанейно отрицаетъ свое предыдущее состояніе и затѣмъ отрицаетъ это отрицаніе, примиря противорѣчія пройденныхъ стадій въ единствѣ индивидуальной и общинной собственности; если бы онъ сказалъ это и только это (хотя бы и на

¹⁾ Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II, стр. 356.

многихъ страницахъ), то онъ былъ бы чистымъ гегельянцемъ, строящимъ законы исторіи изъ глубины своего духа и уснокованяющимся на чисто формальныхъ, т.-е. независимыхъ отъ содержанія, принципахъ. Но вѣдь всякій, читавшій «Капиталь», знаетъ, что онъ сказалъ не только это». По словамъ г. Михайловскаго, гегельянскую формулу можно такъ же легко снять съ втиснутаго будто въ нее Марксомъ экономического содержанія, какъ перчатку съ руки или шляпу съ головы: «Относительно пройденныхъ ступеней экономического развитія тутъ даже никакихъ сомнѣній быть не можетъ... Столь же несомнѣнно и дальнѣйшее теченіе процесса: сосредоточеніе средствъ производства все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ. На счетъ будущаго могутъ быть, конечно, сомнѣнія. Марксъ полагаетъ, что такъ какъ концентрація капитала сопровождается обобществленіемъ труда, то это послѣднее и составитъ ту экономическую и нравственную почву (какъ же это обобществленіе труда, «составить» нравственную почву? и какъ же быть съ «саморазвитіемъ формъ»?), на которой вырастутъ новые юридическіе и политическіе порядки. Г. Жуковскій имѣлъ полное право называть это построеніе гадательнымъ, но не имѣлъ никакого права (нравственного разумѣется) совершенно умолчать о значеніи, какое Марксъ придаетъ процессу обобществленія»¹⁾.

Весь «Капиталь», — справедливо замѣчаетъ г. Михайловскій, — посвященъ изслѣдованію того, какъ разъ возникшая общественная форма все развивается, усиливаетъ свои типическія черты, подчиняя себѣ, ассимилируя открытія, изобрѣтенія, улучшенія способовъ производства, новые рынки, самую науку, заставляя ихъ работать на себя, и какъ, наконецъ, дальнѣйшихъ измѣненій матеріальныхъ условій данная форма выдержать не можетъ»²⁾.

У Маркса «именно анализъ отношеній данной общественной формы (т.-е. капитализма, г. Михайловскій, не правда-ли? Б.) къ матеріальнымъ условіямъ ея существованія (т.-е. къ произ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 353—354.

²⁾ Тамъ же, стр. 357.

водительнымъ силамъ, дѣлающимъ существованіе капиталистической формы производства все болѣе и болѣе непрочнымъ, не правда-ли г. Михайловскій? Б.) навсегда останется памятникомъ логической системы и громадной эрудиціи автора. Г. Жуковскій имѣеть нравственное мужество утверждать, что этотъ вопросъ Марксъ и обходитъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Остается только съ изумленіемъ слѣдить за дальнѣйшими головоломными упражненіями критика, кувыркающагося на потѣху публики, одна часть которой, безъ сомнѣнія, сразу пойметъ, что передъ ней ломается отважный акробатъ, но другая, чего добраго, придастъ достойному удивленія зрѣлищу совсѣмъ другое значеніе»¹⁾.

Summa summarum: если г. Жуковскій обвинялъ Маркса въ формализмѣ, то это обвиненіе, по словамъ г. Михайловскаго, представляло «одну большую ложь, состоящую изъ ряда маленькихъ лжей».

Строгъ этотъ приговоръ, но совершенно справедливъ. А если онъ былъ справедливъ по отношенію къ г. Жуковскому, то онъ справедливъ и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые повторяютъ нынѣ, что «гаданія» Маркса основаны лишь на гегелевской триадѣ. А если такой приговоръ справедливъ по отношенію ко всѣмъ такимъ людямъ, то... потрудитесь прочесть сію выписку:

«Онъ (Марксъ) до такой степени наполнилъ пустую діалектическую схему фактическимъ содержаніемъ, что ее можно снять съ этого содержанія, какъ крышку съ чашки, ничего не изменивъ, ничего не повредивъ, за исключеніемъ одного только пункта, правда, огромной важности. А именно, относительно будущаго «симманентные» законы общества поставлены исключительно діалектически. Для правовѣрнаго гегельянца достаточно сказать, что за «отрицаніемъ» должно слѣдовать «отрицаніе отрицанія»; но непричастные къ гегелевской мудрости не могутъ этимъ довольствоваться, для нихъ діалектической выводъ не есть доказательство, и повѣрившій ему не-гегельянецъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 357—358.

долженъ знать, что онъ именно только повѣрилъ, а не убѣдился»¹⁾).

Г. Михайловскій произнесъ свой собственный приговоръ.

Г. Михайловскій самъ сознаетъ, что онъ повторяетъ теперь слова г. Ю. Жуковскаго на счетъ «формальности» доводовъ Маркса въ пользу «гаданій». Онъ не забылъ своей статьи «Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго» и даже опасается, какъ бы не вспомнилъ о ней некстати и его читатель. Поэтому, онъ сначала дѣлаетъ видъ, будто и теперь говорить то же, что говорилъ въ семидесятыхъ годахъ. Съ этою цѣлью онъ повторяетъ, что «діалектическую схему» можно снять, «какъ крышку» и проч. Но затѣмъ слѣдуетъ *«одинъ только пунктъ»*, въ отношеніи къ которому г. Михайловскій, потихоньку отъ читателя, совершенно сходится теперь съ г. Ю. Жуковскимъ. Но этотъ «одинъ только пунктъ» и есть тотъ самый пунктъ *«огромной важности»*, который послужилъ поводомъ къ изобличенію г. Жуковскаго въ «акробатствѣ».

Въ 1877 г. г. Михайловскій говорилъ что Марксъ и на счетъ будущаго—т.е. именно на счетъ «одного пункта огромной важности»—не ограничился ссылкой на Гегеля. Теперь у г. Михайловскаго выходитъ, что—*ограничился*. Въ 1877 г. г. Михайловскій говорилъ, что Марксъ съ поразительной «логической силой», съ «громадной эрудиціей» показалъ, какъ «данная форма» (т.е. капитализмъ) «не можетъ выдержать» дальнѣйшихъ измѣненій *«матеріальныхъ условій»* своего существованія. Это относилось именно къ «одному пункту огромной важности». Теперь г. Михайловскій забылъ, какъ много убѣдительнаго сказалъ Марксъ по поводу этого пункта, и какъ много логической силы и громадной эрудиціи онъ при этомъ обнаружилъ. Въ 1877 г. г. Михайловскій удивлялся тому «нравственному мужеству», съ которымъ г. Жуковскій умолчалъ о томъ, что Марксъ, въ подтвержденіе своихъ гаданій, ссылался на обобществленіе труда, уже совершающагося въ капиталистическомъ обществѣ. Это тоже относилось къ «одному пункту

¹⁾ «Русское Богатство». Февраль, 1894 г., Отд. II, стр. 150—151.

огромной важности». Въ настоящее время г. Михайловскій увѣряетъ читателей, что Марксъ насчетъ этого пункта гадаеть «исключительно діалектически». Въ 1877 году «всякій читавшій «Капиталъ»» зналъ, что Марксъ «сказалъ не только это», теперь оказывается, что «только это», и что увѣренность его послѣдователей относительно будущаго «держится исключительно на концѣ гегелевской трехчленной цѣпи» ¹⁾). Какой, съ Божьей помощью, поворотъ!

Г. Михайловскій произнесъ свой собственный приговоръ и сознаеть, что произнесъ его.

Но съ чего же это вздумалось г. Михайловскому подводить себя подъ дѣйствіе безпощаднаго, имъ же самимъ произнесеннаго, приговора? Неужели этотъ человѣкъ, страстно обличавшій, прежде литературныхъ «акробатовъ», на старости лѣтъ самъ почувствовалъ склонность къ акробатскому художеству? Неужели возможны такія превращенія? Всякія превращенія возможны, читатель! И люди, съ которыми случаются подобныя превращенія, достойны всякаго порицанія. Не мы будемъ оправдывать ихъ. Но и къ нимъ надо относиться, что называется, по человѣчеству. Припомните глубоко гуманныя слова автора приличаній къ Миллю: когда человѣкъ поступаетъ плохо, то тутъ часто не столько вина его, сколько бѣда его; припомните, что говорилъ тотъ же авторъ по поводу литературной дѣятельности Н. А. Полевого:

«Н. А. Полевой былъ послѣдователемъ Кузена, котораго считалъ разрѣшителемъ всѣхъ премудростей и величайшимъ философомъ въ мірѣ... послѣдователь Кузена не могъ примириться съ гегелевской философійю, и когда гегелевская философія проникла въ русскую литературу,—учевики Кузена оказались отсталыми людьми,—и ничего нравственно-преступнаго съ ихъ стороны не было въ томъ, что они защищали свои убѣжденія и называли нелѣпымъ то, что говорили люди, опережившіе ихъ въ умственномъ движеніи: нельзя обвинять человека за то, что другіе, одаренные болѣе свѣжими силами и

¹⁾ Та же статья, стр. 166.

большою рѣшительностью, опередили его, — они правы, потому что ближе къ истинѣ, но и онъ не виноватъ, онъ только ошибается»¹⁾.

Г. Михайловскій всю жизнь свою былъ эклектикомъ. Примириться съ исторической философiей Маркса онъ не могъ по всему складу своего ума, по всему характеру своего предыдущаго, — если такъ можно выразиться по отношенiю къ г. Михайловскому, — философскаго образованiя. Когда идеи Маркса стали проникать въ Россiю, онъ сначала попробовалъ защищать ихъ, причеиъ дѣло не обошлось, разумеется, безъ многочисленныхъ оговорокъ и безъ весьма значительныхъ «недоумѣнiй». Онъ думалъ тогда, что и эти идеи ему удастся смолотъ на своей эклектической мельницѣ, и, такимъ путемъ, внести еще болѣе разнообразiя въ свою умственную пищу. Потомъ онъ увидѣлъ, что для украшенiя мозаичныхъ работъ, называемыхъ мiросозерцанiемъ эклектиковъ, идеи Маркса совсѣмъ не годятся, что ихъ распространенiе грозитъ разрушить любезную ему мозаику. Вотъ онъ и ополчился на эти идеи. Конечно, онъ тотчасъ же оказался при этомъ отстающимъ человекомъ, но, право же, намъ кажется, что онъ не виноватъ, что онъ только ошибается.

— Но вѣдь все это не оправдываетъ акробатства!

— Да мы и не оправдываемъ его, а только указываемъ на смягчающiя обстоятельства: совершенно незамѣтнымъ для себя образомъ г. Михайловскій, благодаря развитiю русской общественной мысли, попалъ въ такое положенiе, изъ котораго только и можно выпутываться посредствомъ акробатства. Есть, правда, и еще выходъ, но на него рѣшился бы только человекъ, полный истиннаго героизма. Этотъ выходъ — сложить свое эклектическое оружье.

¹⁾ Очерки гоголевскаго перiода русской литературы. С.-Петербургъ, 1892 г., стр. 24—25.

Студенческое Рязанское
Института
Историко-Политическое

Заключеніе

До сихъ поръ мы, излагая идеи Маркса, разсматривали преимущественно тѣ возраженія, которыя дѣлаются ему съ теоретической точки зрѣнія. Теперь намъ полезно будетъ ознакомиться и съ «практическимъ разумомъ» по крайней мѣрѣ нѣкоторой части его противниковъ. При этомъ мы употребимъ приемъ *сравнительно-историческій*. Другими словами, мы разсмотримъ сначала, какъ встрѣтилъ идеи Маркса «практическій разумъ» *нѣмецкихъ утопистовъ*, а потомъ уже обратимся къ разуму нашихъ дорогихъ и уважаемыхъ соотечественниковъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, у Маркса и Энгельса происходила интересная полемика съ извѣстнымъ Карломъ Гейнценомъ. Полемика сразу приняла горячій характеръ. Карлъ Гейнценъ старался, что называется, выщучивать идеи своихъ противниковъ и обнаружилъ въ этомъ занятіи ловкость, которая ни въ чемъ не уступаетъ подобной же ловкости г. Михайловскаго. Марксъ и Энгельсъ въ долгу, разумѣется, не оставались. Не обошлось и безъ рѣзкостей. Гейнценъ называлъ Энгельса «легкомысленнымъ, дерзкимъ мальчишкой», Марксъ называлъ Гейнца представителемъ *der grobianischen Literatur*, а Энгельсъ объявилъ его «невѣжественнѣйшимъ человѣкомъ своего столѣтія». Вокругъ чего же вертелся споръ? Какіе взгляды приписывалъ Гейнценъ Марксу и Энгельсу? А вотъ какіе.

Гейнценъ увѣрялъ, что, съ точки зрѣнія Маркса, *ничего было дѣлать въ тогдашней Германіи* человѣку, проникнутому маломальски благородными намѣреніями. Но Марксу, говорилъ Гейнценъ, «должно сначала наступить господство буржуазіи, которое должно сфабриковать фабричный пролетаріатъ», который уже съ своей стороны начнетъ дѣйствовать ¹⁾.

¹⁾ Die Helden des deutschen Kommunismus, Bern, 1848, s. 21.

Марксъ и Энгельсъ «не принимали въ соображеніе *того* пролетаріата, который созданъ тридцатью четырьмя нѣмецкими вампирами», т.-е., иначе сказать, всего нѣмецкаго народа, за исключеніемъ фабричныхъ рабочихъ (слово «пролетаріатъ» означаетъ у Гейнца лишь бѣдственное положеніе этого народа). Этотъ многочисленный пролетаріатъ не имѣлъ будто бы, по мнѣнію Маркса, никакого права требовать лучшаго будущаго, потому что онъ носилъ на себѣ *«лишь клеймо униженія, а не фабричный штемпель: онъ долженъ терпѣливо голодать и умирать съ голоду (hungern und verhungern) до тѣхъ поръ, пока Германія не сдѣлается Англіей. Фабрика есть школа, которую народъ необходимо долженъ предварительно пройти для того, чтобы имѣть право взяться за улучшение своего положенія»*¹⁾.

Всякій, хоть немного знакомый съ исторіей Германіи, знаетъ теперь, до какой степени велики были эти обвиненія Гейнца. Всякій знаетъ, закрывали-ли Марксъ и Энгельсъ глаза на бѣдственное положеніе нѣмецкаго народа. Всякій понимаетъ, справедливо-ли было приписывать имъ ту мысль, что въ Германіи нечего дѣлать благородному человѣку, пока она не сдѣлается Англіей: кажется, эти люди дѣлали кое-что и не дожидаясь подобнаго превращенія своего отечества. Но почему же приписывать имъ Гейнценъ весь этотъ вздоръ? Неужели по недобросовѣстности? Нѣтъ, мы опять скажемъ: тутъ была не вина его, а скорѣе бѣда его. Онъ просто не повялъ взглядовъ Маркса и Энгельса, и потому они показались ему вредными, а такъ какъ онъ горячо любилъ свою страну, то онъ и ополчился противъ этихъ, будто бы, вредныхъ взглядовъ. Но непониманіе—плохой совѣтникъ и очень ненадежный помощникъ въ спорѣ. Вотъ почему Гейнценъ и очутился въ самомъ великомъ положеніи. Онъ былъ очень остроумный человѣкъ, но безъ пониманія на одномъ остроуміи далеко не уѣдешь, и теперь *«des rieurs» не на его сторонѣ.*

На Гейнца, какъ видитъ читатель, приходится смотрѣть тѣми же глазами, какими надо смотрѣть у насъ, по поводу со-

¹⁾ Ibid. S. 22.

вершено аналогичнаго спора, напр., на г. Михайловскаго. Да и на одного-ли г. Михайловскаго? Вѣдь все тѣ, которые приписываютъ «ученикамъ» стремленіе опредѣлиться на службу къ Колушаевымъ и Разуваевымъ,—а имя имъ легионъ,—вѣдь все они повторяютъ ошибку Гейнца, вѣдь никто изъ нихъ не придумалъ ни одного возраженія противъ «экономическихъ» матеріалистовъ, какое уже не фигурировало бы, *почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ*, въ аргументаціи Гейнца. Если у нихъ есть что-нибудь оригинальное, такъ это одно: наивное незваніе того, до какой степени они не оригинальны. Имъ все хочется найти «новые пути» для Россіи, а по ихъ невѣжеству «бѣдная русская мысль» попадаетъ лишь на старые, полные рытвинъ, давно заброшенные пути европейской мысли. Странно это, но совершенно понятно, если примѣнить къ объясненію этого, повидимому, страннаго явленія, «категорію необходимости». *На извѣстной стадіи экономическаго развитія данной страны въ головахъ ея интеллигенціи «необходимо» вырастаютъ извѣстныя благозлупости.*

До чего комично было положеніе Гейнца въ спорѣ съ Марксомъ, покажетъ слѣдующій примѣръ. Онъ пристаивалъ къ своимъ противникамъ, требуя отъ нихъ подробнаго «идеала» будущаго: скажите, спрашивалъ онъ ихъ, какъ по вашему должны быть устроены имущественныя отношенія? Каковы должны быть предѣлы частной собственности, съ одной стороны, и общественной—съ другой. Они отвѣчали ему, что въ каждый данный моментъ имущественныя отношенія общества опредѣляются состояніемъ его производительныхъ силъ, и что, поэтому, можно указать лишь общее направленіе общественнаго развитія, но нельзя выработать заранее никакихъ точно опредѣленныхъ законопроектовъ; уже теперь можно сказать, что обобществленіе труда, создаваемое новѣйшей промышленностью, должно повести къ націонализаціи средствъ производства. Но нельзя сказать, въ какихъ предѣлахъ можно было бы осуществить эту націонализацію, положимъ, черезъ десять лѣтъ: это зависѣло бы отъ того, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ оказались бы тогда мелкая и крупная промышленность, круп-

ное землевладѣніе и крестьянская поземельная собственность и т. п. Ну, стало быть, у насъ нѣтъ никакого идеала, умо- заключающаго Гейнценъ: хорошъ идеалъ, который будетъ *сфабрикованъ лишь впоследствии машинами.*

Гейнценъ стоялъ на *утопической* точкѣ зрѣнія. Утопистъ, при выработкѣ своего «идеала», всегда исходитъ, какъ мы знаемъ, изъ какого-нибудь отвлеченнаго *понятія*,—напр., понятія о человѣческой природѣ,—или изъ какого-нибудь отвлеченнаго *принципа*, напр., принципа такихъ-то правъ личности, или принципа «индивидуальности» и т. п., и т. п. Разъ данъ такой принципъ, нетрудно, исходя изъ него, съ совершеннѣйшей точностью, съ мельчайшими подробностями опредѣлить, каковы *должны быть* (разумѣется, неизвѣстно, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ), положимъ, имущественныя отношенія людей. И понятно, что утопистъ съ удивленіемъ смотритъ на тѣхъ, которые говорятъ ему, что не можетъ быть такихъ имущественныхъ отношеній, которыя были бы хороши сами по себѣ, безъ отношенія къ обстоятельствамъ мѣста и времени. Ему кажется, что у такихъ людей совсѣмъ нѣтъ никакихъ «идеаловъ». Если читатель не совсѣмъ невнимательно слѣдилъ за нашимъ изложеніемъ, то онъ знаетъ, что въ этомъ случаѣ утопистъ очень неправъ. У Маркса и Энгельса былъ идеалъ и очень опредѣленный *идеалъ*: подчиненія *необходимости*—*свободѣ*, слѣбныхъ *экономическихъ силъ*—*силѣ человеческого разума*. Исходя изъ этого идеала, они и направляли свою практическую дѣятельность, которая заключалась, разумѣется, не въ служеніи буржуазіи, а въ развитіи самосознанія тѣхъ самыхъ производителей, которые должны современемъ стать господами своихъ продуктовъ.

Марксу и Энгельсу нечего было заботиться о превращеніи Германіи въ Англію или, какъ говорятъ теперь у насъ, о служеніи буржуазіи: буржуазія развивалась и безъ ихъ усилій, и невозможно было остановить этого развитія, т. е. не было такихъ общественныхъ силъ, которыя способны были бы сдѣлать это. Да и излишне было бы это дѣлать, потому что старые экономическіе порядки были, въ послѣдствіи счетъ, не лучше

буржуазныхъ, и въ сороковыхъ годахъ настолько устарѣли, что стали *вредны для всѣхъ*. Но невозможность остановить развитіе капиталистическаго производства еще не лишало мыслящихъ людей Германіи возможности *служить благосостоянію ея народа*. У буржуазіи есть свои неизбѣжные спутники: всѣ тѣ, которые дѣйствительно служатъ ея кошельку *въ силу экономической необходимости*. Чѣмъ развитѣе сознаніе этихъ невольныхъ слугъ, тѣмъ легче ихъ положеніе, тѣмъ сильнѣе ихъ сопротивленіе Колуцаевымъ и Разуваевымъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ. Марксъ и Энгельсъ и поставили себѣ задачей развивать это самосознаніе: согласно духу діалектическаго матеріализма, они съ самаго начала поставили передъ собою *совершенно, исключительно идеалистическую задачу*.

Критеріемъ идеала служить экономическая дѣйствительность. Такъ говорили Марксъ и Энгельсъ, и на этомъ основаніи ихъ заподозривали въ какомъ-то экономическомъ молчалиствѣ, въ готовности топтать въ грязь экономически слабаго и подслуживаться къ экономически сильному. Источникомъ такихъ подозрѣній было *метафизическое пониманіе того, что разумѣли Марксъ и Энгельсъ* подъ словами: *экономическая дѣйствительность*. Когда метафизикъ слышитъ, что общественный дѣятель долженъ опираться на дѣйствительность, онъ думаетъ, что ему совѣтуютъ мириться съ нею. Онъ не знаетъ, что во всякой экономической дѣйствительности существуютъ *противоположные элементы*, и что помириться съ дѣйствительностью значило бы помириться лишь съ однимъ изъ ея элементовъ, съ тѣмъ, который *владствуетъ* въ данное время. Матеріалисты-діалектики указывали и указываютъ на другой, враждебный этому элементу дѣйствительности, *на тотъ, изъ котораго зрится будущее*. Мы спрашиваемъ, опираться на *этотъ* элементъ, брать его критеріемъ своихъ «идеаловъ», значить-ли это прислуживаться къ Колуцаевымъ и Разуваевымъ?

Но если критеріемъ идеала должна являться экономическая дѣйствительность, то повятно, что *нравственный* критерій идеала оказывается *неудовлетворительнымъ*, не потому, что нравственные чувства людей заслуживаютъ пренебреженія или презрѣ-

нія, а потому, что эти чувства еще не указывают намъ правильного пути въ дѣлѣ служенія интересамъ нашихъ ближнихъ. Врачу недостаточно сочувствовать положенію своего больного: ему надо считаться съ *физическою дѣйствительностью* организма, опираться на нее въ борьбѣ съ нею же. Если бы врачъ вздумалъ довольствоваться нравственнымъ негодованіемъ противъ болѣзни, то онъ заслуживалъ бы самой злѣйшей насмѣшки. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и осмѣливалъ «морализирующую критику» и «критическую мораль» своихъ противниковъ. А противники думали, что онъ насмѣхается надъ «нравственностью». «Человѣческая нравственность и воля не имѣютъ цѣны въ глазахъ людей, которые сами не имѣютъ ни нравственности, ни воли», восклицалъ Гейнценъ ¹⁾.

Надо, однако, замѣтить, что если наши русскіе противники «экономическихъ» матеріалистовъ въ общемъ только повторяютъ, *sans le savoir*, доводы своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ, то все-таки они нѣсколько разнообразятъ свою аргументацію нѣкоторыми частностями. Такъ, напримеръ, нѣмецкіе утописты не предавались длиннымъ разсужденіямъ о «законѣ экономическаго развитія» Германіи. У насъ же разсужденія этого рода приняты поистинѣ ужасающіе размѣры. Читатель помнитъ, что г. В. В. еще въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ обѣщавъ открыть законъ экономическаго развитія Россіи. Правда, г. В. В. сталъ впоследствии побаиваться такого закона, но онъ самъ же показалъ при этомъ, что боится его лишь временно, лишь до той поры, пока русская интеллигенція не откроетъ очень хорошаго и очень добраго закона. Вообще же и г. В. В. охотно принимаетъ участіе въ безконечныхъ спорахъ о томъ, должна или не должна Россія пройти черезъ фазу капитализма. Еще съ семидесятыхъ годовъ къ этимъ спорамъ придутано было ученіе Маркса.

Какъ ведется у насъ такіе споры, показываетъ самоопытѣе слово г. С. Кривенко. Этотъ авторъ, возражая г. П. Струве,

¹⁾ Ibid. в. 22.

совѣтуетъ своему противнику получше вдуматься въ вопросъ объ «обязательности и добрыхъ послѣдствіяхъ капитализма».

«Если капиталистическій режимъ представляетъ роковую, неизбежную стадію развитія, черезъ которую должно пройти всякое человеческое общество, если передъ этою историческою необходимостью остается только склонить голову, то слѣдуетъ-ли прибѣгать къ мѣрамъ, которыя могутъ только замедлять наступленіе капиталистическаго порядка, и, наоборотъ, не слѣдуетъ-ли стараться облегчать переходъ къ нему и употреблять все усилія къ скорѣйшему его наступленію, т.-е. стараться о развитіи капиталистической промышленности и капитализаціи промысловъ, о развитіи кулачества... о разрушеніи общины, объ обезземленіи населенія и вообще о выкуриваніи лишняго мужика изъ деревни на фабрики?»¹⁾

Г-нъ С. Кривенко ставитъ тутъ собственно два вопроса: 1) представляетъ-ли собою капитализмъ роковую, неизбежную стадію? 2) если да, то какія вытекаютъ изъ этого практическія задачи? Остановимся на первомъ.

Г-нъ С. Кривенко правильно формулируетъ его къ томъ смыслѣ, что одна, и притомъ огромнѣйшая, часть вашей интеллигенціи въ такомъ именно видѣ и задавалась имъ: представляетъ-ли капитализмъ роковую, неизбежную стадію, черезъ которую должно пройти всякое человеческое общество? Одно время думали, что Марксъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, и очень огорчались этимъ. Когда было обнародовано извѣстное письмо Маркса, будто бы, къ г. Михайловскому²⁾, съ удивленіемъ увидѣли, что Марксъ не признавалъ обязательности этой стадіи, и тогда злорадно рѣшили: ну и пристыдили же онъ своихъ русскихъ учениковъ! Но злорадствовавшіе забыли французскую пословицу: *bien riga qui riga le dernier*.

Отъ начала до конца этого спора противники «русскихъ уче-

¹⁾ «Русское Богатство», декабрь 1893 г. Отд. II, стр. 189.

²⁾ Въ этомъ черновомъ, не получившемъ окончательной обработки, наброскѣ письма, Марксъ обращается не къ г. Михайловскому, а къ редактору «Отеч. Зал.». О г. Михайловскомъ Марксъ говоритъ въ третьемъ лицѣ.

никовъ Маркса» предавались самому «вещественному празднословію».

Дѣло въ томъ, что, разсуждая о применимости къ Россіи исторической теоріи Маркса, забыли бездѣлицу: забыли выяснить себѣ, въ чемъ же эта теорія заключается. И по истинѣ великолѣпенъ былъ тотъ просакъ, въ который попали, благодаря этому, наши субъективисты съ г. Михайловскимъ во главѣ.

Г. Михайловскій прочиталъ (если прочиталъ) предисловіе къ «Zur Kritik», въ которомъ изложена философско-историческая теорія Маркса, и рѣшилъ, что это не болѣе, какъ гегельяница. Не замѣтивъ слова тамъ, гдѣ слово дѣйствительно находилось, г. Михайловскій сталъ оглядываться по сторонамъ, и ему показалось, что онъ увидѣлъ, наконецъ, искомаго слова въ главѣ о первоначальномъ капиталистическомъ накопленіи, гдѣ рѣчь идетъ объ историческомъ движеніи западнаго капитализма, а вовсе не объ исторіи всего человѣчества.

Всякій процессъ безусловно «обязателенъ» тамъ, гдѣ онъ существуетъ. Такъ, напр., горѣніе спички обязательно для нея, разъ она загорѣлась; спичка «обязательно» гаснетъ, разъ процессъ горѣнія пришелъ къ концу. Въ «Капиталѣ» рѣчь идетъ о ходѣ капиталистическаго развитія, обязательнаго для тѣхъ странъ, гдѣ это развитіе имѣетъ мѣсто. Вообразивъ, что въ указанной главѣ «Капитала» онъ имѣетъ передъ собою цѣлую историческую философію, г. Михайловскій рѣшилъ, что, по мнѣнію Маркса, капиталистическое производство обязательно для всѣхъ странъ и для всѣхъ народовъ ¹⁾. Тогда онъ сталъ *мыслить*

¹⁾ См. статью: Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго, «О. З.» окт. 1877. «Въ шестой главѣ «Капитала» имѣется параграфъ, озаглавленный: «Такъ-называемое—первоначальное накопленіе». Здѣсь Марксъ имѣлъ въ виду историческій очеркъ первыхъ шаговъ капиталистическаго процесса производства, но далъ нѣчто гораздо большее—цѣлую философско-историческую теорію». Это, повторяемъ, совсѣтъ пустяки: историческая философія Маркса положена въ непониманіи г. Михайловскимъ предисловіи къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie», въ видѣ «нѣсколькихъ обобщающихъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ между собою идей». На это мимоходомъ Г. Михайловскій ухитрился не понять Маркса даже въ томъ, что касалось «обязательности» капиталистическаго процесса для Запада

по поводу затруднительнаго положенія тѣхъ русскихъ людей, которые и проч., и — шутникъ! — отдавъ должную дань своей субъективной потребности въ пытьѣ, онъ важно произнесъ, обращаясь къ г. Жуковскому: вы видите, и мы умѣемъ критиковать Маркса, и мы не слѣпо слѣдуемъ за тѣмъ, что *magister dixit!* Само собою разумѣется, что все это ни на шагъ не повдвинуло впередъ вопроса объ обязательности, но прочитавъ пытье г. Михайловскаго, Марксъ вознамѣрился, было, пойти къ нему на помощь. Онъ набросалъ въ видѣ письма къ редактору «О. З.» свои замѣчанія на статью г. Михайловскаго. Когда, послѣ смерти Маркса, набросокъ этотъ появился въ нашей печати, русскимъ людямъ, которые и проч., дана была, по крайней мѣрѣ, *возможность* правильно рѣшить вопросъ объ «обязательности».

Что могъ сказать Марксъ по поводу статьи г. Михайловскаго? Человѣкъ впасть въ бѣду, принявъ за философско-историческую теорію Маркса то, что вовсе ею не было. Ясно, что Марксу нужно было прежде всего выручить изъ бѣды подававшего надежды молодого русскаго писателя. Кромѣ того, русскій молодой писатель жаловался, что Марксъ приговариваетъ Россію къ капитализму. Надо было показать русскому писателю, что діалектическій матеріализмъ никакихъ странъ ни къ чему не приговариваетъ, что онъ не указываетъ пути, общаго и «обязательнаго» для всѣхъ народовъ во всякое данное время; что дальнѣйшее развитіе всякаго даннаго общества всегда зависитъ отъ соотношенія общественныхъ силъ внутри его, и что, поэтому, всякому серьезному человѣку надо, не гадая и не ноня по поводу какой-то фантастической «обязательности», изучить

Онъ увидалъ въ фабричномъ законодательствѣ «поправку» къ фатальной непреклонности историческаго процесса. Воображая, что по Марксу «экономическое» дѣйствуетъ само по себѣ, безъ всякаго участія людей, онъ былъ послѣдователемъ, видя поправку въ каждомъ вышнательствѣ людей въ ходъ своего производительнаго процесса. Онъ не зналъ только, что по Марксу само это вышнательство, *въ каждомъ данномъ своемъ видѣ*, есть неизбежный продуктъ данныхъ экономическихъ отношеній. Извольте спорить о Марксѣ съ людьми, которые не понимаютъ его съ такимъ замѣчательнымъ постоянствомъ!

прежде всего это соотношение: только такое изучение может показать, что «обязательно» и что «необязательно» для данного общества.

Все это и сдѣлалъ Марксъ. Прежде всего онъ обнаружилъ «недоумѣніе» г. Михайловскаго: «Въ главѣ о первоначальномъ накопленіи я хочу только нарисовать тотъ путь, какимъ въ Западной Европѣ капиталистическій строй вышелъ изъ нѣдръ феодаально-экономическаго строя. Въ ней, слѣдовательно, прослѣженъ тотъ ходъ историческихъ событій, которымъ производитель былъ оторванъ отъ средствъ производства, причѣмъ первый превратился въ наемнаго рабочаго (пролетарія въ современномъ смыслѣ слова), а послѣдній—въ капиталъ. Въ этой исторіи каждый переворотъ составляетъ эпоху, служа рычагомъ развитія класса капиталистовъ; главную же основу такого развитія составляетъ экспроприация земледѣльцевъ. Въ концѣ главы я говорю объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія, утверждая, что его послѣднимъ словомъ будетъ превращеніе капиталистической собственности въ собственность общественную. Въ этихъ заключительныхъ словахъ я не привожу никакихъ доказательствъ въ пользу сдѣланнаго утвержденія, по той простой причинѣ, что само оно есть нечто иное, какъ общій выводъ длиннаго ряда разсужденій о капиталистическомъ производствѣ».

Для лучшаго уясненія того обстоятельства, что г. Михайловскій привялъ за историческую теорію то, что такой теоріей не было и быть не могло, Марксъ указываетъ на примѣръ древняго Рима. Очень убѣдительный примѣръ! Въ самомъ дѣлѣ, если для всѣхъ народовъ «обязательно» пройти черезъ капитализмъ, то какъ же быть съ Римомъ, какъ быть со Спартой, какъ быть съ государствомъ Пиковъ, какъ быть со множествомъ другихъ народовъ, которые сошли съ исторической сцены, не исполнивъ никакой обязанности? Марксу судьба этихъ народовъ не осталась неизвѣстной; слѣдовательно, онъ не могъ говорить о повсюдной «обязательности» капиталистическаго процесса.

Моему критику, говоритъ Марксъ, «угодно было мой очеркъ

исторіи происхожденія западно-европейскаго капитализма превратить въ цѣлую историко-философскую теорію историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ предначертаннаго для каждаго изъ нихъ, каковы бы ни были условія его историческаго бытія. Но я прошу извинить меня: такое толкованіе для меня одновременно и слишкомъ почетно, и слишкомъ постыдно».

Ну еще бы нѣтъ! Въдѣ подобное толкованіе превращало Маркса въ одного изъ тѣхъ «людей съ формулами», надъ которыми онъ смѣялся еще въ своей полемикѣ съ Прудономъ. Г. Михайловскій приписалъ Марксу «формулу прогресса», а Марксъ отвѣтилъ: нѣтъ, покорнѣйше вѣсть благодарю, мнѣ этого добра не нужно.

Мы уже видѣли, какъ смотрѣли утописты на законы историческаго развитія (пусть припомнимъ читатель, что сказали мы о Сенъ-Симонѣ). Законосообразность историческаго движенія принимала у нихъ *мистическій* видъ; путь, по которому идетъ человѣчество, былъ, въ ихъ представленіи, какъ бы *предначертанъ заранѣе*, и никакія историческія событія не могли измѣнить направленія этого пути. Интересная психологическая аберрація! «Человѣческая природа» является у утопистовъ исходнымъ пунктомъ ихъ изслѣдованій. Законы же развитія этой природы, немедленно принимающіе у нихъ таинственный характеръ, *переносятся куда-то вѣнь человека и вѣнь фактическихъ отношеній людей*, въ какую-то «*супра-историческую*» область.

Діалектическій матеріализмъ и здѣсь переноситъ вопросъ на совершенно другую почву, тѣмъ самымъ придавая ему совершенно новый видъ.

Матеріалисты-діалектики «все сводятъ къ экономіи». Мы уже объясняли, какъ надо понимать это. Но что же такое экономія? Это совокупность фактическихъ отношеній людей, составляющихъ данное общество, въ ихъ производительномъ процессѣ. Эти отношенія не представляютъ собою неподвижной метафизической сущности. Они вѣчно измѣняются подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, равно какъ подъ вліяніемъ той исторической среды, которая окружаетъ данное общество.

Разъ даны фактическія отношенія людей въ процессѣ производства, изъ этихъ отношеній вытекають роковымъ образомъ извѣстныя слѣдствія. Въ этомъ смыслѣ общественное движеніе законосообразно, и никто лучше Маркса не выяснилъ этой законосообразности. Но такъ какъ экономическое движеніе каждаго общества имѣетъ «самобытный» видъ, вслѣдствіе «самобытности» условій, среди которыхъ оно совершается, то не можетъ быть никакой «формулы прогресса», охватывающей прошедшее и предсказывающей будущее экономическое движеніе *всѣхъ* обществъ. Формула прогресса это—та отвлеченная истина, которую, по словамъ автора «Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы», такъ любили метафизики. Но, по его же справедливому замѣчанію, отвлеченной истины нѣтъ; истина всегда конкретна: все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. А если все зависитъ отъ этихъ обстоятельствъ, то ихъ, значить, и должны изучать люди, которые и проч.

«Для того, чтобы съ увѣренностью судить о ходѣ экономическаго развитія современной Россіи, я изучился по русски, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ официальные и другіе имѣющіеся въ печати источники по этому вопросу».

Русскіе ученики Маркса и въ этомъ случаѣ вѣрны ему. Конечно, у одного изъ нихъ могутъ быть болѣе, у другого менѣе обширныя экономическія познанія, *но дѣло здѣсь не въ размахъ познаній отдѣльныхъ лицъ, а въ самой точкѣ зрѣнія.* Русскіе ученики Маркса руководствуются не субъективнымъ идеаломъ, и не какой-нибудь «формулой прогресса», а обращаются къ экономической дѣйствительности своей страны.

Къ какому же выводу пришелъ Маркъ относительно Россіи? «Если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 года, она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для минованія всѣхъ перипетій капиталистическаго развитія». Нѣсколько ниже Маркъ добавляетъ, что въ послѣдніе годы Россія «довольно потрудилась» въ смыслѣ шестивія по названному пути. Съ тѣхъ поръ, какъ писано было это письмо

(т.-е. съ 1877 года), прибавимъ мы отъ себя, Россія шла по этому пути все дальше и все быстрѣе.

Что же слѣдуетъ изъ «письма» Маркса? Три вывода:

1) Пристыдилъ своимъ письмомъ онъ не русскихъ своихъ учениковъ, а гг. субъективистовъ, которые, не имѣя ни малѣйшаго понятія о его научной точкѣ зрѣнія, пытались передрать его самого по своему собственному образу и подобию, превратить его въ *метафизика и утописта*.

2) Гг. субъективисты не *устыдились* письма по той причинѣ, что, — вѣрные своему «идеалу», — они и письма не поняли.

3) Если гг. субъективисты хотятъ разсуждать съ нами по вопросу о томъ, какъ и куда идетъ Россія, то они въ каждую данную минуту должны исходить изъ *анализа экономической дѣйствительности*.

Изученіе этой дѣйствительности привело Маркса въ семидесятихъ годахъ къ *условному* заключенію: если Россія будетъ продолжать идти по тому пути, на который она вступила со времени освобожденія крестьянъ, то она сдѣлается совершенно капиталистическою страной, а послѣ этого, разъ появивъ подъярмо капиталистическаго режима, ей придется подчиниться немолимымъ законамъ капитализма наравнѣ съ другими народами-профанами. Вотъ и все!

Вотъ и все. Но русскій человекъ, желающій трудиться для блага своей родины, не можетъ удовольствоваться такимъ условнымъ выводомъ: у него неизбежно возникаетъ вопросъ: будетъ-ли продолжать она идти по этому пути? Не существуетъ-ли данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что путь этотъ будетъ ею оставленъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо опять-таки обратиться къ изученію фактическаго положенія страны, къ анализу современной ея внутренней жизни. Русскіе ученики Маркса, на основаніи такого анализа, утверждаютъ: *да, будетъ продолжать!* Итъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что Россія скоро покинетъ путь капиталистическаго развитія, на который она вступила послѣ 1861 года. Вотъ и все!

Гг. субъективисты думаютъ, что «ученики» ошибаются. Имъ

надо доказать это съ помощью данныхъ, доставляемыхъ тою же русской *дѣйствительностью*. «Ученики» говорятъ: Россія будетъ продолжать идти по пути капиталистическаго развитія, не потому, что существуетъ какая-то вѣщная сила, какой-то таинственный законъ, толкающій ее на этотъ путь, а потому, что нѣтъ фактической внутренней силы, которая бы могла сдвинуть ее съ этого пути. Если гг. субъективисты думаютъ, что такая сила есть, то пусть они скажутъ, въ чемъ она заключается, пусть они докажутъ ея присутствіе. Мы очень рады будемъ ихъ выслушать. До сихъ поръ мы не слышали отъ нихъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго.

— Какъ нѣтъ силы, а ваши идеалы на что?—восклицаютъ наши дорогіе противники.

— Ахъ, господа! Право, вы наивны до умиленности! Вѣдь вопросъ-то въ томъ и заключается, какъ осуществить, допустимъ, хоть ваши идеалы, хотя они представляютъ собою нѣчто довольно-таки нескладное? Поставленный такимъ образомъ вопросъ принимаетъ, правда, очень прозаическій характеръ, но пока онъ останется неразрѣшеннымъ, ваши идеалы будутъ имѣть лишь «идеальное» значеніе.

Привели добраго молодца въ каменный острогъ, посадили за запоры желѣзные, окружили стражей неусыпною. Добрый молодецъ только усмѣхается. Онъ беретъ заранѣе припасенный уголекъ, рисуетъ на стѣнѣ лодочку, садится въ нее и... прощай тюрьма, прощай стража неусыпная, добрый молодецъ опять гуляетъ по свѣту бѣлому!

Хорошая сказка! Но—только сказка. Въ дѣйствительности нарисованная на стѣнѣ лодочка еще *никогда никого и никуда не уносила*.

Уже со времени отмѣны крѣпостного права Россія ясно выступила на путь капиталистическаго развитія. Гг. субъективисты прекрасно видятъ это, они сами говорятъ, что старыя экономическія отношенія разлагаются у насъ съ поразительною, все болѣе и болѣе увеличивающеюся, скоростью. Но это ничего, говорятъ они одинъ другому: мы посадимъ Россію въ ло-

17
 ОРИГИНАЛ
 ПУБЛИКАЦИЯ
 1917

дочку нашихъ идеаловъ, и она уплыветъ съ этого пути за тридцать земель, въ тридесятое царство.

Гг. субъективисты хорошіе сказочники, но... «*Вотъ и все!*» Вотъ и все,—а вѣдь этого страшно мало, и никогда еще сказки не измѣняли историческаго движенія народа, по той же самой прозаической причинѣ, по которой ни одинъ еще соловей не былъ накормленъ баснями.

У гг. субъективистовъ принята странная классификація «русскихъ людей, которые...» на двѣ категоріи: тѣ, которые *вѣрятъ* въ возможность уплыть на лодочкѣ субъективнаго идеала, признаются хорошими людьми, истинными народными доброжелателями. Тѣмъ же, которые говорятъ, что эта вѣра *тщательно ни на чемъ не основана*, приписывается какая-то неестественная злонамѣрность, стремленіе уморить русскаго мужика съ голоду. Никогда еще ни въ одной мелодрамѣ не фигурировало такихъ злодѣевъ, какими должны были бы быть, по мнѣнію гг. субъективистовъ, послѣдовательные русскіе «экономическіе» материалисты. Это удивительное мнѣніе столь же основательно, какъ основательно было уже знакомое читателямъ мнѣніе Гейнца, который приписывалъ Марксу намѣреніе оставить нѣмецкій народъ «*hungern und verhungern*».

Г. Михайловскій спрашиваетъ себя, почему именно теперь явились господа, способные «съ спокойной совѣстью обречь милліоны людей на голодную смерть и нищету»? Г-нъ С. Н. Кривенко думаетъ, что разъ послѣдовательный человекъ рѣшилъ, что въ Россіи неизбеженъ капитализмъ, то ему остается лишь «стараться... о капитализаціи промысловъ, о развитіи кулачества... о разрушеніи общины, объ обезземеленіи населенія и вообще о выкуриваніи лишняго мужика изъ деревни». Г-нъ С. Н. Кривенко думаетъ такъ единственно потому, что самъ не способенъ къ «*послѣдовательному*» мышленію.

Гейнецъ признавалъ за Марксомъ, по крайней мѣрѣ, пристрастіе къ труженикамъ, носившимъ на себѣ «фабричный штемпель». Гг. субъективисты не признаютъ, повидимому, въ «русскихъ ученикахъ Маркса» даже и этой маленькой слабости: они, молъ, послѣдовательно ненавидятъ всѣхъ сыновъ чело-

нѣческихъ до единаго. Всѣхъ ихъ хотѣлось бы имъ уморить съ голоду, за исключеніемъ, пожалуй, представителей купеческаго сословія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы г. Кривенко допускалъ въ «ученикахъ» нѣкоторыя добрыя намѣренія въ отношеніи фабричныхъ рабочихъ, то не написалъ бы онъ только что цитированныхъ строкъ.

«Стараться... вообще о выкуриваніи лишняго мужика изъ деревни». Съ нами крестная сила! Зачѣмъ же стараться? Вѣдь приливъ новыхъ рабочихъ рукъ въ среду фабричнаго населенія поведетъ къ пониженію заработной платы. Ну, а вѣдь даже и г. Кривенко извѣстно, что пониженіе заработной платы не можетъ быть полезно и пріятно рабочимъ. Зачѣмъ же станутъ послѣдовательные «ученики» стараться принести рабочему вредъ, сдѣлать ему непріятность? Ясно, что эти люди послѣдовательны въ своемъ человѣконенавистничествѣ, что они не любятъ даже и фабричнаго рабочаго! А можетъ быть, и любятъ, да на свой особый ладъ: любятъ — и потому стараются навредить: люблю какъ душу, трясу какъ грушу. Странные люди! Удивительная послѣдовательность!

«Стараться... о развитіи кулачества, о разрушеніи общины, объ обезземеленіи населенія». Какіе ужасы! Но зачѣмъ же стараться обо всемъ этомъ? Вѣдь развитіе кулачества и обезземеленіе населенія можетъ отразиться на пониженіи его покупательной способности, а пониженіе покупательной способности поведетъ къ пониженію спроса на фабричныя издѣлія, а пониженіе спроса на фабричныя издѣлія понизитъ спросъ на рабочую силу, т.-е. понизитъ заработную плату. Нѣтъ, послѣдовательные «ученики» не любятъ рабочаго человѣка! Да и одного-ли рабочаго? Вѣдь уменьшеніе покупательной силы населенія вредно отразится даже на интересахъ предпринимателей, составляющихъ, по увѣренію гг. субъективистовъ, предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій для «учениковъ». Нѣтъ, что ни говорите, а удивительные люди эти ученики!

«Стараться... о капитализаціи промысловъ»... не «стѣсняться ни скупкою крестьянской земли, ни открытіемъ лавокъ и кабаковъ, ни иною нечистою дѣятельностью...». Но зачѣмъ же

все это будутъ дѣлать послѣдовательные люди? Вѣдь они убѣждены въ неизбежности капиталистическаго процесса, слѣдовательно, если бы заведеніе, напр., кабаковъ было существенной частью этого процесса, то неизбежно явились бы кабаки (которыхъ, надо думать, теперь не существуетъ). Г-ну Кривенко кажется, что нечистоплотная дѣятельность должна ускорять движеніе капиталистическаго процесса. Но, опять скажемъ, если капитализмъ неизбеженъ, «нечистоплотность» явится сама собою. Чего же такъ «стараться» о ней послѣдовательнымъ ученикамъ Маркса?

— Тутъ уже теорія умолкаетъ у нихъ передъ требованіемъ нравственнаго чувства: видятъ, что нечистоплотность неизбежна, обожаютъ ее за эту неизбежность и со всѣхъ сторонъ спѣшатъ ей на помощь, а то молъ не скоро управится безъ насъ бѣдная нечистоплотность.

Такъ, что-ли, г. Кривенко? Если—пѣть, то всѣ ваши разсужденія о «послѣдовательныхъ» ученикахъ никуда не годятся. А если—да, то никуда не годится ваша личная послѣдовательность, ваша собственная «познавательная способность».

Возьмите, что угодно, хотя бы капитализацію промысловъ. Она представляетъ собою двухсторонній процессъ: во-первыхъ, появляются люди, *скопляющіе* въ своихъ рукахъ средства производства, а во-вторыхъ, люди, *употребляющіе въ дѣло* эти производительныя средства за известную плату. Положимъ, что нечистоплотность составляетъ отличительную черту людей перваго разряда, во вѣдь тѣ, которые по найму трудятся на нихъ, могутъ, кажется, и миновать эту «фразу» нравственнаго развитія? А если такъ, то что же будетъ нечистоплотнаго въ моей дѣятельности, если я посвящу ее этимъ людямъ, если я буду развивать ихъ самосознаніе и отстаивать ихъ матеріальные интересы? Г. Кривенко скажетъ, можетъ быть, что такая дѣятельность замедлитъ развитіе капитализма. Нисколько! Примѣръ Англии, Франціи и Германіи покажетъ ему, что тамъ такая дѣятельность не только не замедлила развитія капитализма, но, напротивъ, ускорила его, чѣмъ, между прочимъ, приблизила и практическое рѣшеніе нѣкоторыхъ таинственныхъ проклятыхъ вопросовъ.

Или возьмемъ разрушеніе общины. Это тоже двухсторонній процессъ: крестьянскіе надѣлы скопляются въ рукахъ кулаковъ; все бѣльшая и бѣльшая часть прежде самостоятельныхъ хозяевъ обращается въ пролетаріевъ. Все это, разумѣется, сопровождается столкновеніемъ интересовъ, борьбой. Приходитъ на этотъ шумъ «русскій ученикъ», возсылаетъ краткій, но прочувствованный гимнъ «категоріи необходимости» и... *открываетъ кабакъ!* Такъ поступить самый «последовательный»; болѣе умѣренный ограничится открытіемъ *лавочки*. Такъ, что-ли, г. Кривенко? А почему бы «ученику» не стать на сторону деревенскихъ бѣдняковъ?

— Но если онъ захочетъ стать на ихъ сторону, онъ долженъ будетъ стараться мѣшать ихъ обезземеленію?— *Ну, положимъ, долженъ стараться.*— А это замедлитъ развитіе капитализма.— *Нисколько не замедлитъ.* Напротивъ, даже ускоритъ его. Гг. субъективистамъ все кажется, что община «сама собою» стремится перейти въ какую-то «высшую форму». Они заблуждаются. Единственное дѣйствительное стремленіе общины, это *стремленіе къ разложенію*, и чѣмъ лучше было бы положеніе крестьянства, тѣмъ скорѣе разложилась бы община. Кроме того, разложеніе можетъ произойти при условіяхъ, *болѣе или менѣе выгодныхъ для народа.* «Ученики» должны «стараться» о томъ, чтобы оно совершилось при условіяхъ *наиболѣе для него выгодныхъ.*

— А почему бы не предупредить самого разложенія?— А почему вы не предупредили голода 1891 года? Не могли? Мы вѣримъ вамъ, и мы сочли бы наше дѣло проиграннымъ, если бы намъ оставалось только относить на счетъ *вашей нравственности* подобныя независѣвшія отъ васъ *событія*, вмѣсто того, чтобы опровергать ваши *воззрѣнія* съ помощью логической аргументаціи. Но зачѣмъ же вы воздаете намъ другою мѣрою, зачѣмъ вы, въ спорахъ съ нами, изображаете народную нищету, какъ будто бы она была нашимъ дѣломъ? Потому что тамъ, гдѣ не вывозитъ логика, вывозятъ иногда слова, особенно *жалкія слова*. Вы не могли предупредить голода 1891 года. Кто же поручится, что вы сможете предупредить разложеніе об-

щины, обезземеленіе крестьянства? Возьмемъ столь любезный эклектикамъ средній путь: вообразимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вамъ удастся предупредить все это. Ну, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ваши усилія окажутся неудачными, гдѣ, вопреки имъ, община всетаки разложится, гдѣ крестьяне всетаки окажутся безземельными,—какъ будете вы поступать съ этими жертвами рокового процесса? Харонъ перевозилъ черезъ Лету только такія души, которыя въ состояніи были заплатить ему за этотъ трудъ. Станете-ли вы принимать въ вашу лодочку, для перевозки въ царство субъективнаго идеала, только дѣйствительныхъ членовъ общины? Станете-ли вы отбиваться веслами отъ сельскихъ пролетаріевъ? Вы, вѣроятно, сами согласитесь, господа, что это было бы очень *«нечистоплотно»*, а разъ вы согласитесь съ этимъ, то вамъ придется поступить по отношенію къ нимъ совершенно такъ, какъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ поступать всякому порядочному человѣку, т.-е. не заводить кабаки для продажи имъ дурмана, а увеличивать силу ихъ сопротивленія *противъ* кабака, противъ кабатчика и противъ всякаго дурмана, какой только подноситъ или будетъ подносить имъ исторія.

Или, можетъ быть, теперь мы начинаемъ разсказывать сказки? Можетъ быть, община *не* разлагается? Можетъ быть, обезземеленіе народа *не* совершается фактически? Можетъ быть, мы выдумали это съ единственной цѣлью свергнуть въ нищету крестьянина, пользовавшагося до сихъ поръ завиднымъ благосостояніемъ? Но разверните любое изслѣдованіе вашихъ же единомышленниковъ, и оно покажетъ вамъ, какъ обстояло дѣло до сихъ поръ, т.-е. раньше, чѣмъ хотя бы одинъ «ученикъ» открылъ кабакъ или завелъ лавочку. Когда вы спорите съ нами, вы изображаете дѣло такъ, какъ будто народъ живетъ уже въ царствѣ вашихъ субъективныхъ идеаловъ, а мы, по своему наму челоѣконенавистничеству, тащимъ его за ноги въ прозу капитализма. Но дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: существуетъ именно капиталистическая проза, а мы спрашиваемъ себя: какъ бороться съ этой прозой, какъ поставить народъ въ положеніе, хоть немного приближающееся къ «идеаль-

ному»? Вы можете находить, что мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ неправильно, но зачѣмъ же извращать наши намѣренія? Вѣдь, право же, это очень «вечистоплотно»; право же, такая «критика» недостойна даже «судальцевъ».

Но какъ же бороться съ капиталистической прозой, которая, повторяемъ, уже существуетъ независимо отъ нашихъ и отъ вашихъ усилій? У васъ одинъ отвѣтъ: «закрѣпить общину», упрочить связь крестьянина съ землей. А мы отвѣчаемъ вамъ, что это отвѣтъ, достойный лишь утопистовъ. Почему? Потому что это—отвлеченный отвѣтъ. По вашему, община хороша всегда и вездѣ, а по нашему, отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста: было время, когда община могла быть полезна *всему* народу; есть, вѣроятно, и теперь мѣстности, гдѣ она выгодна для земледѣльцевъ; не мы станемъ возставать противъ *такой* общины, но въ цѣломъ рядѣ случаевъ община превратилась въ средство *эксплуатаціи* крестьянина. Противъ *такой* общины мы возстаемъ, какъ противъ всего вреднаго для народа. Припомните того крестьянина, который, у Г. И. Успенскаго, платитъ «спуста». Какъ слѣдуетъ, по вашему, поступить съ нимъ? Перевезть его въ царство идеала, отвѣчаете вы. Очень хорошо, перевозите съ Господомъ. Но пока онъ еще не перевезенъ, пока онъ еще не сидитъ въ лодочкѣ идеала, пока еще лодочка не подъѣхала къ нему и пока еще неизвѣстно, когда она подъѣдетъ, не лучше-ли было бы ему избавиться отъ платежа «спуста»? Не лучше-ли ему перестать быть членомъ общины, которая обезпечиваетъ ему только совершенно непроизводительные расходы, да развѣ лишь еще періодическую порку въ волостномъ управленіи? Мы думаемъ, что—*лучше*, а вы за это обвиняете насъ въ намѣреніи уморить народъ съ голоду. Справедливо-ли это? Нѣтъ-ли тутъ нѣкоторой «вечистоплотности»? Или, можетъ быть, вы дѣйствительно неспособны понять насъ? Неужели это такъ? Чаадаевъ говорилъ когда-то, что русскому человѣку неизвѣстенъ даже силлогизмъ Запада. Неужели это какъ разъ *voire cas*? Мы допускаемъ, что г. С. Кривенко совершенно искренне не понимаетъ насъ; допускаемъ это и по отношенію

къ г. Карѣеву, и по отношенію къ г. Южакову. Но г. Михайловскій всегда казался намъ человѣкомъ ума значительно болѣе «остраго».

Что придумали вы, господа, для улучшенія судьбы милліоновъ фактически обезземеленныхъ крестьянъ? Когда рѣчь заходить о платящихъ спуста», вы умѣете давать лишь одинъ совѣтъ: хоть и платитъ онъ спуста, а всетаки надо, чтобы не разрушалась его связь съ общиной, потому что когда разрушится она, ее ужъ не возстановишь. Конечно, это поведетъ за собою временныя неудобства для платящихъ спуста, но... «не бѣда, что потерпѣть мужикъ».

Такимъ-то образомъ и выходитъ, что наши гг. субъективисты готовы приносить въ жертву *своимъ идеаламъ* самые настоящія *интересы народа*. Такимъ-то образомъ и выходитъ, что *ихъ проповѣдь на дѣль становится все болѣе и болѣе вредною для народа*.

«Быть энтузіасткой сдѣлалось ея общественнымъ положеніемъ», говоритъ Толстой объ Аннѣ Павловнѣ Шереръ. Ненавидѣть капитализмъ стало общественнымъ положеніемъ нашихъ субъективистовъ. Какую пользу могъ принести Россіи энтузіазмъ старой дѣвы? Ровно никакой. Какую пользу приносятъ русскимъ производителямъ «субъективная» ненависть къ капитализму? Тоже никакой. Но энтузіазмъ Анны Павловны быть, по крайней мѣрѣ, безвреденъ. Утопическая же вражда къ капитализму начинаетъ положительно вредить русскому производителю, потому что она дѣлаетъ нашу интеллигенцію крайне неразборчивой по отношенію къ средствамъ закрѣпленія общины. Едва заговорятъ о такомъ закрѣпленіи, тотчасъ наступаютъ тѣмъ, въ которой всѣ кошки кажутся сѣрыми, и гг. субъективисты готовы любезно лобызаться съ «Московскими Вѣдомостями». И все это «субъективное» умопомраченіе идетъ какъ разъ на пользу тому *кабаку*, который «ученики» собираются, будто бы, культивировать. Стыдно сказать, а грѣхъ утаить: *утопическіе враги капитализма оказываются на дѣль пособниками капитализма въ самомъ грубомъ, въ самомъ нудномъ и въ самомъ вредномъ его видѣ*.

До сихъ поръ мы говорили объ утопистахъ, старавшихся или старающихся нынѣ придумать то или другое возраженіе *противъ Маркса*. Теперь посмотримъ, какъ ведутъ или вели себя утописты, *склонные на него сосылаться*.

Гейценъ, котораго съ такою поразительною точностью воспроизводятъ нынѣ гг. россійскіе субъективисты въ спорахъ съ «русскими учениками», былъ утопистомъ демократическо-буржуазнаго направленія. Но въ Германіи сороковыхъ годовъ было много утопистовъ направленія противоположнаго этому.

Соціально-экономическое положеніе Германіи было тогда, въ общихъ чертахъ, таково.

Съ одной стороны, быстро развивалась буржуазія, настоятельно требовавшая отъ нѣмецкихъ правительствъ всякаго рода вспоможеній и поддержекъ. Извѣстный *Zollverein* былъ цѣликомъ ея дѣломъ, причемъ агитація въ его пользу велась не только съ помощью «ходатайствъ», но также и посредствомъ болѣе или менѣе научныхъ изслѣдованій: напомнимъ Фридриха Листа. Съ другой стороны, разрушеніе старыхъ экономическихъ «кустоевъ» сдѣлало нѣмецкій народъ беззащитнымъ въ отношеніи къ капитализму. Крестьяне и ремесленники были уже достаточно вовлечены въ процессъ капиталистическаго движенія, чтобы испытывать на себѣ всѣ его невыгодныя стороны, особенно сильно дающія себя чувствовать въ *переходные періоды*. Но трудящаяся масса еще мало способна была тогда къ сопротивленію. Она еще не могла дать сколько-нибудь замѣтнаго отпора представителямъ капитала. Еще въ *шестидесятыхъ годахъ* Марксъ говорилъ, что Германія страдаетъ одновременно и отъ *развитія капитализма, и отъ недостатка его развитія*. Въ сороковыхъ годахъ ея страданія отъ недостаточнаго развитія капитализма были еще сильнѣе. Капитализмъ разрушилъ старые устои крестьянской жизни; *кустарная промышленность*, прежде процвѣтавшая въ Германіи, должна была теперь выдерживать непосильную для нея конкуренцію *машиннаго производства*. Кустари бѣднѣли, съ каждымъ годомъ попадая все въ болѣе и болѣе тяжелую зависимость отъ *скупищиковъ*. А въ то же время крестьяне должны были вести

цѣлый рядъ такихъ повинностей по отношенію къ помѣщикамъ и государству, которыя могли, пожалуй, быть неотяготительны въ прежнее время, но въ сороковыхъ годахъ становились тѣмъ тяжелѣе, что онѣ все менѣе и менѣе соответствовали фактическимъ условіямъ крестьянской жизни. Бѣдность крестьянъ приняла поразительные размѣры; кудакъ сдѣлался полнымъ господиномъ деревни; крестьянскій хлѣбъ нерѣдко покупался имъ еще на корню; нищенство стало родомъ отхожаго промысла. Тогдашніе изслѣдователи указывали на общины, въ которыхъ изъ нѣсколькихъ тысячъ семействъ не нищенствовало только нѣсколько сотъ. Въ иныхъ мѣстахъ—вещь почти совершенно невѣроятная, но своевременно констатированная нѣмецкой печатью—*крестьяне нитались надалю*. Покидая деревни, они не находили достаточно заработка въ промышленныхъ центрахъ, и печать указывала на возрастающую безработицу и вызываемую ею эмиграцію.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ изъ самыхъ передовыхъ органовъ того времени положеніе трудящейся массы. «Сто тысячъ прядильщиковъ въ Равенсбергскомъ округѣ и въ другихъ мѣстностяхъ нѣмецкаго отечества не могутъ уже жить своимъ трудомъ, они не находятъ сбыта своимъ издѣліямъ (рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о кустаряхъ), они ищутъ работы и хлѣба, не находя ни той, ни другого, потому что трудно, если не невозможно, имъ найти заработокъ помимо пряденья. Существуетъ огромная конкуренція между рабочими изъ за самой ничтожной платы»¹⁾.

Народная нравственность несомнѣнно падала. Разрушенію старыхъ *экономическихъ отношеній* соответствовала расшатка старыхъ *нравственныхъ понятій*. Газеты и журналы того времени полны жалобъ на пьянство рабочихъ, на половой развратъ въ ихъ средѣ, на франтовство и мотовство, развивающіяся между ними рядомъ съ уменьшеніемъ заработной платы. Въ нѣмецкомъ рабочемъ еще не замѣчалось признаковъ *новой нрав-*

¹⁾ Die gesellschaftlichen Zustände. 1. Band, S. 78. *Корреспонденція изъ Вестфалии.*

ственности, той нравственности, которая стала быстро развиваться впоследствии на основѣ новаго освободительнаго движенія, вызваннаго самимъ развитіемъ капитализма. Освободительное движеніе массы тогда еще не начиналось. Ея глухое недовольство сказывалось время отъ времени лишь безнадежными стачками, да безцѣльными бунтами, бессмысленнымъ разрушеніемъ машинъ. Но уже въ головы нѣмецкихъ рабочихъ начинали попадать искры сознанія. Книга, составлявшая ненужную роскошь при старыхъ порядкахъ, сдѣлалась предметомъ необходимости при новыхъ. Страсть къ чтенію стала овладѣвать рабочими.

Таково было то положеніе дѣлъ, съ которымъ надо было считаться благомыслящей части нѣмецкой интеллигенціи (der Gebildeten—какъ говорили тогда). Что дѣлать, какъ помочь народу? *Устранить капитализмъ*, отвѣчала интеллигенція. Появившіяся къ тому времени сочиненія Маркса и Энгельса радостно были встрѣчены частью нѣмецкой интеллигенціи, какъ рядъ новыхъ научныхъ доводовъ *въ пользу устраненія капитализма*. «Между тѣмъ какъ либеральные гг. политики съ новою силой затрубили въ листовую трубу покровительственнаго тарифа, стараясь увѣрить... что они заботятся о подъемѣ промышленности, главнымъ образомъ, въ интересахъ рабочаго класса, а ихъ противники, энтузіасты свободной торговли, старались доказать, что Англія сдѣлалась цвѣтущей классической страной торговли и промышленности вовсе не вълѣдствіе покровительства, чрезвычайно кстати явилась превосходная книга Энгельса о положеніи рабочаго класса въ Англіи, разрушившая послѣднія иллюзіи. Всѣми признано, что эта книга составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній новаго времени... Рядомъ неопровержимѣйшихъ доводовъ показываетъ она, въ какую пропасть стремится упасть общество, дѣлающее своимъ двигательнымъ принципомъ личную алчность, свободную конкуренцію частныхъ предпринимателей, для которыхъ деньги—богъ»¹⁾.

¹⁾ Ibid. а. 86. Notizen und Nachrichten.

Итакъ, надо устранить капитализмъ, иначе Германія упадетъ въ ту пропасть, на днѣ которой уже лежитъ Англія. Это доказано Энгельсомъ. Кто же устранить капитализмъ? Интеллигенція, die Gebildeten. Особенность Германіи, по словамъ одного изъ такихъ Gebildeten, именно состояла въ томъ, что въ ней устранить капитализмъ призвана нѣмецкая интеллигенція, между тѣмъ какъ «на Западѣ (in den westlichen Ländern) съ нимъ борются больше рабочіе ¹⁾. Какъ же устранить капитализмъ нѣмецкая интеллигенція? Посредствомъ организаціи производства (Organisatoin der Arbeit). Что же должна дѣлать интеллигенція для организаціи производства? Выходившій въ Кельнѣ въ 1845 г. «Allgemeines Volksblatt» предлагалъ слѣдующія мѣры:

1) Содѣйствіе народному образованію, организацію народныхъ чтеній, концертовъ и т. п.

2) Устройство большихъ мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе, ремесленники и кустари могли бы работать на себя, а не на предпринимателя или на скупщика. «Allgemeines Volksblatt» надеялся, что современемъ эти ремесленники-кустари сами собою сгруппируются въ ассоціаціи.

3) Учрежденіе складовъ для продажи издѣлій, которыя будутъ доставляться кустарями и ремесленниками, а также и національными мастерскими.

Эти мѣры спасутъ Германію отъ язвы капитализма. А принять ихъ тѣмъ легче, прибавляетъ цитируемый листокъ, что «здѣсь и тамъ уже начали устраивать постоянные склады, такъ называемые промышленные базары, въ которыхъ ремесленники могутъ выставлять для продажи свои товары», получая подъ нихъ тотчасъ же нѣкоторую ссуду. Далѣе слѣдуетъ изображеніе выгодъ, которыя произтекутъ изъ всего этого и для производителя, и для потребителя.

¹⁾ См. статью Hess'a въ томъ же томѣ того же года того же журнала, стр. 1 и слѣдующія. Ср. также «Neue Anekdoten», herausgegeben von Carl Grün, Darmstadt, 1845, стр. 220: Въ Германіи, въ противоположность съ Франціей, борьбой съ капитализмомъ занимается и «обозначиваетъ победу надъ нимъ» образованное меньшинство.

Устранить капитализмъ кажется всего легче тамъ, гдѣ онъ еще слабо развитъ. Поэтому, нѣмецкіе утописты часто и охотно отгѣняли то обстоятельство, что Германія еще не Англія; Гейнценъ даже прямо готовъ былъ отрицать существованіе фабричнаго пролетаріата въ Германіи. Но такъ какъ для утопистовъ главное дѣло заключалось въ томъ, чтобы доказать «обществу» необходимость организациі производства, то они безъ труда и незамѣтно для себя переходили, по временамъ, на точку зрѣнія людей, утверждавшихъ, что нѣмецкій капитализмъ не можетъ уже развиваться далѣе, вследствие свойственныхъ ему противорѣчій, что внутренній рынокъ уже переполненъ, что покупательная сила населенія падаетъ, что завоеваніе новыхъ рынковъ мало вѣроятно и что, поэтому, число занятыхъ въ обрабатывающей промышленности рабочихъ должно все болѣе и болѣе уменьшаться. На такую точку зрѣнія сталъ не разъ цитированный нами журналъ «Die gesellschaftlichen Zustände», одинъ изъ самыхъ главныхъ органовъ тогдашнихъ нѣмецкихъ утопистовъ, послѣ появленія интересной брошюры Л. Буля: *Andeutungen über die Noth der arbeitenden Klassen und über die Aufgabe der Vereine zum Wohl derselben*. Berlin 1845.

Буль спросилъ себя: въ состоянн-ли союзы для поднятія благосостоянія рабочаго класса справиться со своею задачей? А чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ выдвинулъ другой, именно вопросъ о томъ, откуда пронстекаетъ въ настоящее время бѣдность рабочаго класса?

Бѣднякъ и пролетарій вовсе не одно и то же, говоритъ Буль. Бѣднякъ не можетъ или не хочетъ работать; пролетарій ищетъ работы; онъ способенъ къ ней, но ея нѣтъ, и онъ впадаетъ въ нищету. Такое явленіе было совершенно неизвѣстно въ прежнія времена, хотя всегда были бѣдные и всегда были угнетенные, напр., крѣпостные крестьяне.

Откуда же взялся пролетарій? Его создала конкуренція. Конкуренція, разбивъ старыя узы, связывавшія производство, вызвала небывалый расцвѣтъ промышленности. Но она же заставляетъ предпринимателей понижать цѣну своихъ продуктовъ. Поэтому они стараются уменьшить заработную плату или

число рабочихъ рукъ. Эта послѣдняя цѣль достигается усовершенствованіемъ машинъ, которыя выбрасываютъ на улицу множество рабочихъ. Кромѣ того, ремесленники не могутъ выдержать конкуренціи машиннаго производства и тоже обращаются въ пролетаріевъ. Заработная плата все болѣе и болѣе падаетъ. Буль указываетъ на примѣръ ситценабивнаго производства, которое процвѣтало въ Германіи еще въ двадцатыхъ годахъ. Заработная плата была тогда очень высока. Хорошій рабочій могъ заработать отъ 18 до 20 талеровъ въ недѣлю. Но явились машины, съ ними женскій и дѣтскій трудъ, и заработная плата страшно повизилась. Принципъ свободной конкуренціи дѣйствуетъ такъ всегда и всюду, гдѣ онъ достигаетъ господства. *Онъ ведетъ къ перепроизводству*, а перепроизводство къ безработицѣ. И чѣмъ больше совершенствуется крупная промышленность, тѣмъ болѣе растетъ безработица, тѣмъ меньше становится число занятыхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ рабочихъ. Что это дѣйствительно такъ, доказываетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что указанныя бѣдствія имѣютъ мѣсто только въ промышленныхъ странахъ, земледѣльческія же государства ихъ не знаютъ. Но создаваемое свободной конкуренціей положеніе дѣль чрезвычайно опасно для общества (*für die Gesellschaft*), и потому общество не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нему. Что же дѣлать обществу? Здѣсь Буль обращается къ вопросу, который стоять, такъ сказать, въ переднемъ углу его сочиненія: въ состоянн-ли вообще какой-нибудь союзъ искоренить бѣдность рабочаго класса?

Мѣстный берлинскій союзъ для помощи рабочему классу задался цѣлью «не столько устранять существующую нищету, сколько воспрепятствовать возникновенію нищеты въ будущемъ». Къ этому-то союзу и обращается теперь Буль. Какъ предупредите вы возникновеніе нищеты въ будущемъ, спрашиваетъ онъ; что вы сдѣлаете для этого? Нищета современнаго рабочаго происходитъ отъ недостатка спроса на трудъ. Рабочему нужна не милостыня, а работа. Откуда же возьметъ союзъ работу? Чтобы увеличился спросъ на трудъ, надо, чтобы увеличился спросъ на продукты труда. А этотъ спросъ умень-

шается, благодаря уменьшению заработка трудящейся массы. Или, можетъ быть, союзъ откроетъ новые рынки? Буль и этого не считаетъ возможнымъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что задача, которую поставилъ себѣ берлинскій союзъ, есть лишь «*благодарная иллюзія*».

Буль совѣтуетъ берлинскому союзу лучше вдуматься въ причины нищеты рабочаго класса прежде, чѣмъ вступать въ борьбу съ нею. *Палліативамъ* онъ не придаетъ значенія. «Биржи труда, сберегательныя и пенсіонныя кассы и тому подобное, могутъ, конечно, улучшить положеніе немногихъ отдельныхъ лицъ, но не вырвутъ корня зла». Не вырвутъ его и ассоціаціи: «и ассоціаціи не избѣжать тяжелой необходимости (*dura necessitas*) конкуренціи».

Въ чемъ видѣлъ самъ Буль средство для устраненія зла—это трудно вывести съ точностью изъ его брошюры. Онъ какъ будто намекаетъ, что для помощи злу нужно вмѣшательство государства, прибавляя однако, что результатъ такого вмѣшательства былъ бы *сомнителенъ*. Какъ бы то ни было, его сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе на тогдашнюю вѣмецкую интеллигенцію. И вовсе не въ смыслѣ разочарованія. Напротивъ, въ немъ увидѣли новое доказательство *необходимости организациіи труда*.

Вотъ что говоритъ о брошюрѣ Буля журналъ «*Die gesellschaftlichen Zustände*».

«Извѣстный берлинскій писатель Л. Буль издалъ сочиненіе подъ названіемъ «*Andeutungen*» и т. д. Онъ думаетъ—и мы раздѣляемъ его мнѣніе—что бѣдствія рабочаго класса происходятъ отъ избытка производительныхъ силъ; что этотъ избытокъ есть слѣдствіе свободной конкуренціи и новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній въ физикѣ и механикѣ; что возвращеніе къ цехамъ и корпораціямъ было бы такъ же вредно, какъ затруднять открытія и изобрѣтенія; что, поэтому, *при существующихъ общественныхъ условіяхъ* (курсивъ автора рецензіи), нѣтъ дѣйствительныхъ средствъ для помощи рабочимъ. Предположивъ, что современныя эгонстическія частно-предпринимательскія отношенія останутся неизмѣненными, надо согласиться

съ Булемъ, что никакой союзъ не въ состояніи уничтожить существующую нищету. Но такое предположеніе вовсе не необходимо; напротивъ, могли бы возникнуть и уже возникаютъ союзы, которыхъ цѣль есть устраненіе мирнымъ путемъ вышеуказанной эгоистической основы нашего общества. Надо только, чтобы правительство не затрудняло такой дѣятельности союзовъ».

Ясно, что рецензентъ не понялъ или не хотѣлъ понять мысли Буля, но для насъ это не важно. Мы обратились къ Германіи лишь для того, чтобы съ помощью уроковъ, даваемыхъ ея исторіей, лучше разобратъ въ нѣкоторыхъ умственныхъ теченіяхъ современной Россіи. А въ этомъ смыслѣ движеніе нѣмецкой интеллигенціи сороковыхъ годовъ заключаетъ въ себѣ много поучительнаго для насъ.

Во-первыхъ, аргументація Буля напоминаетъ намъ аргументацію г. Н. — она. И тотъ, и другой начинаютъ указаніемъ на развитіе производительныхъ силъ, какъ на причину пониженія спроса на трудъ и, слѣдовательно, относительнаго уменьшенія числа рабочихъ. И тотъ, и другой говорятъ о переполненіи внутренняго рынка и о вытекающей изъ этого неизбѣжности дальнѣйшаго уменьшенія спроса на рабочую силу. Буль не признавалъ, повидимому, возможности завоеванія нѣмцами иностранныхъ рынковъ; г. Н. — онъ рѣшительно не признаетъ этой возможности по отношенію къ русскимъ промышленникамъ. Наконецъ, и у того, и у другого этотъ вопросъ объ иностранныхъ рынкахъ остается совершенно не изслѣдованнымъ: ни тотъ, ни другой не приводятъ въ пользу своего мнѣнія ни одного серьезнаго довода.

Буль не дѣлаетъ изъ своего изслѣдованія другого явнаго вывода, кромѣ того, что надо хорошо вдуматься въ положеніе рабочаго класса прежде, чѣмъ помогать ему. Г. Н. — онъ приходитъ къ тому заключенію, что передъ нашимъ обществомъ стоитъ, правда, трудная, однако не неисполнимая задача организовать наше національное производство. Но если дополнить взгляды Буля тѣми соображеніями, которыя высказалъ по поводу ихъ цитированный нами рецензентъ журнала «Die gesell-

«*schaftlichen Zustände*», то получится какъ разъ выводъ г. Н. —она. Г. Н. —онъ = Буль + рецензентъ. А эта «формула» наводитъ насъ вотъ на какія размышленія.

Г. Н. —она называютъ у насъ марксистомъ и даже единымъ «истиннымъ» марксистомъ. Но можно-ли сказать, что сумма взглядовъ Буля и рецензента на положеніе Германіи сороковыхъ годовъ равнялась взглядамъ Маркса на то же положеніе? Другими словами, былъ-ли Буль, дополненный рецензентомъ, марксистомъ, и притомъ единымъ истиннымъ марксистомъ, марксистомъ *par excellence*? Конечно, нѣтъ. Изъ того, что Буль указывалъ на противорѣчіе, въ которое попадаетъ капиталистическое общество, благодаря развитію производительныхъ силъ, еще не слѣдуетъ, что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Маркса. Онъ разсматривалъ эти противорѣчія съ очень отвлеченной точки зрѣнія, и уже благодаря одному этому, его изслѣдованіе не имѣло, *по духу своему*, ничего общаго со взглядами Маркса. Наслушавшись Буля, можно было подумать, что нѣмецкій капитализмъ *не сегодня-завтра* задохнется подъ тяжестью собственнаго развитія, что ему дальше идти уже некуда, что промыслы окончательно капитализированы и что число нѣмецкихъ рабочихъ быстро пойдетъ на убыль. Такихъ взглядовъ Марксъ не высказывалъ. Напротивъ, когда ему случалось говорить въ концѣ сороковыхъ годовъ, а въ особенности въ началѣ пятидесятихъ годовъ о ближайшей судьбѣ нѣмецкаго капитализма, онъ говорилъ совсѣмъ другое. Только люди, совершенно не понимавшіе его взглядовъ, могли бы признать истинными марксистами нѣмецкихъ Н. —оновъ ¹⁾.

¹⁾ Н. —оновъ было много въ тогдашней Германіи, и самыхъ различныхъ направленій. Замѣчательнѣе всего, можетъ быть, *консервативные*. Такъ, напр., докторъ Карлъ Фалльграфъ, *ordentlicher Professor der Rechte*, въ брошюрѣ, посвящѣнной чрезвычайно длинное заглавіе (*Von der über und unter ihr naturnothwendiges Maas erweiterten und herabgedrückten Concurrenz in allen Nahrungs und Erwerbszweigen des bürgerlichen Lebens, als der nächsten Ursache des allgemeinen, alle Klassen mehr oder weniger drückenden Nothstandes in Deutschland, insonderheit des Getreidewuchers, sowie von den Mitteln zu ihrer Abstellung*. Darmstadt, 1845), изображалъ экономическое положеніе «нѣмецкаго отечества», поразительно сходно съ тѣмъ, какъ

Нѣмецкіе Н. — оны разсуждали такъ же отвлеченно, какъ и наши выѣншіе Були и Фолльграфы. Разсуждать отвлеченно значить ошибаться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда исходнишь изъ совершенно вѣрнаго принципа. Знаете-ли вы, читатель, что такое *антифизика* д'Аламбера? Д'Аламберъ говаривалъ, что онъ, на основаніи самыхъ безспорныхъ физическихъ законовъ, докажетъ неизбѣжность явленій, совершенно невозможныхъ въ дѣйствительности. Надо только, слѣдя за дѣйствіемъ каждаго даннаго закона, забыть на время, что существуютъ другіе законы, видоизмѣняющіе его дѣйствіе. Результатъ, навѣрное, получится совершенно нелѣпый. Въ доказательство этого д'Аламберъ приводилъ нѣсколько дѣйствительно блистательныхъ примѣровъ и собирался даже написать въ свободное время цѣлую *антифизику*. Гг. Фолльграфы и Н. — оны, уже не въ шутку, а

изображено русское экономическое положеніе въ книгѣ «Очерки нашего по-реформеннаго общественнаго хозяйства». Фолльграфъ тоже изображалъ дѣло такъ, какъ будто развитіе производительныхъ силъ уже привело, «подъ влияніемъ свободной конкуренціи», къ относительному уменьшенію числа занятыхъ въ промышленности рабочихъ. У него подробнѣе, чѣмъ у Буля, изображено влияніе безработицы на состояніе внутренняго рынка. Производители одной отрасли промышленности являются въ то же время потребителями для продуктовъ другихъ отраслей, но такъ какъ безработица лишаетъ производителей платежной силы, то спросъ уменьшается, вслѣдствіе чего безработица становится всеобщей и возникаетъ полный пауперизмъ (*völliger Pauperismus*)... «А такъ какъ и крестьянство разоряется, вслѣдствіе чрезмерной конкуренціи, то наступаетъ полный застои въ дѣлахъ. Общественный организмъ разлагается, его физиологическіе процессы приводятъ къ появленію дикой массы, а голодъ охватываетъ въ этой массѣ броженіе, противъ котораго бессильны государственныя кары и даже оружіе». Свободная конкуренція ведетъ въ деревняхъ къ измѣльчанію крестьянскихъ участковъ. Ни въ одномъ изъ крестьянскихъ дворовъ рабочія силы не находятъ себѣ достаточно приложенія въ теченіе круглаго года. «Такимъ образомъ, въ тысячахъ деревень, особенно въ малоплодородныхъ мѣстностяхъ, почти совершенно какъ въ Ирландіи, бѣдные крестьяне стоятъ безъ работы и безъ занятій передъ дверями своихъ домовъ. Никто изъ нихъ не въ состояніи помочь другому, ибо всѣ они имѣютъ слишкомъ мало, всѣ пуждаются въ заработкѣ, всѣ ищутъ и не находятъ работы». Фолльграфъ съ своей стороны придумалъ рядъ «мѣрсиріятій» для борьбы съ разрушительнымъ дѣйствіемъ «свободной конкуренціи», хотя и не въ духѣ журнала «Die gesellschaftlichen Zustände».

серьезно пишутъ *антиэкономію*. Ихъ пріемъ таковъ. Они берутъ извѣстный неоспоримый экономическій законъ; они правильно указываютъ на его *тенденцію*; затѣмъ, они забываютъ, что осуществленіе этого закона въ жизни есть *цѣлый историческій процессъ*, и изображаютъ дѣло такъ, какъ будто тенденція данного закона *уже цѣликомъ осуществилась* въ жизни къ тому времени, когда они стали писать свои изслѣдованія. Если при этомъ, данный Фольграфъ, Буль или Н. — онъ нагромоздитъ вороха хотя бы плохо перевареннаго статистическаго матеріала, да примется кстати и некстати цитировать Маркса, то его «очеркъ» приметъ видъ научнаго, убѣдительнаго изслѣдованія въ духѣ автора «Капитала». Но это оптической обманъ, не болѣе того.

Что, напр., Фольграфъ многое упустилъ при анализѣ экономической жизни въ современной ему Германіи, показываетъ то безспорное обстоятельство, что совершенно не сбылось его пророчество относительно «разложенія общественнаго организма» этой страны. А что г. Н. — онъ совершенно все пріемлетъ имя Маркса, подобно тому, какъ г. Ю. Жуковскій все прибѣгалъ, бывало, къ интегральному исчисленію, безъ труда пойметъ даже почтеннѣйшій С. Н. Кривенко.

Вопреки мнѣнію тѣхъ господъ, которые упрекаютъ Маркса въ односторонности, этотъ писатель никогда не разсматривалъ экономическаго движенія данной страны *въ связи со съ тѣми общественными силами, которыя, вырастая на его почвѣ, сами вліяютъ на его дальнѣйшее направленіе* (это пока еще не совсемъ ясно для васъ, г. С. Н. Кривенко, но терпѣніе!) Дано извѣстное экономическое состояніе — этимъ самымъ даны извѣстныя общественныя силы, дѣйствіе которыхъ необходимо отразится на дальнѣйшемъ развитіи этого положенія (терпѣніе оставляетъ васъ г. Кривенко? вотъ вамъ наглядный примѣръ). Дана экономія Англій эпохи первоначальнаго капиталистическаго накопленія. Этимъ самымъ были даны тѣ общественныя силы, которыя, между прочимъ, засѣдали въ тогдашнемъ англійскомъ парламентѣ. Дѣйствіе этихъ общественныхъ силъ было необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія данного эконо-

мическаго положенія, а направленіе ихъ дѣйствія обусловливалось свойствами этого положенія.—Дано экономическое положеніе современной Англїи; этимъ самымъ даны ея современныя общественныя силы, дѣйствіе которыхъ скажется на будущемъ экономическомъ развитїи Англїи. Когда Марксъ занимался тѣмъ, что нѣкоторымъ угодно называть его гаданіями, онъ принималъ въ соображеніе эти общественныя силы и не воображалъ, что ихъ дѣйствіе можетъ остановить по своему произволу та или другая группа лицъ, сильныхъ лишь своими прекрасными намѣреніями. («Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist»).

Нѣмецкіе утописты сороковыхъ годовъ разсуждали иначе. Когда они ставили передъ собою извѣстныя задачи, они имѣли въ виду только неудобства экономическаго положенія своей страны, забывая изслѣдовать тѣ общественныя силы, которыя выросли изъ этого положенія. Экономическое положеніе нашего народа печально, разсуждалъ вышеупомянутый рецензентъ; слѣдовательно, передъ нами стоитъ трудная, но не невыполнимая задача организаціи производства. А не помѣшаютъ-ли этой организаціи тѣ самыя общественныя силы, которыя выросли на почвѣ печальнаго экономическаго положенія? Объ этомъ не спрашивалъ себя благожелательный рецензентъ. Утопистъ никогда не считается въ достаточной мѣрѣ съ общественными силами своего времени, по той простой причинѣ, что онъ, по выраженію Маркса, всегда *ставитъ себя надъ обществомъ*. А по этой же причинѣ и, по выраженію того же Маркса, все разсчеты утописта оказываются «ohne Wirth gemacht» и вся его «критика» есть не болѣе, какъ полное отсутствіе критики, неумѣнье критически взглянуть на окружающую его дѣйствительность.

Организація производства въ данной странѣ могла-бы явиться лишь результатомъ дѣйствія тѣхъ общественныхъ силъ, которыя въ этой странѣ существуютъ. Что нужно для организаціи производства? Сознательное отношеніе производителей къ производительному процессу, *взятому во всей его сложности и совокупности*. Тамъ, гдѣ пока нѣтъ такого сознательнаго отно-

шенія, могутъ выдвигать организацію производства, какъ ближайшую общественную задачу, лишь люди, которые всю жизнь свою останутся неисправимыми утопистами, хотя бы они пять милліардовъ разъ произнесли имя Маркса съ величайшимъ почтеніемъ. Что говоритъ о сознаніи производителей г. Н. — онъ въ своей пресловутой книгѣ? Ровно ничего; онъ уповаетъ на сознаніе «общества». Если, послѣ этого, его можно и должно признать истиннымъ марксистомъ, то мы не видимъ, почему нельзя было бы признать г. Кривенко единственнымъ истиннымъ гегельянцемъ нашего времени, гегельянцемъ *par excellence*.

Но пора кончать. Какими результатами подарилъ васъ нашъ сравнительно-историческій пріемъ? Если мы не ошибаемся, слѣдующими:

1) Убѣжденіе Гейнца и его единомышленниковъ относительно того, что Марксъ былъ осужденъ на бездѣйствіе въ Германіи своими собственными взглядами, оказалось вздоромъ. Такимъ же вздоромъ окажется и убѣжденіе г. Михайловскаго относительно того, будто бы не могутъ принести пользы русскому народу, а напротивъ, должны вредить ему, люди, держащіеся у насъ теперь взглядовъ Маркса.

2) Взгляды Булзей и Фольграфовъ на тогдашнее экономическое положеніе Германіи оказались узкими, односторонними и ошибочными въ силу своей отвлеченности. Можно опасаться, что дальнѣйшая экономическая исторія Россіи обнаружитъ подобныя же недостатки во взглядахъ г. Н. — она.

3) Люди, ставившіе въ Германіи сороковыхъ годовъ организацію производства своей ближайшей задачей, были утопистами. Такими же утопистами являются люди, толкующіе объ организаціи производства въ нынѣшней Россіи.

4) Исторія смела илюзіи нѣмецкихъ утопистовъ сороковыхъ годовъ. Есть всѣ основанія думать, что подобная же участь постигнетъ и илюзіи нашихъ русскихъ утопистовъ. Капитализмъ насмѣялся надъ первыми; съ болью въ сердцѣ предвидимъ, что насмѣется онъ и надъ вторыми.

Но неужели эти илюзіи не принесли никакой пользы нѣмецкому народу? Въ экономическомъ отношеніи ровно никакой,

или, если вы требуете болѣе точнаго выраженія, почти ровно никакой. Всѣ эти базары для продажи кустарныхъ издѣлій и попытки созданія производительныхъ ассоціацій едва-ли облегчили положеніе хотя бы сотни нѣмецкихъ производителей. Но они содѣйствовали пробужденію самосознанія этихъ производителей и тѣмъ принесли имъ большую пользу. Такую же пользу и уже прямымъ, а не обходнымъ путемъ, принесла просвѣтительная дѣятельность нѣмецкой интеллигенціи: школы, народныя читальни и т. п. Вредныя для нѣмецкаго народа послѣдствія капиталистическаго развитія могли быть въ каждое данное время ослабляемы или устраиваемы лишь въ такой мѣрѣ, въ какой развивалось самосознаніе нѣмецкихъ производителей. Марксъ понималъ это лучше утопистовъ, и потому его дѣятельность оказалась болѣе полезной для нѣмецкаго народа.

То же несомнѣнно окажется и въ Россіи. Не далѣе какъ въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства», г. С. Н. Кривенко хлопочетъ, какъ говорятъ у насъ, объ организаціи русскаго производства. Ничего не устранить, никого не осчастливить г. Кривенко этими «хлопотами». Его хлопоты неуклюжи, неловки, безплодны, но если онѣ, не смотря на всѣ эти отрицательныя качества, разбудятъ самосознаніе хоть одного производителя, онѣ окажутся полезными, и тогда выйдетъ, что г. Кривенко жилъ на свѣтѣ не затѣмъ только, чтобы дѣлать логическія ошибки или невѣрно переводить отрывки изъ статей своихъ противниковъ, написанныхъ на чужомъ языкѣ. Бороться противъ вредныхъ послѣдствій нашего капитализма и у насъ можно будетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой будетъ развиваться самосознаніе производителя. А изъ этихъ нашихъ словъ господъ субъективисты могутъ видѣть, что мы вовсе не «грубые матеріалисты». Если мы «узки», то только въ одномъ смыслѣ: въ томъ, что ставимъ передъ собою прежде всего совершенно *идеалистическую задачу*.

А теперь, до свиданья, гг. наши противники. Мы заранѣе предвкушаемъ все то величайшее удовольствіе, которое доставятъ намъ ваши возраженія. Только присматривайте вы, господа, за г. Кривенко. Пишетъ онъ, пожалуй, и недурно, по крайней мѣрѣ съ чувствомъ, но «что къ чему», — это ему не дано!

что такое мѣніе основано въ лучшемъ случаѣ только на «Льюисѣ».

Но до какой степени «Льюисъ» плохо знакомитъ г. Михайловскаго съ ходомъ развитія философской мысли въ Германіи, показываетъ, кромѣ вышеуказаннаго, еще слѣдующее обстоятельство. Нашъ авторъ съ восторгомъ цитируетъ известное письмо Бѣлинскаго, въ которомъ тотъ раскланивается съ философскимъ козлакомъ Гегеля. Въ этомъ письмѣ Бѣлинскій говоритъ, между прочимъ: «судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судьбы всего міра и здравія китайскаго императора (т.-е. гегелевской *Allgemeinheit*)». По поводу этого письма г. Михайловскій дѣлаетъ много замѣчаній, но онъ не замѣчаетъ, что у Бѣлинскаго гегелевская *Allgemeinheit* припутана совершенно некстати. Г. Михайловскій думаетъ, повидимому, что гегелевская *Allgemeinheit* есть то же самое, что духъ или абсолютная идея, но *Allgemeinheit* не составляетъ у Гегеля даже главнаго отличительнаго признака абсолютной Идеи. *Allgemeinheit* занимаетъ у него не болѣе почетное мѣсто, чѣмъ, напр., *Besonderheit* или *Einzelheit*. А потому и непонятно, почему именно *Allgemeinheit* именуется китайскимъ императоромъ и заслуживаетъ, не въ примѣръ другимъ своимъ сестрамъ, предупредительно-васмѣшливаго поклона. Это можетъ показаться мелочью, недостойною вниманія въ настоящее время, но это не такъ: плохо понятая гегелевская *Allgemeinheit* до сихъ поръ мѣшаетъ, напр., г. Михайловскому понять исторію нѣмецкой философіи.—до такой степени мѣшаетъ, что даже и «Льюисъ» не выручаетъ его изъ бѣды.

По мнѣнію г. Михайловскаго, преклоненіе предъ *Allgemeinheit* приводило Гегеля къ полному отрицанію *правъ личности*. «Нѣтъ философской системы,—говоритъ онъ,—которая отвесилась бы къ личности съ такимъ уничтожающимъ презрѣніемъ и (такою?) холодной жестокостью, какъ система Гегеля» (стр. 55). Это вѣрно развѣ только по «Льюису». Почему Гегель считалъ исторію Востока первой, *низшей* ступенью въ развитіи человечества? Потому что на Востокѣ не развита была и до сихъ поръ не развита *личность*. Почему Гегель съ восторгомъ говорилъ о древней Греціи,

въ исторіи которой современный человѣкъ, наконецъ, «дома»? Потому что въ Греціи была развита личность («прекрасная личность», «schöne Individualität»). Почему Гегель съ такимъ восторгомъ говорилъ о Сократѣ? Почему онъ, едва-ли не первый изъ историковъ философіи, отдалъ справедливость даже *софистамъ*? Неужели потому, что пренебрегала личностью?

Г. Михайловскій слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ. Гегель не только не пренебрегала личностью, но создалъ цѣлый культъ *героевъ*, цѣликомъ унаслѣдованный впоследствии Бруно Бауэромъ. У Гегеля герои были орудіями всемірнаго духа, и въ этомъ смыслѣ они сами были *не свободны*. Бруно Бауэръ возсталъ противъ «духа» и тѣмъ освободилъ «героевъ». У него герои «критической мысли» являются настоящими демиургами исторіи въ *противоположность* «массѣ», которая хотя и раздражаетъ почти до слезъ героевъ своею непонятливостью и неповоротливостью, но кончаетъ все-таки тѣмъ, что идетъ по пути, проложенному героическимъ самосознаніемъ. Противоположеніе *героевъ* *массѣ* («толпѣ») перешло отъ Бруно Бауэра къ его русскимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, и мы имѣемъ теперь удовольствіе созерцать его въ статьяхъ г. Михайловскаго. Г. Михайловскій не помнитъ своего философскаго родства; это непохвально.

Итакъ, у насъ неожиданно получились элементы для новаго «синтеза». Гегелевскій культъ героевъ, находящихся въ услуженіи у всемірнаго духа—*тезисъ*; Бауэровскій культъ героевъ «критической мысли», руководимыхъ лишь своимъ «самосознаніемъ»—*антитезисъ*; наконецъ, теорія Маркса, примиряющая обѣ крайности, устраняющая всемірный духъ и объясняющая происхожденіе героическаго самосознанія развитіемъ среды,—*синтезисъ*.

Нашимъ, склоннымъ къ «синтезу» противникамъ, надо помнить, что теорія Маркса вовсе не была первой, *непосредственною* реакціей противъ Гегеля, что этой первой, поверхностной велѣдствіе своей односторонности, реакціей явились въ Германіи взгляды Фейербаха и *особенно Бруно Бауэра*, съ которыми нашимъ субъективистамъ давно уже пора родными счесться.

Не мало и еще несообразностей наговорилъ г. Михайловскій о Гегелѣ и о Маркесѣ въ своей статьѣ противъ г. П. Струве. Мѣсто не позволяетъ намъ перечислить ихъ здѣсь. Мы ограничимся тѣмъ, что предложимъ нашимъ читателямъ слѣдующую интересную задачу.

Данъ 1. Михайловскій; дано полное незнаніе имъ Гегеля; дано совершенное непониманіе имъ Маркса; дано его неудержимое стремленіе разсуждать о Гегелѣ, о Маркесѣ и объ ихъ взаимномъ отношеніи; спрашивается, сколько еще ошибокъ содѣлаетъ 1. Михайловскій, благодаря этому стремленію?

Но едва ли кому удастся рѣшить эту задачу: это уравненіе со многими неизвѣстными. Есть только одно средство замѣнить въ немъ опредѣленными величинами величины неизвѣстныя: именно, надо внимательно читать статьи г. Михайловскаго и замѣчать его ошибки. Дѣло это, правда, невеселое и нелегкое, ошибокъ будетъ очень много, если только г. Михайловскій не отдѣлается отъ своей дурной привычки разсуждать о философіи, не посоветовавшись предварительно съ людьми, болѣе его свѣдущими.

Мы не станемъ касаться здѣсь нападокъ г. Михайловскаго на г. П. Струве. Поскольку рѣчь идетъ объ этихъ нападкахъ, г. Михайловскій принадлежитъ отнынѣ автору «Критическихъ замѣтокъ къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», а мы не хотимъ посягать на чужую собственность. Впрочемъ, г. Струве, можетъ быть, извинитъ насъ, если мы позволимъ себѣ сдѣлать два маленькихъ «замѣчанія».

Г. Михайловскій обидѣлся тѣмъ, что г. П. Струве «замахнулся» на него вопросительнымъ знакомъ. До такой степени обидѣлся, что, не ограничившись указаніемъ неправильностей въ языкѣ г. Струве, выбранилъ его инородцемъ и даже вспомнилъ анекдотъ о двухъ нѣмцахъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ: «стригнулся», а другой поправилъ его, утверждая, что по русски надо говорить: «стригивался». По поводу чего же поднялъ г. Струве на г. Михайловскаго руку, вооруженную вопросительнымъ знакомъ? По поводу словъ: «Современный экономическій порядокъ въ Европѣ началъ складываться еще тогда, когда

наука, завѣдующая этимъ кругомъ явленій, не существовала» и т. д. Вопросительный знакъ сопровождается слово «завѣдующая». Г. Михайловскій говоритъ: «По нѣмецки это можетъ быть не хорошо (какъ зло: *по нѣмецки!*), но по-русски, увѣряю васъ, г. Струве, ни въ комъ вопроса не возбуждаетъ и вопросительнаго знака не требуетъ». Пишущій эти строки носитъ чисто русскую фамилію и обладаетъ столь же русскою душою, какъ и г. Михайловскій; самый ехидный критикъ не рѣшится обозвать его нѣмцемъ, и тѣмъ не менѣе, слово «завѣдующая» въ немъ возбуждаетъ вопросъ. Онъ спрашиваетъ себя: если можно сказать, что наука *завѣдуетъ* извѣстнымъ кругомъ явленій, то нельзя же послѣ этого произвести техническія искусства въ *начальники особыхъ частей*? Нельзя-ли сказать, напр.: пробирное искусство *командуетъ* сплавами? По нашему это неловко, это придадо бы искусствамъ *слишкомъ военный видъ*, совершенно такъ же, какъ слово: *завѣдующая* придаетъ наукѣ видъ *бюрократа*. Стало быть, неправъ г. Михайловскій. Г. П. Струве молча схватилъ вопросительный знакъ; неизвѣстно, какъ поправилъ бы онъ неудачное выраженіе г. Михайловскаго. Допустимъ, что онъ сталъ бы «стриговаться». Но что г. Михайловскій уже нѣсколько «*стригнулся*»—это, къ сожалѣнію, уже *совершившійся фактъ*. А кажется, совсѣмъ не инородецъ!

Г. Михайловскій въ своей статьѣ поднялъ смѣшной шумъ по поводу словъ г. Струве: «Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму». Г. Михайловскому хочется изобразить дѣло такъ, какъ будто бы эти слова означали: *отдадимъ же производителя въ жертву эксплуататору*. Г. П. Струве легко будетъ показать тщету усилий г. Михайловскаго, да ее, вѣроятно, и теперь видитъ всякій внимательно прочитавшій «Критическія замѣтки». Но г. Струве все-таки очень неосторожно выразился, чѣмъ, вѣроятно, ввелъ въ соблазнъ многихъ простяковъ и обрадовалъ нѣсколькихъ акробатовъ. *Впередъ наука*, скажемъ мы г. Струве, а гг. акробатамъ напомнимъ, какъ Бѣлинскій, уже подъ конецъ своей жизни, когда онъ уже давно раскланялся съ «*Allgemeinheit*», въ одномъ изъ своихъ писемъ высказывалъ ту мысль, что культурное бу-

дущее Россіи обезпечить *только буржуазія*. У Бѣлинскаго это была тоже очень неловкая фраза. Но чѣмъ была вызвана его неловкость? *Благороднымъ увлеченіемъ западника*. Такимъ же увлеченіемъ причинена, увѣрены мы, и неловкость г. Струве. Шумѣть по ея поводу позволительно только тому, кому нечего возражать, напр., на экономическіе доводы этого писателя.

Ополчился на г. П. Струве и г. Кривенко. У того своя обида. Онъ невѣрно перевелъ отрывокъ изъ одной нѣмецкой статьи г. П. Струве, а тотъ уличилъ его въ этомъ. Г. Кривенко оправдывается, старается показать, что переводъ почти совсѣмъ вѣренъ; но оправданія его неудачны, онъ всетаки остается виновнымъ въ искаженіи словъ своего противника. Но взять съ г. Кривенко нечего, въ виду несомнѣннаго его сходства съ нѣкою птицей, о которой сказано:

Райская птица Сирень,
Глазъ ея въ пѣніи зѣло силенъ,
Когда Господа воспѣваетъ,
Сама себя позабываетъ.

Когда г. Кривенко «учениковъ» пристыжаетъ, онъ самъ себя позабываетъ. Что же вы пристаете къ нему, г. Струве?

Струве и Кривенко
писатели
Иркутск. губ. съезд.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
24	1 снизу	случаѣ	случаѣ
37	17 сверху	тотъ	томъ
45	19 .	изъ	изъ
57	3 .	приложить	приложить
144	11 .	Rechts	Rechts